ГИЙОМ ДЕ ЛОРРИС
ЖАН ДЕ МЁН

Роман о Розе

Роман о Розе ГИЙОМ ДЕ ЛОРРИС ЖАН ДЕ МЁН

Annotation

"Роман о Розе" — один из выдающихся памятников мировой культуры. В нашей стране он до последнего времени был практически неизвестен. Первый перевод, сделанный ритмизованной прозой, вышел лишь в начале XXI века.

"Роман о Розе"можно отнести к числу самых загадочных и глубоких по содержанию произведений средневековой французской литературы. В основе романа лежит таинственное видение. Помимо глубинного метафизического смысла, роман содержит сумму знаний того времени в самых различных областях: философии, теологии, "искусстве любви" и т.д. Это дает повод называть роман "энциклопедией средневековья".

Предлагаемый читателям перевод романа соответствует художественной форме оригинала и воспроизводит его поэтический стиль и стихотворный размер.

Перевод содержит необходимые комментарии.

- Гийом де Лоррис
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
  - СПИСОК СООТВЕТСТВИЙ АЛЛЕГОРИЙ
  - СПИСОК ИСТОЧНИКОВ,
  - СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43

- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80

- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117

- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154

- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191

- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228

- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265

- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302

- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320

Гийом де Лоррис
Жан де Мён
Роман о Розе

Перевод и комментарии И.Б. СМИРНОВОЙ

НА ШМУЦТИТУЛАХ

В *ЧАСТИ 1* миниатюра XIII века, изображающая Гийома де Лорриса

В *ЧАСТИ 2* миниатюра XIV века, изображающая Жана Де Мёна

Остальные иллюстрации воспроизведены по переизданию *Жана Дюпре* Париж, 1493 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Роман о Розе" — один из крупнейших памятников мировой культуры. Это самое загадочное из всех выдающихся произведений средневековой французской литературы. По своей значимости "Роман о Розе", пожалуй, может быть поставлен рядом с "Божественной Комедией" Данте. Можно представить, чего лишилась бы русская культура, если бы из неё вдруг убрать всё, связанное с "Божественной Комедией". Между тем "Роман о Розе" в нашей стране до последнего времени был практически неизвестен широкому читателю, поскольку не издавался в переводе на русский язык. Вплоть до 2001 года с текстом "Романа о Розе" можно было познакомиться только по двум небольшим отрывкам, содержащимся в хрестоматиях, в переводе С.Пинуса и А.Сухотина. Предшествующий полный перевод был сделан Н.В.Забабуровой по подстрочнику Д.Н.Вальяно ритмизованной прозой и издан в Ростове-на-Дону крошечным тиражом 200 экземпляров. Потому можно с полным правом сказать, что русский читатель впервые получает полный стихотворный перевод знаменитого литературного произведения.

"Роман о Розе" принадлежит перу двух разных людей, живших и писавших в разное время. Поэтому до сих пор продолжаются споры о том, считать ли роман единым произведением и рассматривать его как целое, или лучше изучать его как два самостоятельных отдельных произведения, связанных лишь общим сюжетом.

Об авторах романа известно не так уж много. Начал роман Гийом де Лоррис, о жизни которого достоверных сведений нет. О жизни второго автора, каким является Жан де Мён, продолживший незаконченный труд первого поэта, мы знаем несколько больше. По косвенным источникам удалось с относительной точностью определить некоторые даты их жизни и творчества. Но и тут полное согласие достигнуто не везде.

Ссылки в романе на исторические события позволяют сказать, что Гийом де Лоррис остановился где-то между 1225 и 1240 годами, а Жан де Мён закончил писать между 1268 и 1285 годами. Интервал, как мы видим, достаточно велик, и в этих рамках часто указывают разные

даты. Например, Р. Луи (Louis R. Le Roman de la Rose (essai d'interprétation de l'allégorisme érotique). P., 1974) считает, что "Роман о Розе" начат между 1220 — 1223 гг., а Ф. Лекуа (Lecoy F. Le Roman de la Rose (Комментированное издание французской средневековой аллегорической поэмы "Роман о Розе"). P., 1965) считает временем начала промежуток с 1225 по 1230 гг. Время написания второй части Ф. Лекуа относит к 1269 — 1278 гг.

Примерные расчёты могут быть сделаны с помощью следующих указаний. Жан де Мён пишет, что Карл Анжуйский — “викарий всей Империи”. Из истории известно, что этот титул дал Карлу Анжуйскому папа Климент IV в 1268 г., а отнял его другой папа, Николай III, в 1278 г. Следовательно, между этими датами и должен был писать роман Жан де Мён. Кроме того, Жан де Мён в некоторых стихах говорит, что родился он после смерти Гийома де Лорриса и писал через сорок лет после него. Это позволяет сделать вывод, что смерть Гийома де Лорриса могла наступить примерно в 1228 г., а Жан де Мён родился между 1235 и 1240 гг. Предполагают, что Гийом де Лоррис умер совсем молодым, не достигнув и тридцатилетнего возраста. Год его рождения помещают между 1200 и 1205 гг. Известен год смерти Жана де Мёна, Это произошло в 1305 г. не позднее ноября.

Об образовании двух авторов можно сказать тоже немного. Оба знали латынь и были знакомы с классическими авторами. Жан де Мён, если судить по роману, знал книги древних гораздо больше. Гийом де Лоррис упоминает только имена Макробия, Сципиона, Александра, а из мифологических героев — Нарцисса и некоторых богов из “Метаморфоз” Овидия. Жан де Мён по своей эрудиции выглядит учёным мужем, возможно, он был даже магистром. Он свыше восьмидесяти раз приводит в пример классиков, в частности, четыре раза ссылается на Аристотеля и девять раз на Платона. В некоторых манускриптах он именуется магистром (maistre).

Если это так, то скорее всего, он был магистром искусств, а не теологии, потому что из святых, “отцов церкви” и христианских теологов он упоминает только апостолов Петра и Павла, Оригена и Боэция. Возможно, что Жан де Мён был студентом факультета искусств. В 1255 г. труды Аристотеля были внесены в обязательный список чтения на факультете искусств в Парижском университете, и основательное знание Аристотеля он вполне мог почерпнуть там. В

пользу факультета искусств может говорить и то, что он был хорошо знаком с Аристотелем, не изучив основательно теологию. Предполагают также, что Жан де Мён большую часть своей жизни жил в Париже, в доме, который находился в конце улицы Сен Жак. Дом не сохранился, но в этом месте установлена мемориальная надпись.

Кроме "Романа о Розе" Жан де Мён был автором и других произведений. В своем предисловии к переводу Боэция, он сам приводит список своих трудов, куда входят: 1) "Роман о Розе", 2) перевод "De re militari" Вегеция под названием "Рыцарское искусство" (L’art de chevalerie), 3) "Чудеса Ирландии", (Des merveilles d’Irlande), перевод De mirabilibus Hiberniae Г. де Барри (не сохранился), 4) перевод с латыни посланий Абеляра, 5) перевод De spirituali amiticia Альфреда де Рибо под названием "Альфред о духовной дружбе" (Aelred de espirituelle amitie), не сохранился. Ещё ему приписываются два сочинения: "Завещание" (Testament maistre Jehan de Meun) и "Приписка к завещанию" (Codicile maistre Jehan de Meun). В "Романе о Розе" (в издании Д.Пуарьона, по которому делался данный перевод) его часть составляет 17722 строки. Гийом де Лоррис обрывает роман на 4058-й строке.

Существовало немало различных манускриптов романа, которые долгое время не подвергались сравнительному изучению. И только в 1910 г. Э. Ланглуа — первый выдающийся специалист в изучении "Романа о Розе" — проделал этот труд. Он занёс в каталог 215 известных манускриптов и попытался классифицировать 116 наиболее сохранившихся и достоверных. Затем Ф. Лекуа добавил к ним ещё 32 рукописи и предположил, что существуют другие. Общее число списков, по его мнению, составляет как минимум 247. Для сравнения можно сказать, что от "Божественной Комедии" Данте сохранилось 600 рукописей. Но рядом с некоторыми другими произведениями "Роману о Розе" повезло гораздо больше. Так, например, от "Кентерберийских рассказов" Чосера сохранилось 84 манускрипта, от "Ланселота" Кретьена де Труа — 6, от романа "Сэр Гавэйн и Зелёный рыцарь" — 1. Все существующие манускрипты "Романа о Розе" являются копиями текста, который уже содержал две части. Таким образом, от первой части времени её написания, когда роман еще не продолжил Жан де Мён, копии не осталось.

Ранние печатные издания появились в конце XV века. За период с 1481 по 1538 г. вышло 21 издание романа. После этого интерес к нему падает, и до следующей публикации прошло два столетия (1735). Первое солидное издание осуществил в 1814 г. М. Меон. В дальнейшем появились две публикации "Романа о Розе" издателей Э. Ланглуа и Ф. Лекуа. Они стали наиболее авторитетными и ими пользовались большинство исследователей. Появились также переводы "Романа о Розе" на современный французский язык. Интерес к этому произведению средневековой французской литературы сейчас неуклонно растёт.

В основе "Романа о Розе" лежит видение, которое явилось Гийому де Лоррису во сне, и, по словам поэта, было вещим, то есть открыло ему скрытую таинственную реальность. Гийом де Лоррис делает даже единственную у него ссылку на авторитет и упоминает имя Макробия, который комментировал знаменитый сон Сципиона, вернее, трактат Цицерона под названием "Сновидение Сципиона". Такой необычный сон увидел и сам поэт.

Сны в литературе существуют с самых давних пор. Их можно найти у Гомера. Например, в "Илиаде" Зевс насылает Агамемнону ложный сон, что на следующий день будет взята Троя. Много сновидений содержит Библия. Особенно искусным толкователем снов был Иосиф. Вергилий, который потом для Данте станет проводником в мире потусторонних видений, тоже обращался к снам. Помимо изображения снов в поэзии, где они занимают хотя и очень важное, но относительно небольшое место по сравнению с действием “наяву”, складывался и сам жанр видений, где главными становятся сны или откровения. В таких произведениях уже всё действие происходит в рамках сна, его содержание играет решающую роль.

Развитие жанра видения происходило по двум направлениям. Во-первых, это религиозные откровения, где главным становится пророчество или предупреждение. Во-вторых, это описание сна (который видел автор или другой человек), напоминающее любознательное изучение, а не стремление делать пророчества. Такой сон обычно комментировался. В античности, наверное, наиболее интересным и подробным из таких произведений является "Видение Аридея" Плутарха.

Постепенно сны приобретали форму самостоятельных художественных произведении. В европейской литературе наиболее выдающимися видениями являются "Роман о Розе" и "Божественная Комедия". Среди описательных произведений, где главным становится содержание, а не художественные задачи, самыми значительными, кроме упомянутого описания Плутарха, можно считать "Видение Эра" у Платона, "Сновидение Сципиона", принадлежащее Цицерону, а также "О небесах, о мире духов и об аде" Сведенборга. Религиозные видения и откровения святых — это область, касаться которой мы здесь не будем.

Поставив с самого начала свое видение в ряд с космическим видением Сципиона, Гийом де Лоррис намекал знающему читателю на то, что его роман вовсе не на бытовые темы, что видение о Розе имеет анагогический смысл. Было бы совершенно бесполезно связывать видение Сципиона с какими-либо обычными житейскими событиями, которые должны будут произойти или уже происходят. Почтение, с которым поэт относится к более чем тысячелетней давности сну Сципиона, признавая его авторитетность и подкрепляя это авторитетом Макробия, заставляет сомневаться в том, что он упомянул об этом сне просто для вида. Все настроение романа Гийома де Лорриса показывает, что соединение в одно целое вещей ничтожных и возвышенных ему чуждо, он всегда их разделяет.

Макробий в комментарии к “Сну Сципиона” говорил, что те, кто использует басни для серьёзных целей, делают это “...потому, что они понимают, что открыто показывать себя противно Природе, которая, утаив её понимание от грубых чувств человека облачением в многообразные покровы, пожелала вручить свои секреты немногим, более проницательным, через сказочные повествования. В согласии с этим, её священные ритуалы облачены в мистические покровы, чтобы она могла не показывать себя даже посвящённым. Только выдающиеся люди, обладающие высоким разумом, достигают откровения её истин; другие должны быть подведены к почитанию её посредством тех образов, которые защищают её тайны от пошлого унижения”.

По мнению Макробия, настоящий философ, когда он начинает говорить о возвышенных предметах, о богах или о божественной мудрости, не может прямо использовать мифы и басни, а вместо этого полагается на сравнения и примеры, как Платон описал Бога косвенно,

сравнивая его с солнцем. Это косвенный способ указания на истину, где указатель — не сама истина, а как бы дорожный знак. Но он может показывать верное направление.

Гийом де Лоррис вполне следует Макробию и ничего не говорит прямо. Но сон, вероятно, касался тех высоких предметов, о которых прямо говорить нельзя, чтобы грубым прикосновением не разрушить тайну. Поэту повелел рассказать этот сон бог любви. Поэтому сон здесь — это не личное переживание самого поэта, а божественное послание.

Гийом де Лоррис предпочитает рассказывать свою историю в первом лице. Никакой роман до “Романа о Розе” не делал этого. У Жана де Мёна это “я” Поэта-Влюблённого остаётся, хотя Гийом де Лоррис уже умер. Но Жан де Мён, ученик Аристотеля, уже скептически относится к правде сна. Вторая часть романа становится меньше похожей на сновидение и приобретает более «реалистический» характер. Но так и должно было произойти, поскольку Жан де Мён описывал этот сон не как свой собственный опыт. В его продолжении не он сам видит сон, а Гийом де Лоррис. Жан де Мён как будто досматривает сон за другого. Поэтому при всём его старании воспроизвести ту атмосферу сна, в которой находился первый поэт, ему не удалось. Но Жан де Мён и не стремится к такой точности.

Он выступает скорее как комментатор сна, чем пытается оказаться в его центре, где находился первый поэт. Продолжения произведений других авторов в средневековье были нередки. Достаточно вспомнить незаконченный роман "Персеваль" Кретьена де Труа, на основе которого Вольфрам фон Эшенбах создал свой "Парцифаль". Но если Эшенбах переработал эту историю заново, то Жан де Мён просто продолжил с того места, где остановился его предшественник.

Принцип средневекового комментария состоял в том, чтобы развернуть все познания, относящиеся к данному предмету. Эту нить можно было разматывать сколько угодно долго. Главное направление интеллектуальной деятельности заключалось в составлении подробных комментариев, первоначально направленных на объяснение священных текстов. Жан де Мён следует этому принципу расширения, и у него получается скорее нечто вроде комментария и объяснения, чем простое продолжение в духе первой части. Повествование о событиях

и описание обстановки становится у него всё более редким. И наоборот, больше становится рассуждений. На смену лирическому рассказу приходит риторика. А в понятиях риторики narratio (повествование) служит лишь переходом к disputatio (диспуту).

О своём сне Гийом де Лоррис пишет, что он привиделся ему, когда поэту было двадцать лет. Но почему он решил рассказать об этом сне только через пять лет? Почему он не стал делать это сразу, под самым сильным впечатлением, когда все помнится наиболее ярко, а решил создать “скульптуру из остывшей лавы”? Ведь за пять лет можно все забыть. Все легче делать по горячим следам, подобно тому, как поступил герой повести Пушкина “Пиковая дама”, увидев свой необычный сон: “Германн ...засветил свечку и записал видение”.

Сон у поэта очень длинный, сложный, и за такой срок не забыть его трудно. Проще всего объяснить это тем, что в двадцать лет поэту было некогда, что он был влюблён и поэтому не помышлял писать роман. Но ведь именно в эту пору юности влюблённых поэтов сильнее всего тянет к романтическим стихам. Такое чудесное сновидение могло стать стихами для дамы и тогда, подобно тому, как трубадуры не ждали по нескольку лет, чтобы написать о своих чувствах. Поэтому такое объяснение выглядит слишком примитивным.

Но если мы попытаемся проникнуть глубже, то обнаружим любопытную закономерность. Её можно расценивать как один из доводов в пользу того, что Гийом де Лоррис действительно имел вещее видение. Дело в том, что авторы наиболее известных нам видений не могут рассказать их сразу. Можно вспомнить видение Данте.

В последней главе “Новой жизни” Данте в таинственных выражениях намекает на “удивительное видение”, после которого он принял решение не воспевать больше Беатриче до того дня, когда он будет в состоянии говорить о ней “достойным образом”. В чём состояло это видение, поэт не говорит. Но сказанное вполне отчетливо даёт понять, что “Божественная Комедия” есть результат личного опыта Данте. В основе “Божественной Комедии” — видение, передающее состояние души после смерти. Описывать видение, о котором поэт упомянул в «Новой жизни», он почему-то не торопится, считая, что для этого нужно долго учиться. После смерти Беатриче поэт занялся усиленным изучением теологии, астрологии, философии.

Должен был пройти немалый срок, прежде чем Данте захотел раскрыть смысл своих видений.

О такой же ситуации говорит в “Фаусте” Гёте. В самых первых строках вспоминаются какие-то видения:

Вы снова здесь, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно.
Вас удержу ль во власти вдохновенья,
Былым ли снам явиться вновь дано?

пер. Н. Холодковского

Эти слова указывают, что “Фауст” тоже в чём-то является видением и берёт начато из какого-то загадочного опыта, некогда открывшегося внутреннему зрению Гёте, которого не зря называли не только тайным советником по придворному чину, но и “тайным советником Природы”.

Этот опыт, по словам поэта, очень давний. Но лишь через много лет для Гёте пришло время его выразить, хотя, казалось бы, молодой задор должен был подтолкнуть его сделать это раньше. Он даже спрашивает себя, не остыл ли этот задор. В конце концов, временная перспектива изменяется, и он снова погружается в далёкие картины:

Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.

пер. Б. Пастернака

С похожим случаем ранее столкнулся и выдающийся мистик XVII века Якоб Бёме, к произведениям которого проявлял глубокий интерес Гёте. Бёме подошел к созерцанию небесных тайн. “Истинное небо, которое есть наше человеческое собственное небо, куда отходит душа, разлучаясь с телом,...до сей поры было весьма скрыто от сынов человеческих и о нём высказывались различные мнения. Ссорились из-за него и учёные в своих многих странных писаниях и таскали друг друга за волосы, осыпая насмешками и поношениями; и тем

бесчестили святое имя Божие и разоряли Храм его и оскверняли святое небо этими хулениями и враждою.

Всегда и всюду люди полагали, что небо отстоит от сей поверхности земли на много сот или тысяч миль и Бог обитает один на этом небе; и некоторые физики осмелились мерить эту высоту и сочинили диковинные вещи”.

Бёме пишет, что и сам прежде считал единственным настоящим небом то, которое образует над землей и звёздами окружность, и что Бог пребывает там один своим особым существом, управляя миром лишь силой Святого Духа. Такие представления привели его к глубокой печали. “А также взирал я и на малую искорку человека, какое могла бы она иметь значение пред Богом по сравнению с этим великим зданием неба и земли... и не могло меня утешить никакое Писание...”. Но, наконец, по словам Бёме, дух его воздвигся к Богу и пробился через врата адовы, Он говорит, что его ликование в духе было таково, что он не в силах это выразить и может сравнить лишь с воскресением из мёртвых. В этом чудесном свете дух его проник зрением все существующее и скоро в этом же свете выросла воля “в великом побуждении описать существо Божие”.

Но дальше он уточняет, что был не в состоянии тотчас же охватить всю божественную сущность и постигнуть её в своём разуме. Для этого должен был пройти немалый срок: “... прошло добрых 12 лет, пока было дано мне истинное разумение”. Бёме сравнивает постижение опыта, который дается в откровении, с молодым деревом, посаженным в землю. Оно приносит плоды не сразу и даже если цветёт, то поначалу цветы отмирают, и немало пройдёт над ним холодных ветров, морозов и снегов, прежде чем оно вырастет и даст плоды. “Так было и с этим духом: первый огонь был лишь семенем, а не пребывающим светом; немало холодных ветров пронеслось над ним с той поры, но воля никогда не угасала. Это дерево нередко также испытывало себя, не может ли оно принести плод и покрывалось цветами, но до сей поры цветы сбивались с дерева ветром: вот оно выращивает ныне свой первый плод”.

Вероятно, и Гийому де Лоррису нужен был немалый срок, чтобы проникнуть в смысл своего видения и суметь его выразить.

События в романе имеют космический охват. Местом действия по сути дела становится вселенная в её средневековом понимании и душа

человека. Действующими лицами — люди и боги. Над ними сам Вседержитель. Но при этом большее место в романе занимают не они сами, а мир других существ. Перед нами ожившие аллегории, а происходит здесь самая яркая в средневековой поэзии «психомахия» — душевная битва.

Слово «аллегория» означает иносказание, когда посредством одного хотят выразить совсем другое. Аллегорическое мышление в европейской культуре было развито давно. Еще поэмы Гомера толковали аллегорически. К аллегории обращались софисты. Например, софист Продик произносит речь о двух женщинах, явившихся Гераклу, которые имеют явное аллегорическое значение, подразумевающее два пути.

Но больше всего пытались аллегорически истолковывать Библию. После Оригена аллегорическое объяснение Ветхого Завета стало системой. Ориген начинал с аксиомы, что Писание имеет тройной смысл: буквальный, моральный и мистический. Глупо думать, учил Ориген, что Бог, как садовник, посадил растения в Эдеме. Рай нужно понимать как аллегорию будущей церкви. Библейское высказывание о том, что Бог дал людям кожаные одежды, следует воспринимать не в том смысле, что Бог содрал шкуры с животных, а затем, как портной, сшил из них одежды. Ориген утверждал, что кожаные одежды означают подверженность смерти, которая последовала за грехопадением. Большая роль в аллегорическом толковании Писания принадлежит Августину. Он развивал применительно к истолкованиям учение о том, что буква убивает и лишь дух животворит. Согласно Августину, Священное Писание представляет сплетение символов. В этих образах скрыты тайны веры. Если читать эти образы буквально, то можно уловить лишь поверхностный смысл. Но можно читать их глубоко, находя там человеческие соответствия, или, иначе говоря, аллегории, которые побуждают за образами искать тайный смысл. Это двойное значение легло в основу экзегезы, способа толкования священных текстов, теория которой стала развиваться с конца античной эпохи. Сам Августин, например, под сыновьями Авраама понимал аллегории Ветхого и Нового Завета, под пятью камнями Давида — пятикнижие Моисея, в образе Голиафа он видел демона. После Августина развитию аллегорического толкования во многом содействовал Григорий Великий — последний из «отцов церкви»,

который в знаменитом комментарии к книге Иова использовал тот же метод. В таких книгах, как “Энеида” Вергилия и “Фиваида” Стация, тоже любили находить олицетворенные абстракции страстей и пороков.

Но главный вклад в развитие средневековой аллегорической литературы внесли три других произведения на латинском языке.

Первым автором, послужившим образцом для средневековой аллегории, стал писатель V в. Пруденций. Его книга “Психомахия” создала основную аллегорическую форму борьбы между добром и злом. Битва стала одной из главных форм аллегорической литературы (другой можно считать путешествие или паломничество).

Вторым источником средневековой аллегории в литературе является Марциан Капелла. Этот римский писатель V века, вслед за известным энциклопедистом I века до н. э. Варроном продолжил классификацию науки и установил систему “семи свободных искусств”. В трактате “О браке Филологии и Меркурия” (“De nuptiis Philologiae et Mercurii”) Марциан Капелла рассказывает о том, как Меркурий сначала неудачно сватается к Софии и Психее, после чего Аполлон обращает его внимание на редкие качества Филологии, матери всех знаний. Меркурий вместе с Аполлоном обращается за благословением к Юпитеру. После долгого совещания во дворце Юпитера небожители принимают предложение Аполлона. Филология, узнав о решении её судьбы богами, все же не может избавиться от сомнений, и лишь обратившись к языку символических чисел, она становится уверенной в правильности этого решения. Следует подробнейшее аллегорическое описание этой свадьбы. Филология возносится на Млечный путь, где находится дворец Юпитера. Аполлон приводит ей семь служанок — семь «свободных искусств». Следующая часть трактата содержит энциклопедические сведения о науках. Автор описывает их внешность и одежды, они произносят торжественные речи. Эта книга пользовалась неизменным успехом много веков. Например, в XVI в. появилось девять изданий. В свое время подготовка одного из новых изданий была доверена Лейбницу, правда, тот, занятый другими проблемами, не выполнил этого поручения. В IX веке это произведение стало основным школьным текстом.

Третьим автором, в наибольшей мере повлиявшим на развитие средневековой аллегории, был Боэций (480—524 гг.). Из всех классиков его чаще всего переводили в средневековье. Его переводили в разные времена и король Альфред Великий, и Чосер, и королева Елизавета I. Перевёл его и Жан де Мён, который упоминает Боэция в “Романе о Розе”. Современный переводчик Боэция В. Уоттс, указывая на его значение для литературы средневековья, говорил, что “Божественную Комедию” Данте можно рассматривать как разработку “идей Боэция о подъёме души и её возвращении в свой настоящий дом”. Нередко XII в. называли “веком Овидия”, а также “веком Боэция”. В своём произведении “Утешение Философией”, популярность которого в средние века была огромной, Боэций создает один из самых значительных для этой эпохи аллегорических образов.

Кроме этих “трёх китов”, ставших классикой аллегорической литературы, существовали и другие знаменитые аллегории, которые по времени были ближе к “Роману о Розе”. Это в первую очередь “Жалоба Природы” (“De Planctu Naturae”), которую написал в XII веке Ален де Лилль (Alain de Lille), или, как его ещё называют, Алан Лилльский (Alanus de Insulis). Эту книгу, как становится ясно из романа, прекрасно знал Жан де Мён и во многом на неё опирался. Но самым знаменитым сочинением Алана Лилльского является аллегорическая поэма в гекзаметрах “Антиклавдиан” (её полное название “Антиклавдиан об Антируфине”).

Развиты были к XIII в. не только латинские аллегории. До “Романа о Розе” уже существовали многие аллегорические произведения на французском языке. Среди их авторов одним из наиболее известных является Рауль де Удан, написавший “Видение Ада” (“Songe d’Enfer”) и “Роман о крыльях” (“Le Roman des Ailes”). За несколько лет до Жана де Мёна поэт Рютбеф написал «Битву Пороков и Добродетелей» (“Bataille des Vices et des Vertus”). Современником “Романа о Розе” был Гюон де Мери, которому принадлежит “Крушение антихриста” (“Le Tournoiment de l’Antéchrist”). Ироническую окраску аллегорическим битвам придаёт Анри д’Андели, написавший “Битву вин” (“Bataille des vins”) и “Битву семи Искусств”. Бодуэн де Конде создал “Повесть о Пеликане” (“Le conte du Pélican”).

Аллегория, описывая реальность на конкретном уровне, стремится передать иные понятия. Поэтому она любит странную атмосферу, близкую к волшебной. Но этого мало, и самым верным ключом авторы могут сделать собственное заявление в прологе или в развитии повествований. Чтобы публика не читала без размышлений, авторы часто говорят о “скрытом” и “открытом” смысле. “Роман о Розе” дает это понять сразу.

Пытаясь подобрать ключ к “Роману о Розе”, некоторые находили в его первой части алхимический ребус. Иные склонялись к тому, что это числовой код. Прямые толкования осложняются тем, что нужно учитывать атмосферу сна. Птицы, животные, сад, танец, одежда, цветы, игра зеркал создают, с одной стороны, похожий на мираж фантастический мир, “зазеркалье”, но, с другой стороны, они могут быть вполне определёнными знаками условного языка и вместо миража внимательному читателю могут передать нужное сообщение.

Не будем в предисловии пытаться пересказывать содержание романа или заниматься его подробным истолкованием. Это увело бы слишком далеко. На это есть область специальных исследований. Лучше всего просто прочитать роман, оставаясь свободным от каких-либо навязываемых извне толкований. В дальнейшем каждый читатель, по мере своего интереса, может обращаться к различным комментариям и интерпретациям, которые, впрочем, будут часто оказываться очень разными. Ведь “материя” здесь очень туманная — таинственное видение, а область охвата — очень широкая. Как написал Гийом де Лоррис, "Que c’est li Romans de la Rose || Ou l’art d’Amors est toute enclose" ("Это Роман о Розе, где заключено всё Искусство Любви"). Уже одно это — огромная область для комментариев и истолкований. Но и этим стремлением представить "всё Искусство Любви" дело не исчерпывается. Роман, в конечном счёте, приобрёл гораздо более широкий размах.

Некоторые поэтические произведения начинают со временем называть “энциклопедиями” за широкий охват жизни и глубину её выражения. Мы помним, что пушкинского “Евгения Онегина” называли “энциклопедией русской жизни”. И.С. Тургенев назвал “Фауста” Гёте “энциклопедией немецкой жизни”. Нередко “Божественную Комедию” Данте называют “энциклопедией средневековья”. Великое произведение, конечно, не обязано быть

“энциклопедией”. Это не является абсолютным достоинством, поскольку хорошо известно, что такие эпитеты часто способны лишь отпугнуть читателей, обещая тяжеловесность и невыносимую скуку. Но такое название для “Романа о Розе” является вполне естественным и не в ущерб интересу, который этот роман вызывал, являясь в свое время любимейшим чтением самых разных сословий (в основном, конечно, знатного общества). Как и "Божественная Комедия”, “Роман о Розе” в наибольшей степени представляет такую “энциклопедию средневековья”. Роман является не только памятником поэзии, но и содержит целую сумму тогдашнего знания по многом областям жизни и науки, целый мир средневековой учёности.

В этом отношении роман опережает практически все другие выдающиеся произведения, созданные средневековой культурой. Он представляет собой довольно редкое в мировой литературе удачное сочетание учёности и поэзии. От излишней учёности всегда страдает поэзия, но “Роману о Розе” удалось удержаться на поэтической высоте и остаться литературной классикой, а не учёным трактатом. Если понадобилось бы выбрать произведение, которое отвечало бы следующим условиям: во-первых, оно должно принадлежать к числу первоклассных художественных образцов, во-вторых, давать максимальное представление о жизни и философии средневековья то, вероятно, одним из самых подходящих для этой цели был бы “Роман о Розе“. «Это книга, которую можно с полным правом назвать “роман века“.

Во Франции из романов XII—XIII веков на этот уровень могут быть поставлены только “Персеваль”, незаконченный роман Кретьена де Труа (его завершённые четыре романа являются блестящими образцами, но именно этот, последний, стал наиболее важным по значению и положил начало наиболее глубокой традиции, воспринятой от этого автора), и “Тристан и Изольда” нескольких средневековых авторов. За мировую известность достоин быть упомянут еще “Роман о Лисе”, хотя он принадлежит иной, комической традиции. Многие другие произведения можно считать выдающимися, например, “Иосиф Аримафейский”, “Флуар и Бланшефлёр”, “Роман Фиалки”, но сказать, что это книги века, уверенности не хватает.

“Роман о Розе” стал первой большой книгой, рождение которой увидел Париж. До этого большинство выдающихся романов

создавались в замках баронов, где поэты были гостями или состояли на службе. С появлением “Романа о Розе” решающий шаг сделала литература города.

Итак, в “Романе о Розе” мы имеем, дело с одним из крупнейших памятников литературы, “в которых отразился век”, если воспользоваться словами А.С. Пушкина, и хотя век так или иначе отражается в каждом произведении, “Роман о Розе” относится к числу самых главных нервов культуры XIII столетия.

А.П. Голубев

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод "Романа о Розе" выполнен по изданию, подготовленному профессором Сорбонны Даниэлем Пуарьоном (Le *Roman de la Rose.* Paris, Daniel Poirion, Garnier-Flammarion 1974). При переводе поэтического произведения на русский язык стихотворным размером оригинала переводчик неизбежно сталкивается с обычной в таких случаях проблемой: русская строка, соответствующая французской по количеству слогов, гораздо менее информативна. Текст поэтического перевода по количеству строк, как это и положено, соответствует оригиналу. Однако, стремясь в максимальной степени передать не только форму, но и содержание произведения, автор перевода в некоторых случаях намеренно выходит за пределы отмеренного количества строк, что позволяет в этих случаях сохранить какие-либо важные детали или интересную для читателей средневекового романа информацию. Такие отрезки перевода включены в текст в квадратных скобках без нумерации.

Что касается "интерполяций", т.е. более поздних включений в роман неизвестными авторами, которые считают за таковые современные учёные, в переводе они отмечены в комментариях.

Аллегорические персонажи романа предстают перед читателем в мужском или женском облике. При этом следует учитывать, что род французских имён существительных часто не совпадает с родом соответствующих русских имён существительных. Автор перевода стремился показать персонажей романа в том виде, в каком они представлены в оригинале, отсюда несовпадение в некоторых случаях пола персонажа и его имени на русском языке (дама Разум, девица Страх, страж Опасность и т.д.).

В данном переводе т.н. "мужские" рифмы (с конечным ударным слогом) чередуются с т.н. "женскими" (с конечным безударным слогом), что отражает орфографию французских слов, содержащих, или не содержащих, конечную букву "e", которая иногда, особенно на конце стихотворной строки, может произноситься как дополнительный безударный слог. Т.к. появление "e" в конце французских строк оригинального текста — непериодично, то и в данном переводе

"женская" рифма не всегда периодично чередуется с "мужской", с преобладанием "мужских" строк. Такая форма произведения представляется наиболее близкой по звучанию к оригиналу.

Часть первая
ГИЙОМ ДЕ ЛОРРИС

Посвящаю перевод Анатолию Павловичу Голубеву, автору первой в России монографии о “Романе о Розе”

Привыкли сон считать обманом.
Покрытым сказочным туманом;
Однако можно видеть сны,
Где знаки тайные даны —
Грядущей жизни откровенья.
Макробий[1] в том не знал сомненья.
Он толковал подробно сон,
Который видел Сципион[2].
А кто считает сны за басни,
Не уважать меня те властны,
Но открывается и мне,

Что тайны видим мы во сне,
А не химеры лишь пустые
И не случайности простые.
Пусть прослыву я дураком,
Но вещий сон и мне знаком.
И мне мой опыт говорит,
Что сон предвестия таит
Событий радостных иль горя,
Что мы встречаем в жизни вскоре.
Мне шёл тогда двадцатый год:
Амур в ту пору дань берёт
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, —
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтёте,
Любви искусство всё найдёте.
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, —
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она

Любовью быть окружена!
Итак, молю я нынче Небо,
Чтоб Ею он отвергнут не был.
Лет пять иль шесть назад, во сне
Я видел май: а по весне,
Когда пришла пора влюбляться,
Все божьи твари веселятся,
И голых нет уже кустов,
Чтоб не было на них листов
Зазеленевших, — снова рад
Бывает всяк надеть наряд.
Леса, застывшие зимой,
Вновь облачаются листвой;
Земля, забыв свой бедный вид,
Росою утренней блестит
И новым платием гордится,
Что тысячью цветов искрится.
Пестреют травы и цветы
Необычайной красоты;
А птицы, что молчат всегда,
Когда приходят холода,
Воспряли после зимней стужи,
И в майском небе хор их дружен:
Все славят Бога с вышины,
Сердечной радости полны.
Выводит трели соловей:
Он в птичьем хоре всех слышней,
Поёт диковинная птица,
И жаворонок вновь резвится;
А юным — о любви опять
Пора приходит размышлять.
И сердце у того жестоко,
Кто не почувствует притока
Любви, когда раздастся вдруг
Напевов птичьих нежный звук.
Итак, во сне мне показалось,

Что всё любовью волновалось
В тот восхитительный сезон.
На этом не прервался сон.
Я вижу: наступил рассвет,
И солнцем утренним согрет,
В постели я своей проснулся
И встал тотчас. Потом обулся
И, вымыв руки, из чехла,
Где серебристая игла
Хранилась, я её извлёк
И ловко вставил тонкий шёлк.
Позвольте объяснить, в чём дело:
Причуда мною овладела —
Сейчас же за город пойти,
Чтоб птиц послушать по пути.
Я рукава мои подшил
И прочь из дома поспешил,
Чтоб насладиться пеньем птах
В лугах цветущих и садах.
И вот, душою всей ликуя
К реке во сне моём иду я,
Заслышав шум невдалеке:
Потоком хладным в той реке
Бежит стремительно вода
С холма соседнего. Чиста
Она, как будто из колодца;
Не в столь глубоком русле льётся,
Как Сена, но зато широк
Её сверкающий поток.
Я очень долго любовался
Тем милым видом, умывался
Водой прозрачной, а под ней
Я видел множество камней.
Красивы были берега —
На них раскинулись луга.
То утро свежестью дышало

И день прекрасный обещало.
Я по траве пошёл густой
Вдоль линии береговой.
И так вперед я продвигался,
Пока вдали не показался
Какой-то сад, что за стеной
Стоял высокой и резной.
На ней — портреты лишь одни,
Внизу подписаны они.
Вокруг фигур изображенья —
Стены той были украшенья.
По памяти я передам,
Что на картинах видел там.
Увидел я посередине
Слепую Злобу на картине.
Она сварлива и гневна,
С противной Кляузой дружна.
Одна корысть в ней обитает —
Злой в сердце пламень разжигает.
Добыча бешеных страстей,
Она страшней самих чертей!
Убого как она одета,

И как лицо противно это:
В своей угрюмости оно
Морщинами искажено,
А нос короткий резко вздёрнут,
И лоб повязкою обернут.
А рядом в левой стороне
Портрет такой же на стене,
Ну, а под ним, как под другими,
Стояло персонажа имя:
Он Вероломству посвящён.
А по соседству помещён
Другой портрет: он устрашал
И схожим видом поражал.
Фигура Низости на нём
И ошибиться трудно в том:
Так глуп её бесстыдный взгляд.
Злословит обо всех подряд!
И так портрет искусен был,
Что Низость точно отразил.
И страсти той портрет был тут,

Кого Стяжательством зовут,
Её ничто не успокоит,
Пока чужого не присвоит.
Ничто не интересно ей,

Как только обмануть людей!
Так сила эта велика,
Что вырастит ростовщика
Иль человека вором быть
Заставит, чтобы погубить.
И уготовит ворам сеть,
Чтоб после в петле им висеть
За то, что ближних разоряют —
У них все средства отнимают.
Уча, как сотворить подлог,
Даёт всем жуликам урок;
И множится число плутов
И тех искусных шутников,
Кто ловко жалобу составит,
В неё поверить суд заставит,

И у наследников прямых
Отнимет всё наследство их!
Вот с крючковатыми руками
Стоит Стяжательство пред нами:
У всех такие, говорят,
Кто в жульничестве виноват.
Кто и других толкает даже
На омерзительные кражи

И не приложит там души,
Где воровством не погрешит.
Ещё один был персонаж,
Похожий на дурной мираж:
Фигура здесь помещена,
Что Скупости посвящена.
Она была худой и грязной,
Зелёною и безобразной!
Её тщедушный бледный вид
О нездоровьи говорит:
Иль ела Скупость очень мало,

Иль от апатии увяла.
Я думал, что она мертва
Иль только случаем жива:
Быть может, только хлебом кислым;
И кожа вся на ней обвисла.
Скупа старуха — оттого
И не имела ничего:
Лишь платье старое на ней,
Какого не сыскать страшней,
И всё в лохмотьях, словно в драке
Его отняли у собаки!
А рядом с этой госпожой
Пальто на жерди[3] небольшой,
И платье бурое висит.
Весь гардероб немодно сшит:
Пальто, как видно, не из белки
И без какой-либо отделки.
Внутри — овчины чёрный мех,
Но сколько ж на пальто прорех!
И мешковато, и мохнато...
И платье — тоже старовато:
Лет двадцать куплено назад,
Но и его тут не спешат
Надеть. — Ведь Скупость пожалеет
Его носить, и не сумеет
Потратить деньги для того,
Чтоб после заменить его.
А кошелёк зажав в руке,
Так жадно прячет в кулаке
И так она его связала,
Что невозможно вынуть стало
Монетки даже: Скупость та
Деньгами только занята —
Ничто не купит, не продаст,
И никогда их не отдаст.

А дальше Зависти портрет:

От жизни радости ей нет,
И не смеётся никогда,
Пока к вам не придёт беда.
Когда честнейший терпит крах,
Тогда она себя в правах
Считает полных веселиться —
Его несчастьем насладиться.
Особенно же велика
Та радость, если видит, как
Семью немилостью пугают,
Бесчестьем всюду покрывают.
И если кто-нибудь в чести,
Что смог за храбрость обрести,
Иль уважаем потому,
Что равных нет его уму, —
Он будет, как это ни странно,
Её лишь ранить непрестанно;
Имеет столь жестокий нрав,

Что, ближних ни за грош продав,
Уж ненавидит всех вокруг,
Будь то хоть родственник, хоть друг!
Но заплатить за то, что всласть
Чужою кровью напилась,
Должна сполна. Она страдает,
Что кто-то благо совершает;
Терпеть не может и отца,
Но мучается без конца
И полна злобного кипенья,
Желая Господу отмщенья.
Людей готова всех хулить
И самых лучших очернить,
И если только бы смогла,
Она того бы избрала,
На ком греха не отыскать,
Кого нельзя ей упрекать
И в самом мизерном пороке —
Не будет правды в том упрёке —
Того, кто всех людей честней,
Хотелось бы унизить ей. —
Его б заслуги умаляла,
Своё в него вонзая жало!
Я на картине увидал,
Что взгляд её мне передал:
На Вас глядит исподтишка
Она лишь краешком зрачка.
Двумя не смотрит Зависть разом,
А лишь одним шпионит глазом:
Приоткрывает глаз на треть,
Чтоб искоса на всех смотреть.
Когда людей красивых видит, —
За красоту их ненавидит
Как ненавидит и всех тех,
Кому сопутствует успех.
Любовь и уваженье видя,

Всегда останется в обиде.
От Зависти недалеко
Печаль страдала глубоко,
Поддавшись тяжкому недугу,
Превосходя свою подругу
Скупую сильной худобой
И мертвенною белизной

Лица. — А в чём того причины? —
Тревоги только, да кручины
Несли отраду в душу ей.
Средь бела дня и средь ночей
Не раз тоска её брала
И так бедняжку извела,
Что нет совсем на ней лица —
Измучилась уж до конца!
И где вы существо живое,
Что на страдание такое
Способно, сможете найти?

Я думаю, на всем пути
Не попадётся вам и тот,
Кто развлечение найдёт
Для дамы этой: вероятно,
Себя помучить ей занятно,
И не захочет быть она
От боли долгой спасена:
В скорбях душа её лежит,
А сердце — скорбью дорожит.
Лицо угасло без надежды,
С отчаяньем свои одежды
Она давно разорвала
И даже кос не сберегла,
Что про плечам лежали ладно, —
Повыдергала их нещадно!
Мы приведём еще черту,
Что дорисует даму ту.
По виду догадайтесь сами,
Какими горькими слезами
Она поплакать бы не прочь.
Рыданий тут сдержать не в мочь
Выносливому человеку,
Кто видит бедную калеку!
Мечтая жизнь свою сгубить,
Она нарочно будет бить
Себя настолько увлечённо,
Чтоб быть ей вечно огорчённой,
Тщедушной, бедной и больной,
И не до смеха ей одной...
В душе её тесно от бед —
Для радости там места нет.
За нею следовала Старость, —
Ей хромота в удел досталась.
Совсем зачахла: чуть жива,
Да и кормилась-то едва;
На свете жить давно устала,

И голова седою стала,
Как белый полевой цветок.
Никто бы, кажется, не смог
Ни жалости и ни убытка
Почувствовать, когда бы пытка
Старухи этой прервалась:
То высохшая ипостась
Когда-то молодого тела
Фигурой адскою глядела.
Румянец щёк её угас,
Поблек оттенок яркий глаз,
Закостенели оба уха,
И вот беззубая старуха
Уж не пускалась больше в путь,
Чтоб смерти ей не помянуть.
(Ей вряд ли удалось бы разом
Преодолеть и три туазы[4]!)
Состарить время всех спешит,
Неумолимо суд вершит,
И никогда не отдыхает,
А только шагу прибавляет
И убегает в никуда.
Куда тайком бегут года?
Нас кажущейся остановкой
Они обманут очень ловко.
Лишь мысль появится на свет, —
Её уж в настоящем нет.
Уходит время без оглядки
Как будто бы играет в прятки,
И ни единой капли вспять
Нельзя нам обратить опять,
Как не вернуть ручья в исток.
И, как стремительный поток,
Всё на пути своем сметая,
Несётся время, разрушая
Железо крепкое само —

Не остановится оно!
Оно готово поглотить
Все, что живёт, и изменить
Обличье всей растущей твари,
Питает все, и после — старит:
Отцов состарило, друзей,
Правителей и королей,
И нас состарит непременно, —
Всё в преходящем мире тленно.
Обезоружило оно
Старуху. Тоже суждено
Ей стать беспомощной: шутя
Как будто в малое дитя
Она теперь превращена —
Рассудка даже лишена.
Покуда юною была,
Такой понятливой слыла!
Но остроумием ничуть
Былым ей нынче не блеснуть.
Вот внешности её детали,
Что точно облик воссоздали:
До пят старуха для тепла
В меха завернута была.
Давно доподлинно известно,
Что все старухи, повсеместно
Боятся сильных сквозняков, —
Ведь организм у них таков.
В портрете по соседству верно
Признал я Ханжество мгновенно:
С двойной душой тот персонаж.
И если спать приляжет страж,
То навредить не преминет —
Делишко злое провернёт.
Благочестивой недотрогой,
Ведущей образ жизни строгий,
Она, конечно, прослыла

И с виду искренней была,
В поступках — будто бы святой. —
Ну, а в душе гнездились той
Одни лишь помыслы о худе,
С которым долго ждать не будет.
И как портрет её хорош,
Насколько образ с правдой схож!
Одежда говорит: скромна,
Издалека пришла она
И никогда не веселится.
На ней надета власяница,
В руках у ней молитвослов,
Она лиет потоки слов:
Молитвы день и ночь читает,
Святых как будто призывает.
Изможднена она постом
И мертвенно бледна притом.
Её страданье так искусно,
Но сердце — зло её и гнусно:
Почёт мирской необходим,
А в рай дороги нет таким.
И, как Писанье утверждает, —
Свою награду получают
Ханжи. Но в Царство Божье вход
У них тщеславие крадёт.
И завершался Нищетой
Портретов тех унылый строй:
Нет денег, тела не прикрыть, —
Смогла в котомке сохранить
Лишь только ветхие халаты,
И то на них — одни заплаты!
Так и живёт она нагой,
Как червь презренный под ногой.
А непогода как придёт,
Так Нищете дрожать черёд. —
Ни с чем ей выпало остаться,

Своей кончины дожидаться.
И всех людей боялась та
Страдающая Нищета:
Не любит бедноты народ
И презирает этот род.
Пусть будет проклято мгновенье
На свет бродяги появленья! —
Ведь рок над ним уже висит:
Он никогда не будет сыт,
Не будет хорошо одет
Или любовию согрет.
Я долго с места не сходил
И глаз с портретов не сводил,
Рассматривал их стройный ряд, —
Как в рамках золотых блестят
Они на фоне голубом,
А их порядок вам знаком.
Стена оградою служила:
Она пределы положила,
Прохожий чтобы не попал
Случайно в сад, где трепетал
От радости весь птичий хор;
Хотя такой в саду простор,
Что дал приют он многим птицам —
В три раза больше, чем селится
По королевству[5]: за стеной
Не тесно было ни одной.
Как гармонично голоса
Звучали в этих небесах!
И лучших мне не доводилось
Услышать, сколько б ни водилось
В лесах французских певчих птиц,
Как жалобно бы ни лились
Напевы!...
Лишь одна мечта
В моей душе была тогда:

Как благодарно было б сердце
Тому, кто мне откроет дверцу,
Кому доступен тайный ход,
Кто чудом в сад меня введёт.
И хором птичьим очарован
Настолько я, что уготован
Когда мне был бы вход в тот рай —
Покинуть сад не заставляй
Меня и за сокровищ горы, —
Милей мне птичьи разговоры.
Итак, попал я в звуков плен,
И озадачен я у стен:
Какую хитрость мне найти,
Чтоб в сад проникнув, обрести
Его блаженство? Но к несчастью
Напрасно в сад мечтал попасть я:
Нет ни лазейки, ни норы,
Ни самой крохотной дыры,
Не видно ни единой щели,
Где б люди проскользнуть сумели.
И вот в растерянности я,
В смятении душа моя:
Ведь сада мне не увидать;
И я в уме перебирать
Возможности все принялся,
У Неба помощи прося.
Никак я не хотел поверить,
Что нету ни единой двери
В его владения, и вот,
Почти уж завершив обход,
Я вдруг заметил очертанья
В стене какой-то дверцы тайной.
Так крошечна и так узка, —
Но как заманчиво близка!
Хоть и закрыта на замок
Она была, — другой не смог

Я отыскать в глухой стене.
Стучать лишь оставалось мне. —
И дверь в конце концов открылась,
А в ней девица появилась:
Так благородна и юна,
И миловидна, и нежна;
На ней корона с позолотой
Была искуснейшей работы;
Сияет золото волос,
И шапочка на них из роз[6].
Высокий лоб её открыт,
И кожа нежная блестит
Так дивно; изогнулась бровь
Красивой линией; цветов
Как будто аромат повеял —
Её дыханье; розовее
Ни губ, ни щёк вам не видать, —
Волшебница — ни дать ни взять!
И так чудесен без прикрас
Разрез её небесных глаз,
И ямочкою подбородок
Её отмечен; в меру тонок
И строен женский силуэт, —
Пропорций лучших в мире нет!
Длинна и грациозна шея, —
Казалось, нет её нежнее,
Безукоризненно бела.
И видел я — в руке была
У ней привычная вещица:
Чтоб на ходу прихорошиться,
Держала зеркальце она.
Причёска гребнем убрана
С весьма богатым украшеньем;
Изящны рукавов суженья, —
И весь наряд её таков,
Что образец он образцов!

И чтобы руки были белы
И гладки, а не загорелы, —
Перчаток пара служит ей,
Что снега самого белей.
А котты[7] гентское сукно
С тесьмой по краю — зелено.
И по её казалось платью,
Что без особого занятья
Она свои проводит дни, —
Знакомы игры ей одни.
Со вкусом выберет наряд,
И по утру выходит в сад;
И, наслаждаясь цветом мая,
Живёт, совсем труда не зная!
Итак, она передо мной —
Прекрасный образ неземной.
Та дева дверцу отворила
И милосердно говорила
Со мною. Поблагодарив
Её за милость и спросив,
Как имя ей, пренебреженья
Я не увидел даже тени
В лице: её ответ был прост,
И не смутил её вопрос.
“Меня назвали Беззаботность:
К забавам я имею склонность.
Свободна от забот весь день,
Но мной не управляет лень.
Трудом досуг не занимаю,
Лишь косы утром заплетаю.
И господином я горжусь,
В чьём подчиненьи нахожусь.
Владелец этих насаждений,
Что нам приносят наслажденье
И от далёких сарацин
Привезены, — мой господин.

Он сам ухаживал за ними,
Когда же выросли большими
Деревья, — сказочный тот сад
Ограды каменной квадрат
Замкнул. И там по всей длине
На зубчатой глухой стене
Фигуры видеть вы могли,
Когда поближе подошли
Вы к восхитительному саду.
Случается, в его прохладу
Приходит время провести,
Чтоб в играх счастие найти,
В ликующем сопровожденьи —
Мой господин Отдохновенье.
Да и сейчас он, как всегда,
Быть может, слушает дрозда
Иль пенье прочих птиц. Резвится
Со свитой он. И веселится
В саду чудесном весь народ,
И вряд ли кто-нибудь найдёт —
То господину слышать лестно —
Места красивей. Неизвестно
О лучшем саде никому,
И господину моему.”
Когда окончен был рассказ,
Я обратился к ней: “У Вас
Так всё приветливо вокруг,
И если здесь Ваш славный друг
Отдохновение в компаньи,
Блистательных особ собраньи, —
То сомневаться нет причин,
Что не откажет господин
И мне его увидеть свиту,
Её чтоб восхититься виду,
Когда в ней каждый столь красив,
Столь элегантен, и учтив...”

И слов я больше не нашёл,
Но молча в дверцу ту вошёл.
И вот вступил я в сад цветущий,
Самой хозяйкою допущен.
И за высокою стеной
Я вдруг увидел рай земной.
Как наше б ни было богато
Воображенье, — бедновато
Оно нам нарисует рай,
Как ты его ни представляй! —
Был всюду слышен птичий щебет,
Что приводил всю душу в трепет:
Там горлицы и соловьи
Беседы звонкие вели,
А из тенистой кроны бойко
Им вторили скворец и сойка;
И целой стайкой королькн
Кружили; ласточки легки,
Как будто пух. И тут и там
Вплетали крики в птичий гам
Щеглы и малые синицы,
А с ними — и другие птицы.
Средь них и жаворонки есть,
Да только всех не перечесть.
Там белобровик, певчий дрозд,
(Его мотив совсем не прост),
В своем стараньи — точно знает —
Заглушит даже попугая
И всех, кто в рощице живёт. —
Вот как певец усерден тот!
Их служба благозвучна здесь,
Как будто ангельская песнь.
Те звуки не знакомы слуху, —
Ни одному земному уху.
Сравню, пожалуй, их с одной
Сладкоголосою морской

Сиреной. Ими поглощённый,
Я ликовал, и увлечённый
Концертом славным, — всё забыл
И несказанно счастлив был.
За столь бесценную услугу
Благодарю мою подругу,
Что так добра ко мне была
И в кущи райские ввела.
В стихах её превозношу,
Что было после — расскажу.
Позвольте описать вначале,
Какие роли там играли
Тот, кто владельцем сада был,
И кто с ним хоровод водил.
[А после опишу сам сад —
Животных полный вертоград.]
Справляя службу куртуазно,
Поёт там нежно и согласно
Волшебных птиц большой отряд,
Там лэ[8] любовные звучат.
Одни поют на низких нотах,
Другие, будто отработав,
Берут высокие тона.
Как будто мощная волна,
Мне сердце песни освежили
И от хлопот земных омыли.
Послушав несколько минут,
Я поспешил искать приют
Отдохновенья. Поглядели б
И вы со мной, на самом деле
Что из себя он представлял.
Свернуть направо заставлял
Меня прекрасный аромат
Укропа с мятой. В чудный сад
Я углублялся в нетерпеньи,
Вдали услышав хора пенье.

И в дальней роще увидал
Я, наконец, кого искал.
Как ослепительны казались
Те существа, что повстречались:
И благороден, и пригож
Их лик — на ангельский похож.
Тот, взявшись за руки, народ
Составил дружный хоровод,
А Радость их была солисткой.
Какой прекрасною артисткой
Певица эта прослыла,
Как чудно хор она вела!
Никто другой бы так умело
Припев не вставил: Радость пела
Настолько чисто и легко,
Что торжествующий покой
С тем пением вливался в сердце.
То с хором в унисон, то в терцьи
С мелодией звучал тот глас, —
Так плавно музыка лилась!
И Радость, будто невесома,
И грации полна особой,
Кружилась быстро в танце том,
И круг был ею весь влеком.
Фигуры в нём изображала
И ритм ногою отбивала, —
Притопом лёгким башмачков.
Порядок был у них таков:
Обычно открывала пенье,
Держала хор в повиновеньи
Солистка Радость: ведь она
Для песни будто рождена.
Вы хоровода бы круженье
Со мною видели, движенья,
Что совершал любой танцор
Непринуждённо! — Им простор

Для реверансов и шагов

Предоставлял травы покров.
Вы видели бы музыкантов:
Флейтистов, прочих оркестрантов!
Жонглёр[9] был там и менестрель[10],
Что голосом выводит трель:
По-лотарингски[11] музыкален,
И песен строй тех уникален.
Звенели колокольцы там
В подвижных пальцах милых дам:
Они подбрасывали их,
Ни разу вниз не уронив:
Так ловко в воздухе поймают,
На палец быстро надевают;
Другие — весело поют,
И не считают здесь минут.
Была задача господина —
Следить за круга серединой

И выдвигать попарно дам. —
Он ими любовался сам:
У них причёска завитая,
Сидит одежда, как влитая,
Случайного наряда нет, —
Подобран и покрой, и цвет.
Как грациозно танцевали:
То расходились, то встречали
Друг друга, радостно стремясь
Соприкоснуться. И кружась,
В момент взаимного лобзанья
И губ приветного касанья
Спешат друг друга оттолкнуть
Чтоб им обратно повернуть.
Скажу вам честно: эта юность
Так резва! Ну, а мне бы трудность
Немалую составил трюк:
Каких бы стоил только мук!
Так, я следил за хороводом,
За каждым быстрым поворотом,
И взглядом повстречался я,
[12]С одною дамою, моля
О милости. Сказать могу,
Что Куртуазностью[13] зовут
Ту даму: как она добра,
И расторопна, и бодра!
Господь её оберегает,
И грубости она не знает.
Любезно[14] позвала меня,
Спросила: “Чем полезна я
Могу быть? Ваш настал черёд
Вступить в наш общий хоровод”.
А я нисколько не смутился
И к танцу присоединился.
Когда я просто наблюдал, —

То вовсе и не замышлял
Противиться. Но не хватило
Мне смелости. Как это мило,
Что доброй дамой приглашён,
Теперь я всеми окружён
И рассмотреть могу свободно
Кружащихся — кого угодно:
Наряды, выправку, лицо
Танцоров тех со всех концов!
Я каждого представлю вам.
Отдохновенье — строен, прям,
Высок, — собой прекрасен, словом.
Самой природой избалован,
В компаньи он всегда блистал
И взгляд невольно привлекал:
Его фигура без изъяна,
Лицо кругло его, румяно,
В его сияющих глазах,
Голубизна, что в небесах.
Так рот и нос его красивы,
Как будто списаны с картины,
А волосы лежат волной,
У них оттенок золотой.
В плечах широк, но гибок пояс,
И с ним, как с рыцарем, знакомясь,
Сказали б вы о нём — герой! —
Так статен он, хорош собой.
Законодатель он манер
И настоящий кавалер!
В богатом ходит он наряде,
И на его парчовом платье —
Фигуры птиц. А на ногах
Он носит туфли на шнурках.
Его прелестная подруга
Сплела между собою туго
Цветов прекрасных стебельки,

И розы, будто огоньки,
На голове его сияли
И господина украшали.
И кто же так его любил
И был Отдохновенью мил?
Певица Радость с ним в компаньи,
Исполнена очарованья.
Задорна, любит поиграть
И песни громко распевать.
И с детства самого она
В Отдохновенье влюблена:
И в хороводе с ним бывает,
И всем другим предпочитает.
Весёлым танцем увлечён,
Ей крепко руку держит он.
По красоте и обаянью
Вполне подходят те созданья!
И словно розовый бутон —
Её лица румяный тон,
А кожа нежная тонка,
И кажется, шипом цветка
Её возможно повредить!
Бровей её тончайших нить —
Дугой. И прежде взгляд смеётся,
Чем смех веселый раздаётся.
Нос вылеплен рукой богов,
И ротик целовать готов
Её возлюбленного. Бел
И волос был густой. Блестел
В причёске золотой шнурок,
На шляпке — разноцветный шёлк,
Вот кропотливая отделка!
И вышит был рисунок мелко.
А платье — с золотой тесьмой
И вышивкою дорогой,
Парчовое. У господина

На платье — эта же картина.
И Радость — рядом с ним всегда,
Быть спутницей его горда!
И бог любви был в хороводе. —
В его капризах, как в погоде,
Нам ничего не угадать.
Стрелою любит попадать
Внезапно в жертву. Не исправит
Никто его каприз, и правит
Он всеми. Восхищён любой
Его небесной красотой.
Послушны все, любого чина,
Ему — хоть дама, хоть мужчина.
В служанку даму превратив,
Заносчивость ей воспретив,
Он против всех порядков света,
Сеньора сделает валетом.
Но сам он со слугой не схож
И на виллана[15] не похож.
Боюсь, не опишу вам чётко
Амура плащ, но был он соткан
Из тонких нежных стебельков
И свежих полевых цветков.
Фиалки были сплетены
В сплошную ткань, окаймлены
Манжеты белыми цветами
И голубыми васильками.
Рисунок был замысловат,
Как будто вышит целый сад!
Соседствовали тут попарно
И мелкий зверь, и леопарды.
А их орнамент окружал —
Сюжет единый содержал.
И вышиты чудесно птицы,
А с ними — маленькие львицы.
Эмблемы, ромбы тоже в нём, —

С какой любовью он сплетён!
И шапочка из роз венчает
Амура облик. Источает
Она прекрасный аромат,
И соловьи над ней кружат.
Задеты ими, лепестки
На землю падают, легки.
Как необычен весь наряд!
И розы алые горят
Вкруг головы его. Спустился
Амур с небес и появился
Он в сонме птиц, как ангел сам,
Что Божий свет приносит нам!
И смотрит, как резвится хор,
С Амуром рядом — Нежный Взор.
Прекрасный юноша держал
Два тюркских лука. И мешал
Весь этот груз его движенью:
Он мог лишь наблюдать круженье.
Один был тёмен лук и крут,
От старости совсем погнут,
Но как изящен лук другой —
Из древесины молодой:
И шест отлично отшлифован,
И вдоль он весь был изрисован
Фигурами прекрасных дам
И кавалеров по пятам.
Для луков этих Нежный Взор
Держал в руке своей набор:
Амуру он принадлежал,
Всего десяток содержал
Он стрел, но половина их
Была красивее других:
И обработаны резцом,
И в оперенье золотом.
И эти пять — так остры были!

Они бы точно поразили
Любую жертву. И пока
Они внутри — наверняка
Та жертва сильно бы страдала,
Но не от грубого металла:
Ведь та стрела, что лучше всех, —
Была *Краса*. Её успех
Неоспорим. Но все же чаще
Успех имеет настоящий
Её подруга — *Простота*.
Была и третья здесь сестра,
Ей храбрость добавляет ценность,
Ей имя было — *Откровенность*.
И *Куртуазностью* она
С изяществом оперена.
Компания была ещё,
И сердцу с нею хорошо.
Недалеко такие стрелы
Летают: есть у них пределы,
Но если кто-то под рукой, —
Стрелою ранен он такой.
А имя пятой — *Милый Вид*.
Опасности он не таит,
Однако, иногда способен
Он рану нанести особе.
И скверны так другие пять, —
Врагу их страшно пожелать!
И первой средь опасных стрел,
Чей стержень дьявольски чернел,
Гордыню в тот колчан устроил
Хозяин. И не больше стоил
Вид отвратительный второй —
Вид *Низости* с душой кривой:
Она покрыта чёрной краской,
Предательства жестокой маской.
Стыдом одна из них звалась,

Ну, а четвёртой дали власть
Ввергать в несчастья и печали —
Отчаяньем её назвали.
Коль пятая вас поразит —
Непостоянством заразит,
Изменой. И в горбатый лук
Все предназначены пять штук.
И будет им служить покорно
Его уродливая форма,
И с ними будет чёрных пять
Опасных свойств он посылать.
О силе стрел я умолчу,
Но скоро я вас научу
Значенью их. И не забуду
Всю истину сказать, покуда
Ещё не кончен мой роман...
Теперь я облик передам
Танцоров всех, их поведенье
И благородные движенья, —
Ведь не случайно бог любви
Их выбрал в спутники свои.
Так, ближе всех к себе держал
И в танце крепко обнимал
Он Красоту. — И та была
Не сумеречна, а светла.
И относилось то же имя
К стреле, что лучше меж другими.
И облик весь её сиял
И круг как будто освещал:
Сравнима разве что с Луной,
Ведь рядом с ней звезда — свечой
Покажется. С росою можем
Сравнить мы нежность дивной кожи —
Бела и тонка, словно шёлк
Иль словно лилии цветок.
И прям её был хрупкий стан;

Совсем не нужно ей румян, —
Лик выразителен без краски,
Черты его так полны ласки!
Прекрасны были рот и нос,
А пряди светлые волос
Касались пят. Мне не забыть,
С какою плавностью водить
Она умела хоровод,
Как совершенен танец тот!
Волненье сердце наполняет,
Когда о ней напоминают.
И в мире нет её светлей,
Ни миловидней, ни стройней;
Так грациозна, белокура,
Нарядна спутница Амура!
Ну, а живой и добрый прав,
Ей обаяния придав,
Пусть довершает облик той,
Что краше юности самой.
А у соседки Красоты
Слегка надменные черты:
Богатства чин высок, конечно,
Она сильна и бессердечна.
К Красотке смело подошла,
Поскольку ростом превзошла
Свою сестру. Кто дерзок с ней
Иль с приближённым, — пожалей
Себя вперёд всего: она
Не только радости вольна
Нам приносить порой, но страх,
Что наша жизнь в её руках.
И тот прослыл бы смельчаком,
Кто, с шутками ее знаком,
Ей мог бы, всё же, поперёк
Сказать словечко хоть разок!
Богатству всякий поклонялся —

Расположенья добивался
И госпожою величал
С улыбкой — и велик, и мал.
Богатство всеми управляла,
Всех в послушании держала,
Кормила при дворе льстецов,
Завистников и подлецов:
Любви достойных лишь унизить
Они мечтают. И зависеть
Заставят всех от госпожи.
Вблизи, как робкие пажи,
Они готовы похвалить
И всем стремятся угодить.
Они так мило улыбнутся,
Но, стоит только отвернуться, —
Как неожиданно о вас
Дурное скажут в сей же час.
Все кости жертве перемоют
И похвалы не удостоят,
Честнейшего не пощадят —
Всех клеветою очернят.
Хоть фаворитом стать пора
По всем заслугам, — со двора
Таких велят они прогнать
И за людей не признавать.
А сколько принесли страданья
Завистники! В своём изгнаньи
Их пострадавший проклянёт,
И Неба кара их найдёт.
Богатство выглядела знатно:
Одежда скроена занятно,
И платьев ни на ком из них,
Пожалуй, не было таких.
Всё в золоте, пурпурный фон,
Портреты герцогов на нём
И королей. А платья ворот —

Был золотой чернёный обод:
Блестел он тысячью огней
От дорогих цветных камней.
Богатство пояс поверх платья
Надела с пряжкою. — Из знати
Никто другой, кто был богат,
Не мог украсить так наряд.
На пряжке тоже камень был,
Он свойства дивные таил:
Тому, кому принадлежал,
Он безопасность обещал
От всяческого отравленья.
Другой — приносит исцеленье
Чудесным образом: покой
Несёт от боли он зубной.
Вы лишь на камень бросьте взгляд, —
И зубы больше не болят.
Так оба камня велики,
На вес, должно быть, нелегки!
И золотая диадема,
Вкруг головы её блестела,
На белокурых волосах —
Её затейливых косах.
Сколь это кропотливый труд:
В оправе каждый изумруд,
Рубин тут вставлен и сапфир,
Оттенков разных — целый мир!
И был увенчан ряд камней
Алмазом, что других светлей.
И ночью свет того алмаза
Простому оку виден сразу!
А рядом, продолжая круг,
С ней за руку — любимый друг,
Красивый молодой блондин.
И тот предпочитал один
В роскошных комнатах селиться,

Любил всегда принарядиться...
Во всем готовая помочь,
Богатство с ним дружить не прочь.
А если кто-нибудь отменным
И по породе очень ценным
Не находил его коня, —
Он, словно вор, себя браня,
Испытывал при этом стыд:
Себе он это не простит.
И, может быть, любил он даму
Богатство, чтобы к ней исправно
Ходить и деньги добывать —
Свои расходы покрывать...
А с ней соседствовала Щедрость.
Всех чествовать — её потребность:
Дарить, иль тратить, иль давать
Никак не хочет уставать!
Известны нам её манеры, —
Она ни в чём не знает меры.
Её хоть даже разори,
Ответит с радостью: “Бери!”
Известен Александров[16] род
Раздачей искренней щедрот.
Да и Стяжательство само
Не столь в делах своих сильно:
Не так стремится накопить,
Как Щедрость любит одарить.
Врагов — и тех добром встречала,
Подарки тоже им вручала.
Пусть в сердце будут зло держать —
Им перед ней не устоять.
Окажет добрую услугу, —
И вот уж не врагу, а другу
Свои усилья посвятит
И в благодарность превратит
Дурные чувства. Безразлично,

Кому тот дар назначен лично:
И нищий, и богатый рад,
Что нет у Щедрости преград
Ни в чём. И нет того глупее,
Кто денег ближнему жалеет,
Хоть самому и не нужны, —
Так в жадности они смешны!
Скупой один среди людей,
И не найти ему друзей,
Земель завоевать не сможет,
Врагов к себе не расположит.
А Щедрость — души покорит,
Как привлечёт металл магнит.
И Щедрость носит тот же цвет:
На ней был пурпур. Силуэт
Её как будто бы отточен,
И облик — элегантен очень.
Лицо, как и у дам других,
Красиво. Только воротник
Отсутствовал на чудном платье:
Подарен он недавно, кстати.
Хоть вырез больше стал открыт,
Её не портил этот вид.
Немножко ворот отставал
И нежность тела открывал,
И любоваться было можно
Её атласной белой кожей.
И Щедрость молодца вела:
Он рыцарь Круглого Стола,
Придворный короля Артура,[17] —
В доспехах статная фигура
Его об этом говорит,
На солнце шлем его горит.
Вот имя Доблесть у него
На флаге изображено.
И слава о его победах

Не меркнет в сказках и легендах.
С турнира к даме мчится он:
Соперник в битве побеждён,
Помят копьём блестящий шлем,
Враги побиты, взяты в плен.
За ними Искренность прошла:
Как первый снег, она бела.
Глаза задорные, и синий
Их цвет глубок. И голубиный
Был кроток взор прекрасных глаз,
Нос прям, и пышен белый влас.
Округлы брови. Лик её
Являл признание своё
В готовности тому быть верной,
Кто к ней любовь проявит первый.
Ведь тот душой своей велик,
Кто другу прочь не повелит
Уйти. В душе она имеет
Сочувствие и всех жалеет.
К лицу одежда ей была,
Что из простого полотна,
И замечательно сидела,
А цвет её был — чисто белый.
(Все в белом женщины свежи:
И молоды, и хороши!)
Та белизна нам открывает,
Что только честность обитает
В её душе и доброта.
В руке держала дама та
Ладонь красивого юнца:
Похож на своего отца,
Казалось, мальчик — на сеньора
И пэра Англии — Виндзора.
Я имени его не знал,
Но принца в нём тотчас признал.
[18]И Куртуазность танцевала

В том хороводе. Уважала
Её вся публика. Она
Проста, и вместе с тем умна.
Гордыни нет на ней и тени,
Была она любима всеми.
Меня заметив в стороне,
Она приветливо ко мне
Пошла. И круг покинув тот,
Меня уж за руку ведёт.
Не подозрителен, не глуп
Был взгляд её, и тон — не груб.
Но мудростью исполнен образ.
И ни о чём не беспокоясь,
С ней можно было говорить
Без риска осмеянным быть.
Так мудр любой её ответ,
А вежливости — высший свет
Такой не видывал. Пример
Она изысканных манер.
Темноволоса, ясны очи, —
Сама императрица точно!
Иль королевой назовёшь
Её, и друг её пригож.
Он под руку её ведёт,
Всегда рассказом увлечёт,
Воздать почёт другим умеет,
Оружьем хорошо владеет.
[19]Танцует Куртуазность с ним,
И ею крепко он любим.
И Беззаботность так легко
Кружилась там недалеко,
В кругу была среди красавиц.
К портрету нечего прибавить:
Я описал всю прелесть в нём
И вам поведал обо всём,
Что в ней увидел; лишь отмечу,

Что был я счастлив бесконечно,
Когда калитку отворя,
Впустила в сад она меня.
А дальше Юность выступала:
Она смеялась и играла,
Пятнадцать было ей всего.
Ещё не знала ничего
Из светских правил и приличий,
Резвиться было ей привычно.
Она наивна и мила,
Ни на кого не держит зла.
И друг так близко танцевал,
Что девочку он обнимал
И не стыдился ни танцоров,
Ни музыкантов и ни хоров:
Ведь радостней других утех —
Поцеловаться им при всех,
И, словно птицам в небесах,
Не ведом им ни стыд, ни страх.
Приятен, мил и всех он краше,
И вряд ли он подруги старше!
Так составляли с другом друг
Танцоры те подвижный круг.
Не всех я перечислил здесь, —
Ещё в нем персонажи есть:
Очаровательны, и тоже
Манерами на них похожи.
Я круг танцоров рассмотрел
И путь продолжить захотел
Туда, где лавр произрастает
И кедр местность украшает;
Где сосны стройные стоят
И тутовых деревьев ряд.
Танцоры уж остановились
И постепенно расходились
В тени дерев поговорить.

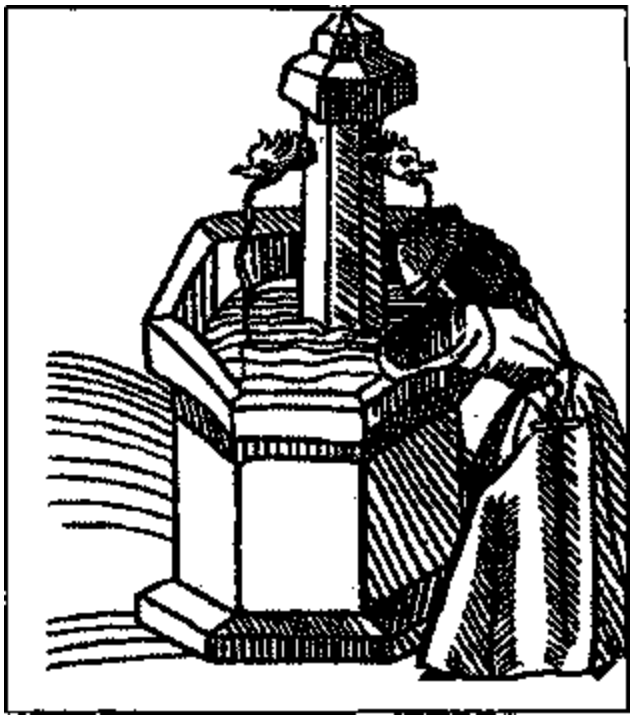
О, как прекрасно проводить
Они умеют время! Тот
Несчастен, кто так не живёт.
Нам больше нечего хотеть,
Как друга верного иметь,
Того, кто всех тебе милей, —
И в этом радость жизни всей.
Так, я всё дальше уходил,
По саду весело бродил
И вдруг случайно увидал,
Как бог любви к себе позвал
Слугу. Явился Нежный Взор,
И я услышал разговор:
Амур в беседе рассуждал,
Что лук без дела пропадал,
И, взяв колчан для добрых стрел,
Меня поймал он на прицел.
О, я не думал, как опасно
Гулять по саду; мне неясно,
Какой был у Амура план,
И что за жребий был мне дан.
Я шёл, мечту в груди храня,
Что не оставит Бог меня
И отведёт смертельный выстрел,
Что для меня Амур замыслил.
Я обойти успел весь сад,
Но он не отводил свой взгляд —
Следил за мной издалека.
А я же осмотрел пока
Устройство сада: по стене
Там ширина равна длине.
Я не нашёл средь насаждений
Кривых, уродливых растений;
Не встретил я во всем саду
Плодов по одному кусту:
Разнообразные сорта

Растут по два иль три куста.
Миндаль, орехи там лесные,
Гранат (им лечатся больные),
И древо каждое цветёт,
Когда его придёт черёд.
Созрел дурманящий мускат —
Орехи крупные висят.
Смоковницы и пальмы были
Ещё, и все — плодоносили.
Среди разнообразных трав
Там полный специй был состав:
Цытварь, душистая корица,
Анис, гвоздика и лакрица,
А также райское зерно —
Всех не назвать мне всё равно!
Одни — чудесные лекарства,
Другие — добавляют в яства.
Из фруктов — персики растут,
И яблони и там и тут.
Поодаль я айву заметил,
Других деревьев много встретил:
И груши клонят ветви вниз,
И вишни соком налились,
И слив там белых целый ряд!
А подле — чёрные блестят.
Орешники кругом, осины
И красногроздые рябины;
Боярышник даёт плоды,
Богаты прочие кусты;
И лавру место там нашлось,
И сосен много разрослось.
Оливы были рядом с ними,
Что кипарисами теснимы;
Массивный вяз, и граб, и бук,
И клёны встретил я вокруг.
Закончу список мушмулой,

И перечень на этом свой
Я прекращу: не счесть деревьев
И всех лекарственных кореньев.
Чтоб влажною земля была,
Ствол от соседнего ствола
Там отдалён на пять туаз,
И свет не может ни на час
Проникнуть в лиственный шатёр
И повредить травы ковёр.
Какие лани были там!
Скакали белки по стволам,
Косули в том саду водились
И кролики вовсю резвились,
Весь день катаясь по траве:
Не любят прятаться в норе.
И сколько же у них забав!
Примерно тридцать насчитав,
Я сбился. Всюду там текли
В тени дерев из-под земли
Ручьи. Пока я любовался
Их чистотой, мне не попался
Ни лягушонок, ни тритон:
Там для воды сооружён
Был жёлоб. Видимо, давно
Так господином решено:
Прорыть для ручейков каналы,
Чтоб почва влагу сохраняла,
Чтоб тины в них не разрослось
И живности не завелось.
А вдоль струящихся ручьёв
Был чудный травяной покров. —
Питаясь влагою проточной,
Трава росла густой и сочной.
И, глядя в чистый водоём,
Там хорошо лежать вдвоём
С возлюбленной. Там круглый год

Обилие цветов растёт,
Что густо местность покрывают
И никогда не увядают.
Лесных фиалок нежный цвет
С барвинком составлял букет,
И россыпи соцветий алых
Среди задумчивых фиалок.
И жёлтые цветы рябят, —
У всех — особый аромат.
Белеют и ромашки всюду;
Но я, пожалуй, здесь не буду
Оттенков всех перечислять —
Вас описаньем утомлять.
Я с удовольствием гулял,
И как устроен сад, узнал.
Амур везде следил за мной
И лук держал он за спиной:
Меня хотел он обмануть,
Вблизи, как зверя, не спугнуть.
Охотника хитрее нет —
Лишь поджидает он момент,
Чтоб жертву точно поразить,
Стрелу удачнее вонзить.
Я нападенье отдалял
И место тихое искал
В прекрасной роще. Там одна
Росла высокая сосна,
Отбрасывая тень на землю,
Где бил источник. Шуму внемля,
Вдыхал я терпкий аромат
Сосны, что тот венчала сад.
[Та удивила бы картина
Любого со времён Пипина![20]
И к той прекраснейшей сосне
Приблизился в моём я сне.]
В её тени, на дне фонтана

Был мрамор формы первозданной, —
Его отгладила струя.
На камне видел надпись я
В потоке, падающем вниз:
“Прекрасный умер здесь Нарцисс”.
И дале я продолжил чтенье,



Поскольку было разъясненье:
[21]“Окончил век так рано он,
Поскольку был в себя влюблён.
Нарцисса Эхо полюбила,
И всё из-за него забыла.
Нарцисс же перед нимфой той
Своей гордился красотой.
Она была готова к смерти
От безответности, поверьте.
И зря все слёзы пролила,
И горя не пережила:
Ни слёзы, ни моленья даже

К любви Нарцисса не обяжут.
О, как теперь бедняжку жаль,
Что унесла её печаль
Туда, откуда нет возврата, —
Одна любовь в том виновата!
Он был застенчив и жесток
И уступить никак не мог
Её мольбам. — Но и пощады
Не получил от ореады[22]:
За холодность Нарцисса к ней
Просила Эхо посильней
Его любовью наказать,
Чтоб он не мог ответа ждать,
Как и она, любви послушна,
Отвергнутая равнодушно!
Господь разумной просьбу счёл
И в исполнение привёл
Желанье Эхо. И однажды
Нарцисс прилёг, томимый жаждой,
Чтоб под сосной ему вздремнуть
И от охоты отдохнуть.
И он в том месте очутился,
Где под сосной ручей разлился.
Охотник захотел испить,
Быстрее жажду утолить
Студёной чистою водой,
Что протекала под сосной.
Нарцисс возлёг, и потянувшись
К ручью, губами прикоснувшись
К воде прозрачной, изумлён
Самим собою, замер он,
Увидев в зеркале воды
Неповторимые черты.
Вода портрет ему явила
И ничего не исказила.
И столь прекрасен облик был,

Что очарованный, застыл
Нарцисс, увидев, как играло
С ним совершенное зерцало.
Пусть это был его портрет,
Нарцисс — любовию согрет.
Своё увидев отраженье,
Был от него он в восхищеньи:
Сей образ так его прельстил
И красотой своей пленил,
Что в душу тотчас же проник,
Хоть это был его двойник.
Амур влюблённых не жалеет,
Презренье наказать умеет,
Нарцисс не мог уж отойти
Иль глаз хотя бы отвести
От зеркала: он помешался
И вскоре в том саду скончался. —
Так он жестоко заплатил
За то, что Эхо не любил, —
Гласила надпись. — [23]Не забудьте
Его историю и будьте
Всегда внимательны к друзьям,
Не то платить придётся вам!”
Как только я уразумел,
Что там Нарцисс в ручей глядел, —
Судьбу мою не искушая,
Немного отступил от края.
И тут почувствовал испуг,
Чтоб взгляда мне не бросить вдруг
В потоки светлые ручья,
Как тот, судьба известна чья.
На берегу чуть постояв
И страх в душе своей уняв,
Решился я на этот шаг —
Пойти к источнику. Итак,
Я подошёл совсем уж близко

И над водой склонился низко,
Чтоб видеть, как бежит поток
По дну из гравия. Не мог
Я наглядеться: он искрится
И весь под солнцем серебрится.
Ключи из-под земли там бьют
И в два потока воды льют:
Неиссякаема вода,
Трава не вянет никогда.
Так нежен был её ковёр, —
К воде он бахрому простёр,
И пышной зелень вырастала.
А в глубине я два кристалла
Прекрасной формы различил
И с разных точек изучил.
Чем потрясли они меня, —
Хочу и вам поведать я:
Ведь зрелища красивей нет,
Когда сквозь воду солнца свет
Кристаллы эти освещяет
И сотнею цветов играет.
То вспышки красные видны,
То жёлтым все озарены
Речные камни. Красок смесь
Причудлива, как в сказке, здесь!
Кто созерцает водоём, —
Увидит сад в кристалле том,
И все детали до единой
Чудесной явятся картиной.
Там виден сад во всей красе,
В нём разглядишь деревья все.
Чтоб мысль понятнее была,
Я приведу вам зеркала
В пример: и форма в них предмета
Видна, и все оттенки цвета.
Тем, кто стоит на берегу

И смотрит в воду (я не лгу)
Кристалл магический явит,
Что сад вокруг него таит.
И в каждой грани лишь полсада
Увидим, — повернуться надо,
Чтоб часть вторую увидать,
С другого края надо стать.
Здесь даже мелочи видны,
Как будто изображены
На гранях дивного кристалла —
Того Нарциссова зерцала
Погибели.
Оно пьянит
Любого, кто туда глядит.
[Любой тут будет очарован, —
Конец любому уготован.]
Решившему туда взглянуть
От чар уже не ускользнуть:
Нашли конец тут мудрецы,
И погибали храбрецы.
Здесь человек — добыча страсти
И с сердцем справиться не властен,
Ни чувство меры здесь, ни ум
Остановить не могут дум
О милых. Тщетен здесь совет;
Любовь — сильнее всех тенет.
Ведь на серебряное дно
В ручей посеяно зерно. —
Проделка это Купидона.
Он безо всякого закона
В ручей приманку бросил тот:
Ловушка там влюблённых ждёт.
Вода в ручье теперь красна
Из-за волшебного зерна.
Описан тот источник в книгах:
В романах, повестей интригах.

Я вас хочу предупредить,
Что лучше всех мне осветить
Предмет романа удалось, —
Проникнуть в тайну привелось.
И встретить лучшего рассказа,
Чем мой, вам не придётся.
Сразу
Ручей покинуть я не смог:
Разглядывал его исток.
Кристаллами я любовался, —
Ведь целый мир в них отражался,
В них было всё до мелочей!
В недобрый час я в тот ручей
Позволил опуститься взору,
И что ж? — Вздыхаю по сю пору.
Зерцала власть известна мне.
Я предпочёл бы в стороне
От магии его держаться,
В источнике не отражаться.
Увы, нельзя мне отступить:
Похоже, и меня сгубить
Виденья странные хотят
И в бездну страшную манят.
В том зеркале я с удивленьем
Среди предметов в отдаленьи
Заметил изгородь. За ней
Цвели одна другой алей
И восхитительнее розы.
И никакие бы угрозы
В тот час мне были не страшны,
И наставленья не нужны, —
Так розы мне желанны были
И в свой меня цветник манили.
И вот я к розовым кустам,
Как те, кто жертвой стали там,
Спешу, и розы предо мной,

И пью я аромат хмельной.
Когда б я чувства не сдержал,
И страх бы мне не помешал,
Что будет господин сердит,
Поступок дерзкий не простит,
То я сорвал бы непременно
Бутон с красою эфемерной.
Испить бы аромат я смог,
Один бы в руку взял цветок,
Что был среди соцветий красных.
Считать же их — лишь труд напрасный.
И был бы счастлив тот, кому
Сорвать бы удалось одну
Такую розу. — Вот так сон! —
Красою их я восхищён:
Одни — зари румяней были,
Другие — свой багрянец скрыли
В бутонах малых. Были здесь
И те, кому пора расцвесть
Настанет скоро. Но презренья
Не испытаем, без сомненья,
Мы к нераскрывшимся цветам:
Всему настанет время там.
Большие розы отцветают
И за день быстро облетают.
Бутон лишь свежесть сохранит —
Три дня он аромат дарит.
Когда б из розовых бутонов
Сплести себе я мог корону,
То этот розовый венок
Я б ни за что отдать не смог!
Среди бутонов я избрал
Цветок, что ярче всех пылал.
Когда я на него смотрел,
Мне показалось, он алел
Один таким прекрасным светом, —

Природы чудо было это.
Как всё прекрасно Бог создал:
Четыре пары нанизал
Листков на стебель. Был он тонок
И строен, как тростник. С бутона
Приятный веял аромат,
Которым наполнялся сад.
Мне показалось, что навечно
Останусь в цветнике беспечно
С бутоном жизнь я коротать.
И я бы мог его достать,
Когда б хватило дерзновенья,
Сорвать прекрасное растенье,
Хотя бы руку поднести
К нему... Но ближе не пустил
Меня колючий часовой —
Чертополох сторожевой.
И стебель у цветка был колкий,
Так остры у него иголки!
И прикоснуться я не мог, —
Поранил бы меня цветок.
Амур за мною непрестанно
Следил, имея постоянно
В руке своей красивый лук.
У древа фигового вдруг
Лучник-Амур остановился.
И видя, как я восхитился
Бутона ранней красотой,
(И я едва бы Розе той
Цветы другие предпочёл)
Он зарядить оружье счёл
Необходимым. И стрела
Сквозь сердце мне тотчас прошла.
Так точен был Амур в стрельбе:
Мне лишь довериться судьбе
Осталось. Видно было сразу,

Что лук натянут до отказу.
Смертельный хлад меня пронзил,
Мороз как будто просквозил
Иль ветер зимний. Сердце стало,
И тело замертво упало.
И так я без сознанья был,
И очень долго приходил
В себя. Казалось, слаб я стал
И крови много потерял;
Однако же нигде снаружи
Ни капли я не обнаружил:
Была сухою грудь моя.
Тогда собрался с духом я
И принялся стрелу тянуть —
Освобождать скорее грудь.
И вот стрела в руке моей,
И оперение на ней.
Но где же острый наконечник?
Он глубоко проник, конечно,
И в сердце навсегда застрял. —
Он *Красоте* принадлежал.
Вдвойне опасность возросла.
Тревогу в сердце принесла:
Чем вылечить мне эту рану?
Её происхожденье странно!
И пользы мне не принесут
Все травы, что в саду растут.
Иного сердце не желает —
Бутон сорвать повелевает.
Когда я вижу тот бутон, —
От муки избавляет он
И жизнь мне возвращает снова,
И сердце биться вновь готово.
Был покорён я Розой той,
Её целебной красотой.
Но бог любви не отставал

И с золотым концом он взял
Стрелу другую, *Простоту.*
А было на её счету
Немало уж завоеваний
Среди людей различных званий.
В других угрозах нет нужды
Амуру. — Только Простоты
Довольно было мне, чтоб сила
Любви мне душу захватила.
И вот Амур, нацелив лук,
Мне в око выпускает вдруг
Стрелу, я весь затрепетал,
И в сердце мне проник металл.
Я без усилья вынул ствол,
Но острый край его вошёл
Так глубоко! — Хоть сердце бьётся,
Но острие в нём остаётся.
Очаровал меня цветок.
С собой я справиться не мог, —
На то мне не хватало воли.
И вместе с чувством острой боли
В груди от проникавших стрел
Во мне сильнее лишь горел
Огонь любви: скорей идти,
Прижать цветок к моей груди.
Ведь даже аромат фиалок
Не столь, как Розы этой, сладок!
Лучник коварный всё искал
Меня сразить. И не спускал
С меня он глаз, но чтобы мука
Была сильнее, он для лука
[24]Ещё одну извлёк стрелу —
Души острейшую иглу;
И в сердце мне стрела впилась,
Что *Куртуазностью* звалась.
И холод в грудь мою проник,

И ноги подкосились вмиг.
Я ослабел и долго двинуть
Рукой не мог. Потом же — вынуть
Стрелу с трудом мне удалось,
Но острие не поддалось.
Лишь ствол извлечь я смог рукой,
Но в сердце не пришёл покой:
Его встревожил выстрел тот,
И вновь оно меня зовёт
К бутону.
Я пришёл в себя,
И боль сердечную терпя,
Я сел, любовию пленённый
И в цепи страха заключённый
Перед Амуром. Был я рад
Бутон увидеть. Пусть бы град
Обрушился вдруг из камней, —
Желанье было б лишь сильней.
Амур любого подчиняет,
Мне в сердце храбрость он вселяет,
Чтоб я в любви не отступил
И чтоб приказ исполнен был.
И я, ослабший от раненья,
Отбросив в сторону сомненья,
Решил приблизиться к цветку
Назло лихому лучнику.
Но весь розарий был в шипах —
Колючки всюду на кустах,
И колется ограда вся, —
Никак приблизиться нельзя!
Шипы опасны были эти,
И прежде Розы меня встретить
Должна та изгородь была,
Что вся шипами поросла.
Но счастлив был я всё равно,
Что по соседству суждено

Мне с Розой дивной находиться,
И ароматом насладиться
Вполне я мог издалека,
И боль моя была легка:
От нежного благоуханья
Почти прошли мои страданья.
Недолго наслаждался я
Тем запахом. Амур меня
Мишенью сделал, и на части
Разбить моё он сердце властен;
Три раза выстрелив подряд,
Меня он мучить снова рад.
Он с новой силой атакует
И промахнуться не рискует.
И грудь мою прошла насквозь
Стрела четвёртая. Уж врозь
Я не хочу с бутоном жить,
Но лишь соседством дорожить
Сей Розы. Нет сильнее средства
В любви, чем близкое соседство.
Стрела *Компания* сильна,
Быстрее всех летит она:
Любую девушку пленяет
И даму к милости склоняет.
В груди моей конец застрял,
И я сознанье потерял.
Придя в себя, — я вновь сознанье
Терял от раны, и в рыданьи
Дрожал ослабший голос мой.
Но боль была уже иной, —
Тут вздохам наступил черёд,
И облегченье не придёт
От боли, — жажду умереть,
Страданья не могу стерпеть.
Ах, не уйти мне от стрелка,
Не стану мёртвым я пока!..

Могущественнее всех стрел
Была последняя. Удел
Влюблённого всегда таков,
Что он благословить готов
Свою судьбу. Как ни придётся
Ему страдать, — но он клянётся
Амуру в верности. Ни в чём
Раскаяться не хочет он.
Стрелу назвали *Милый Вид*,
Совет терпенья он дарит.
И вряд ли кто-то согласится
Тогда от цели отступиться,
Коль силы *Милый Вид* придаст:
Намёка даже не подаст
Влюблённый, будто жил он худо,
(В том сомневаться я не буду).
И наконечник был остёр,
Как бритва. Но стрелок хитёр,
И, чтоб смягчить от раны боль,
Он наконечник смазал. Столь
Чудесной мазь его была,
Что облегченье принесла
Влюблённому. Стрела впилась —
Тотчас подействовала мазь,
И сердце снова встрепенулось,
И сразу жизнь ко мне вернулась.
Но ствол хоть вынула рука, —
Металл ещё внутри пока.
Всего же стрел тех было пять,
И никогда их не изъять.
Одна — два свойства сочетала:
И даром мучить обладала,
И сладость некую дарить,
Чтоб легче боль переносить.
Лицо от боли побледнело,
Но благотворное на тело

Влияние окажет мазь:
Откуда сила вновь взялась?
Амур навстречу мне спешит
И луком издали грозит:
“Остановись, ты арестован!
И плен вассалу[25] уготован.
Тут бесполезно бунтовать
И против сира восставать.
Сдавайся сам, и чем скорее,
Тем буду я к тебе добрее
И снисходительней. Чудак —
Любой, кто не поступит так.
Коль предо мной превознесёшься,
Так ничего ты не добьёшься,
Познаешь тщетность ты измен,
И сам захочешь сдаться в плен.
Погасишь ты гордыни жженье,
И сам признаешь пораженье.
С Амуром биться смысла нет:
Сдавайся, — мой тебе совет!”
И я не мудрствуя сказал:
“Послушным будет Ваш вассал.
Безумец будет лишь упорным,
А мне позвольте быть покорным
Руке Амура. Ведь она
Распоряжается одна
Моей судьбою. Может быть,
Угодно ей меня убить, —
Но и тогда я покорюсь,
Пред жребием моим смирюсь.
Но всё же, добрый повелитель,
Пусть посетит мою обитель
Побольше радости: лишь Вы
Мне даровать её вольны.
Я б перед Богом согрешил,
Когда б от Вас уйти решил.

Пошлёте ль Вы мне исцеленье,
Иль нет, — воздам благодаренье
За всё: во всём Вас поддержу
И Вам прилежно послужу!”
Хвалу окончив воздавать,
Хотел я ноги целовать
Амура. Но едва склонился, —
Ко мне он снова обратился
И, в руку взяв ладонь мою,
Сказал: “Как я тебя ценю
За твой достойнейший ответ!
Твоей любовию согрет,
Тебе признателен я очень
И вижу, нрав твой не испорчен.
В моих глазах ты преуспел,
С вилланом сходства не имел
В речах, что слышал нынче я.
Хочу с сегодняшнего дня
Тебя нанять к себе на службу
И засвидетельствовать дружбу
Лобзаньем в губы: знак такой
Не ведом публике простой.
Награду я такую дам
Лишь благородным господам,
И средь людей разнообразных
Я избираю куртуазных.
Бесспорно, бремя тяжело —
Служить Амуру, но мало
Оно настолько рядом с честью,
Что мысль не явится о мести
Иль прочей дерзости. Мой друг,
Тут предаваться недосуг
Страданьям тяжким, — будь спокоен.
Ведь ты общеньем удостоен
С Амуром, и с недавних пор
Он твой наставник и сеньор.

А кто с Амуром будет жить
И преданно ему служить, —
Не извлечёт плохих уроков,
Не разовьёт в душе пороков;
Всю низость позабудет тот,
Кого Амур к себе возьмёт.”
Я стал слугой его, друзья,
И очень горд был этим я.
Меня он сразу полюбил,
И поцелую рад я был.
Увидев, как слуга взволнован,
Амур сказал: “Разочарован
Я был не раз, — средь слуг нашлись
И те, кто в верности клялись,
Но обманули, притворившись,
От испытаний уклонившись.
Я слышал жалобы не раз,
Но не доволен и сейчас, —
О том предатели узнают
И гнев мой правый испытают.
Но ты мне другом верным будь
И не подумай ускользнуть
От данных клятв и обещаний,
Не позабудь своих признаний!”
Сказал в ответ я: “Не пойму,
Мне сир не верит почему.
Моим Вы сердцем завладели.
Теперь желанья в самом деле
Родятся в нём лишь оттого,
Что призываете его
К любви. И сердце мне теперь
Не служит вовсе — верь, не верь...
Там целый гарнизон солдат,
Что на часах любви стоят
И сердцем строго управляют
И никуда не отпускают.

Но коль неверность Вас страшит, —
Пусть будет в сердце вход закрыт:
Когда измены сир боится,
То у него пусть ключ хранится.”
“Условие подходит мне,
С тобой согласен я вполне, —
Сказал Амур, — и тот владеет
Всем человеком, кто сумеет
В сердечный храм его войти
И верный ключ к нему найти.
Кому и сердца будет мало, —
О том и думать не пристало.”
Прервав на этом разговор,
Достал он ключик. “На запор
Твоё мы сердце затворим, —
Сказал Амур, — ключом златым.
Ключ от сердечного дворца
Покоится на дне ларца.
Мизинца меньше этот ключ,
Но он поистине могуч.” —
Так господин меня смирил,
На ключ мне сердце затворил.
Теперь на честность я проверен,
Амур вполне во мне уверен,
И в сердце пламенном любовь
К его приказам дышит вновь.
И говорю Амуру я:
“Короткой будет речь моя, —
Боясь обязанностей, всё же,
Что на меня Амур возложит, —
Позвольте душу Вам отдать,
Надежду Вашу оправдать,
Но так слуге работать надо,
Чтоб Ваше сердце было радо.
Мой труд на пользу б не пошёл,
Когда хозяин был бы зол!”

Сказал он: “Перед господином
Для беспокойства нет причины,
Тебя в вельможи возведу
Я на большую высоту,
Когда тебе не помешает
Лукавство, что всего лишает.
Не сразу счастье пусть придёт,
Но от упорства — расцветёт.
Ведь скоро не приходит благо:
Терпенье нужно и отвага.
Теперь ты у меня в руках,
Так пусть тебя не мучит страх.
Страдай и жди: я знаю зелье,
Что возвратит тебе веселье,
Но ты меня не подведи
И сразу выполнять иди
Мои приказы. Будь послушен,
Чтоб не был договор нарушен.”
Я господина попросил,
Чтоб прежде он не уходил,
Чем даст свои распоряженья
О том, что нужно для служенья.
“Служенье чтобы мне начать,
Я должен буду изучать,
Приказы Ваши, — ведь досадно,
Коль я исполню их неладно.
Потрачу сил я больше пусть,
Но заучу всё наизусть.”
“Как хороши твои слова, —
Амур промолвил, — и едва
Работает учитель впрок,
Когда не слушают урок,
Когда отсутствует вниманье,
И нет большого прилежанья.”
Амур мне начал диктовать —
Свои приказы отдавать.

Я записал всё слово в слово,
Теперь мы к ним вернёмся снова.
В роман их автор заключил,
Влюблённым слушать поручил.
А кто осилит весь роман, —
Тому урок здесь будет дан;
Все тонкости любви изучит
И наставления получит
В любовных играх только тот,
Кто сон внимательно прочтёт.
И так, страница за страницей
Всё постепенно прояснится.
Ты недоверьем не греши, —
В романе нет ни капли лжи.
Желанье было б разобраться
Во всём, что будет излагаться!
Сперва Амур меня хотел
Предостеречь от низких дел:
“Ты низости всегда беги
И честь свою ты береги.
Будь проклят тот, кто опустился —
Легко на подлость согласился
И пресмыкаться полюбил,
А куртуазность позабыл.
Вилланов подлость порождает,
Моё их сердце осуждает:
Они безжалостный народ,
Что лишь обманами живёт.
Секретов ты не выдавай
И никого не предавай:
Беги любой нечистоты,
Злословия не ведай ты.
Припомни имя сенешаля[26],
Кого за сплетни наказали —
Ведь имя тех, кто любит зло,
Дурною славой поросло.

Кей[27] непристойно вёл себя,
Обманывая и грубя,
Был вероломен, своеволен, —
Был весь народ им недоволен.
Старайся кротким быть с людьми:
И старика всегда пойми —
Его седины уважай,
И малыша не обижай.
Любого ты почти вниманьем:
Всегда приветствуй восклицаньем
Знакомых первый на пути
Иль добрым словом проводи.
Не медли никогда с приветом, —
Не будь стеснителен ты в этом.
Молчанье лучше сохранить,
Чем понапрасну всех бранить.
Забудь дурные выраженья —
Послушай предостереженье!
И лучше б рот твой был закрыт,
Чем брань оттуда зазвучит.
Не должно рыцарю ругаться
И словом грязным забавляться.
С почтеньем к дамам относись
И помогать им не ленись.
Когда виллан к ним пристаёт, —
В обиду женщин не даёт
Достойный рыцарь: слово скажет —
Виллану место он укажет.”
Я всё запомнил в этом сне,
Что преподал учитель мне.
“Не придавайся ты гордыне —
Безумство это. И отныне
Свою гордыню укроти,
Греха сего не допусти.
Гордец не знает снисхожденья,
Не слышит он людей моленья.

Никто не любит гордеца, —
Себя он хвалит без конца!
И кто любви высокой ради
Готов на всё, — всегда в наряде
Изящном должен щеголять,
Чтоб дам одеждой восхищать;
Приветливо себя вести,
Чтоб в них поклонниц обрести.
Ты в гордеца не превращайся
И дерзости остерегайся.
Своих доходов не жалей,
Чтоб одеваться повидней.
Успех чтоб принесла обнова, —
Найти советую портного,
Кто ткань умело раскроит,
Костюм чудесный смастерит,
Чтоб рукава сидели ладно
И ты в нём выглядел нарядно.
И туфли ты приобрети,
За чистотою их следи.
Перчатками обзаведись
И поясом ты подвяжись.
Пусть туфли будут со шнуровкой,
И затяни её ты ловко;
Кошель шелковый раздобудь.
Всегда старайся как-нибудь
Поэлегантней сшить наряд.
Когда не будешь ты богат, —
То ты на ярмарку сходи
И шапочку из роз купи:
Обычай в Троицу таков,
Что украшенья из цветов
Там подешевле отдают,
И все с охотой их берут!
Не потерпи нечистоты,
И будь всегда опрятен ты:

Красивой будет пусть причёска,
И обувь доведи до лоска.
Всегда ты руки умывай
И сам одежду подшивай.
Не забывай ты чистить зубы,
Не вздумай вдруг накрасить губы:
Лишь дамам краситься подстать.
И не румянься, чтоб не стать,
Как те бесполые уроды,
Кто позабыл закон природы.
Ты будь весёлым и живым:
Любовь всегда спешит к таким,
И не заботится о мрачных,
А любит шутников удачных,
Умеющих занять игрой.
Но будешь и в скорбях порой:
То в смехе ты, то в горьком плаче. —
И ты не сможешь жить иначе.
Тут время подоспело вновь
Напомнить, что несёт любовь
То радость с песнею, то муку,
Когда воспомнишь ты разлуку.
Ты молод и силён вполне,
И если можешь на коне
Верхом изящно гарцевать, —
Себя заставишь уважать.
Ты должен ловким быть пловцом
На всякий случай, и гребцом,
Чтоб пред опасностью не струсил,
Во всяком деле был искусен!
И если ты пловец, атлет, —
Тебя оценит высший свет.
И коль оружьем ты владеешь, —
Завоевать почёт сумеешь.
Коль музыкален голос твой, —
То без стесненья людям пой.

Все любят молодых, а пуще
Приятен юноша поющий.
Когда вдобавок он танцор,
О нём тем больше разговор;
И хвалят взрослые и дети
Того, кто им сыграть на флейте
Захочет что-то для души, —
Так научиться ты спеши.
Когда умеешь ты, мой друг,
Компаньи украшать досуг, —
Всегда при случае удобном
В уменьи ты блесни подобном.
Стремись ты радость людям дать
И всех, как можешь, развлекать.
Смотри не прослыви скупцом
И с жадным не сравнись глупцом,
А если щедрость ты не любишь,
То сам любовь свою погубишь.
Глазам любимым нет цены,
Для счастья деньги не нужны!
Богатство раздавай ты смело.
Всем помогать — святое дело.
Чтоб ты запомнить это смог,
Нам нужно повторить урок.
Всё изложу я покороче
Для тех, кто выучить захочет.
Пусть Щедрость прежде качеств всех
Приносит рыцарю успех;
Кого Амур служить попросит, —
Тот всё уныние отбросит,
Отважен будет и учтив,
Душой и обликом красив.
И день и ночь, мой друг, живи
Ты только в мыслях о любви:
Уходит время не напрасно,
Когда мечтаешь о прекрасном.

Пусть сердце неустанно ждёт,
Что час свидания придёт,
И никогда не забывает,
Как с милой радостно бывает.
И пусть страдает вместе с ней,
С ней рядом быть — всего важней!
Чтоб паладином быть примерным,
В одном ты оставайся верным:
Пусть без обманов и обид
Все мысли рыцарь посвятит
Одной лишь даме, друг прелестный:
Деление тут неуместно.
Не будь в любви ростовщиком —
Отдай всё сердце целиком;
По сердцу и без принужденья
Прими свободное решенье.
Чистосердечный человек
Отдаст любовь свою навек,
А если одолжит на время, —
Не дар получится, а бремя.
Не правда в сердце, а порок,
Когда вернуть ты просишь в срок
Любовь. И в чём твоя заслуга,
Когда долги берёшь ты с друга?
Но если истинна любовь,
Дарить ты счастлив вновь и вновь.
Итак, когда тебе случится
По-настоящему влюбиться,
То силою любовных грёз
Испытан будешь ты всерьёз.
Жестоки будут испытанья
И велики твои страданья.
Когда нахлынут чувства вдруг, —
Ты позабудешь всё вокруг:
В мечтанья будешь погружаться
И от людей уединяться.

Но в одиночестве твоём
Волненье не покинет дом,
И за тобой по всем местам
Гоняться будут по пятам
То жар, то холод, то страданья,
То прочие недомоганья.
То будешь слаб, то возбуждён,
То будто переохлаждён;
От ежедневных лихорадок
Ты сил почувствуешь упадок.
Лицо бледно, как полотно,
То покраснеет вдруг оно,
То вдруг со странным выраженьем
Ты нем застынешь, без движенья:
Так неестественно замрёшь,
На изваяние похож!
А с виду — и на самом деле
Душа как будто бы не в теле;
И лишь опомнишься — опять
Ты будешь тяжело вздыхать
И средства не найдёшь от дрожи. —
У всех мучения похожи!
И все как будто бы больны,
Когда так сильно влюблены.
Разлуки долго не стерпеть —
Пойдёшь тихонько подсмотреть
И милую найти тайком.
Уверен будешь ты в одном:
Чтоб время проводить счастливо,
Быть далеко — несправедливо!
И будешь Бога умолять
Тебе свидание послать.
И скажешь: “Встречи сердце хочет!
Чтоб тотчас увидали очи
Прекрасный образ наяву, —
Я в помощь Бога призову.

Как велико бы расстоянье
Меж нами ни было, — свиданья
Так требует душа моя,
Что тотчас в путь отправлюсь я.”
Вдали не сможешь оставаться,
И вечно сердце будет рваться
И Бога трепетно молить,
Чтоб с милой поскорее быть.
Но как ты встречи ни желал, —
Напрасно время потерял:
В дороге только утомишься,
Домой ни с чем ты возвратишься,
Хоть за день ноги истоптал,
Но лишь несчастнее ты стал!
Страданье иглами исколет,
Претерпишь новый приступ боли;
А кто не знает мук таких, —
Тот пусть расспросит у других,
Кому их испытать случилось,
Терять рассудок приходилось.
Из сердца мука не уйдёт,
К попытке новой подтолкнёт:
Испытывать судьбу опять —
Сокровище твоё искать.
И если встретится случайно,
Кто так влечёт необычайно, —
Не сможешь глаз ты оторвать
И восхищения скрывать.
И будешь будто бы хмельной
От красоты её одной!
Она с ума тебя сведёт
И в сердце пламень разожжёт,
И чем смотреть ты будешь дольше,
Тем сердце разгорится больше:
Сжигает чудный пламень тот,
Ничто его уж не зальёт,

И кто воистину влюблён, —
Бывает весь им поглощён.
Лишь стоит раз огню коснуться,
Как невозможно уж вернуться
К покою прежнему, — никак
Не погасить тебе очаг.
Он беспощаден — всё спалит,
Его ничто не умолит!
Себя в руках держать старайся
И осторожней приближайся:
Когда душа пылает вся, —
Освободиться уж нельзя.
Свиданьем сердце растревожишь,
Расстаться с дамою не можешь,
Но облик милый или тень
Хранишь в душе ты целый день.
Ты этот образ не забудешь,
И укорять себя ты будешь
За то, что с нею был несмел —
Промолвить слова не сумел.
И вновь обижен ты судьбой
И недоволен сам собой:
Хоть рядом с ней так долго был,
Язык ты словно проглотил.
Когда б добиться лишь привета, —
Все деньги отдал бы за это!
Но положенья не спасти
И с горя места не найти.
Одна надежда остаётся —
Что случай новый подвернётся
Её под небом повстречать,
И уж тогда не промолчать:
Искать возможность будешь снова
Сказать красавице хоть слово.
Когда б хороший был предлог, —
Ты навестить её бы мог:

Давно к тебе пришло решенье
Добиться в гости приглашенья.
Каким бы ни был твой маршрут,
А ноги к ней тебя несут,
И лишний раз необходимо
Тебе пройти хотя бы мимо!
Но в тайне лучше цель сберечь
И избежать ненужных встреч.
Когда ж представится момент
Промолвить даме комплимент, —
В лице ты весь переменившись,
В своих словах неловко сбившись,
Внезапно испытаешь страх,
Кровь застучит в твоих висках...
И голос будет твой изменчив,
И с нею будешь ты застенчив.
Из трёх вещей — не обману —
Едва ты выскажешь одну.
И как беседу ты затеешь, —
Собой уж больше не владеешь.
Будь кто находчив и умён, —
Забудет всё при встрече он.
Но если речи полны фальши,
Хоть будет дама слушать дальше,
Но осторожно. — Ведь речист
Лишь тот, чей умысел нечист:
Он на словах так пылок, скромен,
А в сердце — подл и вероломен.
И зачастую говорит
Не то, что на сердце таит.
Когда заснуть придёт охота, —
Другая у тебя забота,
И что для всех людей пустяк —
Не позабудется никак.
И так любовь тебя измучит,
Что, верно, вовсе спать отучит!

Дневных воспоминаний круг
Тебя обступит ночью вдруг:
Всё вновь переживать заставит —
В покое долго не оставит.
Познать успеешь сотню бед,
Покуда не придёт рассвет,
Бок заболит, да и спина,
Но ты останешься без сна:
Метаться будешь ты на ложе,
Прогнать бессоницу не сможешь.
То вдруг свернёшься, как больной,
От боли будто от зубной;
Воспоминанье дорогое
Потом тебя лишит покоя,
И несравненный образ тот
Средь прочих явственно всплывёт.
Когда любимых вспоминают, —
Границ фантазии не знают.
Во сне прекрасном возведут
Воздушный замок тут как тут:
Как будто беды позади
И ты прижал её к груди,
И обнимаешь как супругу
Ты верную свою подругу.
Так счастье это велико,
Что с ним расстаться нелегко.
Но как бы ни было приятно, —
Уходит образ безвозвратно.
В глазах появится слеза,
Спросить захочешь небеса:
“О, неужели я во сне?
Кто в гости приходил ко мне?”
Захочешь Бога ты просить
Опять тот образ воскресить,
И чтоб с Его благословенья
Твоё исполнилось виденье —

Чтоб наяву огнём гореть,
В объятьях милой умереть.
И скажешь сам себе порой,
Что недоволен очень мной:
“Амур безжалостен бывает —
Жестоко он меня терзает!
И часто после сладких грёз
Меня доводит он до слёз...
Но этих мук не существует,
Поскольку счастье он дарует.
Любовь — превыше всяких благ,
И мука для неё — пустяк!
Коль сердце с милою блаженно, —
Забуду горе совершенно.
Ведь чтоб в любви блаженным быть, —
Я должен за неё платить.
Бесценна высшая награда,
И мукам сердце даже радо.
Но как могло произойти,
Что я посмел произнести
Слова такие? Неприлично
Роптать. Ведь знаю я отлично,
Что малому бывает рад,
Кто больших заслужил наград.
Коль хоть однажды поцелует
Меня красавица, — любую
За это цену заплачу!
Но слишком многого хочу...
И что мечтаньям предаваться? —
Ведь глупо ими мне питаться.
Быть может, снова я не прав,
Так много требуя забав...
Мне от неё так мало надо —
Для исцеленья хватит взгляда.
Другие — счастье пусть сулят,
Но мне дороже — этот взгляд.

И мне достаточно, друзья,
Чтоб ею любовался я.
Пусть день скорей придёт, о Боже!
Мне отдых долгий не положен:
Так утомительна кровать,
Когда совсем не хочешь спать.
Коль день настал бы в самом деле, —
Вскочил тотчас бы я с постели.
Когда ж минует эта ночь?
Лежать уж больше мне не в мочь.
О Солнце, не дождусь восхода,
Ты только не замедли хода,
Скорее сумрак ты рассей,
Спаси меня от муки сей!”
Волненьем будет сон нарушен,
И глаз ни разу не сомкнувши,
Всю ночь в томленьи проведёшь.
Коль встать уж будет невтерпёж,
В свою одежду облачишься
И к дому милой ты помчишься.
Мороз иль дождь, — скорей туда,
И не страшна тебе вода.
Тайком ты убежишь из дома:
Дорога к ней тебе знакома.
Но в этот тихий ранний час
Она ещё не поднялась.
Её приход твой не заботит,
И ты замрёшь на повороте
У тех дверей, что со двора.
И даже если дождь с утра, —
Ты будешь, не пошевельнувшись,
По сторонам не обернувшись,
Так долго на ветру стоять
И пробужденья милой ждать.
Коль вход оставят на запоре,
То это всё-таки не горе:

К парадному ты поспеши
И к двери ухо приложи,
И через окна или щели
Послушай: встать они успели?
Вздыхай. Когда она не спит, —
Открыть, конечно, поспешит.
Пусть вздохи жалость ей внушают
К тому, кто сна себя лишает
Из-за любовной страсти к ней.
И чтоб любовь твоя верней
Ей показалась, — на прощанье
Ещё раз нежное признанье
Перед уходом повтори
И губы приложи к двери.
И чтобы скрыться незаметно, —
Уйди порою предрассветной,
Знакомый чтобы или друг
Тебе не повстречались вдруг.
Твои ночные похожденья,
Твои волненья, спешки, бденья
Не могут дурно не влиять
И вес заставят потерять.
И на глазах от страсти той
Ты станешь бледный и худой.
Но эта худоба полезна:
Все видят — ты страдаешь честно.
Другой же плачет, что не спит,
И что потерян аппетит,
И что любовь в том виновата,
А сам же он — тучней аббата.
Я видел: ест он за троих —
Полно обманщиков таких!
Не обладай душонкой жалкой,
Будь щедрым даже со служанкой:
Ей комплименты говори
И безделушку подари,

Чтоб в доме всем известно стало,
И чтоб похвал иметь немало.
Чтоб даме милым быть вдвойне,
Приятен будь её родне:
Любезный рыцарь уважает
И всех, кто даму окружают.
Её владеньям предан будь.
Когда отправишься ты в путь, —
Не оставайся на чужбине.
Кто куртуазен — не покинет
Своей любимой; лишь сильней
В разлуке будет предан ей.
А если должен отлучиться,
То жаждет быстро возвратиться.
Ты это к сведенью прими,
Любви ответственность пойми.
Совету моему последуй
И на судьбу свою не сетуй.”
Узнавши о такой борьбе,
Стал сомневаться я в себе,
Спросив Амура осторожно,
Как людям пережить возможно
Так много слёз, вздыханий, мук,
Болезней, горестных разлук.
От этих слов мне стало жутко,
Я был испуган не на шутку:
Ведь всякий, кто влюблён, берёт
Страданий бремя и забот.
И мне представить было трудно,
Как человек, питаясь скудно,
Способен жить в таком аду
Хотя б с полмесяца в году!
И после я внимал, послушный,
Что скажет бог великодушный.
“Мой друг, — сказал Амур в ответ, —
Ведь без страданий счастья нет.

Ценой безмерного страданья
Любить научат испытанья.
Воды не вычерпать нам всей
Из океанов и морей,
И в книге нам не перечесть
Всех мук, что только в мире есть. —
Но больше терпит всяк влюблённый,
Такою волей наделённый,
Чтоб мукам противостоять
И жизни силу прославлять.
О смерти не мечтай заранье:
Бедняк влачит существованье
В тюрьме средь всяких нечистот
И с паразитами живёт,
Не зная пищи, кроме хлеба,
Но не о смерти просит Небо,
А чтоб пробил свободы час.
В нём свет надежды не угас,
Что выйдет он из этих стен.
И кто попал к Амуру в плен, —
Желает страстно утешенья,
Надежды живо в нём горенье.
Кто свет хранит в своей груди, —
Тому он силу даст идти.
И беды пусть неисчислимы,
Но люди верою хранимы.
В дороге утешенья нет,
Но истины им дорог свет.
Измученное сердце знает,
Что радость вскоре воссияет.
Надежду нынче воспою,
Что душу вылечит твою.
И ты Надежду вечно славь,
В пути её ты не оставь.
Ведь кто надеяться умеет, —
Того и смерть забрать не смеет:

Порой Надежда тех спасёт,
Кого повешение ждёт.
Не бросит никого нигде,
На помощь поспешит в нужде;
А чтоб не унывал ты сам, —
Тебе я три совета дам.
Три величайших откровенья
Влюблённым дарят утешенье.
Смягчат страдания твои
Воспоминания любви.
Спасает всех Воспоминанье
Минут счастливых. Упованье
Приходит часто вместе с ним
На то, что свыше ты храним.
И если стонешь и вздыхаешь, —
То в нём покой ты обретаешь.
Подробно вспомнишь ты тотчас
И свет твоих любимых глаз
И рот, что нежен был и ал,
И нос, достойный всех похвал,
Вблизи почувствуешь дыханье,
Что облегчит твоё страданье.
Воспоминанием согрет,
Узнаешь милый силуэт
И голоса родные звуки,
Знакомые увидишь руки.
И ты в фантазиях своих
Подробно нарисуешь их.
Улыбки милой нет дороже,
Она утешить в горе может,
И как прекрасно, что она
К тебе была обращена...
Приятно вспоминать о встрече,
Когда от счастья был беспечен:
Нужна влюблённым память встреч,
Чтоб их в страданиях беречь.

Но мрак пристанище найдёт,
Пока душа не обретёт
Другое благо — Разговора,
Куда не проникает ссора.
Он одиноких всех спасал
И многим помощь оказал.
Бывает каждый слышать рад,
Когда о милых говорят.
Прочесть вам будет интересней,
Коль я вас познакомлю с песней.
Слова для песенки сложив,
Влюблённая ноет мотив:
“Беседы радостны бывают,
Когда о нём напоминают.
И кто б о нём ни говорил —
Всегда мне разговор тот мил!”
Беседы любит затевать, —
Чтоб ей о милом услыхать
Красотка эта. А из встреч
Умеет радости извлечь.
От одиночества спасёшься,
Коль Другом ты обзаведёшься.
Найди того, кто как родной
Пребудет в горестях с тобой,
Чтоб доверять ему секреты
И слушать мудрые советы.
Пусть тихим, скромным будет он
И помогает пусть во всём:
В разлуке чтобы и в печали
Вы по красавице скучали
И восхищались красотой
Или девичьей простотой.
Когда и он влюблённый тоже, —
Томления у вас похожи.
А если ты его поймёшь, —
Ты тоже пользу принесёшь:

Секреты он тебе расскажет,
Любимой имя тоже скажет,
И, верно, уж не будет он
Твоей подругой увлечён.
Когда доверье будет полным, —
Он не останется безмолвным.
И коль найдётся кто-нибудь,
С кем вместе можно отдохнуть,
К кому с тревогами пойти,
Приятно время провести,
Когда его ты сердце знаешь.
И безгранично доверяешь, —
Поможет *Нежный Разговор.*
А третье благо — *Нежный Взор.*
Вблизи он полон обаянья,
Ему преграда — расстоянье.
Не уезжай ты далеко —
Ведь с ним тебе всегда легко.
Он даст надежду и утешит,
В душе огонь любви поддержит.
И с нетерпеньем ждёшь ты дня,
Коль встретит Нежный Взор тебя.
И сердце от восторга тает,
Коль он с утра сопровождает.
И никакого горя нет, —
Ведь пред тобой любви предмет.
Ты видишь: взгляд любимый светел, —
Ни бури шум, ни сильный ветер,
Ни пыль, ни взоров праздный суд
От милых глаз не отвлекут.
Когда весельем вспыхнет взор,
То он почувствует укор.
Что он один так веселится —
Ведь с сердцем надобно делиться:
Ему благую весть нести,
От муки чтоб его спасти.

Господь влюблённых не обидит —
Всегда желанье сердца видит.
В присутствии любимых глаз
Оно забудет сумрак враз.
Так, Взор все страхи разгоняет,
Вся нечисть разом убегает,
И, как при свете тает ночь, —
Все призраки уходят прочь.
Теперь с тобою панацея,
И ты, любовию болея,
Её на помощь призывай,
Прийти унынью не давай.
Трёх благ могущество большое
Я от тебя, мой друг, не скрою.
Знай имена их назубок,
Чтоб пережить ты беды мог.
Надежда и Воспоминанье,
И Взора Нежного сиянье,
А также Нежный Разговор
Тебя до некоторых пор
Уберегут от всех невзгод,
Пока свиданье не придёт.”
Закончив речь, Амур растаял,
Меня в раздумьях он оставил.
Я оглянуться не успел,
Как он на крыльях улетел,
И в сердце вновь заныли раны.
Свои опять я вспомнил планы:
Пойти к бутону моему,
Не уступая никому.
Металл мне сердце покалечит,
И Роза лишь его залечит.
Бутон хочу сорвать я тот,
Но как он далеко растёт!
Я стал совсем от горя хмур,
Но мой ходатай — сам Амур!

И как положено цветам, —
За изгородью розы там.
Как жаль, что вкруг стоит ограда —
Моим желаниям преграда.
Но я б ограду пересёк,
Чтоб в руку взять мне тот цветок.
А быть мне вором не хотелось,
Хоть так со стороны смотрелось.
Как мне попасть любой ценой
Туда дорогой обходной?
Я долго о цветке мечтал
И кавалера увидал.
[28]То был приветливый и стройный
Сын Куртуазности достойной.
Он доступ к Розе мне открыл, —
Приём Прекрасный это был.
Ко мне он мило обратился
И добротою весь светился:
“Добро пожаловать, мой друг,
Идите на цветочный луг.
Ограду пересечь не бойтесь

И ни о чём не беспокойтесь.
Со мной Вам зла не причинят,
Вдыхайте Розы аромат!
Я Вас сердечно приглашаю
И безопасность обещаю.
Когда полезен буду Вам, —
Я рад прийти на помощь сам.”
И отвечал я без смущенья:
“Я принимаю приглашенье,
Приятно другом Вашим стать,
И я хвалу хочу воздать
За всё Прекрасному Приёму
И добродушию такому.”
К земле шиповник я пригнул
И изгородь перешагнул
И в нетерпенье по газону
Пошёл я к моему бутону,
Не веря собственным глазам.
Он ароматен, как бальзам!
Мы с провожатым были вместе,
И оказались мы в том месте,

Где руку протянуть я мог,
Чтоб мне потрогать лепесток.
Приём Прекрасный был радушен,
Со мной как друг великодушен,
И я, благодаря ему,
К цветку добрался моему.
Вдруг взгляд в меня недобрый впился —
Виллан жестокий здесь укрылся
Опасность. Будто бы шпион,
В траве сидит тихонько он.
Он церемониться не станет,
Коль руку вор к цветам протянет.
Он сторожил их, словно пёс,
Но не один он службу нёс:
Там Злой Язык, и Стыд, и Страх
Стояли на своих постах.
Стыд — остальных мудрей всегда,
Ведь дама Разум — мать Стыда.
А также у девицы Стыд
Отец весьма был знаменит.
Не спал он с дамой Разум, кстати,
Хоть был Стыду и воспитатель:
Столь мерзким мать его сочла,
Что взглядом лишь дитя зачла —
Ведь то ужасное созданье
Носило имя Злодеянье.
И вот их дочь родная Стыд
Уж к Целомудрию спешит.
Но, к сожалению, она
Давно почёта лишена
И оклеветана плутами,
Хотя владеть должна цветами.
Плутов Венера собрала,
У ней все розы отняла.
А Целомудрие в обиде
Осталась. Это горе видя,

Лишь Разум ей спешит помочь —
К ней Стыд прислать — родную дочь,
Чтоб розы от воров сберечь.
А Ревность — Страх спешит привлечь.
Так вчетвером они несут
Ответственную службу тут.
И грудь свою под нож подставят,
А ворам розы не оставят.
Когда бы не они, — то вмиг
Своей бы цели я достиг...
Служил Приём Прекрасный честно,
И проводник он был чудесный.
Меня он к Розе подозвал —
Желанье сердца угадал —
Чтоб я приблизился немного
И бережно мой куст потрогал,
Благоуханный, весь в цветах,
Мерцающих в его листах.
И чтоб смелее сердце стало,
С куста, где Роза расцветала,
Где каждый цвет был так душист,
Сорвал он мне зелёный лист.
Итак, в меня вселил он смелость
И рассказать мне захотелось,
Как ранил бог любви меня
И как страдал безмерно я.
И начал я: “Мне счастья нет,
Пока на сердце тяжесть бед,
Пока недуг меня гнетёт,
Познать мне радость не даёт.
Не знаю, как сказать Вам это,
Но если будете задеты,
Иль мой недуг Вас разгневит, —
Уж лучше пусть меня пронзит
Ножа стальное остриё
Изранит тело пусть моё!”

“Не бойтесь”, — спутник отвечает
И просьбу выслушать желает.
“Во всех несчастьях, господин,
Амур лишь виноват один:
Он в сердце мне нанёс раненья,
Испытываю я мученья.
Пять раз прострелено оно,
Ну, а лекарство лишь одно —
Молю Вас о бутоне только.
Он лучше всех цветов настолько,
Что не ищу иного я —
В нём жизнь моя и смерть моя.
Когда бы Вы его мне дали, —
Услугу б этим оказали...”
“Мой брат! — воскликнул в страхе он,
Моею речью возмущён. —
Не ждите никаких уступок.
Как низок был бы тот поступок!
Как варвар был бы я жесток,
Когда сорвал бы Вам цветок.
О, как нелепы эти просьбы...
Уж лучше он в покое рос бы.
Я Розу всей душой люблю
И в просьбе Вам не уступлю:
Цветка испортить не хочу я.”
И тут, неладное почуя,
Из-за кустов одним прыжком
Виллан со сморщенным лицом
Вдруг перед нами очутился
И диким криком разразился.
Глаза его огнём горят
И дыбом волосы стоят:
“Как Вы могли, Приём Прекрасный, —
Кричит он, чёрный и ужасный, —
Юнца в розарий привести?
Он оскорбленье нанести

Посмел хозяевам! Будь проклят, —
Опасности раздались вопли —
Кто в сад его пускает к нам.
Кто вход открыл — предатель сам.
Скорей гоните прочь вассала,
Нам только срама не хватало!
Иль я убью его сейчас
За то, что он позорит Вас
И злом на всё Вам отвечает!”
“Вас, к сожаленью, плохо знает
Мой господин — ошибся он,
Напрасно встречей был польщён, —
Виллан мне бросил, — и теперь я
Не окажу юнцу доверья!”
Я испугался тех угроз
И, несмотря на то, что рос
Вокруг меня барьер зелёный, —
Перемахнул я, поражённый
Столь отвратительным лицом,
Над ограждения кольцом.
Но головой своей тряся
Виллан убить меня клялся.
Приём Прекрасный убежал,
А я сконфуженный стоял,
За просьбу дерзкую пристыжен
Пред спутником моим унижен.
Так, огорчён я был до слёз,
И мне раскаяться пришлось
Во всём, что я наговорил
И что беду я натворил.
Как мог я знать, что за забором
Я сразу окажусь с позором?
Амур мне говорил не зря,
Что поплачусь жестоко я
За эту страсть, что сердце мучит.
Оно покоя не получит,

И мысли как ни повернуть, —
Не станет легче мне ничуть.
Но если Розу я покину,
Вдали я от неё погибну.
Любви кто не изведал дней,
Не знает, сколько боли в ней!
Стоял угрюм я и подавлен,
Без утешения оставлен,
А рядом башня там была,
И дама Разум в ней жила.
Она из башни вниз глядит
И видит мой ужасный стыд,
И вот спешит она сойти,
Со мной беседу завести.
Цветущей я б её назвал,
А возраст бы не угадал.
Был невысоким рост у ней,
Глаза сияли звёзд светлей.
И говорила мне корона,
Что это важная персона.
Столь гармонична и светла —
Из рая будто бы пришла!
И так была она красива,
Что, верно, неземная сила
Её произвела на свет, —
Готов поклясться в том поэт —
Чтоб успокоить ум вначале
У тех, кто болен иль в печали,
Рассудок чтоб хранить того,
Кто в силу верует его.
И дама разговор заводит:
“Мой друг, с ума влюблённый сходит?
Причина — в юности твоей:
Так много безрассудства в ней!
И май цветущий злополучен,
Коль так любовью ты измучен.

Пригрело солнце, и весной
Ты стал как будто бы хмельной.
А рок сюда тебя привёл
И с Беззаботностию свёл:
Опасно всем водиться с нею!
Тебя я искренне жалею.
Открыла дверцу в этот сад
К Амуру в плен, — а ты и рад!
Коль стал ты от страданий бледным,

Так не внимай советам вредным.
Так глупо ты не поступай —
Амура вовсе избегай.
Забудь его существованье:
Он причинял одни страданья.
Тебя он сразу покорил
И мукой долгой изнурил.
Предай же ты любовь забвенью
Души во имя сохраненья, —
Спокоен будешь и здоров

И вспомнишь радость крепких снов.
Виллана гнев тогда остынет,
И мирно враг тебя покинет.
Иначе плохо кончишь ты.
Ведь дочь моя родная Стыд
(Куда опаснее и строже
Виллана) — там на службе тоже:
За цветником она следит,
Ворам дорогу заградит,
И неусыпный глаз Стыда
Тебя не пустит никуда.
Пусть всех врагов ты одолеешь,
Но и об этом пожалеешь:
Коварный сторож Злой Язык
Тебя предаст в последний миг.
Враги твои непобедимы
И к добрым людям нетерпимы.
Не будь к моим советам глух
И выбирай одно из двух:
Любви скитанья продолжать ли, —
От всех страданий отдыхать ли.
Коль настоишь ты на своём, —
Тебе не будет толку в том.
Любви безумной ты отдашься
И целью глупою задашься, —
Не нужен будет целый мир,
Несчастен будешь ты и сир.
Ты позабудешь все уменья,
Пройдёт к работе вдохновенье, —
Ведь у Амура кто в руках,
Тот больше терпит, чем монах.
Твоё неизмеримо горе,
А радости — что капля в море;
Лишь случай управляет ей,
И для неё так мало дней!
Коль будешь ты за ней гоняться,

Попытка может не удаться.
Амуру сдался ты уже,
Но не пришёл ты к госпоже
Просить совета в деле этом, —
Любви увлёкся ты предметом.
Теперь любви твоей порыв,
Тебя однажды посетив,
Не пустит сердце на свободу, —
Бросай же о любви заботу!
Ты с чувствами повремени,
Так высоко их не цени:
Они тебе во всём мешают,
Твоё здоровье ухудшают.
Так, укроти сердечный пыл,
Чтоб вмиг ты о любви забыл.
И сердца слушаться не надо, —
Ведь от него одна досада.”
Едва удерживая гнев
И вставить слова не успев,
Я против рассуждений дамы
Решился высказаться прямо:
“Не упрекайте Вы меня,
Что у Амура в рабстве я.
Иль Вы считаете, быть может,
Что Ваш совет беде поможет?
Ах, нет, ведь сердце целиком
Моё томится под замком.
Ключа единственный хранитель
И всех сердечных тайн смотритель —
Амур. Позиций он не сдаст,
Свободы сердцу не отдаст.
Оставьте Вы меня в покое,
Ведь многословие такое
Мне не на пользу, как и Вам, —
Так будьте бережны к словам.
Себя бранить не позволяю

И слушать Разум не желаю.
Я буду сам себе судья
За то, что сердце отдал я!”
Не может Разум тут помочь,
И удалилась дама прочь.
И снова горем я убит,
Рыданье грудь мою теснит.
Когда-то обо мне заботясь,
Чтоб за удачею охотясь
Не пал я духом, одинок, —
Амур советом мне помог
Найти того, кому бы душу
Я мог излить и кто б послушал,
Что мне приходится терпеть:
Он Друга дал совет иметь.
И вот, смятением объят,
Я думал, кто мне близкий брат

И самый лучший компаньон, —
Конечно, Другом звался он.
Надеждой новой окрылённый,

Своим страданьем истомлённый,
Спешу я душу распахнуть,
На Друга верного взглянуть.
И услыхал он много жалоб:
О том, как смерть мне угрожала,
Как спутника виллан изгнал,
Которого я умолял
Сорвать мне Розу. Ну, и что ж? —
Пропасть я мог бы ни за грош,
Когда бы не унёс я ноги!
Узнав про жребий мой убогий,
Друг облегчил печаль мою:
“Виллана нрав я узнаю,
И вряд ли я уже забуду
Когда-нибудь его причуду:
Все чувства нежные спугнёт
И издеваться он начнёт,
Коль у Амура Вы на службе.
Я вот что Вам скажу по дружбе:
Ничтожна так его душа, —
Она не стоит и гроша!
Дела мерзавца обличают,
И только лесть его смягчает.
Скажу я, как Вам поступить,
Чтоб гнев Опасности смягчить:
Просите у него прощенья
За дерзости и оскорбленья.
Всё умоляйте позабыть,
Послушным обещайте быть.
Его ничем не огорчайте,
Всегда приветливо встречайте.”
Так в чувство он меня вернул,
И снова я идти дерзнул
К Опасности. Вернулась смелость,
И сердце снова загорелось.
К виллану я пришёл опять

И глаз своих не смел поднять,
Томим желанием одним —
Скорее примириться с ним.
Решил я следовать запрету —
Не преступать ограду эту.
А он меня как будто ждал —
У входа с палкою стоял,
Лицо звериное нахмурив.
Я, голову пред ним понурив,
Решив признать свою вину,
Издалека кричу ему:
“Простите, сир, в моём порыве
Я из спокойствия Вас вывел,
И совесть требует моя,
Чтоб извинился сразу я.
И я к Вам, — истины не скрою, —
Иду с повинной головою.
И если худ поступок мой, —
Один Амур тому виной.
Когда и поступил я худо,
То больше я уже не буду
Законов Ваших нарушать,
Спокойной жизни возмущать.

Но Вы любви не запрещайте,
И мне позволить обещайте
Любить. — Запрета нет на то,
А я Вам послужу зато.
Не помешаю Вам нисколько:
Влюблённым буду, да и только!
Ваш выполню любой приказ,
Зависеть же в любви от Вас
Не буду. И клянусь Вам, сир:
Мне между нами дорог мир”.
Не сразу я его умаслил,
И взоры гневные погасли,
Но в просьбе я настойчив был
И, наконец, он уступил
И мне сказал: “Я не сержусь,
Тебя простить не откажусь.
Ведь мне твоя, признаюсь честно,
Любовь — совсем не интересна.
Опасность ввек тебя не съест,
Коль ты уйдёшь из этих мест.
К ограде ты не приближайся

И розами не обольщайся.”
Спешу я к Другу, чтобы он
Был так же рад, что я прощён,
Что злоба сторожа остыла,
И что прошенье победило.
“Теперь дела пошли на лад.
Всегда Опасность, говорят,
Влюблённых робостью упьётся,
И только под конец сдаётся.
Когда ж ему во всем везёт, —
Виллан великодушен тот.
Так, терпеливо, друг мой, ждите
И подходящий миг ловите.
Терпенье — больше ничего —
Всю злобу победит его!” —
В моей участвуя судьбе,
Желая блага, как себе,
Так верный Друг меня утешил,
Чтоб с горя носа я не вешал.
С товарищем простился я
И вновь вернулся в те края,
Где под охраной злых людей
Источник радости моей.
Всегда Опасность начеку:
Я обещание смогу
Сдержать? Но нрав его я знаю
И уговор не нарушаю.
Ограду перейти не смел,
Во всём угодным быть хотел,
Хоть и пришлось мне потрудиться,
Чтоб милости его добиться.
Он строгим быть ко мне решил,
Идти навстречу не спешил
И из укрытья наблюдал,
Как у ограды я рыдал.
Мечтал приблизиться к цветку я,

Вздыхая горько и тоскуя.
Но как бы я ни причитал, —
Следить он только лучше стал.
Так, вновь отдался я печали,
И сумерки в душе настали.
Но чтобы горе побороть,
Мне Искренность послал Господь,
И с нею Жалость тут как тут.
И вот к Опасности идут
Они бесстрашно. Так спешат!
Влюблённому помочь хотят
И за меня замолвить слово.
“От Вас я не ждала такого, —
Сказала Искренность ему, —
Не понимаю, почему
С ним резки Вы, — я знаю точно,
Что поведенье непорочно

Того влюблённого, и зря
Вы сердитесь. Его нельзя

Наказывать: любовью связан,
Немало он страдать обязан.
И каяться не будет он,
Что ввек Амуру подчинён.
Пусть на костре он испечётся,
Но от любви не отречётся.
Я Вам хочу задать вопрос:
За что он муки перенёс?
Всегда дрожать Вы заставляли,
Чтоб Вас сильнее уважали.
Забавы этой хуже нет, —
Вас ненавидит целый свет.
Ведь коль страдает младший саном, —
Не будь глумливым ты вилланом.
[29]Благ Куртуазности закон,
И снисхожденья просит он
К тому, чьё сердце не на воле,
Кто от чужой зависит воли.”
“Когда Вы строги долгий срок,
То строгость — злобный Ваш порок.
Суровости превыше — Жалость,
Что в нашей жизни подтверждалось
Так часто, — Жалость говорит. —
Когда ж Опасность прекратит
Вражду с любви несчастной жертвой?
Он разве что ещё не мертвый,
И так бедняга исхудал,
Что лучше б мучить перестал
Его виллан, — оставил месть.
Уже пора бы знать и честь.
Взвалили не по силам ношу
Вы на него — один он брошен;
Изгнали спутника его,
Кто был ему нужней всего.
Приём Прекрасный как исчез,
Влюблённый пролил много слез.

Любовь и так его терзает,
Виллан же — скорбь усугубляет.
Изгнать сумейте из души
Вы злость к тому, кто согрешит:
Вы милосердье призовите
И спутника ему верните.
Вас Искренность пришла просить,
Услышанной надеясь быть.”
И говорит он: “Не посмею
Вам отказать, не то злодею
Придёт позор на целый свет.
И возражений больше нет,
Чтоб с ним Прекрасный был Приём,
Коль молит Искренность о том.
И поступлю я благородно,
Коль это Жалости угодно.”
Визит к виллану завершив,
Меня с ним скоро примирив,
Направились две милых дамы
К Прекрасному Приёму прямо.
Тут слово Искренность берёт —
Опять её пришёл черёд —
И кавалеру с уваженьем
Произнесла она прошенье:
“Уж много времени прошло
С тех пор, как всё произошло.
Надолго Вы не удаляйтесь,
С влюблённым рядом быть старайтесь.
С тех пор, как Вы расстались с ним, —
Он стал тревожен и раним.
Виллана волю мы сломили,
О встрече вашей умолили.
Нам отказать не захотев,
Виллан сменил на милость гнев.
Коль Вы любви моей хотите,
Скорей юнца развеселите!”

И сам виллан не устоял,
И кавалер согласье дал, —
Готов ко мне он возвратиться:
Его со мною примириться
Просила Искренность тотчас.
Мой спутник, как и в прошлый раз,
Со мною держится приветно.
Коль был сердит, — то не заметно
От возмущенья ни следа, —
Улыбка прежняя чиста.
Казалось мне, при встрече той
Ещё охотнее со мной
Слуга беседует приветный.
И вот меня в цветник заветный,
Где Роза милая росла,
Прихода моего ждала,
Ведёт он за руку. Как будто
Из ада в рай в одну минуту
Попал я! Всюду мне ходить
Никто не может запретить.
К цветку я подошёл мгновенно:
Была видна в нём перемена.
Пока отсутствовал я здесь,
Успел он измениться весь.
Я с радостию увидал,
Что он ещё красивей стал:
Нашёл его теперь я большим,
И стебель явно был подросшим.
Он не был полностью раскрыт:
Ему расцвет лишь предстоит.
И сердцевина не видна,
Но скрыта в лепестках она.
Раскрыться лепестки хотели,
Но в серединке — не успели,
И тканью нежною своей
Прижались в центре поплотней.

Живым огнём в саду пылая,
Алеет Роза, расцветая.
Как стала Роза высока
И ярче краснота цветка!
И чудом я ошеломлённый
И чувств почти уже лишённый,
Окутан чарами её,
Дыханье затаил своё.
Застыл я — прикоснуться медлю.
На этот раз в Амура петлю
Я так нежданно угодил, —
А он связал меня, скрутил!
Приём Прекрасный был со мной,
И с просьбою к нему одной
Я обратился, не робея.
Уверен в нём был, как в себе я.
Самозабвенно я смотрел,
А он мешать мне не хотел,
Помочь готовый всей душою.
И одолженье небольшое
Его я сделать попросил.
Сказал я так: “Позвольте, сир,
Поцеловать мне Розу эту.
Душа любовью к ней согрета,
Сей аромат меня пьянит
И к ней приблизиться велит.
Послушайте: о, как хочу я,
Чтоб разрешенье поцелуя
Вы подарили мне, мой друг.
Когда ж Вам не по сердцу вдруг
Придётся дерзкое прошенье, —
Ни в чём не будет мне спасенья!”
“Мой брат, — ответил он тотчас, —
Не всё зависит здесь от нас,
Я Вам бы запрещать не стал:
Влюблённый бы поцеловал

Свою красавицу, поверьте,
Но Целомудрие в ответе
За поцелуи. Поперёк
Я слова б ей сказать не смог!
Всегда она бывает против,
Чтоб уступить такой охоте —
Цветок влюблённым целовать.
Ведь после — вряд ли забывать
Кому-то это удавалось:
Глубоко в сердце оставалось.
Запомни — лучше дара нет,
Его не стоит целый свет.”
Услышав спутника слова,
Подумал я, что мне едва
Беседу стоит продолжать
И гнев напрасный вызывать.
Так, докучать не стоит нам,
Коль человек не склонен сам
Помочь. Ведь даже с дубом старым
Не справиться одним ударом;
Не получить вина глоток,
Пока мы не добудем сок
Из спелых ягод винограда...
Но всё-таки мне было надо
Мой милый цвет поцеловать.
И вот ко мне Амура мать,
Что с Целомудрием враждует
И помощь страждущим дарует, —
Венера добрая спешит,
И пламя факела дрожит.
Я в ней богиню угадал
Иль феей бы её назвал!
Наряд её был так роскошен, —
На монастырский не похож он;
И нет высокомерья в ней —
Столь элегантной даме сей!

Ни одеянья дорогого,
Ни украшенья золотого
В романе я не опишу,
И это мне простить прошу.
Какой оказан мне почёт! —
Ведь за меня просить идёт
Сама Венера. И она
Отказом тем возмущена:
“Взгляните, сир Приём Прекрасный,
Наш друг поистине несчастный
Не по заслугам пострадал.
Несправедливо отказал
Ему и спутник в поцелуе
Столь драгоценном: он не всуе
Награды высшей попросил,
Он добросовестно служил.
Умеет честно он любить
И должен сам любимым быть.
Я, сир, нисколько Вам не лгу
И с удовольствием могу
В его заслугах поручиться
И от души им восхититься.
Так мил, так искренне влюблён,
И как дитя чудесен он!
В него кто не имеет веры,
Хоть дамы то, хоть кавалеры,
В глазах моих совсем падут,
Во мне поддержки не найдут.
Коль Вы дозволите ему
К цветку склониться своему
И прикоснуться на мгновенье,
Вкушая нежное цветенье
Бутона алого, то он
Никак не будет повреждён:
Дыханья лёгкая волна
Цветку нисколько не вредна.

Взгляните: рот его окрашен
Точь-в-точь как и бутоны наши,
И — видит Бог — ему подстать
Бутоны эти целовать!
И губ красиво очертанье:
Они для нежного касанья
Как будто бы сотворены,
В них зубы дивной белизны.
И я давно на Вашем месте
Ему помочь сочла бы честью.”
Тут речь Венера прервала,
К нему поближе подошла.
Почувствовал мой спутник пламя
От факела, что рядом с нами
В руке Венеры полыхал,
И мне согласье сразу дал.
Поцеловал я бархат Розы,
И тотчас отступили слёзы.
От радости безмерной той
Здоровым снова стал больной. —
Способен был лишь Розы цвет,
Которого прекрасней нет,
Помочь. И нет таких страданий,
Чтоб силою воспоминаний
Об этом чуде неземном
Не стали б радостью потом.
Однако ночи вновь бессонны:
Касаньем Розы благовонной
Не исцелился вовсе я,
Но возросла тоска моя.
Ведь даже в штиль, совсем стихая,
Колышется вода морская.
Любви нельзя нам разгадать
И лик её предугадать,
И в ней проходят быстротечно
То радость, то печаль извечно.

Теперь в рассказе перейду
К врагу другому я — Стыду.
Я так страдаю и грущу,
Что рассказать не упущу,
Как надо мной тот потешался,
Как замок мощный воздвигался,
И был он, крепок и богат,
С участием Амура взят
Любви непобедимой силой, —
Поведаю вам ради милой.
Пусть будет счастлива вполне,
Других наград не надо мне!
Помог врагам и Злой Язык:
В их мысли будто бы проник,
И принялся он хлопотать,
Чтоб зло повсюду разболтать, —
Не мог остаться в стороне!
И наблюдая, как ко мне
Приём Прекрасный расположен,
Был так от зависти ничтожен
(Он старой склочницы сынок),
Что удержаться он не смог:
Запретной попрекал любовью,
Нещадно предавал злословью
И помощь спутника, и связь,
Что между нами родилась.
И так отчаянно вредил,
Что злую Ревность разбудил.
И Ревность, только встрепенувшись,
От болтовни его проснувшись,
В такое бешенство пришла,
Что сразу к спутнику пошла.
Приём Прекрасный обвинён,
Испуган не на шутку он.
И чтоб от глаз её укрыться,
Готов сквозь землю провалиться.

“О, как ты мог, я не пойму,
Стать благодетелем ему? —
Бросает Ревность, — смел ты слишком,
И вижу, дружишь ты с воришкой.
Но коли ходишь с чужаком, —
Со мной ты больше не знаком:
Его ты с лёгкостью прощаешь
И негодяю доверяешь.
Тебя я в башню заточу —
За своеволье проучу.
Достоин ты лишь порицанья
И цепи кованой бряцанья.
Теперь я знаю: дева Стыд
Так плохо за тобой глядит,
И Целомудрие уже
Не нужно этой госпоже:
За садом нашим не следила,
Развратника сюда впустила!”
Тут растерялся спутник мой,
Стоит он, будто бы немой:
Сбежал бы, верно, он сейчас,
Когда б не задержали нас.
А я не смог остаться там —
Я ненавижу вздорных дам.
Трещала Ревность, как сорока, —
И я сбежал в мгновенье ока.
А к ней подходит дева Стыд
И от волнения дрожит.
Была простой она и кроткой,
И по натуре очень робкой.
Монашеский на ней наряд,
И спрятан под вуалью взгляд.
А голос был её чуть слышный:
“Мадам, свидетель мне Всевышний —
Не верьте Злому Языку.
Я смело утверждать могу,

Что он неправду говорил,
Коль невиновного хулил
Юнца Прекрасного Приёма,
И эта подлость мне знакома.
Он оболгал не одного,
И нет управы на него.
Уж многих он оклеветал
И на язык к нему попал
Приём Прекрасный. — Он радушен
И без разбору простодушен.
Так много позволяет он,
Хотя и не осведомлён
О человеке, лгать не буду,
Но никогда не мыслит худа:
[30]Ведь сына Куртуазность-мать
Сумела добрым воспитать
И обучила всем манерам,
Чтоб был он лучшим кавалером.
(Вилланы ненавистны ей).
Приём Прекрасный всех людей
Готов приветливо встречать
Привык любезно развлекать,
Всегда гостеприимен, только
Греха ведь в этом нет нисколько!
Быть может, я и подвела
Его, коль строгой не была
С ним никогда — журила мало,
Надсмотром я пренебрегала.
Прошу прощения. И впредь
Уж лучше буду я смотреть.”
“Я знаю, Стыд, кто виноват, —
Кругом царит один Разврат, —
Сказала Ревность, — я боюсь,
Что средь врагов я окажусь.
Разгул повсюду безграничен,
В монастырях — и то привычен,

И Целомудрие опять
Никто не может отстоять.
Аббатство — тоже всё растлилось.
И чтобы мне не приходилось
Терпеть воров в моём саду, —
Вокруг я крепость возведу.
Коль цветники закрыты будут,
Бутонов воры не добудут,
А вам не доверяю я:
Ведь честь поругана моя.
Пока не возведу я стены,
У нас не будет перемены.
Воров сама я задержу —
Стеною перегорожу
Я путь к цветам. И за стеной
Тогда настанет им покой.
А нынче сердце не на месте,
Его страшат дурные вести.
В нём не наступит мир, пока
Не будет в центре цветника
В высокой башне заключён
Приём Прекрасный. Ограждён
Он будет от дурных влияний
Развратных уличных компаний.
Его закроем на замок,
Чтоб выйти больше он не мог.
За ним ведь нужен зоркий глаз,
Не то его испортят враз.
Ну, а с бродягами общенье
Ему несёт лишь развращенье.
Его мы сердце сохраним, —
И не повадится он к ним.”
Девица Страх тут показалась,
Но, видя Ревность, испугалась.
Ни слова не произнесла —
Подальше молча отошла,

Суровой опасаясь кары
Заране. Со Стыдом на пару
Оставила их госпожа,
И вот стоят они, дрожа.
У девы Страх так голос тих,
К кузине голову склонив,
Она лепечет боязливо:
“Сестрица Стыд, так некрасиво
Мы в ссору втянуты с тобой,
Одной унижены виной,
И нас бранят, а мы в ответ
Молчим, — и правды в этом нет.
Ведь раньше — в мае и в апреле
В саду ни разу не шумели,
Нас не могли ни попрекнуть,
Ни наказаньем припугнуть,
И вот хулой нас покрывают,
В предательстве подозревают.
Взбесилась Ревность, так пойдём
Виллану скажем обо всём:
Ведь он хулу и заслужил —
Ограду плохо сторожил.
Когда не станет зорче он,
Конец его уж предрешён.
Коль Ревность на него сердится, —
На свет ему бы не родиться!”
Виновного они нашли —
К Опасности тотчас пошли.
А неотёсанный виллан
Лежал, как будто был он пьян.
Он под кустами притулился
И в полудрёму погрузился.
Но тут прервался мирный сон,
И криками разбужен он.
Девица, видя непорядок,
Кричит: “Я вижу, сон Ваш сладок!

Как можете Вы на беду
Забыться в розовом саду?
И дела нет Вам до цветов:
Проспите Вы любых воров!
Тому ума недостаёт,
Кто под охрану Вам даёт
Бутоны. Вы же — распустились
И с бдительностью распростились,
Хоть ужас всем должны внушать,
Одним лишь видом устрашать!
Однако по вине ленивца
Сюда впустили нечестивца,
Кто причинить хотел нам зло,
А Вам — всё это с рук сошло.
Повинен в том Приём Прекрасный.
И Вы, конечно же, причастны.
Однако Ревность нас винит
И за предательство бранит,
А Вы бесстыдно здесь лежите.
Вставайте, лодырь, и воткните
В ограду прутья поплотней,
Чтоб больше не было щелей.
И охраняйте без притворства!
Не потерплю от Вас потворства
Разврату, — он кругом царит.
Виллана имя говорит
О Вашей сущности жестокой,
А Вы прослыли лежебокой.
Вам не подстать приветным быть
Иль нравом добрым походить
На рыцаря. — Уж всяк признал,
Что сокол наш воруной стал!”
И Страх, пугливая девица,
На лодыря не надивится.
Да так она возмущена,
Что подлость им совершена,

Что он забыл свою работу
И погрузился во дремоту,
Что говорит она ему:
“Посадит Ревность Вас в тюрьму.
Коль не исправитесь Вы сами,
Она жестокой будет с Вами.
Ведь нравом госпожа крута,
И ей несдобровать тогда.
Сегодня Стыд она ругала,
Приём Прекрасный запугала:
Столь яростной она была —
Его со службы прогнала
И в цепи хочет заковать,
И в крепости замуровать.
Советую и Вам быть строже,
Иль Ревность Вас накажет тоже.”
Опасность нехотя встаёт,
Глаза свои спросонья трёт,
Потряс со сна лохматой гривой
И потянулся он лениво.
И, гневной речью разозлён,
Весь сморщился противно он:
“О как же потерплю я это,
Коль лодырем меня отпетым
Назвали Вы? — Я вам служил
И до седин уже дожил,
Как вдруг мне говорят злодеи,
Что сад беречь я не умею!
Но пусть меня спалят живьём,
Коль воры побывают в нём,
Иль пусть рогатиной проткнут,
Коль не схвачу бандита тут.
Беспечен был я до сих пор,
Но берегись, проклятый вор:
В Павии[31] лучше уж болтайся,
Мне на глаза не попадайся!

Я буду строг теперь с людьми,
И за цветник я лечь костьми
На этом месте обещаю:
Врагов я больше не прощаю!”
Нетерпеливо он вскочил,
Дубину в руку он схватил,
И всех окинув гневным взглядом,
Пошёл осматривать ограду:
Найдёт ли тропку иль овраг,
Куда проникнуть сможет враг?
С тех пор он волю гневу дал,
И много бед я испытал.
Как велика моя потеря!..
Я, в счастие уже не веря,
Совсем отчаялся во сне,
Что не увидеть Розы мне.
Дрожит всё тело от волненья —
Мечты я видел исполненье,
Я подойти к Ней близко мог,
Я видел каждый лепесток!
И роком я с тех пор отмечен.
Когда не суждена мне встреча,
Когда разлук не обойти, —
Из жизни лучше мне уйти.
В недобрый час я в сад явился
И к Ней приблизиться решился,
Лицом почувствовал Её,
Дыханье затаив своё.
Зачем любовь меня настигла,
Когда Амура не достигло
Моление о встрече с Ней?
Разлука мне еще больней,
Коль не придётся вновь встречаться
И поцелуем обручаться:
Познал я истинную страсть,
Хотелось Розу мне украсть,

Чтоб дух в меня блаженный влился,
И чувств я снова бы лишился.
Теперь рыдаю и не сплю,
И боль душевную терплю.
Злодей меня там подстерёг —
На муку тщетную обрёк,
Из-за него теперь страдаю
И слёзы горькие глотаю.
Шпион проклятый Злой Язык,
О, что ты сделал, клеветник?!
А Ревность вот что совершила:
Она повсюду сообщила
Умелым каменщикам весть,
Что важная работа есть.
Они огромную вначале
Канаву дружно раскопали,
И вот уж высится над ней
Стена из тёсаных камней.
Основа не была сыпучей:
Воздвигли на скалистой круче
Они фундамент крепостной,
Чтоб твёрдым был он под стеной.
Сужаясь кверху постепенно,
Переходил фундамент в стены.
И каждая в длину стена
Туазам двадцати равна.
По форме это был квадрат,
И башни по углам стоят,
Врагов чтоб видеть отдалённых.
Все башни — из камней гранёных.
На все четыре стороны
Порталы там обращены.
Передний вход был укреплён:
Ведь для защиты важен он;
Под каждой боковой стеной
Был сделан выход запасной.

А в центре крепости стояла
Другая башня. Превышала
Она размером стену ту
И в толщину и в высоту.
Тут мастера со всей страны
Работою увлечены;
Раствор на славу сделан был
И стены мощно укрепил.
Им цену Ревность понимала,
Когда к себе их нанимала,
И знала точно госпожа,
Что их работа хороша.
Горда она стеной добротной:
Ведь на скале её природной
Умельцы мудро возвели —
Надёжность скал они учли.
И как алмаз, стена прочна,
И башня круглая мощна,
А всё внутри неё пространство
Богатым славится убранством.
Прекрасна башня и на вид, —
Такой никто не повторит!
На расстоянии — второй
Защищена она стеной,
Вокруг же — клумбы до стены
Под розы все отведены.
И чтобы замок был надёжен
И штурм внезапный невозможен, —
Он камнемётами снабжён.
И если враг вооружён —
Тут предусмотрено и это, —
Узнает силу арбалета.
И вкруг стены — увидит вор —
Зубчатый высится забор.
А кто приблизиться посмеет
И страх перебороть сумеет,

Отвагой будет козырять, —
Коня рискует потерять.
Охрана же (ей нет числа)
Там службу преданно несла.
И Ревность, от восточной двери
Ключи Опасности доверив,
Дала ему большой отряд
Из бойких тридцати солдат.
А у полуденных ворот
Там службу Стыд свою несёт,
И с нею войско было, сразу
Готово внять её приказу.
И слева был у третьих врат
Огромный батальон солдат,
А во главе — девица Страх —
Боится слышать о ветрах:
Не успокоится девица,
Пока на ключ не затворится.
Ведь если ветер воет вдруг,
То с ней случается испуг,
И если дверь приоткрывает,
То паника у ней бывает
При виде пары саранчи.
И ты к ней лучше не стучи!
И Злой Язык — на страже сзади,
Норманны[32] у него в отряде.
А ночью ходит тут и там,
И к самым дальним воротам:
Он охраняет каждый вход,
Покуда не придёт восход.
Когда же сумрак соберётся, —
На стену стражник заберётся
И будет что-нибудь играть
И инструменты выбирать
Для разной музыки. Вначале
Свирели вечером звучали, —

Их очень Злой Язык любил,
А иногда и в рог трубил.
Свои уменья изощрял
И песен он не повторял.
Однажды на стене сидел
И лэ по-корнуольски[33] пел,
И ветер разносил куплет
О том, что честных женщин нет.
“Возможно ль женщин полюбить? —
Их можно дёшево купить,
Все — потаскухи, нет в них веры,
И красятся без всякой меры!
Нигде достойной не нашёл,
А к пустомеле не пошёл.
Одни — бесстыжи и глупы,
Другие — дьявольски наглы,” —
Все до одной казались гадки,
В них видел только недостатки.
Так Ревность, розы окружив
И злое дело завершив,
От Божиих скрываясь глаз,
Охраною обзавелась.
Окружена она дружками
И розы держит под замками.
Приём Прекрасный заперт тут,
Его злодеи не найдут.
Старуха в башне той сидит,
И день и ночь за ним глядит.
Ничем её не обмануть,
Не одурачить как-нибудь.
Старуха провести не даст,
Никто и знака не подаст
Тайком, и вряд ли подмигнёт:
Она все хитрости поймёт.
Ведь нет такого приключенья,
Ни радости, ни огорченья,

Что б не изведала она
По молодости, влюблена.
И ей Прекрасного Приёма
Томление вполне знакомо.
Так, в башне их замуровав
И шалуна к рукам прибрав,
Спокойна нынче Ревность стала
И волноваться перестала,
Что кто-то розы украдёт.
Ведь ни одна не пропадёт:
Хранятся розы под замком
За мощной крепостью и рвом.
А я остался за стеной,
Достоин жалости одной.
Я к чудесам лишь прикоснулся
И вновь к отчаянью вернулся.
Амур теперь с меня спросил
За всё, что мне он подарил.
Я на него роптал невольно.
Хоть мне казалось, я довольно
Страдал и мучился, любя,
Но, видно, ошибался я!
Уж сердце выдержать не может,
Уж думал я, конец положит
Амур страданиям моим
И я уже в расчёте с ним,
Как вновь за счастие плачу я
И жить уж больше не хочу я.
Моей мечты я вновь лишён,
И всё, чем жил я, отнял он.
Не верю, честно говоря,
Что был когда-то счастлив я,
Как бедный пахарь, кто посеял
Зерно и сам его лелеял. —
Но только зацвели поля,
Как вдруг напала головня[34].

И, как богов ни умоляй,
Весь погибает урожай!
Крестьянин предвкушал удачу,
А получилось всё иначе
С зерном. И я — как пахарь тот.
Печаль меня совсем убьёт:
Я так Амуром избалован,
А ныне — вновь разочарован.
Он надо мною подшутил
И радость в горе обратил.
Зачем, зачем Приём Прекрасный
Меня обрадовал напрасно?
Я помню, счастлив был тогда,
Но всё исчезло без следа...
Фортуна не всегда ласкает:
То греет нас, то обжигает,
То, подарив блаженства час,
Потом откажется от нас.
Лишь только к радости склоняет,
Как лик предательски меняет:
Так колесо она вертит,
Всю радость мигом прекратит.
Кто был вверху — Фортуна скинет,
И счастие его покинет;
С другим же всё наоборот:
Его в счастливчики берёт.
И горя я не опасался,
Как сам внизу вдруг оказался;
А счастье ныне за стеной,
И только ров передо мной.
В плену мой милый покровитель,
Надежды добрый повелитель.
Когда Амур меня простит,
То пусть его освободит.
Он знает Розу, ну а в Ней —
Источник сил души моей.

Неволю терпит спутник мой,
Наказан мрачной он тюрьмой.
Но Ревность над душой не властна,
Мой милый друг Приём Прекрасный,
И если Вы теперь в цепях,
То не должны губить в скорбях
Вы сердце и в неволе даже —
Ведь сердцу Ревность не прикажет.
И если телом Вы в тюрьме, —
Душой принадлежите мне.
О, будьте так же благодушны,
Любви единственной послушны.
Кто искренен в любви вполне,
Того не побороть судьбе!
Ей ни за что не подчиняйтесь
И всей душой сопротивляйтесь.
Когда она Вам и вредит, —
Любви она не победит.
Однако очень я встревожен:
Быть может, друг не расположен
Меня в несчастьи поддержать,
Своё участье выражать?
Быть может, на меня сердится
За то, что он в тюрьме томится?
Но разве в том повинен я!
Ведь дружба искренна моя.
Я боль не думал причинять
И преступлений учинять.
За то, что связан я любовью,
Своей расплачиваюсь кровью.
Лежит на сердце нынче груз.
У Вас я даже не берусь
Просить за дерзости прощенья,
За причинённые лишенья.
Но как бы я ни сплоховал,
Секретов я не выдавал.

И всё, что сделал я плохого, —
Без умысла свершилось злого.
Ведь в сердце гневу места нет —
Потери лишь глубокий след.
Тоска с ума свести желает,
О смерти думать заставляет.
И я признаюсь, не тая:
Боюсь, что оклеветан я.
Меня, быть может, очернили.
Во всех несчастьях обвинили,
А Вы завистникам, мой друг,
Поверили случайно вдруг...
И на душе моей неладно,
Коль Вы относитесь прохладно
Ко мне, услышав их слова.
Надежда теплится едва,
Что мой помощник не забудет,
Как я люблю его, и будет
Со мной он дружен. — Ведь ему
Я доверяю одному!

Часть вторая
ЖАН ДЕ МЁН

Когда уходит вновь Надежда, —
О том печалится невежда;
А я ж веду себя мудрей:
Отчаянье гоню скорей.
Печали я не убоюсь,
К Надежде снова обращусь,
Чтоб бодрость духа возвратилась.
Мне обещанье не забылось
Амура-бога, что дана
Надежда мне всегда. Она
С любым, кто муку злую терпит.
Но иногда Надежда меркнет,
[35]И я во тьме брожу один.
Порой изменчив господин.
И как бы он любезен ни был,
Уж не один влюблённый выбыл
Из слуг его: ведь не любой

Нести согласен груз такой.
Амур любого обольстит,
Любовным узам подчинит,
И не подумает о том,
Чтоб верным слову быть потом.
Но если счастье он отнимет
Влюблённых, — что же будет с ними?
Ведь кто любовию живёт, —
Разлуки не перенесёт.
Когда любовь он только ценит, —
Ничто её уж не заменит.
И пусть на карте жизнь стоит, —
Он лишь любовью дорожит:
Он ею сердце согревает
И на Амура уповает.
Амур же разочаровал
Не раз того, что счастья ждал.
В чём милости его секрет?
Конца моим несчастьям нет:
Даёт он только обещанья
И обрекает на страданья.
А вместо радости былой
Враги пришли ко мне толпой:
Опасность, Стыд и Страх напали
И Злого Языка позвали,
Атака чтоб была мощней.
Влюблённых ранить побольней
Ему приятнее всего,
И нет управы на него!
И Ревность не в ладах со мной,
И спутник нынче за стеной,
Наказан за проступок дерзкий. —
Умру теперь я без поддержки.
Ведь он не может мне помочь:
Он под присмотром день и ночь.
[С врагами сладить не могу я,

И о Старухе негодуя,
Готов судьбу мою проклясть.
О, как Приёма мне украсть?]
Усердно буду я молиться,
Не в силах с бедами смириться:
Быть может, боги вновь придут,
Лекарства добрые дадут.
Ведь растерял я все дары,
И не приходят с той поры
Ко мне Беседы о Прекрасном,
И нет огня во Взоре ясном,
Воспоминаний нежных нет, —
Теперь простыл от них и след.
О, как они мне помогали!
Без спутника ко мне едва ли
Они вернутся. Я ж готов
И умереть, чтоб от оков
Спасти Прекрасного Приёма.
Но нет, из запертого дома
Не сможет скоро выйти он,
За мой проступок осуждён.
Явился сам я в этот сад,
И сам во всём я виноват:
Ведь вверил я Амуру душу
И Беззаботность я послушал.
Она сюда меня ввела
И этим горе навлекла.
Наверняка ж та дева знала,
Что на страданья обрекала!
Но, в этот сад меня впустив
И просьбу удовлетворив,
Себя не стала утруждать
И о беде предупреждать,
Как скоро ветреный юнец
Нашёл покою здесь конец.
О, как мне жаль, что дама Разум

Меня заметила не сразу!
Она, конечно же, права:
Моя дурная голова
И есть моих причина бед, —
Другой причины вовсе нет.
[Не зря она увещевала
Того, кто вытерпел немало.
Но на своём я настоял
И слушать я её не стал.]
О почему я ей не верил —
Рассудком чувств своих не мерил?!
Теперь раскаиваюсь я —
Вся жизнь бессмысленна моя.
Бессмысленна? — Что говорю я!
В сердцах тоскуя и горюя,
Сказал я так, наверняка
Сорвалось просто с языка.
Я что же, господина предал? —
Такого я ещё не ведал.
Не повредился ль я в уме?
Ведь спутник за меня в тюрьме!
Не совершал он преступленья,
Но вот попался в заточенье.
Вот так я отблагодарил
Того, кто счастье мне дарил,
Кто бескорыстно мне помог
Вблизи увидеть мой цветок?
Ограды все перешагнуть
И к Розе дорогой прильнуть?
Мне не видать бы Розы цвета,
Когда б он не устроил это!
Меня навек он обязал
Тем, что бутон я целовал.
И я, опомнившись, затих:
Никто не слышал слов моих?
Амур не должен слышать жалоб,

Насколько сердце ни устало б.
Иль Беззаботность, не дай Бог,
Узнает, как в душе я плох
И что я позабыл Надежду.
Так нынче я предатель между
Влюблённых! — Нет, я был не прав,
Друзей врагами всех назвав.
[На что я жаловаться буду,
Когда я всем обязан чуду?!]
Покой мне надо обрести
И поскромней себя вести.
К Надежде снова я взываю,
Помочь Амура умоляю.
Ведь он в терпеньи наставлял
И мужество в меня вселял:
“Ты службу выполнить потщись,
Над суетою поднимись.
Сомненьям злым не поддавайся,
В Надежде доброй укрепляйся”.
Он сам напутствие мне дал,
А я пред трудностями пал:
Его в несчастьях обвиняю,
Свое бессилье забываю.
[Поскольку совершенен бог, —
Причиной бед он быть не мог.]
Упав, я должен снова встать
И Блага заслужить опять.
Амуру действовать позволю,
Во всем его исполню волю.
Пускай меня он гонит прочь, —
И умереть я с ним не прочь.
Кручина пусть меня не ищет —
С ней смерть за мной по свету рыщет.
Когда исчезнет вся беда,
Не буду ль счастлив я тогда?
Не уклонюсь от муки я,

Коль такова судьба моя.
И пусть в тюрьме я пропаду
И от Амура смерть найду,
Лишь об одном прошу его я:
Чтоб по пришествии покоя
Посмертного он не забыл
Того, кто спутником мне был
И пострадал кто невиновным.
Я к Вам, Амур, с доверьем полным
Отнёсся. Пусть же знает он,
Что дух сомнений побеждён
Уж мною. Я ему клянусь,
Что от судьбы не уклонюсь.
Другого жребия не жду
И ради Вас — на всё пойду!
Я стал отчаянья добычей,
Не зная, где найти мне нынче
Спасение от горьких чувств, —
Весь мир вокруг как будто пуст
И все бессмысленны страданья.
Мои услышав причитанья,
Поняв их суть в единый миг,
Ко мне из башни напрямик
Красавица спустилась Разум
Со мной беседовать о разном.
И вот, всё зная наперёд,
Она вопросы задаёт
И восклицает: “Что стряслось?
Иль пострадать тебе пришлось?
Так, не довольно ли с тебя
Так дорого платить, любя?!!
Усталости ты мне не кажешь,
Но, может, по секрету скажешь:
Любви горька иль сладка боль? —
Полюбопытствовать позволь!
Иль добрым господином вдруг

Ты мне похвалишься, мой друг?
Ему теперь ты жалкий раб,
И стал поистине ты слаб.
Как видно, день был роковой,
Когда ты стал ему слугой:
Ошибся в выборе своём,
Признав его своим царём.
Когда бы знал его ты суть, —
То отвертелся б как-нибудь.
Ему бы ты не покорился,
На верный путь бы возвратился.
Ни дня бы с ним ты не пробыл
И вряд ли бы влюблённым был.
И, глупых избежав решений, —
Не ведал совести б мучений!
Так знал ли ты его?” — “Да, знал.
Мне так он о себе сказал:
Имеешь жребий ты завидный,
Ведь господин твой очень видный:
Хвала везде ему гремит,
Он доброй славой знаменит”.
“И что он к этому прибавил?”
“Он перечислил много правил:
Красивой речь его была...
И... улетел быстрей орла”.
“Да, — не успел узнать ты много,
И не сумел понять ты бога,
Взяв тяжелейшую из нош, —
Уж на себя ты не похож!
Полезно знать своих господ,
Кто вас в служители берёт.
А был бы ты мудрей тогда, —
Уйти сумел бы без труда”.
Мне дамы речь небезразлична.
Я захотел от Разум лично
Услышать о любви рассказ.

Всё рассказать о ней тотчас
Охотно дама согласилась, —
В повествование пустилась.
“Я докажу тебе всерьёз,
Что доказать не удалось
На свете никому ни разу.
Теперь послушай даму Разум.
Пусть ты не опытен совсем, —
Причастен будешь тайнам всем.
[Хоть ты любви не знал ещё,
Постигнешь ты умом её.
В науке будешь сведущ сей
Не меньше опытных людей!]
Хочу я узел развязать,
Что связанным найдёшь опять.
Вот описание любви,
Ты слову каждому внемли:
Любовь есть мир, вражду таящий,
Враждебность с нежностью горячей;
Любовь — и верность, и сплошной
Обман, что кажется игрой;
Надежды всякой безнадёжность
И постоянная тревожность;
В ней сумасбродный есть резон,
И всё-таки резонен он.
Любовь — Харибда[36]: и влечёт,
И приближаться не даёт;
И миловидна, и нежна, —
И ямой кажется без дна.
Любовь — болезненное здравье,
Здоровое заболеванье.
Хоть груз её всегда тяжёл, —
За лёгкий многим он сошёл.
В ней голод лишь, и нет достатка,
В достатке ж — голода нехватка;
В ней жажда, что всегда пьяна,

Но вечно хочет пить она.
В ней сласть кисла, а боль — сладка;
Она вкусна, она горька,
В ней счастие всегда в слезах,
И грусть счастливая в очах!
В ней есть тончайший аромат
И запах резкий, словно яд;
Греховное в любви прощенье,
Прощёное в ней прегрешенье;
Жестокость мягкая, а с ней
Добро, что зла любого злей.
Хотя любовь и неизменна, —
Она есть состояний смена.
Амур загнать любого рад
В несчастный рай, блаженный ад;
И подарить уют тюрьмы
И среди лета — хлад зимы.
Любовь — есть отдых неустанный,
И труд она есть постоянный.
Она для всех людей страшна:
Похожа на жучка она
Вредителя, что мебель точит
И поселяется, где хочет;
Как и на моль, что ткани ест.
И право: нет запретных мест
Нигде для вредных насекомых,
Как нет с любовью не знакомых
Ни благородных мудрецов,
Ни силачей, ни храбрецов,
Кому она не навредит,
Кого Амур не укротит!
[Покорны ей и богачи,
Что носят платья из парчи,
И беднота любви покорна:
Всех заразит она проворно!]
Один всем людям путь в любви, —

Под Богом все живут они.
И лишь тому прощенья нет,
Кто наносил Природе вред:
Их отлучил Природы Гений.
Но дама Разум одобрений
Любви не даст. — Зачем любить
Любовью той, что погубить
В конце концов людей берётся,
Как в этом всякий признаётся?
Что убивает без ножа,
Влюблённым головы кружа?
Когда ты хочешь излечиться,
Чтоб не могло с тобой случиться
Похожей участи, — уйди
С любви опасного пути.
Коль будешь ты её искать, —
То не заставит долго ждать
Себя любовь!”
Дослушав речь,
Урока я не смог извлечь,
В чём даме тотчас же признался:
“Хотя я о любви справлялся
У Разум, доверяя ей, —
Любовь не сделалась ясней.
Все антитезы я запомнил,
Но только знаний не пополнил!
И преподал бы я урок,
Да сам понять его не смог.
Немало я от Вас слыхал
И замечаний и похвал...
Послушав Ваши рассужденья,
Я чёткое определенье
Любви бы дать Вас попросил, —
Его бы я и заучил”.
“Пожалуйста.
Послушай только,

Сравнений здесь возможно сколько:
[37]Когда я верно поняла
Любовь, — её б я назвала
И состоянием недужным,
И двух людей общеньем дружным
Полов двух разных: взглядом взгляд
Они всегда встречать хотят
И вместе быть они стремятся,
Чтоб обниматься, целоваться.
В том счастьи слиты плоть и дух
Людей, зажжённых ею, двух.
Их жизнь — лишь в радостном слияньи
И бесконечном обожаньи.
(Но всё же мы признать должны:
Мужчины не всегда честны.
Порой над девушкой смеются,
Когда любви её добьются.
И чтоб к любви её склонить, —
И лгать готовы и хитрить!
Мужчины женщин обольщают,
Сокровищ горы обещают,
На всякую готовы лесть,
Чтоб только с дамой им возлечь!
Но тот, кто ложью не гнушался,
Любви от женщин добивался, —
Не столько худа получил,
Как тот, кто сам обманут был:
Из двух тут надо выбирать,
А третьему и не бывать.
Иль обмани, иль жертвой будь,
Коль сам не хочешь обмануть.
Ответа не ищи ты боле, —
Здесь не бывает третьей роли.)
Природа, всё же, лишь затем
Дала любовь созданьям всем,
Чтоб всякий род продолжен был,

Совсем с Земли не уходил.
Когда влюблённый ночь проводит
С подругой, то его заботит
Желание бессмертным стать
И сущность Божью передать
Наследнику: дитя родится —
Отца в нём образ повторится.
Чтоб непрерывной жизнь была,
Природа всем инстинкт дала
Продленья рода: старики
Уйдут, но с лёгкой их руки
На свет появятся сыны,
Что тоже род продлить должны.
[И пусть над телом властно тленье. —
Придёт другое поколенье.
Для этой цели служит страсть,
Которую Природа дать
Своим созданьям захотела,
Чтоб честно исполняли дело.]
А удовольствия желать,
К нему стремиться — не под стать
Твореньям, созданным Природой.
И грешно, пользуясь свободой,
Из наслажденья делать цель:
В том быть несведущим тебе ль?
Кто вожделенью предаётся,
Тот добровольно признаётся
В позорном рабстве пред грехом.
Мы сладострастье назовём,
Вослед за мудрым Цицероном,
Причиной всех страданий. В оном,
Как в книге *“Старость”*[38] говорит
Нам Туллий, где её хвалит
Он больше молодости лет, —
Причина всех тревог и бед.
Всяк в юности бывает страстен,

С собою справиться не властен:
Душа в незрелые года
В большой опасности всегда.
Так трудно миновать невзгоды
И пережить младые годы,
Не принеся ущерб себе
И стыд перед людьми семье!
Как часто душу молодую
В компанию влечёт худую;
Иль в монастырь она спешит —
Внезапно жизнь менять решит,
Отдать свободы ценный дар,
Природой данный. Скоро стар
В монастыре послушник станет,
Но сожалеть не перестанет,
Что с волей распростился он, —
В ошибке будет убеждён.
Оплачет он свою ничтожность,
Прося у Господа возможность
Забыться от горючих слёз,
Иль чтоб терпенья Бог принёс
Для честного повиновенья.
Иные в преданном служеньи
Успеют Богу дать обет, —
Глядишь, — а их уже и нет
В монастыре: весьма недолги
Их были к святости дороги!
Так, в юности шальные дни
Творят лишь глупости одни:
В излишествах живут, в распутстве,
И в наслажденья гиблом чувстве
Границ не ведают. С трудом
Исправить могут жизнь потом,
Избавиться от всех последствий.
Ведь юность — это время бедствий.
И постигают беды тех,

Чьё сердце требует утех.
Служанка Наслажденья, Юность
Всегда приносит безрассудность.
Ведь наслажденье — это яд:
Вредит он юным всем подряд.
И жертва, словно в забытьи,
За Наслаждением идти
Готова всюду. Избавляет
От глупостей и удаляет
Людей лишь Старость от греха:
Она спокойна и тиха.
Расскажет вам любой старик,
Как постепенно он постиг
Науку жизни, от ошибок
Немало получив ушибов.
И только Старость повернуть
Ему велит на верный путь,
Подругой доброй мудреца
Сопровождает до конца.
И грех, и силы все погубит, —
Но кто ж её за это любит?
Да и кому она нужна,
Когда пожалует она? —
Никто не хочет стать седым,
Как и скончаться молодым.
А старикам — на удивленье
Их собственное поведенье:
В безумстве молодость прошла
И слишком дерзкою была.
Так, старики не надивятся,
Что не могли сопротивляться
Соблазнам юности, когда
Не ведали они стыда.
А если всё-таки стыдились, —
То только чудом изловчились
Дожить они до зрелых дней,

Душе не повредив своей.
И ты узнаешь, милый друг,
Что девы-Юности досуг
Проходит в доме Наслажденья.
Особенное обхожденье
Дарует Юность целый год
Ему, а платы не берёт.
Она работает охотно,
Живётся там ей беззаботно!
Узнаешь Старости ты дом:
Я расскажу тебе о том,
Куда она тебя забросит,
Коль раньше смерть души не спросит,
Чтоб в мрачный погреб поместить.
Решили Старость захватить
Недуги: бедную, сковали,
Сопротивляется едва ли
Им Старость — в кандалах она
Жизнь жалкую влачить должна,
Их издевательства терпеть
И оттого в глаза смотреть
Печальной Смерти. С опозданьем
Она раскаянья желаньем
Теперь томится: Юность зла —
Она обманчивой была.
Старуху разочаровала,
Ей причинила бед немало.
Седая, слабая она,
Надежда у неё одна:
Теперь должна она потщиться
К достойной жизни возвратиться,
Чтоб всё исправить удалось,
В грехах скончаться не пришлось.
Она богоугодным делом
Очистить душу захотела,
К блаженству чтоб ей поспешить

И больше зла не совершить.
Кто всей душой к любви стремится,
Хоть юноша, а хоть девица, —
Должны и груз её нести —
Дитя на свет произвести:
Не только пить то наслажденье,
Что нужно для его рожденья!
Иным же — боязно зачать:
Стыдиться будут и молчать,
Судьбу свою возненавидят
И будут на неё в обиде.
Но не должно тут быть стыда, —
Природа ведь права всегда!
Конечно, есть средь дам и те,
Что отдаются за денье[39].
И если говорить короче, —
Любой предаться неге хочет!
Но если дама так низка,
Что любит из-за кошелька, —
Когда лишь деньги ей нужны, —
То приходить к ней не должны
Мужчины: будет одурачен
Любой, кто думает иначе.
Мужчина будет осмеян,
Коль попадётся ей в капкан:
Тогда, когда поверил он,
Что был он лаской угощён, —
Она над ним в душе смеялась
И потихоньку издевалась.
Её лишь тварью можно звать,
Нельзя подругой величать!
Так, пусть познают те презренье,
Мужчин кто ищет разоренья!
Не говорю я о вещах —
О тех приятных мелочах,
Что в дар девицы принимают

И чем наряды украшают.
Но дамы не должны просить
Им эти мелочи дарить.
Пускай пошлют дары взамен, —
Приятен будет им обмен.
Того, чему тебя учу, —
Влюблённым пожелать хочу:
Друг с другом вежливы пусть будут,
И в дружбе пусть всегда пребудут.
Пусть гонят низость от себя,
Всегда высокое любя.
Даров пусть их любовь не взыщет
И удовольствий пусть не ищет.
Ведь нет любви в душе у тех,
Кто жаждет для себя утех:
Она не может появиться,
Когда к ней только плоть стремится.
Ты ж хочешь Розой обладать,
Чтоб наслажденье плоти дать
Она могла: в любви рисуют
Всё то, о чём тела тоскуют, —
Так крепки сети у неё!
И всё мечтание твоё —
О ней; ты слаб и истощён,
Покуда с Розой разобщён.
Гони Амура без затей, —
Ведь стал царём твоим злодей:
Пока ты жил, его любя,
Он отнял мудрость у тебя.
Хозяйничать ему не дай,
Иначе бедствий ожидай.
Амура ты жестокий нрав
Узнаешь, молодость отдав, —
И сам раскаешься тогда,
Растратив лучшие года.
А коли ты увидишь старость

И от любви придёт усталость, —
Ты время это проклянёшь,
Но юности уж не вернёшь...
Не ценишь молодость свою, —
И в этом я тебя корю.
Тебе бы от любви уйти,
Чтоб снова разум обрести;
Ведь если, как безумцы те,
Кто век проводит свой в нужде,
Ты от любви не отрешишься, —
То навсегда ума лишишься”.
Внушенья дамы слушал я,
Противилась душа моя
Совету следовать тотчас же.
Амур помог немало также
Невозмутимость мне хранить
И мнения не изменить.
Я цель урока понял сразу, —
Не зря старалась дама Разум.
Амур с поста не уходил,
За мною пристально следил,
И чтоб не усомнился я,
Крылом он защищал меня:
В одно входили ухо фразы,
Что говорила дама Разум,
И вылетали через миг
В другое ухо напрямик.
Я раздражён был речью этой.
Её упрёками задетый,
Я ей сказал: “Не верю Вам,
Любви я цену знаю сам.
И никогда не полюблю,
Коль ненавидеть повелю
Теперь я сердцу. — Смертный грех
В душе, что ненавидит всех.
Разбойника я хуже буду,

Когда любовь мою забуду!
Ведь в сердце не живут одном
Любовь и ненависть вдвоём:
Я выбрать должен. Может быть,
Дороже буду я платить
За ненависть, — хорош совет!
Того глупее в мире нет,
Кто верит Вам.
Вполне возможно,
К тому прислушаться мне должно,
Что о любви сказали Вы, —
Но о такой любви молвы
Не слышно. С Вашей точки зренья,
Она законна, без сомненья,
И невозбранно ей дано
Соединять людей в одно.
Так, поточней определите,
Что этим Вы сказать хотите,
Чтоб не запутаться мне вновь
И всякую понять любовь”.
“Как неразумен ты, дружок,
Как плохо слушаешь урок!
Тебе ж для пользы он прочтён
И для тебя не труден он.
Тебя ничем не излечить:
Уму бессмысленно учить.
Любовь различною бывает.
Тобою же овладевает
Безумье юности твоей.
Из всех тобой прожитых дней
Тот день, когда ты повстречал
Любовь, — погибель означал.
О пусть Господь тебя спасёт,
Твою погибель отведёт!
Зовётся дружбою иная,
Людей двоих объединяя,

Коль разногласий нет у них
И делят честно на двоих
Всё, что имеют, — ради Бога,
Тепла друг другу дарят много.
Когда беда случится вдруг,
Бегут на помощь к другу друг.
Так меж собой живут согласно,
Что помогают безотказно:
На зов всегда они придут
И никогда не предадут.
Кто другом истинным любим, —
От одиночества храним.
Другой его печали знает
И как родного принимает.
И всё, что на сердце твоём,
Ты выскажешь, — Упрёка в том
Не побоишься получить
И тайны другу поручить.
Любви кто совершенной хочет,
Такой, что чести не порочит,
Порядок соблюдёт пусть сей:
Ничто для друга не жалей,
Фортуне злой не поддавайся
И сердцем чист ты оставайся.
Чтоб заподозрить друг не мог,
Что стал душою ты жесток,
Когда узнал он разоренье, —
Не жди о помощи прошенья.
Коль, видя горе, зова ждёшь, —
Дороговато продаёшь
Ему свою ты доброту.
Ведь он не может просьбу ту
И высказать, когда он скромен,
Чтоб не был ты обеспокоен.
Не знает, как и поступить,

Чтоб просьбою не оскорбить
Тебя случайно. Потому
Молчать приходится ему.
Но если он в тебе уверен, —
Раскрыться может в полной мере.
Коль ты надёжный человек, —
Не скажешь третьему вовек,
Что друг тебе хранить назначил,
И он не думает иначе.
Не так в несчастьях он раним,
Когда ты будешь рядом с ним;
С тобою он и веселится:
К чему ему тебя стыдиться?
И не грозит ему упрёк:
Ведь друг не может быть жесток.
Где злой не сдержит языка, —
Друг промолчит, наверняка!
Поможет он советом дельным,
А не участием поддельным,
И быть полезным будет рад,
Не требуя за то наград.

[Когда ж помочь бессилен он, —
Не меньше будет огорчён
Того, кто помощь ожидает;
И он с товарищем страдает.
Когда же счастлив друг его, —
На сердце радость у него!]
И Цицерон в своём трактате[40]
О дружбе тоже пишет, кстати:
Отзывчивыми учит быть
И милосердья не забыть,
Коль честен друг в своем прошеньи.
И не испытывать презренья,
Когда по праву своему
Он ждёт содействия ему.
Но просьбу можно и отвергнуть,
Когда он к помощи прибегнуть
Решил нечестно: если друг
К нам с неразумной просьбой вдруг
Себе позволит обратиться, —
Мы можем и не согласиться,
Но исключенья есть и тут:
Когда затем нас позовут,
Чтоб мы от смерти защитили
Того с кем искренне дружили, —
Должны, конечно, мы придти
Его от гибели спасти;
И никогда не медли ты
Его спасти от клеветы.
Так, добродетельным ты будь
А гибельную страсть забудь,
Какую я теперь представлю,
И о какой тебя заставлю
Подумать. — Неверна она,
Когда ей выгода нужна,
Коль в ней корыстное желанье...
Она в извечном колебаньи:

Когда надежды больше нет,
Любви тотчас погаснет свет.
Влюблённым не зовётся тот,
Кого барыш один влечёт,
Готов кто страстным притвориться,
Чтоб только выгоды добиться.
Фортуной зыбкой рождена,
Любовь по выгоде — бедна.
Она как лунное затменье:
Едва Луна доступна зренью,
Коль прячется в тени Земли, —
Бледнеет тотчас же вдали.
Светило от неё закрыто,
И мраком вся она покрыта.
Из тени выйдет, — и опять
От Солнца будет вся сиять.
Любовь к богатым схожа с ней:
То вспыхнет, звёзд самих ясней,
То облачится в черноту,
Коль повстречает Нищету.
Не видя, чем ей поживиться,
Она готова прочь пуститься
И возвращается тотчас,
Когда Богатство вспомнит Вас.
Такой любовию любимы
Те, кто деньгами одержимы:
Душа черства у них самих,
И потому не ценят их.
В два счёта им рога наставят
И в дураках всегда оставят.
И кто б такого полюбил,
Кто лишь богатству верен был? —
Ведь, даже к смерти присуждён,
Готов себе поклясться он,
Что не отдаст и малой части
Богатства, над которым властен:

“Пусть растерзают и убьют,
Но этих денег не возьмут!”
Душа безжалостна его,
В ней нет любви ни для кого!
Имеет только тот друзей,
Кто любит их душою всей,
А тот, кто занят лишь деньгами, —
Останется, как лось, с рогами.
Довольный тем, что сам богат,
Он знает, что он виноват:
И в накопительстве упрям,
И к бедным глух своим друзьям.
Но ведь обманет он себя,
Богатство лишь одно любя:
Кому любви недостаёт, —
В бесчестии пребудет тот.
Теперь к Фортуне мы вернёмся,
Коварства вновь ее коснёмся.
Поскольку нынче о любви
Мы речь с тобою повели,
Скажу тебе одну я тайну
О том, что люди не случайно
Все предпочтенье отдают
Несчастью, хоть его клянут.
Я буду честной пред тобою,
Несчастий пользу я не скрою.
Хотя ты этого не ждёшь
И примешь, может быть, за ложь,
О чём все люди точно знают,
Что это истина простая.
Судьба счастливая страшна,
Ведь обмануть она вольна.
И докажу теперь тебе я,
Что пострадаешь ты скорее,
Когда тебя облюбовав
И баловнем своим назвав,

Фортуна будет уверять,
Что ей возможно доверять.
И ты, богатством окружённый,
На пик блаженства вознесённый,
В слепом тщеславии живёшь
И худа от неё не ждёшь.
На колесе Фортуны ты,
И все исполнились мечты,
И вот, впадая в нераденье,
Уж не боишься ты паденья.
Фортуна в этот самый миг
Внушит, что славы ты достиг,
Тебе все честь хотят воздать,
За жизнь твою — свою отдать.
Лелеешь тщетно ты надежду,
Что даже и свою одежду
Друзья готовы снять с себя,
Чтоб им в неё облечь тебя!
Ты думаешь: им нет числа,
Судьба навек их принесла,
Всегда они с тобою будут,
До самой смерти не забудут...
Кто слышит много добрых слов,
Поверить им тотчас готов:
Ведь клятвы людям слух ласкают,
Как Слову Божью, им внимают!
Однако клятвы эти — лесть,
Чему и подтвержденье есть:
Те, кто богатства бы лишились, —
Во лжи тотчас бы убедились.
Ведь из друзей и из родных
Не будет никого у них;
И слава Богу, если вдруг
Из ста — один найдётся друг.
К кому Фортуна милосердна,
Тому вредит она усердно.

Того ж, к кому она добра,
Лишает зрения она.
А ослеплённый человек
Не знает истины вовек.
Когда несчастная судьба
С людьми, как мачеха, груба,
Коль нищетою наградит
И счастье в горе превратит,
Коль с колеса Фортуна сбросит
И неудачами подкосит, —
Она, по сущности своей,
Приносит благо для людей.
Гордиться временным — ошибка:
Ничто на свете так не зыбко,
Как процветанье. Злой судьбе
Не трудно враз явить тебе,
Что нет друзей у неимущих,
На помощь в горестях зовущих;
И кто лишается всего, —
Не видит рядом никого,
Из тех, кто другом назывался
И в вечной преданности клялся.
Кто был с тобой в благие дни, —
Теперь предатели они.
Увидев бедность, заспешили —
Всю дружбу тотчас отложили.
Тебя бесчестят и клеймят,
Мол, ты пред всеми виноват,
Насмешкой злобной уязвляют
И сумасшедшим объявляют.
И тот, кому добро ты дал, —
Потом ходить по людям стал,
Их к издевательству склоняя,
Тебя в безумстве обвиняя.
Коль разорение грядёт, —
Никто и с помощью нейдёт,

Но будет лишь от тех подмога,
Кто не попросит ни залога
И ни расплаты у тебя,
Тебя как друга полюбя,
Фортуне кто не поддаётся
От бедного не отвернётся.
Нельзя сказать: изменник тот,
Кто меч свой острый достаёт
В горячем споре. Ведь в запале
Ошибки часто совершали!
Но кто намеренно вредит
И дружбы чувство оскорбит,
Кто честолюбью поддаётся, —
Без друга часто остаётся.
И кто б секреты разболтал, —
Тот сердце б друга потерял.
Средь тех, в ком был ты так уверен,
Из тысячи — один лишь верен.
Когда он встретился тебе,
То благодарен будь судьбе.
Бесспорна злой судьбы заслуга:
Она тебе открыла друга. —
Дороже он самих денье
И всех сокровищ на Земле.
Когда в беде ты очутился, —
То ясно видеть научился,
Разборчивее в людях стал,
Друзей на верность испытал.
Так польза вся судьбы превратной
Тебе становится понятной.
Она урок преподаёт
И опыт жизненный даёт,
А процветанье — ослепляет,
В неведеньи нас оставляет.
Коль мы в беду не попадём, —
Где ложь, где правда, — не поймём.

Когда богатым был бедняк, —
Не мог он различить никак,
Где фальшь, где истина была.
Когда же нищета пришла, —
Она глаза ему открыла.
Ему бы невозможно было
За деньги знанье то купить:
Ему спешили все служить!
Когда он пребывал в достатке,
Дарили все ему подарки.
Бедняк в несчастиях живёт
И цену дружбе узнаёт.
Несчастия — наверняка
Уму научат дурака!
Богатство не обогащает
Того, кто в деньги превращает
Тотчас избыточный продукт,
И деньги все кладёт в сундук.
Умеренно мы жить должны,
Умеренности — нет цены.
Так, пусть не бедняков жалеют,
Что хлеба крошки не имеют,
А тех, кто в закрома набрал
Зерна, создать чтоб капитал.
У бедняка одна забота:
Кормила бы его работа.
А цель торговца нам ясна:
В богатстве только лишь она!
Собрав мюидов[41] сто пшеницы,
Не может он угомониться.
Разумней человек простой:
Живёт он в мире сам с собой,
Ему работа хлеб даёт,
Нужда врасплох не застаёт.
Пусть за душой и меди нет,
Но не грустит он без монет.

Ведь каждый день уверен нищий,
Что заработает на пищу.
Когда ж настанут холода, —
Он купит башмаки тогда
И обновит свою одежду.
Всегда имеет он надежду
На то, что будучи больным,
Коль приключится что-то с ним
И голодать ему придётся, —
Без пропитанья обойдётся.
Иль в богадельню отнесут —
От истощения спасут.
А может, он живёт в надежде,
Что пищу раздобудет прежде
И не дойдёт он до того,
Чтоб отнесли туда его.
Коль повернётся все иначе, —
Бедняк от горя не заплачет.
Коль уберечься не судьба
И сморит злая голытьба, —
Он счастлив думать, умирая,
Что не далек уже от рая,
Который дарит Бог ему,
Когда покинет он тюрьму,
И кончится его скитанье,
Его земное испытанье.
А что написано о том, —
В прекрасной книге мы прочтём
Стихотворений золотых, —
Сам Пифагор[42] составил их:
“Когда из тела ты уйдёшь,
В святое небо ты взойдёшь.
Оставив тело в мире дольнем,
Ты будешь в мире жить Господнем”.
Несчастен и наивен тот,
Кто Землю домом назовёт.

Где человечества обитель, —
Мужей учёных расспросите:
Кто *“Утешение”* читал —
Труды Боэция[43] листал.
И для мирян из *“Утешенья”*
Перевести бы изреченья!
Кто будет жить на свой доход,
Добра чужого не возьмёт
И будет жизнию доволен, —
Считать себя богатым волен.
Кто ж к нищим сам себя причёл,
Того б несчастным каждый счёл.
И скажут вам учителя,
Что бедными назвать нельзя
Людей, покуда о судьбе
Не плачут с жалостью к себе.
Ведь часто и простолюдины
Душой и чисты и красивы,
И, несмотря на тяжкий труд,
Они в веселии живут,
Как те, кто уголь в Греве[44] носят,
С терпеньем нужды переносят.
Все вместе в праздники они,
Хоть тяжелы работы дни.
Их радость — в танцах и в вине,
Богатство ж — вовсе не в цене.
Они обрезки б только ели,
Что остаются в Сен-Марселе[45]
У мясников. — Да и опять
Пора им уголь разгружать.
Кто малым удовлетворён, —
Не может быть и разорён.
А тот, кто стал ростовщиком, —
С богатством больше не знаком.
Ростовщикам не утолить
Желанья больше накопить:

Они все скупостью больны,
И потому душой бедны.
И, как бы ни было печально, —
Бедны торговцы изначально.
Живут они мечтой одной:
Чтоб выручка была большой.
Всегда торговцам денег мало,
Хотя бы и на жизнь хватало:
Боятся прибыль потерять,
Спеша к рукам своим прибрать
Всё, что поблизости лежит
И что другим принадлежит.
Но, как душа бы ни просила,
Им всё присвоить не по силам:
Из Сены сколько ты ни пей,
Не превратить её в ручей!
Торговца страсть не утихает
И внутренности все сжигает,
Покоя сердцу не даёт...
Так, целиком его сожжёт
В деньгах острейшая нужда,
Не уменьшаясь никогда!
И доктора, и адвокаты —
Все быть хотели бы богаты,
К одной принадлежа “семье”:
Окажут помощь за денье.
Их так влечёт обогащенье,
Что лишь мечта об умноженьи
Клиентов занимает их:
Побольше было бы больных,
Побольше б выигрышных дел, —
И тысяча им не предел!
И богословы, что в народе
С красивой проповедью ходят,
Чтоб благосклонность заслужить
И состояние нажить, —

Ничуть не праведнее их, —
Сердца испорчены у них.
Но кто за славою в погоне
Забудет о святом законе
И кто не хочет честным быть, —
Рискует душу погубить.
Доверьем злоупотребляет —
И совесть так свою теряет.
Ведь пастырь добрый не таков:
Он людям всё отдать готов.
Но часто добрые слова
На добром зиждутся едва...
Они из уст дурных выходят, —
А люди радость в них находят
И смогут пользу всю извлечь,
Хоть пастыря тщеславна речь!
Но с пастырями мы простимся
И к скопидомам возвратимся.
В душе их страха Божья нет,
И, горы накопив монет,
На нищих смотрят свысока,
Коль к ним протянута рука.
Коль жаден ты, когда богат, —
То в их несчастьях виноват.
Голодный гибнет от скитаний,
Не получая подаяний.
От Бога кары жди, скупой,
Коль выбираешь путь такой.
Несчастен трижды ты бываешь:
С трудом богатства добываешь,
О сохраненьи их дрожишь,
До смерти ими дорожишь.
И смерть богатым — только зло:
Расстаться с жизнью тяжело.
Любви в их сердце не хватает, —
Весь мир от этого страдает.

Не в рост бы деньги им давать,
А бедных щедро наделять.
Коль в мире бы любовь царила,
То всех она бы примирила.
Несчастных не было б людей
Средь бедняков и богачей:
Деньгами б нищих наделили —
Они бы праздность позабыли,
Нужда из мира бы ушла —
С собою скупость увела!
Но мир не может счастлив быть,
Пока в нём царствует корысть,
И погубить его рискуют,
Пока любовию торгуют.
Обман все души запятнал,
И каждый собственником стал,
Добро всеобщее присвоив
Без уважения устоев.
Свободу люди отдают,
Коль деньги им взамен дают:
Монеты сложат в сундуки
И уберут на чердаки
Всё золото, каким владеют,
И изменить ему не смеют.
Владеют? — Нет! Наоборот! —
Ведь в рабство их оно берёт:
Оно теперь хозяин им,
Презренным карликам земным.
Богатство для того дано,
Чтоб было отдано оно.
То слышать не хотят скупцы
И запирают всё в ларцы.
Не тратят денег, не дают, —
До самой смерти берегут
Своё богатство. Но к чему? —
Оно не нужно никому.

Кто будет после них владеть им,
Не будет тяготиться этим:
Растратит весело его,
Забыв и предка самого,
Кто состояние дарует,
Коль вор тех денег не сворует.
Лишают деньги их цены:
Ведь деньги помогать должны
И непрестанно обращаться,
Чтоб все могли обогащаться.
А кто ростовщику их снёс,
Тот лишь ущерб деньгам нанёс:
Их для того дал людям Бог,
Чтоб тёк их золотой поток.
А люди их на ключ закрыли
И от других богатства скрыли,
Боясь их в оборот пустить.
Но деньги сами станут мстить —
Такое им присуще свойство:
Поселят в сердце беспокойство,
Недугом тяжким поразят,
Тремя мечами просквозят:
Усильем раздобыть вначале,
Боязнью, чтоб их не украли,
Покуда будут собирать,
И третьим горем — потерять.
Как если б с королевой враг
Расправиться задумал так:
Когда б её на ключ закрыли
И стражниками окружили, —
Не пострадала бы она,
Была б спокойна и смирна.
А стражники бы суетились —
С покоем вовсе б распростились:
Страдали ночью бы и днём
Все у неё под каблуком.

Она ж — в покое бы и чести
Сидела взаперти на месте,
И жили б в рабстве и стыде
Несчастнейшие стражи те.
Вот так и деньги мстить умеют,
Когда их отпустить не смеют.
Владелец мудрый не таков, —
Ведь он свободен от оков.
Верхом он на Богатство вскочит
И управлять он им захочет,
Пришпоривая по пути,
Чтоб людям пользу принести.
Хотят иные жизнь отдать,
Чтоб эту радость испытать,
В свободе чтоб душа взыграла.
По научению Дедала[46],
Богатство крыльями снабдив,
Полёт себе вообразив
Икара, — этим же путём
Взмывают в небеса на нём.
Так мудро всё они устроят,
Что славою себя покроют.
Стать жадными не захотят
И в страсти плен не угодят.
Не будут золотом бросаться,
Но мудро им распорядятся,
Дела великие творя,
За что прославятся не зря.
А помогая нищете, —
Лишь возрастают в доброте!
Приятно Богу милосердье,
В служеньи искреннем усердье.
Скупец же — грешен перед Ним,
Создавшим этот мир благим.
Бог скопидомов ненавидит
И в них вилланов мерзких видит:

Они несчастны и больны,
И Богом приговорены.
Ведь всякий идолопоклонник —
В душе своей давно покойник:
Когда он золоту служил, —
Постыдно жизнь свою прожил.
О, страсти дикие наживы!
Кому для счастия нужны вы?
Кто стал блаженней оттого,
Что есть богатство у него,
От всех укрытое надёжно? —
Всегда живёт богач тревожно.
Чем больше денег наберёт,
Тем больше страх его берёт.
А кто в покое не уверен, —
Не будет счастлив в полной мере.
Заспорил бы скупец со мной
И опроверг бы довод мой.
Простые люди говорят,
Что смел король их и богат:
Себя он войском окружил —
Пятьсот солдат вооружил,
Иль, чтоб прославиться повсюду,
Пять тысяч даже, — лгать не буду.
Но правду знает только Бог
О том, что вынести не мог
Король одной своей боязни,
Которая подобна казни.
И чтобы от неё спастись, —
Солдатами обзавестись
Ему пришлось. Но полнокровней
И безопасней и свободней
Во Греве даже те живут,
Кого бродягами зовут!
[Не страшно им и тёмну ночку
Ходить повсюду в одиночку. —

Ведь бедным нечего терять,
Им можно средь воров плясать.]
В наряде, белкою расшитом,
Дрожит король перед бандитом.
Когда ж сокровища при нём, —
Боится вора даже днём:
Захочет плут карман набить,
А короля притом убить.
На жизнь монарха посягнёт,
От виселицы увильнёт.
Убийцей станет вор. Иначе
Он стражей тут же будет схвачен:
Король могуществом своим
Расправится нещадно с ним.
Могуществом своим? — Скорей,
Могуществом своих людей.
Уж верно, что бандита силой
Природа больше наделила,
Чем короля, но я опять
Назад хочу слова забрать:
Навряд ли это войско есть,
Что короля спасло бы честь.
Оно под властию сеньора,
Но ведь сеньору не опора:
Оно на службе у него,
Но, всё ж, не собственность его.
Людей в свободе он содержит
А силой он их не удержит.
Когда сержанты захотят, —
То короля не защитят,
И пострадает он немало:
Ведь сила им принадлежала...
И так их бывший господин
Останется совсем один!
И как Фортуна изобильно
Вас ни одарит, — но бессильна

Дары вам в собственность отдать,
Как ни пришлось за них страдать!
— Меня Вы, дама, научите
И от меня не утаите,
По воле Ангелов Царя, —
Так чем же обладаю я?
— Услышишь ты в моём ответе,
Что речь пойдёт не о предмете:
Не о полях, не о домах,
Не о просторах иль холмах,
Не о нарядных украшеньях
Иль мебели, иль сбереженьях.
Именье дорого твоё —
Ценою превышает всё:
Сокровища, что есть в тебе,
Никак не унести судьбе!
Всё, чем душа твоя полна,
Она считать своим вольна.
Богатства эти не прейдут
И ни к кому не перейдут.
Всё прочее во вне лежит
И людям не принадлежит:
Вещица старая, и та
Твоей не станет никогда.
Всё, что дано тебе Судьбой,
Пребудет временно с тобой.
Смеяться иль страдать от боли, —
Зависит от Фортуны воли.
Но не печалится мудрец
О том, чему она конец
Назначит, колесо вращая:
Внимания не обращая
На изменение вещей,
Он будет безразличен к ней.
К ней нет у мудреца доверья.
И, как нам говорят поверья,

А также опыт прошлых лет,
В Фортуне постоянства нет.
Ты тоже мудрости внимай —
Её даров не принимай,
Как до сих пор их не ценил,
И в этом разум сохранил.
Но если к ним ты пристрастишься, —
С благоразумием простишься.
Когда друзей ты заведёшь
Лишь потому, что денег ждёшь,
Коль выгоды от них захочешь, —
Ты дружбу этим не упрочишь.
Любовь корыстная страшна:
Презренна и низка она.
Всегда её ты избегай —
Советом не пренебрегай.
Ещё не всё тебе известно.
Ты замечаешь неуместно,
Что ненависть внушаю я.
В каких словах вина моя?
— Амура, дама, Вы хулили,
Отречься от него молили,
По-Вашему понять любовь.
Но я готов поклясться вновь,
Что Запад и Восток не знает,
Чем дама Разум заклинает,
О чём Вы речь вели со мной. —
Ведь нет нигде любви такой!
Кто Север обойдет и Юг
И кто весь мир успеет вкруг
Увидеть дряхлым стариком, —
Не будет с нею тот знаком.
Не удивительно! Она
Была с Земли унесена.
Титаны грозные восстали,
И боги удаляться стали:

Бежали Вера с Правотой
И Целомудрием-сестрой;
Любовь, покинув дольний мир,
За ними поднялась в эфир,
А Справедливость — всё ждала,
Последнею с Земли ушла.
Теперь жилища их не здесь,
У них дома другие есть:
Они привыкли к Небесам
И очень редко сходят к нам
Чудесным образом. Изгнал
Богов и миром править стал
Обман. И наглости посредством
Земли он овладел наследством.
Пытаясь Ваш открыть секрет,
Читая тексты прошлых лет,
В них Туллий с головой ушёл,
Но лишь три случая нашёл
Любви высокой иль четыре
За все столетья в этом мире!
Друзей немало он имел,
И если бы найти хотел
Средь них любви высокой случай, —
Не удалась затея б лучше:
Нигде я не прочёл о том,
Что знал о друге он таком.
Я Цицерона ли мудрее,
Чтоб продолжать его затеи?
Не стоит труд мне прилагать —
Любовь высокую искать,
Коль изгнана она с Земли
С тех пор, как боги все ушли.
Мне не проникнуть в мир иной,
Что за небесной пеленой:
Душа моя тяжеловата,
И я за лебедем Сократа[47]

За облака не улечу,
Не уподоблюсь журавлю.
Слепой надежды не имею,
Что рая я достичь сумею.
Лишь гнев я навлеку богов, —
Ведь бунт титанов был таков!
— Коль ты ошибки допускаешь
(И сам подчас от них страдаешь),
Что не дают любви достичь, —
Тебя могу я научить
Любви иной. И лишь затем,
Что та любовь доступна всем.
Её иначе не назвать,
А на неё претендовать
Любому должно. Лишь бы слово
“Любовь”, что для людей не ново,
В широком смысле понимать,
В единственном не заключать.
Ты можешь сразу всех любить
И оттого счастливым быть.
Всем людям принесёшь ты счастье,
Даря по-дружески участье.
И смейся с ними, и скорби —
Ты всех как одного люби.
Добро коль хочешь получить, —
Обиду бойся причинить.
К себе коль хочешь уваженья, —
Твоё должно быть отношенье
Таким же к людям. — Их прощай
И верным быть им обещай.
Таков любви святой закон, —
Всей жизнью управляет он.
Кто подчиняться ей не будет, —
Того за это люди судят.
Кто злой поступок совершит, —
Тот осужденью подлежит:

Закона кто не соблюдёт,
Перед судом тот предстаёт.
Судей не мало на Земле,
Чтоб обличать людей во зле,
Обиженных чтоб защитить,
От обижающих укрыть.
Кто ж справедливым быть не хочет,
О личной выгоде хлопочет,
Кто деньги вздумал вымогать,
Иль убивать иль воровать, —
Любви тот к ближнему не знает.
Таких-то суд и обвиняет.
— Уж коль пришлось нам говорить
О Справедливости, спросить
Позвольте кое-что о ней,
Богине славной давних дней.
— Изволь.
— Хотел бы слышать я,
Что собеседница моя
О Справедливости мне скажет,
Коль цену ей теперь покажет
По отношению к Любви:
Из двух она дороже ли?
— К какой любви, мой друг?
— В сей час
Я слышал про неё от Вас.
В моей же Вы меня корите,
Так про неё не говорите!
— Ну, хорошо. Тебе скажу,
Что я Любовь превозношу
Над Справедливостью.
— Раз так, —
Вам это доказать — пустяк!..
— Не сомневается никто,
Что лучшим называют то,
Что из полезных двух вещей

Нам, всё же, кажется нужней.
— Вы правы.
— Сам сравни теперь
И правоту мою проверь:
За лучшее считать нам честно
Лишь то, что более полезно.
— И я согласен с Вами вновь.
— Бесспорно, друг, нужней Любовь,
Что с Милосердием приходит
И Справедливость превосходит.
— Прошу Вас это объяснить,
А с остальным — повременить.
— Всё разъясню я непременно:
Воистину лишь то бесценно,
В чём благо, друг мой, целиком
И нет несовершенства в чём,
Что может радовать вполне.
Не станешь возражать ты мне?
— Идею я пойму полнее,
Когда Вы скажете яснее:
Чтоб мне к согласию придти,
Пример должны Вы привести.
— Да, нелегко с тобой мне, друг,
Искать примеры недосуг.
Сравненье приведу одно,
Чтоб доказательство дано
Здесь было: кто корабль потянет,
Раз сил на то ему достанет, —
Не будет ли сильней тебя,
Коль ты не сдвинешь корабля?
— Конечно, дама, он сильней.
— Итак, Любовь — всего важней.
Когда б уснула Справедливость
(А ей ведь свойственна сонливость), —
Любовь осталась бы одна,
И жизнь украсила б она.

Любовь обидеть не посмеет, —
Так Справедливость не умеет.
Одной Любви подвластно всё.
— Чем подтвердите Вы ещё?
[— Из книги приведу пассаж
Коль разрешенье ты мне дашь.]
Послушай: Справедливость эта
Была всего царицей света,
Когда Сатурн на свете жил.
А сын Юпитер — низложил
Сатурна. Будучи жестоким,
Калекою его убогим
Оставил: сыном поражён,
Лишился гениталий[48] он.
Объяла их вода морская,
Богиню красоты рождая, —
Венеру.
Если на Земле
Не станут люди жить во зле,
То возвратиться Справедливость,
Пред беззаконием стыдливость.
Покуда ж нет с людьми Любви, —
Лишь разрушения одни
Они вокруг себя устроят
И “Справедливостью” прикроют!
Но если Зло уйдут и Вред,
То Правосудью места нет.
И Справедливость нам зачем,
Когда Любовь царит над всем?
— Не знаю, дама.
— Вывод ясен,
И, думаю, ты с ним согласен:
Жить будут в мире на Земле
Без всякой нужды в короле.
Коль жалоб у людей не будет,
То никого и не осудят.

Любви должны мы царство дать.
Бесспорно, нужно дань отдать
И Справедливости, что бьёт
Лукавство: ведь оно даёт
Сеньорам власть, а вся свобода
Ушла с их властью от народа.
Без зла не будет средь людей
Ни королей и ни судей!
Ведь судьи ныне не честны, —
Исправиться они должны,
Чтоб доверять им люди стали
И возмущаться перестали,
Что невнимательный судья
Лишь деньги вымогает зря.
Ведь ныне судьи не помогут,
Но дело лишь запутать могут,
Всё просчитают наперёд,
А бедный — деньги им даёт.
Присудят виселицу вору,
А их самих — повесить впору
Иль всех в тюрьму упечь подряд
За то, что зло они творят.
А разве Аппий честно жил,
Повешенья не заслужил? —
Неправое затеял дело,
Рабыней чтобы стала дева
Свободная: лишь потому,
Что не позволила ему
Желанье удовлетворить:
Не смог её он покорить.
Так был на девушку он зол,
Что лжесвидетелей нашёл,
С её отцом в суде враждует,
О чём Тит Ливий повествует[49].
Сказал наёмник пред судом:
“Хочу я убедить вас в том,

Что дева мне принадлежит, —
Вернуть её мне надлежит.
Судья пред публикою всею
Пусть скажет, кто владеет ею:
Её отняли у меня,
Она невольница моя,
Рождённая в моем именьи.
Виргинию в повиновенье
Была девица отдана,
Что вряд ли подтвердит она, —
Младенцем ведь её забрали,
В семье приёмной воспитали.
Теперь прошу её отдать. —
Законы надо соблюдать!
Коль то Виргиний опровергнет, —
Свидетель в стыд его повергнет.”
И подтвердить судья спешит
Всё, что обманщик говорит.
Ложь правдой Аппий признаёт
И слова вставить не даёт
Виргинию, кто в нетерпеньи
Своё готовит выступленье,
Чтоб опровергнуть речь врагов. —
Он защитить был дочь готов.
Виргиний слышит приговор,
Что повелел ему с тех пор
Злодеям в руки дочь[50] отдать,
Её насилию предать.
Врагам готовит он отмщенье,
И голову в одно мгновенье
Решает дочери срубить. —
Так из любви к ней поступить
Был вынужден отец несчастный,
Помочь родной душе не властный.
Когда правдив Тит Ливий был, —
Виргиний дочь свою убил:

Казнил её он принародно, —
Ведь было так судьбе угодно.
И долго мешкать он не стал,
Но голову судье отдал.
За то, что он убить посмел,
Судья схватить его велел,
За преступление повесить,
Чтоб местию на месть ответить.
Но, услыхав о том, народ
Его в обиду не даёт!
Народ несчастных защищает —
Он равнодушен не бывает.
И Аппий брошен был в тюрьму.
Но прежде, чем конец ему
Объявлен был, он сам казнился —
Без помощи чужой убился.
И Клавдию б настал конец —
Он был в процессе том истец —
Когда б Виргиний у народа
Не стал просить истцу свободы.
Виргиний — честен, милосерд,
В своих намерениях тверд.
В изгнанье Клавдий сослан был,
Других народ не пощадил.
Не раз увериться могли вы,
Что судьи к нам несправедливы.
Известен мудростью Лукан[51], —
Ответ на это был им дан:
[52]Власть Добродетели не знает,
Никто их вместе не встречает.
Но кто за зло не заплатил
Иль невиновного схватил,
И кто не возместил убытки, —
Увидит адский огнь и пытки.
Кто жизнь нечестную ведёт, —
К чертям по смерти попадёт

По слову Высшего Судьи.
Увидят даже короли
Возмездие за злодеянья,
Получат судьи наказанья:
Кто беспристрастным быть не мог,
Тот честь судьи не уберёг.
Кто клялся быть всегда правдивым, —
Не должен быть тот нерадивым.
И чтоб бандита одолеть,
Судье нельзя себя жалеть,
Когда придти никто не может
На помощь: пусть судью тревожит
То, как закону покорить
Людей, и мир как водворить.
В мирских судах, судах церковных
В делах гражданских, уголовных
Он должен жалобу принять
И ссору всякую унять,
Чтоб мирно люди жить могли,
Законы свято берегли.
За то и плату получают,
Что из несчастий выручают
Нас судьи. Чтоб в чести им жить, —
Должны на совесть послужить!
Мне кажется, урок ты понял,
Коль выслушать меня изволил,
Задав по существу вопрос.
— Благодарю, что мне пришлось
Рассказ услышать интересный.
О Вас же, дама, отзыв лестный
Мне трудно дать, — я буду сух:
Ругательства мне режут слух!
Сказали слово Вы худое, —
Бандитам свойственно такое.
Вас не могу я не корить
И на него глаза закрыть.

— Так вот чем я тебе не нравлюсь!
Но если требуешь, — исправлюсь,
Когда напомнишь мне о нём.
— Да, не забуду я о том.
Ведь память у меня крепка:
Все повторю, наверняка,
Что в речи Вы употребили,
Когда неосторожны были.
Амур одобрил бы едва
Столь неприличные слова! —
Он мне их строго запретил,
Но я б однажды допустил
Вернуться к сказанным словам,
Чтоб показать ошибку Вам.
Ведь автор этих слов — не я,
Спокойна совесть у меня.
А Вы — ошибке ужаснётесь,
Хотя и мудрою зовётесь.
— Согласна, — дама говорит
И слушать дальше мне велит. —
Я буду замечаний ждать,
Ну, а теперь пора мне дать
Ответ на все твои сомненья,
Беспочвенные возмущенья
О ненависти. Как ты мог
Мне приписать такой порок!
Возможно ли от дамы Разум
Услышать глупые наказы? —
Слепую страсть я обличу,
Но ненавидеть — не учу!
Костёр безумства задувая
В душе твоей, не призываю
Я ненавидеть. В самый раз
Горацья[53] вспомнить нам сейчас. —
[54]Сказал он, что примеров много
Того, как люди от порока

В другую крайность устремясь,
Лицом вновь ударяют в грязь.
Дела идут их плохо вновь.
Я не прошу тебя Любовь
Оставить: дама Разум просит
Оставить то, что вред приносит!
Любить же я не запрещу.
Твоё вниманье обращу
Я на безумной страсти вред;
И оснований верить нет,
Что пить я вовсе запрещаю,
Когда от пьянства отвращаю,
Иль скупость оттого ценю,
Что расточительность браню. —
Не говорила я такого!
— Я слышал, дама.
— Мне не ново,
Что книг ты древних не читал
И логиком большим не стал.
Напрасно ты заводишь спор.
А о любви до этих пор
Так дурно я не отзывалась,
Из уст моих не раздавалось
Призыва ненавидеть всех.
Но чтоб в любви иметь успех, —
Придерживайся середины
И избегай страстей пучины.
Природа всех к любви зовёт,
Но зверь — инстинктами живёт.
Все звери — к одному стремятся:
Заботятся и суетятся,
Чтоб прокормить своё дитя,
Его на свет произведя.
Любовь их можно объяснить
Одним желаньем — род продлить.
К такой заботе склонны звери

И люди, впрочем, в равной мере.
Нет ни вреда и ни заслуг
От этой склонности, мой друг.
Природа в нас её рождает
Ей покоряться вынуждает.
Мы видим, — так устроен свет,
Победы над грехом тут нет.
Когда мы ей не покоримся, —
Перед Природой провинимся.
Уместно ли заслугой счесть,
Что кто-то пищу будет есть? —
Но упрекнуть того придётся,
Кто от питанья отвернётся.
Так, благодарен будь судьбе,
Что речь была не о тебе.
Но ты не лучше поступил,
Когда безумно полюбил.
Так, отрекись же без раздумья
Теперь от своего безумья:
Я не желаю, видит Бог,
Чтоб ты остался одинок.
Внимательным окинь же глазом
Свою подругу Даму Разум.
Я ль не достойна лучших слуг,
Будь мне сам Император друг?
Красива я и благородна.
Когда же и тебе угодно
Любовь мою приобрести, —
Ты счастия не упусти.
Всего тогда в достатке будет,
Тебя Фортуна не забудет.
Нетрудно сделать так Судьбе,
Чтоб равных не было тебе.
Исполню все твои желанья
И дам высокое заданье,
Прекрасней всех, что в мире есть.

Приобретёшь большую честь,
Коль станешь выполнять его
По зову сердца твоего.
Меня как дочь сам Бог создал
И лик Он Сам мой начертал.
Другого в мире нет творенья
Подобного происхожденья:
Он дал мне власть свободной быть,
Друзей иметь и их любить.
Свобода эта мне желанна, —
Любить могу я невозбранно.
Коль дружбу заведёшь со мной,
То вместе нас Создатель мой
Хранить захочет и питать,
И ты познаешь благодать.
А твой не хочет бог платить,
Страдальцев щедро наградить.
Ты признаёшь его господство, —
А он внушает сумасбродство.
Моей не отвергай мольбы
И лучшей не найдёшь судьбы.
А коль откажешь ты девице,
То горестно она смутится:
Ведь непривычно ей просить
И трудно боль переносить.
Так, жесткосердным ты не будь
И слёзы Эхо не забудь!
— Вы по-французски мне отныне
Скажите, а не по-латыни:
Чем послужить я Вам могу?
— Не отвергай во мне слугу:
Я буду всех тебе верней,
Подругой стану я твоей.
А господина ты оставишь,
Возможности не предоставишь
Ему тобой руководить

И до безумья доводить.
К Фортуне станешь равнодушен
И мудрости всегда послушен,
Как рассудительный Сократ. —
Везению он не был рад,
А в бедах — не был огорчён,
Поскольку убедился он,
Что счастье с горем не важны,
По весу своему равны.
Писал Солин[55] во время оно:
Назвал оракул Аполлона
Сократа первым мудрецом.
Являло и его лицо
Полнейшую невозмутимость —
К судьбы ударам всем терпимость,
Каких он много перенёс.
И даже яд к губам поднёс
Он без малейшего смущенья, —
За веру в Господа мученье
Он от злодеев потерпел.
Но перед смертью не робел,
Других богов не признавая!
Так, в бедности не унывая,
Фортуны не боясь измен,
И Гераклит[56], и Диоген[57]
В несчастьях стойки духом были,
И их печали не убили.
Ты тем мне можешь послужить,
Что будешь так же мудро жить.
Фортуна крах не раз подложит, —
Она во вред все делать может.
Коль горе на тебя пришло, —
Не будь несчастен ей назло!
Какой же из тебя борец,
Коль свой приветствуешь конец?
Не уступай Фортуне злой,

А покажи характер свой.
Когда ты сам ей дашь отпор,
Увидишь, что конец ей скор.
Так, будь решителен и смел,
Чтоб с ней расправиться сумел.
Кто победить её решится, —
Её угроз не устрашится.
Не так Фортуна и сильна,
Чтоб справилась с тобой она;
И тех она не подкосила,
Кто верит в собственные силы,
Кто не желает сам упасть,
Под колесо её попасть.
Досадно видеть человека,
Кто к виселице, как калека,
Себя позволит подвести,
А мог бы жизнь свою спасти...
Такого и жалеть-то грех.
Ведь он в душе трусливей всех!
Фортуны блага презирай
И ей ни в чём не доверяй.
Пусть колесо своё вращает —
Одних богатством награждает

И честь приносит в жизни им,
И лишь мученья шлёт другим.
Пусть отнимает все дары,
Как правила её игры
Велят, — а ты не унывай,
Себя в обиду не давай.
Чтоб быть тебе сильней неё, —
Старанье нужно лишь твоё!
Тот мысли глупые питает,
Кто за богиню почитает
Фортуну. Будь уверен в том,
Что не в раю Фортуны дом:
Она не знает этой чести.
Живёт она в проклятом месте.
[58]Над океанской глубиной
С её кипящею волной
Средь шумного потока вод
Скала высокая встаёт.
Кругом вздымается вода
И плещут волны. Иногда
Волна скалу совсем скрывает,

Морскою пеной покрывает.
Когда ж потоки отойдут,
Ей выглянуть на свет дадут, —
То, показавшись на минуту
В ручьях, — она вздыхает будто.
В природе постоянства нет:
Скала меняет форму, цвет,
Для пасмурных и ясных дней
Одежды разные у ней.
Когда Зефир по морю мчится, —
Она спешит принарядиться
Травою и зажечь цветы,
Как звёзды, дивной красоты.
Когда ж подует хладный бриз, —
Все стебельки наклонит вниз,
И все цветки он поморозит,
Как будто бы мечом покосит:
Едва бутоны расцветут,
Как в холоде все опадут.
Деревья — все там необычны,
По виду своему — различны.
Одно — бесплодно, на другом —
Плоды в лесу чудесном том.
Одни листвою там шумят,
Другие — голые стоят.
Одни растенья зелены,
Другие — листьев лишены.
Одни — лишь только зацветают,
С других — цветы уж опадают.
Иные к небу вознеслись,
Иные — наклонились вниз.
Лишь на одном набухли почки,
Как на другом уже цветочки.
Трава гигантскою растёт,
А кедр — как карлик и урод.
Растений множество таких,

Что взяли формы у других.
Там лавра чахнет красота,
И каждого его листа
Коснулась порча; и оливы
Не зеленеют горделиво,
А сохнут. Ива — хоть скромна —
Там вся в цвету стоит она!
Там каждый куст с соседним схож,
А вяз — на виноград похож.
Там редко пенье соловьёв,
А чаще — крик хохлатых сов:
Во тьме он людям зло пророчит
И напугать как будто хочет.
Из двух истоков две реки,
И широки, и глубоки,
И формой разные, и цветом
Бегут в лесу зимой и летом.
Вода в одной сладка, как мёд,
И радость пьющему даёт.
Но кто испить её хотел,
Остановиться не умел.
И пусть не удалось напиться, —
С рекою не хотел проститься:
Не мог оставить он её,
Вкушая сладкое питьё!
Но пить сильнее лишь хотелось,
И насладиться не терпелось,
И вкусом нежным опьянён,
Всё больше увлекался он.
Но сколько бы ни выпил влаги, —
От этой непомерной тяги
Он становился как больной,
Охвачен жаждою одной.
И пить уж больше он не мог,
Но совершал еще глоток,
И пагубное увлеченье

Несло болезни и мученья.
Та речка будто бы поёт:
В весёлом плеске издаёт
Журчанья мелодичный звон, —
Нежней, чем колокольчик, он!
Где слышно, как вода в ней льётся, —
Там сердце радостнее бьётся
И в реку хочется войти.
Один, увидев на пути
Поток, — купаться устремится,
Скорей желая погрузиться,
Но плыть не сможет: лишь войдёт, —
Как заколдованный, замрёт.
Вкусив того потока сладость,
В душе он испытает радость
И будет думать лишь о том,
Как искупаться целиком.
Другому реку ты представь,
Как тут же пустится он вплавь,
И далеко по воле вод
Его тотчас же унесёт.
Но, погрузившись в наслажденье,
Он испытает сожаленье,
Увидев, что катит волна
И к берегу несёт она.
Второй поток — иной природы:
У той реки сернисты воды,
Она черна, как дымоход
И резкий запах издаёт.
Покрыта пеною река,
На вкус вода её горька.
Несётся, с шумом низвергаясь,
По дну из камня кувыркаясь.
Не музыкален этот звон,
И с громом схож по силе он.
Зефир не дует у реки,

И вод волненья глубоки.
С ней ветер северный враждует,
И видно, как он негодует:
Всю воду возмутил до дна,
И за волной бежит волна.
Их ветер северный кидает,
Со дна, как горы, поднимает,
И, сталкивая меж собой,
Их забавляется игрой.
На берегу стенают люди,
Что облегченья им не будет:
В реке купаться той нельзя, —
Вода отравлена в ней вся.
Вздыхают в горе день и ночь,
Им слёз остановить невмочь.
Иные — в водах погибают,
Их волны злые погребают:
Река влечёт людей на дно,
Им возвратиться не дано.
Кто сам войдёт по пояс в воду,
Тому не будет дальше броду:
Поглотит вмиг его волна.
Иль прочь от берега она
Его помчит, собой накроет,
В пучину страшную зароет,
И редко выбросит на брег,
Чтоб спасся чудом человек!
Обычно — всех на дно роняет,
И выхода ни кто не знает,
Когда вода над головой.
Течёт река не по прямой,
Но, образуя острова,
Расходится на рукава.
И, в реку светлую впадая,
Несёт ей, не переставая,
Несчастий смертоносный яд:

Они её воспламенят
И воды чистые смешают.
И, аромата их лишая,
Им горький дух передадут
И реку жаром обдадут,
Чтоб свежесть всю её сгубить,
Чумой зловонной заразить.
Вот там, на самом пике горном:
Не на зелёном и просторном
Плато, а на холме крутом
Вверху стоит Фортуны дом.
А склон грозит ему скатиться,
В руины мигом превратиться.
Порыв безудержный ветров
Его снести, как пыль, готов.
Ему в любое время года
Приносит горе непогода,
Колеблют бури этот дом,
Воспомнит изредка о нём
Зефир, чтоб бурю отвратить
И злые ветры укротить.
Стоит надёжно полдворца,
С другого же его конца
Так сильно стены покосились,
Что друг от друга отделились.
И кажется, что рухнет дом
С таким гнилым кривым углом!
С одной он стороны сверкает —
Сребром и златом отливает,
И крыша — из драгих камней
На яркой половине сей.
Прекрасна эта сторона:
Вся разноцветная она!
А рядом с прочными стенами
С прямыми крепкими углами
Из глины стены там стоят,

Что все от ветхости дрожат,
Соломой крыты, как лачужка,
Как деревенская избушка.
Гордиться ли дворцу красой? —
Наполовину он косой,
И по стенам такие щели,
Что держится он еле-еле.
И странен у Фортуны дом,
И жизнь странна в жилище том:
В нём постоянства не бывает,
Фортуна облик свой меняет.
Коль хочет, чтоб пришёл почёт, —
Так во дворце она живёт —
В его богатой половине,
А бедную она покинет.
И, платье яркое надев,
Распустит королевский шлейф,
Вы залюбуетесь тогда,
Как дивны у него цвета!
Богатый любит наряжаться
И подороже украшаться,
И специальною травой
Наряд он ловко красит свой,
Иль краски делает из зёрен
И деньги расточать проворен.
А чтоб ему воздали честь,
Он носит в людях шёлк иль шерсть.
Едва Фортуна нарядится,
Как непременно возгордится,
И неумеренный почёт
Её к падению ведёт.
Так может роскошь полюбить,
Что всё готова позабыть:
Своё лелея достоянье,
Не ценит ни одно созданье!
И гордо ходит во дворце,

Пока ни будет в том конце,
Где грязны комнаты и нищи,
И в щелях всюду ветер свищет;
Где сами стены не прочны
И рухнуть вскорости должны.
Не видя, где она идёт, —
Споткнется вдруг и упадёт
В домишке, что стоит так зыбко.
Сойдёт с лица её улыбка...
И вот, уж голая почти,
Лишь сможет по полу ползти.
Так тяжело она вздыхает
И больше радости не знает,
Лишь плачет о красе былой,
И сыплет на себя золой.
Расставшись с честью и добром,
Она скучает о былом,
Влача ничтожество своё:
Ушли все блага от неё!
Природой странной обладая
И добрым людям зла желая,
Она их всех толкает в грязь
И отдает в печали власть.
Злодея же — она лелеет:
Он всё в обилии имеет.
Но и к нему придёт беда,
И всё отнимется тогда. —
Фортуна так с людьми хитрит,
Не зная будто, что творит:
Глаза ей словно завязали,
Как наши предки представляли.
Пример тому ещё найду,
Когда на память приведу,
Помимо мудрого Сократа,
Чья жизнь несчастьями богата
И кто в несчастьях каждый раз

На помощь звал меня тотчас,
Я императора Нерона, —
Ведь для Нерона нет закона.
Я постараюсь краткой быть
И главного не позабыть,
А всех я зол не перечислю.
Чудовищность себе не мыслю
Тех дел: он Рим поджечь решил,
Родного брата он убил.
Как пишут древние, Нерон
Жесток был и самовлюблён.
Сенаторов он приказал
Убить и мать он растерзал,
Чтоб посмотреть, где был зачат он, —
До своего рожденья спрятан.
Когда живот он ей вспорол,
То попросил подать на стол
Себе вина — он жертвы той
Дивился мёртвой красотой. —
Так пишут о Нероне книги.
Описывают в них интриги,
Насилье матери родной
И связь порочную с сестрой.
И хуже было униженье —
С мужчинами соединенье!
На этом не остановлюсь,
Но Сенеки еще коснусь.
Ведь прежде, чем он умирал,
Себе кончину выбирал:
Решил учитель, что положит
Себе конец, когда не может
Уйти из рук тирана он,
На смерть Нероном обречён.
“Пусть воду греют на огне
И в бане вены вскроют мне.
Создатель душу заберёт,

А тело пусть моё умрёт.
Бог будет радость лишь давать —
Не станет бедам предавать”.
Тут баню быстро натопили,
И в воду жертву погрузили;
И, вены вскрыв, убийца ждёт,
Пока он кровью истечёт,
И смотрит, как лишится сил,
Покуда смертью не почил!
Причиной же такого зверства
Нерона было изуверство.
Когда Нерон ребёнком был,
То Сенека его учил.
Но, взрослым став, сказал Нерон:
“Хотя мне и учитель он,
Я кланяться ему не буду,
Былые почести забуду.
Ведь император нынче я,
Поклоны уж не для меня.
Не буду я при нём вставать,
Почёт, как прежде, воздавать.
Империей Римской я владею —
Над всеми власть теперь имею”.
Не мог он справиться с собой,
Привычки прекратить былой:
Он перед Сенекой вставал,
Хотя вставать и не желал.
И чтобы это прекратить.
Решил учителя убить.
Хотя имел в своем владеньи
Нерон огромнейшие земли:
Границы были далеко,
Его именье — широко!
Итак, из этого примера
Ты видишь, что какой бы вера
В дары Фортуны ни была, —

К добру она не привела
Того, кто ими обладает
И кто тщеславием страдает;
И лучше тот не стал душой,
Кто властью обладал большой.
Приобретя повыше чин,
Он стал жестоким без причин:
И нрав, исполненный гордыни,
Лишь очевидней стал отныне.
А судя по тому, что власть
К дурному в людях будит страсть,
Все их наклонности дурные, —
Мы видим, кто они такие.
Кому с богатством повезло,
Пускают деньги лишь во зло
И недостойны чести той,
Что им оказана судьбой.
Они становятся свирепы
И в роскоши своей нелепы.
Иные могут утверждать,
Что стоит почести воздать,
Как тут же обратятся нравы
К дурному. Нет! Они не правы.
И я открою здесь секрет,
Что в сердце — перемены нет:
В нём те же склонности дремали,
Пока по службе поднимали
Того, кто жаждал поскорей
Стать впереди поводырей.
Пока по чину был он мал,
Никто вокруг не понимал,
Что к сослуживцам отношенье
Зависит лишь от положенья!
Но власти человеку дав,
Поймут, что в сердце он лукав:
Могущество он получил,

А добродетель расточил.
Нечестен был он и вначале,
Но этого не замечали.
Итак, могущественным быть
Не значит права зло творить;
Народ того не уважает,
Чья власть порядок разрушает.
А истинно могуч лишь тот,
Кто людям доброту несёт.
Кто ж добрым к людям быть не мог, —
Живут в том слабость и порок.
Так, ясновидящим открыто,
Что в сердце злом бессилье скрыто.
Об этом в книгах ты найдёшь,
Коль к ним серьёзно подойдёшь.
А если в сердце веры нет
В мудрёных книг авторитет —
Не всем же книгам верить стоит, —
То заключение простое
Ты даже сам бы сделать мог:
Что зло — не совершает Бог.
Он всемогущ; и нет в Нём силы,
Что зло б на свет производила.
И всё, что сотворил Господь —
И мир невидимый, и плоть —
Живёт во свете — не во тьме;
В добре задумано — не в зле!
А там же, где земля темна, —
Сокрыта от лучей она;
Но тьма показывает эта
Лишь то, что не хватает света.
Итак, мы видим: зол лишь тот,
Кому добра не достаёт:
В том зло скорее обитает,
В ком благодати не хватает.
[Ведь зло есть чёрное пятно —

Как сумерки, в душе оно;
И если нет в душе добра, —
Душа — как чёрная дыра!]
Трактат известный говорит,
Что злыми Бог нас не творит.
Не буду излагать напрасно,
Что там доказано прекрасно.
Но люди пали. — Мы о том
В труде Боэция прочтём[59].
[Но нам и так понятно это,
Здесь никакого нет секрета:]
Злодеям главный чужд закон, —
Ничто для них не значит он,
Коль благо высшее презрели
И не признали высшей цели,
К которой нынче, как и встарь
Всегда стремится Божья тварь.
Поскольку зло они вершат,
Небытию принадлежат:
В порядок общий не включились,
В гармонию небес не влились.
Так, ясновидцам знать дано,
Что зло — небытию равно.
Фортуны волею презренной
Начальником над миром бренным
Стал тот, кто им не должен быть,
Кто Сенеку посмел убить.
Вот так Фортуна поступает —
Законы все перевирает.
В правители возводит тех,
Кто ниже всех и хуже всех.
Не принимай даров Фортуны:
Их обладатели безумны.
Своей дорогою иди
И от Фортуны благ не жди.
Несправедливость же богов

Был Клавдиан[60] признать готов.
Он спрашивал, кто виноват,
Что злой — удачлив и богат,
И удивлялся он всегда,
Что без особого труда
Достиг почёта злой и вредный,
А честный — почему-то бедный.
Когда ж поэт тот рассудил,
Богов он больше не винил,
Ответив сам на свой вопрос:
Кто до чинов больших дорос,
Тот вскоре упадёт безвольно,
И падать будет очень больно, —
Придётся богачу страдать.
А те, кому богатство дать
Когда-то боги отказались,
Потом — счастливей оказались.
Когда придёшь ко мне ты сам,
Тебе неслыханное дам
Богатство. Горя и нужды
Не будешь опасаться ты.
Жестоко пусть судьба отплатит, —
Тебе на всё терпенья хватит.
Страдая телом и душой,
Не будешь ты скучать со мной.
Но что же плачешь ты в бессильи,
И слёзы льются крокодильи?
Тут слёз уж целый водоём —
Утонем скоро мы вдвоём!
Так, люди, верно, пошутили,
Когда меня предупредили,
Что ты разумный человек.
Ведь мудрый — не скорбит вовек.
А ты заплакал, как дитя,
По глупости своей грустя!
Должно быть, бесы во плоти

Тебя с ума хотят свести
И пламя в сердце развели,
Чтоб слёзы у тебя текли.
Ведь нужно самообладанье,
Пустого чтоб не знать страданья.
Твой господин тому виной, —
Не знал бы горя ты со мной.
Амур растопит в сердце печь,
Рекой заставит слёзы течь:
Любовь свою он продаёт
Тому, кто слёзы горько льёт.
Тебя он в фавориты примет,
А имя доброе отнимет.
Как дети плакать перестань,
Мужчиной настоящим стань.
Мудрее будешь ты с тех пор,
Фортуне сможешь дать отпор.
Себя ты, друг мой, пожалей,
Ведь отомстить не сможешь ей. —
Никто не в силах помешать
Фортуне колесо вращать.
Нерон начальник был большой,
Кого мы вспомнили с тобой;
Главою был владений многих,
А век закончил средь убогих
И с гребня славы рухнул вниз, —
Фортуны был таков каприз.
Когда история не лжёт, —
Возненавидел весь народ
Того, кто властно стал над ним,
И всюду был Нерон гоним.
И в страхе, что его убьют,
Он думал, что друзей найдут
Посланники его, но их
Погнали, двери не открыв.
Тогда Нерон решился сам

Идти за помощью к друзьям.
Он в двери с силою стучал,
Но ни один не отвечал.
Когда друзей на помощь звали, —
Они жилища запирали.
Толпу однажды встретил он,
Кричали люди: “Где Нерон?”
В сопровождении двоих
В саду он спрятался от них.
Объятый страхом, притаился,
Народ — убить его грозился.
А он боялся выходить
И был не в силах прекратить
Сей беспорядок: видит он,
Конец его уж предрешён;
С собою он покончить хочет,
Покуда враг с ним не покончит.
Но прежде просит он раба,
Чтоб не досталась голова
Его врагам: чтоб целиком
Сожжён был труп его потом.
И просит он поторопиться,
Чтоб в западне не очутиться
И чтоб не растерзал народ.
С ним Цезарей прервался род.
[К рабам свою окончив речь,
Вонзил себе он в горло меч.]
Об этом рассказал Светоний[61].
О христиан святом законе
Он в той же книге написал
И “новым злом” его назвал.
Так, утверждает он безбожно,
Что христианства вера ложна.
Описано же у него
Двенадцать цезарей всего.
Нерона жизни там картина,

Тирана злобного кончина.
Жесток Нерон и страшен был, —
Семью свою он истребил.
Хотя в начале самом царства
Народ не знал его коварства.
И добродетелью такой
Не славился никто другой,
И лучше править не могли,
Казалось, принцы всей земли!
Он приглашён однажды был,
На суд, где твёрдо заявил,
Что с казнью он не согласится,
О смерти не распорядится,
И лучше б не владел пером,
Чем подтвердил согласье в том!
Осьмнадцать лет землёй он правил[62]
И в тридцать два её оставил.
Рабом жестокости он стал
И волею Фортуны пал.
Судьбою был он вознесён,
Своей гордыней побеждён:
Она тирана одолела.
И вот безумство овладело
Нероном: слышал нынче ты,
С какой он падал высоты.
Нам данный осветить вопрос
Царь Лидии поможет — Крёз[63],
Кто справиться с судьбой не мог,
Когда пришёл кончины срок.
И вот с верёвкою на шее
К костру ведут уже злодея...
Огонь же — Крёза не спалил, —
Его внезапно дождь залил.
А зритель от дождя спасался —
Никто на месте не остался.
Благополучно Крёз бежал,

Народ ему не помешал.
Во власть, как прежде, взял страну
И вновь затеял он войну.
Схватили вновь его, и вот
Повешение Крёза ждёт,
И что во сне ему являлось, —
Чистейшей правдой оказалось.
Не верил он своим глазам:
Ему служил Юпитер сам —
Водою Крёза умывал
В высокой кроне. Помогал
И Феб — держал в своих руках
Он полотенце. О богах
Виденьем царь тот возгордился,
Безумья в нём огонь родился.
Но дочка мудрая его
Секрет открыла сна того,
И не тая, ему сказала,
Что новость горькую узнала
Из сна его. “О мой отец!
Настанет, вижу, Вам конец!
Гордыня хрупка и глупа,
Она пуста, как скорлупа.
Так, Вас Фортуна засмеёт,
На виселицу отведёт.
Она Вас проучить захочет,
Но дождь внезапно Вас намочит,
И после — солнце в тот же час
Лучами вновь согреет Вас
И высушит лицо и тело.
Вас обмануть я не хотела, —
Фортуны воля такова.
Запомните мои слова.
Она отнять богатство любит,
А вскорости — и Вас погубит:
Корону снимет с головы,

И в петлю попадёте Вы.
А драгоценная корона
Надета будет на другого:
Короной овладеет тот,
Кого в ней видеть царь не ждёт!
Чтоб разобрать значенье сна, —
Подсказка Вам ещё нужна.
Юпитер воду подавал —
И этим дождь знаменовал,
Что с неба упадёт стеной.
Явленье Феба — солнца зной.
А древо Вам предстало так,
Что это виселицы знак.
Иначе я не разумею.
И утаить от Вас не смею:
Фортуна Вас не пощадит
И пред народом отомстит
За то, что в роскоши живёте
И в мире гордецом слывёте.
И не посмотрит на венец,
Послав жестокий Вам конец.
Пусть хитроумны Вы, богаты, —
Другой она не примет платы.
Не станет спорить, кто был прав,
Саму наивность разыграв.
Случайных щедро одарит
И власть отдать им повелит,
Забавы ради и игры
Раздаст им лучшие дары.
Иным — погибель уготовит:
Ничто её не остановит.
Всем без разбору всё даёт,
Лишь дочь свою не приведёт
К любому встречному: она
Приятностию названа.
Лишь тем даёт её Фортуна,

Кто не ведёт себя безумно:
Лишь тех сей дар благословил,
Кто честен, щедр и людям мил.
Она — Падения кузина
И не даётся без причины.
Кто страсти низкой жертвой пал, —
Приятность тут же потерял.
Она к виллану не придёт, —
В дурное сердце не войдёт.
От чести стоит отступиться, —
Как можно вмиг её лишиться.
О мой отец, прошу я Вас
Оставить низость в сей же час,
Пример смирения явить,
Гордыне больше не служить.
Не походите на виллана,
И невоспитанность мужлана
Вы от себя гоните прочь:
Готовы будьте всем помочь.
Прошу Вас мудрым быть отцом:
Ведь царь не должен быть скупцом.
Пороков гласу не внимайте,
Нуждающимся помогайте!
Вам бескорыстным нужно быть,
Чтоб не мешать себя любить.
Когда ж любви Вы не снискали, —
То Вас царём напрасно звали”, —
Сказала Фания отцу.
Но не смогла она глупцу
Глаза на истину открыть,
Его упрямство покорить.
Не внемлет Фании отец, —
Непобедимый он гордец.
По слепоте сердечной, он

По-своему толкует сон
И говорит, её браня:
“Почто Вы учите меня?
Я лучше Вас всё понимаю
И сон буквально принимаю.
Ответ Ваш с истиной не схож, —
Не буду слушать эту ложь.
То сновиденье означает,
Что мне Юпитер помогает!
Высокий смысл открылся мне,
И я уверен в том вполне.
А кто не мог в том разобраться, —
Тому не следует и браться
За толкованья. В этом сне
Друзьями боги были мне.
Коль мне оказывали службу, —
Я заслужил с богами дружбу!
Никто её не запретит,
И время это подтвердит”.
Пока Фортуна благосклонна

К монарху, — то на нём корона.
Когда же час его пройдёт, —
Она на смерть его ведёт.
Подсказку в логике получим:
Коль с ней не справиться могучим,
То слабый — силы пожалей.
Никто не знает сладу с ней!
Но коль рассказ о древних днях,
Давно ушедших временах
Пока не убедил тебя, —
Найду ещё примеры я
Больших побед и поражений
Среди красивейших сражений,
Что происходят в наши дни:
Знакомы и тебе они!
(Я говорю о красоте
Лишь той, что может быть в войне.)
Была Сицилии земля
Во власти злого короля
Манфреда[64]. Был он хитрецом
И силой власть держал притом.
Отважный Карл[65], анжуйский граф
И граф Прованса, в битве взяв
Врага корону своего,
Похитил с ней и жизнь его.
Солдат анжуйский ловок был, —
Манфреда он копьём убил.
Так Провиденье пожелало,
Что сделало монархом Карла.
Король Манфред был пешкой взят,
И Карл ему поставил мат.
Манфред убит был не один:
Ведь пострадал и Конрадин[66],
Его племянник, несмотря
На удаль принцев короля.
Хоть Конрадин был молодой, —

Чуть не расстался с головой!
Ударом точным был он скошен
И с поля шахматного сброшен.
Ещё один там был юнец,
И тоже пострадал, гордец:
Жизнь не оставит Карл ему, —
Посадит Генриха[67] в тюрьму.
Он короля Испаньи брат —
И тоже графом Карлом взят.
Так, молодые эти двое
Коней утратили без боя
И в плен попали. В битве сей
Карл истребил слонов, коней,
Ферзя. А кто был на местах, —
Пред ним испытывая страх,
Бежали прочь. Сказать по чести, —
Они и не боялись мести.
Противник им не ставит мат, —
Ему король важней сто крат.
Раз короля враг окружил, —
Конец сраженью положил.
Когда из битвы выйдут пешки
Иль убегут в ненужной спешке,
Когда, на смерть обречены,
Фигуры в плен заключены, —
Противник несказанно рад
Фигуре главной ставить мат.
Когда останется один
На поле боя господин, —
Окажется он в окруженьи
И так потерпит пораженье.
Аталий так постановил,
Кто ход игры установил.
Он арифметику любил
И шахматам отец он был.
Мы в *Поликратике*[68] о сём

Изобретении прочтём.
И мы увидим, что науку
Он уважал. Тем самым скуку
Заставил всех забыть: сейчас
Игра так увлекает нас!
Вот шахматы как появились —
Из арифметики родились.
Так, пленникам страдать пришлось
И убежать не удалось.
Судьба жестока к ним была,
И кара их за зло ждала:
От Божьей Церкви отделились
И с нею враждовать решились.
Но вот объявлена война
И их разбита сторона:
Фигуры многие убиты,
И пленным не найти защиты.
Их ферзь в атаке первой пал,
И весь отряд за ним пропал.
Манфред коней не уберёг
И сам на поле брани лёг.
А пешек было мало с ними:
Нельзя с фигурами такими
Держать защиту. Слыша весть
О смерти короля, унесть
Скорей все поспешили ноги,
Не разбирая и дороги.
Но Карл всех беглецов схватил,
Сообщников не пощадил:
Никто не избежал сей доли,
И все по королевской воле
На плен они обречены,
По окончании войны.
Я Господа теперь молю,
Чтоб новому дал королю
Защиту, ночью чтоб и днём

Он был бы вместе с королём.
Ему советом бы помог,
Небесный даровал чертог!
Прославился отвагой Карл:
Пред ним Марсель строптивый пал.
Властей он местных не жалел —
Больших людей казнить велел.
Его правителем признали,
В Сицилии короновали.
Не буду сказывать о том, —
Писать пришлось бы целый том! ...
К Фортуне, чтоб не ошибиться,
Нельзя с доверьем относиться.
Любой, кто рвался в первый ряд, —
Её проделкам не был рад.
Когда ты Розу целовал, —
Похоже, не подозревал,
Что вновь печаль к тебе вернётся
И мука новая начнётся?
Ты думал, что тебе дано
Лишь поцелуев пить вино?
Как ты наивен был в сей вере!
Теперь же помни о примере
Всех тех, кто на родную мать —
На Церковь стали нападать.
Средь сарацин[69] ведь злее нет,
Чем Генрих, Конрадин, Манфред.
В Марселе не забудь восстанье
И достоверные преданья
О знаменитостях былых
Нероне, Крёзе. Я о них
Тебе поведала: их роли
Фортуны не переборoли.
Коль тот, кто вознесён судьбой,
Своей гордится высотой, —
Он позабыл несчастье Крёза,

Кого лишила жизни грёза.
И позабыл ещё двоих:
Судьба была похожа их.
Персидского владыки мать
Утратила былую власть —
Сисигамбида[70]; и с Гекубой[71] —
Царя Ильонского супругой —
Фортуна доброй не была —
Жестоко в рабство низвела.
Тут для подобного примера
Нельзя не вспомнить нам Гомера[72]:
Считаю я, что это стыд,
Когда Гомер тобой забыт.
С литературой ты знаком
И должен быть ты знатоком
Той мудрости, что всех спасает,
Когда Фортуна в грязь бросает.
Тебе учение не впрок,
Коль памяти не долог срок;
Напрасно всякой книги чтенье,
Коль забываешь ты ученье
И в трудный жизненный момент
Не помнишь нужный ты совет.
Любой разумный человек
Совета не забудет век,
И если с ним беда случится, —
Он вновь к Гомеру обратится.
Не огорчится он ничуть
И смело свой продолжит путь,
Не забывая до могилы
О том, что обновляет силы.
Кто смысл притчи той постиг, —
Не сникнет духом ни на миг
И в ситуации любой
С своею справится судьбой.
Поможет это изреченье

И в радости и в огорченьи.
Итак, в теченье жизни всей
Ты применять его умей.
Но память не сильна твоя, —
Об этом сокрушаюсь я.
Кто ж будет изреченье знать, —
Фортуну должен распознать.
В нём скрыты все её деянья:
Иметь лишь надо пониманье!
Как сам Гомер нам говорит,
[73]Юпитер у себя хранит
Две полных урны. Круглый год
Из тех сосудов пьёт народ:
Фортуна всем без исключенья
Своё подносит угощенье.
Питье имеет вкус приправ
Из сладких или горьких трав;
И всем, кто глуп, и кто не глуп
Она подносит этот суп.
Красивые и молодые,
А также старики седые,
Мужчины, дамы, — все подряд,
Кто виноват, не виноват, —
Иль сладость, или горечь пьют,
Которую им подают.
Кому — мюид, кому — сетье[74], —
Даёт Фортуна всем питье:
Иль чашу полную нальёт,
Иль капля попадает в рот
Добра иль зла. А что кому —
По нраву судит своему.
Достаться может пинта, кварта, —
Кому какая будет карта.
Вполне счастливых нет людей:
Им сколько счастья ни налей,
Найдут в нём то, что не по сердцу, —

Усмотрят хоть щепотку перцу!
А тот, к кому пришла беда, —
Подумать должен, и тогда
В своём несчастном положеньи
Найдёт он каплю утешенья:
Иль дело им завершено,
Иль что-то твёрдо решено.
Тут лишь отчаянье опасно
И над несчастным полновластно.
Оно несёт смертельный вред,
И от него лекарства нет.
И знающий литературу
Не может изобресть микстуру!
Погубят слёзы и тебя,
Коль будешь мучиться, скорбя.
Так, не рыдай и не гневись,
А лучше молодцом держись,
И от Фортуны во смиреньи
Прими любое угощенье.
С людьми Фортуна так хитра,
Что от неё не жди добра.
Хотя невинною предстанет,
Своей игрой всегда обманет:
Иллюзию создаст узла,
Хоть нить развязана была.
Никто не знает наперёд,
Что даст она, что заберёт.
Её я больше не коснусь,
Лишь раз в дальнейшем к ней вернусь.
Теперь же — главное скажу:
О трёх вещах тебя прошу.
А коль услышу твой отказ, —
Обижусь на тебя тотчас.
Поэтому серьёзно встреть их:
Во-первых, во-вторых и в-третьих.
Хочу, чтоб ты меня любил,

Амура-бога позабыл,
И чтобы, слаб ты, иль силён, —
Не шёл к Фортуне на поклон.
Но если не имеешь силы
Исполнить, что я попросила, —
Могу облегчить груз тройной:
Ты будь доволен мной одной.
Лишь стоит мне одной поддаться, —
Не будешь ты в других нуждаться.
Ведь если ты в своём уме, —
Напоминать не нужно мне,
Что тот, кто ценит только Разум,
От всех других свободен разом.
Любовью не полюбит он,
Фортуною — не обольщён.
Вот почему среди друзей
Сократ мне был других верней:
Амура-бога не боялся
И пред Фортуной не склонялся.
Хочу, чтоб был ты, как Сократ,
И мне открыть был сердце рад.
Соединим с тобой сердца! —
Не будет радости конца.
Смотри, как мало сделать нужно,
Чтоб жили мы с тобою дружно:
Лишь просьбу выполни одну, —
Других тебе не вспомяну.
Так, разомкни свои уста,
Скажи: не тщетна просьба та?
Сказал я даме: “Не под стать
Мне просьбу Вашу выполнять.
Служить я господину рад:
Однажды стану я богат.
Меня он сторицей одарит,
Когда он Розу мне подарит.
Пред ним я должен честно жить,

Чтоб Розу честью заслужить.
Других хозяев не хочу, —
Ведь Розы я не получу.
Что мне Сократ? Ведь ум его
Не даст богатства мне того.
О нём и слушать проку нет, —
Мне лишь бы выполнить обет,
Амуру данный: даже в ад
За ним последовать я рад!
Какая может быть измена? —
Не нужно мне другого плена.
Не вольно сердце изменять —
Хозяев без причин менять.
Лишь Роза для меня бесценна:
Единственна и неразменна.
Я сердце отдаю тому,
Кто может горю моему
Помочь, а Ваше предложенье
Лишь вызывает раздраженье!
Такое слышал я сейчас,
Чего не ожидал от Вас.
Звучать то слово не должно —
Плохим считается оно.
Но Вы его употребили,
О куртуазности забыли.
Вы и красивы, и умны,
И потому Вы звать должны
Другими вещи именами.
Об этом знаете Вы сами!
Кормилицы хоть из простых, —
Вы брань не слышите от них.
Хотя язык их не богат, —
Они иначе говорят,
Когда детей своих ласкают,
Их раздевают и купают.
Для образованных же дам

Сказать такое — просто срам!”
Но Разум это не смутило,
Она с улыбкой говорила:
“Мой друг, ведь нет дурного в том,
Что этим словом мы зовём.
Не заслужила я упрёка, —
В людей природе нет порока.
Но я могу и о дурном
Всё в слове высказать одном:
Употребляя все слова,
Я не могу не быть права.
Ведь мне не ведомы грехи, —
Дела мои не так плохи,
Чтоб их грехами называли
И грешницей меня считали.
Я не узнаю никогда
И ни греха, и ни стыда.
Греха я в том не нахожу,
Что я слова произношу,
Которые звучат так прямо,
И в этом я не вижу срама.
О всём я прямо говорю,
Что создано Отцом в раю.
Что мне скрывать? — Ведь у людей
Позорных вовсе нет частей.
Всё тело — мудрости созданье,
Частей прекрасных сочетанье.
И орган пола[75] Бог создал,
Способность к размноженью дал.
Без этой части человек
Калекой был бы из калек!
Ведь так устроена природа,
Что хочет продолженья рода.
За смертью жизнь идёт всегда, —
Их непрерывна череда.
Такой и средь зверей закон,

Их формы сохраняет он”.
“Вы говорите всё грубее! —
Воскликнул я, — не оробею,
И правду всю я Вам скажу:
Я Вас бесстыжей нахожу!
Пусть создал эти Бог предметы,
Не называл Он грубо это.
Когда Он тело создавал,
Таких названий не давал.”
“Мой друг! Ты думаешь, ты смел,
Коль оскорбить меня посмел?
Ведь я пришла к тебе любя,
Всё принимаю от тебя,
Лишь мудрости тебя учу,
И слушая, — всегда молчу.
Зачем меня ты обижаешь,
Мои симпатьи разрушаешь?
Я оскорблений не терплю,
Тебя в ответ не оскорблю.
Людей я лишь увещеваю,
Но не браню, не обзываю!
Ты можешь дальше продолжать,
Но дам не должен обижать.
Безумен ты, а не отважен, —
Ведь добрый тон в беседе важен!
Когда хочу я наказать, —
Не стану дерзких слов бросать.
Я, в рассуждения пускаясь,
До этого не опускаюсь!
И на себя была бы зла,
Когда бы словом нанесла
Тебе обиду. Не секрет:
Острее слов оружья нет.
Но нелюбви я не прощу
И всё-таки тебе отмщу,
Когда ты верить мне не хочешь

И дружбу нашу не упрочишь.
Коль бесполезен разговор,
И глупый возникает спор,
Пожалуй, обращусь я в суд, —
Там это дело разберут.
Я отомщу тебе достойно,
Чтоб было на душе спокойно.
Но так не стану говорить,
Чтоб мог меня ты укорить
В дурном обидном обращеньи
Иль сдерживаться неуменьи.
Тебе я не уподоблюсь
И в споре не потороплюсь
Обидеть доброго иль злого —
Не пророню дурного слова!
Моя природа такова,
Что не приемлет те слова:
В ответ сумею промолчать,
Чтоб спор в конфликт не обращать.
Молчанье в споре никогда
Не стоит тяжкого труда,
А перейти на оскорбленья —
Чудовищное преступленье.
Нам должно мудрым подражать —
Язык в узде всегда держать.
Я думаю, тебе известны
Слова пролога *Альмагесты*:
“Тот, кто разумен, а не глуп,
В своих речах бывает скуп.
Лишь только Богу много слов
Он щедро высказать готов”.
(И правда, наши к Богу речи
Быть могут просто бесконечны:
Его нельзя перехвалить,
Ни долго чересчур молить,
Ни слишком перед Ним смиряться,

Ни чересчур Его бояться;
Не нужно меру соблюдать,
Чтоб покаяние читать;
И выражать к Нему любовь
Всегда мы можем вновь и вновь.)
О том, что эта в целом свете
На первом месте добродетель,
Писал не только Птолемей[76],
Других припомнить ты сумей.
Язык обуздывать уменье —
Всего важнее. Это мненье
Средь прочих разделял Катон,
О чём и в книге пишет он[77].
И ты язык свой укроти
И сквернословить прекрати.
Зла на тебя я не держу.
И, не гневясь, тебе скажу,
Ни в чём обидеть не желая,
Что ты ошибся, называя
Меня бесстыжей. Уж не раз
В любви к тебе я поклялась
И вот обиделась немало —
Несправедливо пострадала.
Царь Ангелов меня питал:
Меня создал и воспитал.
Бог благ. И всем созданьям ясно,
Что всё творит Он куртуазно.
Он научил меня как раз
Всё называть без перифраз.
Так знай моё происхожденье
И со словами обращенье!
Ты возражаешь мне в ответ.
Что слов от Бога вовсе нет.
Согласна я, что в мире нашем
Слова, быть может, и не краше
Тех слов, что произнёс Господь,

Когда людей творил Он плоть,
Когда Он Сам всё произвёл,
На Землю всех существ привёл.
Иным был мир. И у основ
В нём не бывало наших слов.
Но воля Бога такова,
Что я придумала слова
Для общего употребленья
И всякой вещи осмысленья.
Господь мне это поручил
И речи дар Он мне вручил.
Мне можешь на слово поверить
Иль, при сомнении, проверить,
Как это выразил Платон[78]
И что сказал в *Тимее*[79] он:
Мы речью можем управлять
И ею волю изъявлять.
Могли мы слово получить,
Чтоб нам учиться и учить.
Так, нам Платона изреченье
Слов открывает назначенье.
[80]Когда ты говоришь в ответ,
Что тех названий хуже нет,
Тебе я смело заявлю —
И Бог пусть слышит речь мою, —
Что если б я предметам тем
(Пока мы не сменили тем)
Другие имена дала, —
“Мощами” б фаллос назвала,
А мощи — “фаллосом”[81], — на это
Другого не было б ответа!
Ты слово “мощи” бы опять
Стал неприличным называть.
А слово “фаллос”, милый друг,
Превозносить ты б начал вдруг,

Его б хорошим посчитал,
Стыдиться б вовсе перестал,
Когда б служило слово это
Для столь священного предмета!
Но “c” и “v”[82] вполне верны
И очень в языке нужны.
Так оба слова хороши! —
Я их люблю от всей души:
Ведь я сама им жизнь дала.
Господь не производит зла,
И, я надеюсь, принял их,
Не осудил Он слов моих!
Отец не мог мне запретить
Его творенья окрестить:
Не верю, чтоб на это дело
Я вовсе права не имела.
Ведь если в мире есть предмет,
Которому названья нет, —
Как людям говорить о нём?
И как мы смысл его поймём?
Во Франции язык таков,
Что здесь не знают этих слов.
Они здесь дамам непривычны,
А не скверны иль неприличны.
Когда бы можно было нам
Воспитывать иначе дам, —
Они слова бы те любили
И невиновны б в этом были.
Привычка всякая сильна,
Ведь формирует вкус она.
А новое — всегда мешает
И с непривычки раздражает.
Вещь нам не нравится, пока
Мы не привыкнем к ней слегка.
Но стоит чуть привыкнуть к ней, —
Она покажется милей.

Словами люди все играют,
Когда сей орган называют:
Названий столько тем местам,
Как на Земле девиц и дам.
И я не требую от них
Двух слов — понятных и простых.
А я же слов тех не таю —
Им предпочтенье отдаю.
Кто школы посещал, — привык
Там слышать образный язык:
Ведь притчи надо понимать,
А не буквально принимать.
И я стремлюсь в речах обычно
Сказать о чём-то символично.
Так, о Сатурне мой рассказ
Содержит много перифраз:
До сути только тот дойдёт,
Кто смыслы символов найдёт.
Когда б взялась я объяснять,
Ты смог бы сразу всё понять:
За тем, что говорилось мной,
Ещё таится смысл иной.
Ты сам поймёшь, что скрыто в этом,
Коль обратишься ты к поэтам —
Их комментарии прочтёшь
И объяснения найдёшь.
Ведь открывают нам поэты
Все философии секреты.
Ты сможешь мудрость в них найти,
А с нею — радость обрести.
Ведь притчи — это не банальность,
За ними кроется реальность.
Но, в образы облечена,
Не сразу вся она видна.
И чтоб открытье совершить,
Усилье надо приложить.

Но те два слова — из таких,
Что сразу понимают их:
Не нужно ни о чём гадать,
Лишь буквы стоит прочитать!”
“Я понял их, о дама Разум,
Любой француз поймёт их сразу:
Они настолько всем ясны,
Что поясненья не нужны.
А что касается поэтов,
Сейчас мне не до их секретов.
Вникать я в притчи не хочу —
Я счастья в том не получу.
Когда же буду исцелён
И за труды вознагражден, —
То непременно к ним вернусь
И толкованьями займусь.
Тогда метафору любую
Я, несомненно, расшифрую.
На Вас я, дама, не сержусь
И даже Вас простить решусь
За грубость Ваших изречений
И прямоту обозначений.
Я время не могу терять
На то, чтоб притчи разбирать,
А Вы меня, уж, извините,
За своеволье не браните! —
Могу ли перестать любить,
Неверным господину быть?
Коль я безумен, — хуже мне,
Но в том уверен я вполне,
Что Розу я не разлюблю,
И Вас никак не полюблю.
Я всей душою предан Ей,
И не могу любви моей
Вам обещать: сгублю я душу
И обещание нарушу.

[Я повторял уже не раз,
Что не могу послушать Вас:
О Розе только лишь мечтаю,
О ней единой помышляю...]
А Вы со мной ведёте речь,
Чтоб от неё меня отвлечь
И чтоб любить я перестал.
Признаюсь, дама, я устал:
Язык нам общий не найти,
Придётся мне от Вас уйти!”
Моё признанье услыхав
И мне ни слова не сказав,
Она поспешно удалилась,
В меня ж — уныние вселилось.
На память мне мой Друг пришёл.
К нему уж было я пошёл,
Как сам он вырос предо мной,
И вид его пугает мой:
— Что с Вами, о мой друг, случилось?
Беда ль какая приключилась? —
У Вас весьма унылый вид.
Быть может, это от обид?
Какие новости, скажите?
— Плохие.
— Всё мне расскажите.
Я всё ему пересказал,
На что мне Друг в ответ сказал:
— Ваш случай — нам свидетель Бог —
Я вижу, не настолько плох!
Так Вы Опасность миновали
И тот бутон поцеловали?
Приём Прекрасный схвачен был,
И потому мой друг уныл? —
Для Вас немало сделал он,
Коль целовали Вы бутон!
В неволе Вам он не изменит,

Расположенья к Вам не сменит.
Но чтобы к цели Вам придти, —
Мудрее нужно быть в пути.
Спокойствие! Приём Прекрасный
Не будет мук терпеть напрасных
В неволе, где он заточён,
А будет вновь освобождён.
Но Злой Язык опасен так,
Что всех врагов тот стоит враг.
Ведь он собрал всех остальных,
Иначе б Вы ушли от них.
Они бы не объединились,
На Вас бы так не обозлились.
Не нападали б Стыд, ни Страх —
Сидели б тихо на местах.
Опасность не был бы сердит —
Его дремал бы аппетит.
Но Злой покоя им не дал!
Я так рассказ мой продолжал:
— Кто б видел, как Приём Прекрасный
Дрожал при Ревности, несчастный,
Как он от крика трепетал, —
К нему бы жалость испытал.
А я не вынес дерзких слов
От Ревности, и был таков.
Там замок ею возведён,
Приём Прекрасный в нём пленён.
От Вас, о Друг, я жду совета, —
Умру без Вашего ответа!..
В любви мой друг весьма учён,
И говорит со знаньем он:
— В унынье только не впадайте,
Любовью мысли развлекайте.
Мой компаньон, Амур от Вас
Ждёт преданности всякий час,
А настроенья перемену

Он понимает как измену.
Так, верны будьте Вы ему,
А также слову своему!
Его заданья выполняйте
И, выполняя, твёрдо знайте:
Придёте раньше иль поздней
К заветной цели Вы своей.
И лишь Фортуна в грозный час
Назад отбросить может Вас.
Служите одному Амуру,
Не проводите время хмуро —
Ведь мысль о нём и веселит,
И вдохновение вселит.
Зачем судьбе сопротивляться
И от Амура отдаляться?
Зачем иной судьбы искать? —
Не хочет Вас он отпускать!
Теперь скажу я, как Вам быть,
Как будет лучше поступить.
Ещё немного подождите
И в этот замок Вы сходите.
Вокруг не стоит Вам гулять —
К себе вниманье привлекать.
Ни у ворот, ни у стены
Остановить Вас не должны.
Когда ж Вы в замок попадёте,
То непременно там найдёте
Быть может, в башенном окне
Иль у бойницы, что в стене,
Прекрасного Приёма. Бдите
И за собою проследите,
Чтоб Вас никто не увидал
И Ваших чувств не угадал.
Любуйтесь Вы Приёмом тайно,
Ему как будто бы случайно
Какой-нибудь подайте знак.

Он — не ответит Вам никак.
И даже если Вас заметит, —
То только взглядом Вас приветит.
Коль будете Вы говорить
С прохожими, — окно закрыть
Он поспешит. Но не уйдёт,
А сам к окну тому прильнёт,
И у щели наверняка
Он будет слушать Вас, пока
Вы не исчезнете из виду.
Не покажите Вы обиду
При встрече Злому Языку:
Его приветьте на бегу,
Но чувства скройте Вы умело,
Как будто нет Вам больше дела
До прежних ссор или обид
И злоба в сердце не кипит.
Нельзя Влюблённому стесняться —
Его обманывать бояться!
Ведь мудреца закон таков:
Всегда обманывать лгунов.
Его открыто уважайте,
Родных его не обижайте,
А всем оказывайте честь,
Как будто бы забыв про месть.
Как будто рады им служить:
С душой и тело предложить.
Ведь на любого хитреца
Вы не найдёте мудреца,
Когда не будет тот мудрец
Побольше первого хитрец.
Мудрец ничуть не согрешит,
Коль хитреца перехитрит.
Да, Злой Язык — опасный вор:
Возьмите слово “разго-вор”,
Начало слова отнимите, —

Его названье получите.
И вправду, любит он болтать,
Но ничего не может дать:
Коль имя доброе отнимет,
Обратной меры не предпримет.
Не доведёт он до добра, —
Его повесить уж пора!
Любых воров всегда простят,
Коль те убыток возместят
(А стоит эта им проказа
Того добра четыре раза.)
Лишь вор опасный Злой Язык
Рассчитываться не привык:
Он реноме Вам не вернёт
И слов назад не заберёт.
Чтоб Вам исправить положенье,
Вам надо лишь расположенье
Того Злодея. Люди тут
На жертвы временно идут:
Хотя врагов и проклинают, —
Их обнимают, лобызают.
Чтоб Злого Языка заткнуть,
Схитрите пред собой чуть-чуть:
Его слугою притворитесь,
Его желаньям покоритесь;
И чтоб он Вас не упрекал
И скверных слов не изрекал,
Вы поприветливей с ним будьте,
Родных его не позабудьте,
Хоть проклят Богом этот род!
Ведь, чтоб заткнуть собаке рот,
Коль надо перейти дорогу, —
Придётся ей польстить немного.
Не будет Злой Язык болтать,
Коль повода ему не дать,
Коль с ним всегда Влюблённый дружен,

И коль цветок ему не нужен!
Приём Прекрасный не сбежит:
Его Старуха сторожит.
Служите также Вы Старухе
И к Ревности не будьте глухи.
Пусть будут прокляты они, —
От них несчастия одни!
Не может Ревность быть довольна:
Коль рады люда, — ей лишь больно;
Всем счастьем хочет обладать,
Другим ни капли не отдать,
Как будто у неё убудет,
Когда другой доволен будет!
Кто хочет радость взять себе,
Тот забывает об огне,
Которым свечи зажигают,
И свет тем самым умножают:
Зажги хоть тысячу свечей —
Не будет ни одна бледней.
Вы тем двоим служить должны,
Когда им будете нужны.
Им куртуазность окажите,
Свои уменья покажите.
Не открывайте им секрет,
Что искренности в этом нет.
Себя ведите с ними так,
Чтоб не давать понять никак,
Что их желают истребить:
Повесить или утопить.
Вы безоружным к ним являйтесь —
К себе доверья добивайтесь.
Ведь с ними справиться нельзя,
Открыто кулаком грозя,
И здесь дороги нет иной,
Как притвориться их слугой.
А коль минуете Вы их

И стражей встретите других, —
Скажу Вам, как себя вести
И что им надо поднести.
Когда Вам средства позволяют, —
Им дайте всё, что пожелают:
И украшенья, и венки
Цветочные, и кошельки —
Те мелочи, что веселят
И привлекают чем-то взгляд.
Когда ж Вам не позволят средства
Дарить, что требует кокетство, —
Не стоит сразу отступать,
Иначе надо поступать.
Пожалуйтесь им на страданья, —
Пусть слышат Ваши причитанья.
Скажите о своих цепях:
Несчастьях, трудностях, скорбях,
Что от Амура Вам достались,
Когда Вы с Розою расстались.
[83]Пообещайте им дары
(Пусть даже только для игры!),
Клянитесь щедро заплатить.
Чтоб Вам их лучше убедить,
Вы на колени опускайтесь
И в причитания пускайтесь.
Чтоб нужный получить эффект,
Тут лучше плача средства нет:
Молящих принимайте позы,
Обильно проливайте слёзы.
И если не течёт слеза,
Слюной смочите Вы глаза;
Сок лука или чеснока
Поможет Вам наверняка,
Чтоб слёзы сами потекли
И убедить Вы их смогли.
Иные в этом молодцы —

Всего добились, хитрецы:
И плач сумели показать,
Чтоб чувства дамам доказать!
Кто к даме в сети попадает,
Тот хитрости изобретает,
Что б дам разжалобить могли,
И те навстречу бы пошли.
Чтоб вам поверила девица,
Достаточно лишь притвориться.
Ведь для того, чтоб слёзы лить,
Не обязательно любить.
Такие слёзы тронуть могут
И непременно Вам помогут.
Здесь главное — врагам не дать
Подделку Вашу разгадать!
Ведь если кто-нибудь заметит,
Что не от сердца слёзы эти,
То Вас уж больше не простят
И вход в свой замок воспретят.
Когда не пустят к стражам Вас,
Пошлите Вы гонца тотчас.
Записку Вашу он отдаст
Иль на словах всё передаст.
Но действуйте Вы осторожно:
Довериться немногим можно;
Подписывать письмо нельзя,
Иль пропадёт затея вся.
Поставьте вместо “он” — “она”,
И тайна будет спасена.
Не стоит детям доверять:
Они всё могут потерять,
Иль сбиться с нужного пути,
Иль о секрете донести.
И тут не стоит удивляться:
Ведь им бы только забавляться.
Чтоб дело в тайне сохранять,

Вам лучше взрослого нанять.
Ведь без смекалки и без маски
Не избежит оно огласки!
Подарки стражам подарив
И их тем самым покорив,
В успехе Вы не сомневайтесь
И перед ними не стесняйтесь.
Ведь если принят дар от Вас —
Затея Ваша удалась.
Как, видя корм, иная птица
Бесстрашно на руку садится, —
Так стражей можно подкупить,
И Вас не захотят сгубить.
И если им подарки дать,
Вам будут только угождать,
Влюблённым с радостью помогут,
Преградой быть для них не смогут.
Но если вам не повезёт,
Над ними гордость верх возьмёт,
И будут стражи неподкупны,
Высокомерны, неприступны,
Вас резким словом отпугнут
Иль грубо силой оттолкнут, —
Достойно с ними Вы проститесь,
От них на время удалитесь.
В покое Вы оставьте их,
Чтоб гнев немного их утих.
И вскоре будет результат —
Иначе уж заговорят.
Как сыр осенний всех вкуснее,
Так стражи будут всех добрее!
Так что любезность — не пустяк,
И Вы продвинетесь на шаг.
Сердца вилланов так горды —
Не терпят в чувствах прямоты:
Того, кто им любовь дарит,

Виллан презреньем наградит.
Не даст внимания тому,
Кто всех внимательней к нему.
Но если вдруг слуга уйдёт, —
С виллана тут же спесь сойдёт.
Как в океане моряки,
Что ищут суши островки,
Хотя под парусом идут,
Поскольку звёзды их ведут, —
Должны приметы понимать
И иногда его снимать,
Когда им буря угрожает, —
Так сердце любящих решает,
Как лучше цели достигать:
Преследовать иль избегать.
И, всё же, лучше не сдаваться —
Симпатий стражей добиваться.
Кто неотступен будет в том,
Тот может выиграть потом.
Ведь стражи не бывают злы
На тех, кто дарит похвалы,
Кто с просьбой к ним всегда идёт,
И кто, как раб, себя ведёт.
Не станут их гонять надменно,
А подобреют постепенно.
Приятно слышать подлецам,
Что их относят к храбрецам,
И верят с радостью они,
Что в них достоинства одни,
Что хороши они, умны
И благодушия полны.
Коль славят их на целый свет, —
Они уж вряд ли скажут “нет”.
Когда ж влюблённых пропускают, —
Те счастия не упускают!
Но если так произойдёт,

Что там отказ влюблённых ждёт, —
Пусть удалятся в тот же час
(Не всех пропустят в первый раз).
Не нужно с ними быть упорным,
А лучше быть слугой покорным:
Не надо сразу ждать утех, —
Когда-нибудь придёт успех.
Лишь одного поберегитесь —
Им открываться зарекитесь.
Коль скажете им про цветок,
Вам не пойдёт беседа впрок:
Ведь им нельзя и намекать,
Что Розу Вы пришли искать,
Чтоб думать все они могли,
Что Вы по дружбе к ним пришли.
Когда Вы поняли совет,
То знаете, что смысла нет
С мольбою к стражам приходить,
А до конца не доводить
То начинанье: не страшны
Они, когда побеждены.
Но если Вы их не сломите, —
Лишь к самохвальству поощрите.
[Хоть жаждут все они борьбы,
Но поддаются на мольбы.
И чаще, услыхав прошенье, —
Готовы даровать прощенье!]
Хоть каждый страж на вид суров,
Внутри он вовсе не таков.
Тому, кто стал бы приставать,
Готовы стражи всё отдать.
И даже если их не просят, —
Они Вам сами всё выносят!...
Но кто решит их изводить,
Иль слишком щедро наградить, —
Тот хуже сделает себе, —

Ведь розы вырастут в цене!
Хотя б влюблённый и не сдался, —
Но тут бы он перестарался:
Врага бы так не победил,
К гордыне б только побудил.
[84]Коль стражей похвала задела, —
Влюблённых хвалят без предела. —
Им нужно в этом помешать
И разговор не продолжать.
Условиться влюблённым нужно,
Чтоб больше не служить им дружно,
Своих услуг не предлагать,
В желаниях не потакать.
Им даже стоит разрешить
Все розы разом иссушить!
Но до того не опускаться,
Чтоб вместе с телом продаваться.
Того, кто б телом торговал,
Я б человеком не назвал!
Проворны будьте. Поскорей
Хватайте жертву средь сетей.
Когда не будете Вы скоры,
Её похитить могут воры.
Ведь конкуренты тут как тут:
Её уже все вместе ждут.
Сначала два, потом четыре,
А после — сотня в целом мире!
Глядишь, за месяц и за год
Число их резко возрастёт.
И стражи Вас уже забудут,
С другими торговаться будут.
Коль долго будете Вы ждать,
То можете и опоздать.
Когда мужчина только ждёт,
Что дама первая придёт,
Коль в красоте своей уверен, —

Он в ожиданьях неумерен.
Кто хочет даму захватить,
Не должен слишком временить:
Уж лучше пусть она отвергнет,
Чем ждать, пока любовь померкнет!
Так поступать и надлежит
Тому, кто в замок поспешит.
Но к стражам Вы не подходите
И хоть немного подождите,
Когда они раздражены
Иль чем-нибудь огорчены.
Дождаться надо для прошенья
Их доброго расположенья.
Но их печаль Вам не страшна,
Когда от Ревности она.
(Тогда, со стражами в войне,
Она на Вашей стороне.)
Поговорите с ними там,
Где Вам удобней, по душам.
Когда ж, с цветком наедине
Вы в безопасности вполне, —
Приём Прекрасный веселится,
В тюрьме он больше не томится
И Вас увидеть очень рад,
О чём глаза Вам говорят.
Срывайте Розу Вы бесстрашно:
Для Вас теперь совсем не важно,
Что вновь Опасность Вас бранит,
А с ним явились Страх и Стыд,
Чтоб Вас немного поругать —
Вас это не должно пугать.
Пусть Страх дрожит, а Стыд краснеет,
И вновь Опасность будет злее —
Пусть возмущаются враги, —
Вы поступите по-мужски.
Срывайте Розу поскорей,

Явить не бойтесь силу Ей, —
На то имеете Вы право,
Ведь Ваша сила Ей по нраву!
Лишь надо правильно решить,
Когда её Вам приложить, —
Умелы в этом будьте Вы.
Иные люди таковы,
Что если могут что-то дать,
То будут непременно ждать,
А сами предложить не могут,
Пока им в этом не помогут.
Коль в ситуации такой
На них махнули б Вы рукой, —
Они победу б одержали
И счастие изображали, —
Узнайте: правды в этом нет —
От счастья их простыл и след.
Но если же любви слова
На них воздействуют едва,
Коль начинают защищаться
И не на шутку возмущаться,
Когда они раздражены, —
Срывать Вы Розу не должны.
О милости Вы их просите,
А сами терпеливо ждите:
Когда привратники уйдут,
Приём Прекрасный будет тут.
Тогда Вы сможете опять
Отважно перед ним предстать.
Его поймите настроенье
И проследите поведенье.
Вы согласуйтесь с молодцом,
Чтоб был для Вас он образцом.
Когда наивный он, живой, —
И Вы примите вид такой.
Коль действует неторопливо, —

Вы следуйте за ним лениво.
Рассмейтесь, если весел он;
Поплачьте, если огорчён;
Его улыбки видя свет,
Улыбку шлите Вы в ответ.
Когда он грустен, — Вы должны
Быть так же, как и он, грустны.
Что он похвалит, — похвалите,
Что поругает, — побраните,
И будет Вам он доверять,
Манеры Ваши одобрять.
Иль Вы считали, может быть,
Что дамы могут всех любить?
Но даме недурных манер
Не нужен странный кавалер,
Кто по ночам не будет спать,
А, как в бреду, уйдёт мечтать,
Иль среди ночи запоёт —
Соседей вдруг будить начнёт!
Так, дама будет опасаться
И на глаза им попадаться.
Про встречи эти пустят слух,
А город к слухам-то не глух.
Коль человек благоразумный
Сойдётся с девою бездумной
И с ней серьёзно говорит, —
То он её не покорит.
Такая речь ей не ясна,
Его лишь подведёт она.
Чтоб сердцу девы милым быть,
Придётся нравы изменить.
Коль дева речи не поймёт,
Он шарлатаном прослывёт.
Она сочтёт, что он хитрец,
И пустит слух, что это лжец,
Достоинство всё потеряет

И на другого променяет.
Хоть честен был он, — оттолкнёт
И худшего себе возьмёт,
Как поступает лишь волчица,
Кто выбрать худшего стремится.
Когда Приём Прекрасный там
И поиграть предложит Вам
В триктрак[85] иль в шахматы, — одно
Быть правило у Вас должно:
Всегда прилично поступайте,
В любой игре Вы уступайте.
Пусть побеждает только он,
Чтоб был он удовлетворён!
Над Вами станет он смеяться, —
Не надо этого бояться.
И каждый раз ему в ответ
Вы говорите комплимент:
Хвалите нравы и наряд, —
Он будет бесконечно рад.
Когда захочет он присесть,
Вы предложите всё, что есть:
Стул, кресло и скамью без спинки;
Снимите Вы с него соринки —
Пусть вовсе их на платье нет —
Вниманьем будет он задет.
А если запылился он, —
Стряхните пыль со всех сторон!
Вам повод подойдёт любой,
Чтоб он доволен был собой, —
И нужно Вам за ним ходить,
Всегда стремиться угодить:
Ведь только так, на самом деле,
Своей достигнете Вы цели.
— Что говорите Вы, мой Друг?
Я должен опуститься вдруг?
Служить угодливым и лживым,

Чтоб мне однажды стать счастливым?
Что Вы имеете в виду?
Я так себя не поведу.
Я не таких дурных манер,
Я не злодей, не лицемер.
Ведь люди эти так ужасны,
А добр один Приём Прекрасный.
Я должен говорить им ложь?
Я на предателя похож?
Я разве Злому Языку
Пообещать дары смогу? —
Скажу ему, чтоб прекратил
Тот звон, что всюду распустил!
Вину он должен искупить,
Когда не хочет битым быть,
А просто так я не прощу:
Иль самолично отомщу,
Иль дело в суд я передам, —
С ним быстро разберутся там!
— Послушайте, приятель мой,
Враг перед Вами не простой:
Войну открыто не ведёт
И на уступки не пойдёт.
Когда кого-то ненавидит, —
Всегда исподтишка обидит.
Позорит женщин и мужчин
Без видимых на то причин.
Пусть проклянёт его Создатель,
Ведь предан должен быть предатель!
Не видно худа в хитреце:
Улыбка на его лице.
Снаружи человек не видит,
Что враг его так ненавидит.
Бандита Злого Языка
Не распознать издалека.
Таких людей я опасаюсь,

Подальше быть от них стараюсь.
Хоть улыбается их рот, —
В их сердце ненависть живёт!
Хотите Вы процесс начать,
Чтоб их заставить замолчать?
Забыли Вы, что Злой Язык
Не предоставит Вам улик?
Свидетелей Вы не найдёте
И зла в нём с виду не прочтёте.
А что докажете суду, —
На Вашу обратят беду.
Про это дело всяк узнает,
И заявитель проиграет.
Кто возмечтает, что за стыд
Врагу в суде он отомстит, —
От умножения стыда
Уж не спасётся никогда.
Не стоит Языка просить
Те злые сплетни прекратить,
Что он пустил, ни угрожать
Его побоем наказать:
Кто трёпку Языку задаст, —
Лишь больше воли слухам даст!
Не ждите Злого покаяний,
Ни исправленья злых деяний.
Я сам, к примеру, ничего
Не стал просить бы у него.
Но если бросить вызов Злому, —
Страдать Прекрасному Приёму:
Его иль в цепи закуют,
Иль замуруют, иль сожгут.
И будет столько же печали,
Как о погибшем в Ронсевале.
(Роланда[86] предал Ганелон,
От ран в ущелье умер он.
Когда дошла до Карла[87] весть, —

Не мог он горя перенесть!)
— Мой друг! Я Злому Языку
Лишь в ад спуститься помогу,
И сам бы я повесил Злого!
— Но права нет у Вас такого.
Лишь судиям решать дано,
Кому погибнуть суждено,
А Вас устал я убеждать
В том, чтоб предателя предать.
— Теперь я с Вами соглашаюсь,
В других я мненьях не нуждаюсь.
Нельзя ли, Друг мой, как-нибудь
Облегчить в замок трудный путь?
Иль мне другим путём пойти,
Чтоб легче всё перенести?
— Да, есть дорожка в замок тот,
Но бедный ею не пройдёт.
Чтоб эту крепость покорить,
Не нужно и доктрин учить,
Чтоб все врата упали дружно. —
Искусства моего не нужно.
Кто следует таким путём, —
Всех арестует в замке том.
Дорога эта — Путь Даренья,
Безумной Щедрости творенье.
Ей многие попались здесь,
И мне тот путь известен весь:
Зимой и летом я им шёл,
Позавчера с него сошёл.
Когда Вы вновь пойдёте в путь,
Не вздумайте туда свернуть:
Вам мимо Щедрости пути
Налево надлежит пойти.
А торный путь — совсем не нов. —
Вы не прошли б и двух шагов,
Как стены разом бы упали,

Все башни б разом задрожали
И все открылись бы врата. —
Сдалась бы вмиг вся крепость та,
Как будто нет в ней никого
И всё давно уже мертво!
Там замок плохо укреплён —
С той стороны доступен он.
В том месте стены так хрупки,
Что их прочнее — пироги:
Быстрее можно их сломить,
Чем хлеб на части разделить.
[Без боя можно крепость брать,
Не нужно войско собирать,
Какое Карлу пригодилось,
Германия чтоб покорилась!][88]
Насколько я судить могу,
Там нету места бедняку:
Его на лёгкий путь такой
Не приведёт никто другой.
Когда б попал туда бедняк, —
Узнал бы тоже, что и как.
И если б кто ему помог, —
Он знал бы путь тот назубок.
Хотели б Вы узнать тот путь, —
Могли бы на него свернуть:
Лишь много денег нужно Вам,
Чтоб оплатить расходы там.
И я признаться Вам могу,
Притом нисколько я не лгу,
Что больше по тому пути
Мне Бедность не даёт идти.
Она меня опередила
И возвращаться запретила:
Ведь я потратил всё, что мог,
И что другие дали в долг.
Сказала Бедность, наконец,

Что этому настал конец.
Туда, мой друг, никто не ходит,
Кого Богатство не проводит.
Но своенравна дама та:
Вас провожает лишь туда,
И после — выразит отказ
Сопровождать обратно Вас.
Коль Вам случайно повезёт
И Вас Богатство поведёт, —
Вам по обратному пути
Придётся с Бедностью идти.
Коль побывать там доведётся,
То сожалеть потом придётся.
Там Щедрости Безумной дом:
Она печётся лишь о том,
Чтоб ей потратить всё именье
На игры и на развлеченья;
Не станет денег и считать,
Чтоб ей на ветер их кидать.
На том пути с другого края
Вам Бедность встретится босая:
Всегда несчастна и больна,
Стыдится всех людей она,
Всегда она о чём-то просит:
Быть может, кто денье ей бросит!
Не говорят ей добрых слов,
И редко кто помочь готов:
Её бояться подпускать
И все стремятся избегать.
И Вы её не подзывайте,
К Вам приближаться не давайте:
Кто попадает в нищету,
Тому и жить невмоготу.
[Кто разорился, тот долгами
Опутан будет, как шелками;
И вынужден в беде такой

Стоять с протянутой рукой.]
Потратить стоит весь запас, —
И не подумают о Вас.
Ведь деньги люди берегут
И неохотно подают.
Кто пожелал любовь познать, —
Не должен это забывать.
Живёт бедняк, любви не видя.
Как выражается Овидий,
У бедняка нет ничего,
Чтоб напитать любовь его.
Попавший в бедность человек
Промучается целый век,
И будет он, как прокажённый,
Жить ненавистью окружённый.
Жестока Бедность: ведь она
И разума лишить вольна.
Её бегите, ради Бога,
Не подавайте ей предлога,
Поверьте на слово моё:
Я на себе познал её.
Так, испытав позор, нужду,
Я ненавижу нищету!
Прислушайтесь к моим словам, —
Мой опыт пригодится Вам.
Пришлось мне много пережить
И больше Вашего тужить,
Так, на ошибках Вы моих
Научитесь не делать их.
Меня когда-то уважали
И другом многие считали,
Тогда я денег не жалел
И всех порадовать хотел.
А судя по моим растратам,
Друзья сочли меня богатым.
Безумной Щедрости плоды

Явились в виде Нищеты.
Она беду мне принесла
И всех знакомых прогнала.
Где мне одежду взять, — не знаю,
С трудом питанье добываю,
И лишь один остался друг, —
Фортуна так решила вдруг.
Себе моих друзей взяла
И Нищету мне привела.
Когда б я ими обладал,
То я бы их ей не отдал:
Они бы мне не изменили,
Фортуны повинуясь силе.
Не верю я, что насовсем
Она б уйти велела всем.
Но все они — её друзья, —
Не обладаю ими я.
Когда она их увела, —
Она их, значит, и дала!
Зачем её мне обвинять? —
Она же их вольна отнять!
Быть может, странно ей самой
Повелевать моей судьбой:
Ведь я друзей завоевал,
И всё им сердце отдавал.
Тогда не мог не верить я,
Что все они — мои друзья.
Когда ж пришёл последний друг,
Без денег я остался вдруг;
Все стали надо мной смеяться
И друг за другом удаляться.
Что на Фортуну мне роптать?
Ей нужно должное отдать:
Хотя была жестока Бедность,
Хотя она имела смелость
Забрать знакомых мне людей,

Прогнать полтысячи друзей, —
Она мне правду показала,
Большую помощь оказала.
Пусть я её и не любил,
Не куртуазен с нею был!
Она накапала в глаза
Мне капель чистых, как слеза,
Мне зренье рыси подарила
И ясновиденье открыла.
И я узрел, кто друг мне был,
Кто искренне меня любил.
Когда бы я не обеднел,
Увидеть это б не сумел.
Ко мне пришёл он и помог
И поделился всем, чем мог!
Скажу спасибо Нищете,
Что друга я нашёл в беде.
Он мне сказал: “Мой друг, берите
Без спроса всё, что захотите,
Всегда я Вам помочь готов,
Всегда на Ваш откликнусь зов
И с Вами всё я разделю,
Поскольку дружбу я ценю.
Что рядом с дружбой настоящей
Дары Фортуны преходящей?
Богаты Вы или бедняк, —
Вы мне дороже всяких благ.
Коль друга человек находит,
Он больше в поисках не бродит:
Награды людям высшей нет,
Чем пониманье иль совет.
Нам подружиться довелось, —
Зачем с бедой бороться врозь?
Я с Вами крепкой дружбой связан
И очень многим Вам обязан.
В тюрьму я мог за Вас бы сесть,

Коль пострадала б Ваша честь,
Вы всё добро б моё продали
Иль временно б в залог отдали!” —
Не только вещи дал мне он,
Но был я словно воскрешён,
И снова был я полон сил:
Ведь никогда я не просил
Ни денег у людей, ни пищи,
Скрывая образ жизни нищий.
Мне стыдно на людей взглянуть,
Не то, что руку протянуть!
Хотя я в помощи нуждался, —
Сказать об этом не решался.
Ведь о беде своей бедняк
Другим не даст понять никак:
От всех хоронится, таится,
А внешне же — всегда храбрится.
Прилично выглядеть он рад,
И носит лучший свой наряд.
Но есть на свете попрошайки,
Как будто из бандитской шайки:
Повсюду могут проскользнуть
И жалким видом обмануть.
Они лохмотья надевают,
И их за нищих принимают,
Хотя у них и средства есть,
И могут хорошо поесть.
Лишь к одному они стремятся —
Чтоб бедняками притворяться,
И так настырно пристают,
Что люди денег им дают.
Но мне пора остановиться,
Не то придётся поплатиться
За то, что я их развенчал
И лицемерами назвал!
Так, предали меня друзья,

И одинок остался я;
Но только в том я провинился,
Что денег собственных лишился!
Лишь брань я слышу в адрес мой,
И только Вы теперь со мной.
Я Вам спасением обязан
И к Вам я искренне привязан,
Как Вы привязаны ко мне.
Но мы не вечно на Земле:
Однажды смерть нас заберёт,
Неведомо, кого вперёд.
Свой суд над нами совершит, —
Земной компании лишит.
Когда с земного мне пути
Придётся первому сойти, —
Я знаю: с Вами я расстанусь,
Но в Вашем сердце я останусь.
Вы, дружбу в сердце сохраня,
Не потеряете меня,
А если первым Вы уйдёте, —
В моём Вы сердце не умрёте!
Любовь друзей всегда крепка,
И знаю я наверняка,
Что в памяти она пребудет,
Хоть друга на Земле не будет.
В историьи случай был такой:
В день, когда умер Пирифой, —
На поиски его пустился
Тесей[89] — за другом в ад спустился.
Кого он на Земле любил,
Того средь мёртвых не забыл:
Для дружбы смерти не бывает,
Ведь дружбу сердце оживляет!
Страшнее Смерти — Нищета,
Её боятся неспроста.
Она своим считает делом

Замучить душу вместе с телом:
Страдать они обречены,
Покуда не разлучены.
Так Нищета людей изводит,
До преступлений их доводит,
Подталкивает к воровству
И тем вредит их естеству.
С них обещания берёт,
А выполнять их не даёт!
А Смерть не может навредить,
Лишь может муки прекратить:
В тот час, когда она приходит,
Душа покой от мук находит.
Вы вспомните, мой компаньон,
Что говорил царь Соломон.
Не игнорируйте Вы это —
Прислушайтесь к его совету:
“Сын мой, на всем земном пути
От бедности ты уходи”[90].
И юноше он объясняет,
Чем людям бедность угрожает:
“Уж лучше вовсе умереть,
Чем в нищете земной хиреть.
[91]Кто бедным на Земле пребудет, —
Того и брат родной забудет”.
И говорит он о стыде
Всех тех, кто век влачит в нужде.
О, как ужасны судьбы многих,
Кого считают за убогих:
Ведь им не внемлет даже суд,
В свидетели их не берут!
Того, кто бедным быть рождён,
Всегда преследует закон, —
Всех ниже он того считает.
Но кто богатством обладает,
Кто много денег накопил

И драгоценности купил, —
Не только может обещать,
Но и дары потом вручать;
Узнает, где цветник растёт, —
Роз и бутонов наберёт.
Но денег нет у Вас больших,
Да и зачем иметь Вам их?
Хоть и нельзя Вам шиковать,
Дары Вы можете давать:
Вещицы мелкие дарите —
С любовью их преподносите.
Так Вы не разоритесь враз,
И Бедность не погубит Вас.
Иначе щедрые деянья
Вам принесут лишь осмеянье.
В подарок фрукты хороши,
Особенно, когда свежи:
В корзине или в полотне
Они понравятся вполне.
Когда подарок соберёте
И с кем-нибудь его пошлёте, —
Не говорите, от кого
Вручить избраннице его.
Хоть Вы те фрукты покупали,
Скажите, что их Вам прислали,
Как будто Вам подарок дан
Приятелем из жарких стран.
Вам можно яблок, груш купить
И про инжир нельзя забыть;
Прекрасен свежий виноград,
Боярышника аромат;
Орехи, персики, каштаны, —
Чем тёплые богаты страны;
Клубника или мушмула
Приятной тоже бы была;
Малину посылайте, вишни,

И сливы будут не излишни;
А также и дары весны —
Цветы — не могут быть смешны!
Цветы особенно красивы
В корзинах иль горшках из ивы.
Фиалки, розы хороши, —
Дарите их от всей души!
Коль будете дары вручать, —
Заставите Вы злых молчать.
О Вас и сплетничать не будут,
Все недостатки позабудут.
И неудачливых бальи[92]
Одни подарки лишь спасли!
Подарков дорогих вручень
Их укрепило положенье.
Подарки выгодны всегда:
Драгие вина и еда.
Повсюду уважаем тот,
Кто щедрые дары даёт.
А кто подарки принимает,
Тот независимость теряет.
Дары сильнее всяких слов:
Людей подкупят и богов!
Коль Вы по моему совету,
Усвоите всю “школу” эту, —
Амур обет исполнит свой
И в крепости устроит бой:
С Венерой вместе стражей свергнет
И стены все во прах повергнет.
Сорвёте Розы Вы цветок,
Что пленным был немалый срок.
Но всякое приобретенье
Ещё ведь требует уменья
Его надёжно охранять,
Чтоб не могли его отнять.
Ведь что найдёте Вы с трудом,

Придётся защищать потом.
Когда теряет человек
То, что любимым он нарек
И что он сохранить был властен, —
То он воистину несчастен.
Подругу нужно Вам беречь —
Я вот о чём веду здесь речь, —
Когда она скромна, любезна,
Проста и поступает честно,
Когда любовь Вам отдаёт,
А не за деньги продаёт.
Продажная любовь бесстыдна,
Да и любви-то в ней не видно:
Не любит женщина, когда
Она притворством занята.
Порою женщины ужасны:
Они так алчны, дики, страстны!
Когда любовью их дарят,
Они — лишь жадностью горят,
К вещам, что можно им присвоить,
К себе куда-нибудь пристроить.
Кто всю им душу отдаёт, —
Остаться нищим может тот.
До нитки друга обдерут,
Что не дадут им, — украдут!
Я Ювенала[93] вспомнил ныне.
Он пишет так о Гиберине:
[94]“Скорей хотела глаз отдать,
Чем одного женою стать:
Один не мог её смирить,
Утешить, удовлетворить, —
Так горяча она была”.
Так, ни одна бы не смогла
Чистосердечно полюбить
И преданной подругой быть,
Когда в душе бы не мечтала

Взять всё, чего ей не хватало:
Замучить друга своего
И после — обобрать его.
“Кто продаёт свою любовь, —
Так поступает вновь и вновь”, —
Вот Ювенала заключенье.
Но есть у правил исключенья.
Его сентенция, мой друг,
Касается плохих подруг.
Когда ж подруга и скромна
И Вам в любви своей верна, —
Я вам скажу, как поступить,
Чтоб ей слугой достойным быть.
Тут куртуазный ухажёр
Пусть поразмыслит хорошо:
Своей не верит красоте
И будет пусть на высоте
Во всём: в науках и искусствах,
В мышленьи, в благородных чувствах.
Однажды красота прейдёт
И в увяданье перейдёт,
Как увядают все цветы, —
Грустны законы красоты.
Пока она живёт и длится, —
К закату своему стремится.
Но тот, кто ум сумел развить,
С ним неразлучно будет жить:
Он не уходит никуда,
Как поступает красота;
С годами он не умирает,
А только силу набирает.
Валет[95] разумный, молодой,
Знакомый с истиною той,
Всегда подругою любим, —
Она гордиться может им.
Образовать себя умея,

Становится он всё умнее!
И будет счастлива она,
Когда в такого влюблена.
Когда б валет меня спросил,
Не зря ль он тратит столько сил
На прозу иль стихосложенье —
Своей любимой посвященье,
Чтоб чувства ей свои открыть
И сердце словом покорить —
Стихотвореньем иль мотетом[96],
Иль фаблио[97], иль шансонетом, —
Я б не давал ему совет
Писать стихи. — В них проку нет.
[Заране неизвестно, право,
Придутся ли они по нраву.]
Тогда как толстый кошелёк
Над ней свершить бы чудо смог:
Она бы бросилась к нему,
Сама не зная, почему;
Вы в миг бы с ней достигли лада.
Ведь только денег даме надо.
Увы, теперь девиз таков:
Побольше денег, а не слов.
Когда-то было всё не так,
Но погрузились мы во мрак...
Когда-то в Веке Золотом —
Мы можем лишь прочесть о том[98] —
Не совершали люди зла,
Любовь возвышенной была.
Любили не из вожделенья
Иль выгоды приобретенья,
И потому эпохе той
Названье дали “Век Златой”.
Всё было просто у людей,
Они питались без затей.
Зверей тогда не убивали,

В природе пищу добывали:
Искали травы и плоды,
Источники живой воды.
Бродили люди по равнинам,
Горам лесистым и долинам
И собирали там грибы,
Каштаны, жёлуди, бобы,
Плоды с деревьев иль с куста
И ягод разные сорта.
Зерно в колосьях находили
И мёд, с дубов текущий, пили.
И каждый был отведать рад
Обычный свежий виноград,
А вина не изготовляли
И земледелия не знали.
Но не скудна земля была
И прокормить людей могла.
Одеждой шкуры им служили,
Но их не красили, не шили:
У праотцев, праматерей
Наряд был тот, что у зверей.
Ещё не знали рыбной ловли,
Из веток складывали кровли
И жили в хижинах лесных
Иль в углубленьях земляных.
Когда же бури приближались, —
В пещерах люди укрывались:
Ведь чувствовали наперёд,
Что издали гроза идёт.
Чтоб ветром их не унесло, —
Искали в дереве дупло.
Для сна не делали кушетки,
А собирали в кучи ветки.
Постелью им была трава,
Да мох, да мягкая листва.
А после бури, после шквала

Погода ясною бывала:
Дул тёплый лёгкий ветерок,
Как будто без конца был срок
Весны. А птицы по утрам
Все изощрялись в пеньи гамм,
Приветствуя лучи рассвета —
Пришествие дневного света.
Зефир и Флора их семье
Цветы рождали на Земле:
На травяные одеяла
Цветов стелили покрывала.
Повсюду тысячи цветов
Для всех лесов, полей, лугов
Сияли, звёздам ярким вторя,
Как будто с небом ясным споря.
Зефир и Флора, боги их —
Цветам не надобно других —
Повсюду щедро их сажали,
Всю Землю ими украшали!
Давали форму им и цвет,
Которым повторенья нет,
Плели из них влюблённым троны
И разноцветные короны,
Чтоб в окружении цветов
Для них был мир любви готов.
Влюблённые там обнимались,
Игрой приятной занимались,
И мыслей не было дурных
Ни на единый миг у них!
Деревья полог создавали:
Людей от солнца укрывали,
И было им в тени ветвей
Всего свежей и веселей.
Там без какой-либо заботы
Они водили хороводы,
И жизнь была их весела,

И дружба крепкою была.
Все были в помыслах чисты,
В душе — спокойны и просты.
И принцы все на самом деле
Других ограбить не хотели.
Все были равными в правах —
В делах, не только на словах.
К другим с войною не ходили
И собственность не заводили:
Ведь знали, что любовь и власть
Не могут вместе обитать,
Что тот, кто больше власть полюбит, —
Любовь к другим в себе погубит.
Коль чересчур супруг ревнив,
Притом заносчив и криклив,
Исправить женщину мечтает,
Нравоученья ей читает,
Коль не доволен, что она
Компаньями увлечена,
Бывает часто с молодыми
И хороводы водит с ними;
Супругу может коль побить,
Чтоб убедительнее быть,
Коль хочет ею обладать,
Ни в чём свободы ей не дать,
Когда влечёт его лишь власть, —
Любовь, увы, спешит пропасть!
“Вы слишком прытки, — скажет он
И будет страшно возмущён, —
Я вижу, нет на Вас управы:
Зачем Вам петь, когда одна Вы?
Когда я по делам иду, —
Резвитесь Вы, как на беду!
Как странно Вы себя ведёте —
По-детски пляшете, поёте!
Когда ж во Фризы[99] путь держу,

Иль в Рим товар я свой везу,
Вы одеваетесь так броско,
Наводите так много лоска!
Да, неразумны Вы совсем —
Ведь объясняете Вы всем,
Что удивляете округу
Вы из большой любви к супругу.
Я сам себе уже не рад.
В чём я пред Вами виноват?
Зачем такой наивной быть
И про супруга всем трубить?
А кто он? Ткач? Или кузнец?
Живой? Или давно мертвец? —
Всем очень любопытно стало,
Кого супруга осмеяла.
“Любовь к супругу”? — Боже мой! —
Обманут я моей женой.
Как мог в тот день я ошибиться,
Когда решил на Вас жениться?
Так неужели для меня
С того Вы хорошели дня?! —
Все люди видят эту ложь,
Теперь и правды не найдёшь.
Я отношусь с большим презреньем
Ко всем нарядам, украшеньям,
Что носите Вы лишь для тех,
Кто поднимает Вас на смех.
Развратников таких полно, —
Вы, видно, с ними заодно.
Кому Вы говорите сказки?
Вы врёте людям без опаски.
Когда ж идёте Вы со мной, —
Вас не волнует облик свой.
Вам всё равно, что как сидит,
И почему Ваш муж сердит.
Быть может, не к лицу сюрко[100]:

Длинно, иль слишком коротко,
Иль неприглядный Ваш наряд,
Как у голубки, простоват?
Когда б не жаль мне было Вас,
Я Вас побил бы в сей же час,
Чтоб было шляться неповадно:
Я наказал бы Вас нещадно.
Хотя мой нрав и не таков.
Поймите Вы из этих слов:
Мне Ваши бусы не по нраву,
Вы носите их не по праву!
Наряд сей может быть надет,
Когда со мной Вы тет-а-тет.
Зачем на танцы в нём ходить —
Бесстыдников с ума сводить?
Скажите мне Вы без утайки:
Робишоннэ из той же шайки? —
На Ваш он зов всегда спешит —
В зелёной шапочке бежит.
Что общего у вас быть может?
Кто этому конец положит?
О чём вы можете болтать? —
Пора Вам от него отстать.
Всегда вы вместе, — я взбешён,
Нахальством Вашим поражён.
Когда к нему Вы подойдёте,
Назад здоровой не уйдёте:
Я столько Вам пощёчин дам,
Чтоб поумнели Вы, мадам,
Чтоб побледнели, посинели,
Как ежевика почернели!
Быть может, смените настрой,
И снова в дом придёт покой.
Теперь Вы будете одна
Всегда в дому заключена:
Я запрещу Вам похожденья

Без моего сопровожденья.
Вас ждёт один домашний труд,
Дела Вас в цепи закуют.
Должны мужчин Вы избегать,
От разговоров отвыкать:
Вы с ними слишком фамильярны,
Но ведь льстецы всегда коварны!
Я взял Вас только для себя,
Чтоб Вы служили мне, любя,
А Вы — к развратникам пошли,
Себе компанию нашли.
Зачем Вы подлость совершили —
Меня доверья к Вам лишили?
Когда б мне чёрт совет не дал, —
Я сам жениться бы не стал.
И если б верил я науке, —
Не испытал бы этой муки.
Кто в жёны женщину возьмёт,
Тот глупость всю свою поймёт.
Ведь пишет мудрый Теофраст[101],
Что брак одни несчастья даст,
Бедна ль жена или богата,
Красива или простовата...
Кто взял бы книгу *Ореол*[102], —
Всё б о супружестве прочёл.
Как Теофраст в ней говорит, —
Жена супруга заморит
И будет вечно с ним в раздоре —
В непрекращающемся споре.
А всё от глупости своей
И гордости, присущей ей.
Всё превратит она в проблему,
В неразрешимую дилемму
И повод без труда найдёт
Сказать всё, что на ум придёт.
И получает муж уроки:

Капризы, жалобы, упрёки.
Кто бедную жену берёт, —
Имеет множество хлопот:
Её он кормит, одевает
И обувь с нею выбирает.
Кто ж хочет от нужды спастись —
Богатою обзавестись, —
Тот будет спесь её терпеть,
О браке горько сожалеть.
Когда красавица жена,
Всем будет нравиться она:
За ней толпою побегут
И за собою повлекут.
Её повсюду осаждают:
Ей помогают, угождают,
Да и она, в конце концов
Не отобьётся от бойцов.
(Ведь чтобы крепость сокрушить,
Её лишь нужно окружить!)
Коль не красавица жена,
Не меньше всем она нужна.
Когда родилась некрасивой, —
Всем хочет показаться милой.
Ничто нельзя ей воспретить
Никак её не защитить:
Кто женщин может убеждать, —
Любую может побеждать!
Кто словом хорошо владел бы,
Тот Пенелопой[103] овладел бы,
Пусть женщины, подобной ей,
И в Грецьи не было во всей.
Когда б осада удалась, —
Лукреция[104] бы поддалась,
Хоть в результате оскорбленья
Пошла она на преступленье.
Обиженная молодцом

(Тарквиний был его отцом),
Она решила умереть —
Позора не могла стерпеть.
Не мог её родной отец
Предотвратить такой конец.
И муж бессилен в этом был,
Хоть всей душой её любил.
С ней все родные говорили:
Не упрекали, не журили,
А умоляли позабыть,
Благоразумной в этом быть.
Как сообщает нам Тит Ливий,
Они её не убедили,
И все их добрые слова
Она послушала едва.
Хотел супруг её сберечь,
Он говорил такую речь:
“Вы предо мной не согрешили,
Падения не совершили:
Вы стали жертвою его,
Не дав согласья своего!”
Лукреция же отвечала,
И нож в руке она держала:
“Хотя простили вы меня,
Себя простить не в силах я!”
А напоследок — попросила,
Чтоб за неё родня отмстила:
Чтоб показать, что те умрут,
Кто силой женщину возьмут;
Чтоб дать в том уверенье дамам,
И юношам — урок упрямым.
И, оскорбленная судьбой,
Она покончила с собой.
Лукрецьи пострадала честь,
Но царь с детьми — узнали месть:
Сослали их. В чужом краю

Они и смерть нашли свою.
Так, после этого событья,
Царя Тарквиния отбытья,
Царей у римлян больше нет,
И жён таких не знает свет,
Что честь свою бы защищали,
Греха себе бы не прощали, —
Язычники считают так.
И не исправить жён никак:
Когда их просят со слезами,
Они скорей сдаются сами!
Девицу чтобы в жёны взять, —
Рассудок надо потерять!
Девиц коль в жёны приглашают, —
Обычай странный уважают.
И до сих пор я не пойму:
Зачем же следовать ему?
Ведь если лошадь покупают,
Её подробно изучают.
И только даму не раздеть,
Никак её не разглядеть:
Раскрыться так она боится!
И никогда не согласится:
Вдруг, тело увидав её,
Желанье укротят своё?
[Итак, ни ради наслажденья,
Ни даже за вознагражденье
Нельзя с неё одежду снять,
Пока супругою не взять.
Но стоит вам на ней жениться,
Она уж больше не таится:
Как только назовут женой,
Лукавый нрав проявит свой!]
Кто ж верности даёт обет,
Тому назад дороги нет:
Раскаиваться будут слёзно,

Но отступаться будет поздно.
Когда уж заключили брак, —
Не воспитать жену никак:
Её характер узнают
И безутешно слёзы льют.
А честных женщин даже днём
Теперь не сыщешь и с огнём!
Валерий[105] пишет: в наши дни —
Как фениксы, редки они.
Не даст жена себя любить,
Не даст в душе спокойным быть.
Всегда супруга ждёт подлог
И к опасениям предлог.
“Редки как фениксы”? — Быть может,
Нам образ и другой поможет:
Такие женщины — как сон,
Как белых нет нигде ворон.
Тем, кто желает уточненья,
Скажу без всякого сомненья:
Не больше их в юдоли сей,
Чем редких чёрных лебедей!
Так, в Древнем Риме Ювенал
О честных женщинах писал:
[106]“Кто честную жену найдёт,
Пусть в храм Юпитера пойдёт
И на коленях, на полу
Воздаст за то ему хвалу.
Пусть не ведёт быка простого —
Тельца пожертвует златого
Юноне: честных женщин в век
Не видел смертный человек!”
Кто в жёны дам берёт плохих,
Тому искать не нужно их.
Девиц дурных кто предпочёл, —
Найдёт их столько, сколько пчёл:
Они роятся там и тут,

Но что мужьям они дадут?
За ветвь гнилую ухватясь,
Муж вместе с нею рухнет в грязь.
Коль пропадут душа и тело, —
Поймёт он: гиблым было дело.
Валерий слов не выбирал,
Когда Руфина уверял,
Чтоб тот семью не заводил.
И другу так он говорил:
“Не дай тебе Господь жениться,
В ловушке чтоб не очутиться.”
Так Постуму и Ювенал
Сказал, как только он узнал,
Что тот жениться скоро хочет.
Он горе Постуму пророчит:
“Ты вздумал взять себе жену?
Купил бы лучше где узду,
Иль для повешенья верёвку:
Ведь будешь ты терпеть издёвку!
Уж лучше выпасть из окна,
Откуда будет даль видна,
В реке глубокой утопиться,
Но лишь бы только не жениться.
Какая Фурия тебя
Женить задумала, губя?!”
Царь Фороней[107] на смертном одре
Признался брату, кто был подле:
“Мой брат, я в счастье бы почил,
Коль в браке никогда б не жил”.
(Как нам известно, Фороней
Законы дал стране своей).
Леон не понял Форонея,
Но царь не дал и объясненья.
Когда Леон вопрос задал, —
Весьма он кратко отвечал:
“Мужья об этом заключают,

Печальный опыт получают.
Ты сам слова мои поймёшь,
Когда жену себе возьмёшь”.
Пьер Абеляр нам исповедал[108],
Что мук немало он изведал
За право быть самим собой, —
Назвать любимую женой.
Ведь Параклета[109] аббатиса —
Его подруга Элоиза —
С ним не желала в брак вступить,
Женой отказывалась быть.
Она была скромна, умна,
И в Пьера также влюблена.
Хоть Пьер любил не безответно,
Но предложенье было тщетно:
Не мог он убедить никак
Её пойти на этот шаг.
[Она просила всё сильней,
Чтоб не женился он на ней,
Хотела, чтобы понял он,
Как строг супружества закон.
И верила: семьи не нужно,
Коль женщина честна, послушна,
Ему пытаясь воспретить
Любовь к супружеству сводить:
Чтоб друг для друга жить в свободе
И посвящать себя работе,
Как можно больше прочитать,
Мудрее и добрее стать.]
Она имела много знаний,
Примеры знала из Писаний,
Но чувствовала и сама,
Что женщина внутри слаба.
Так, аббатиса полагала —
И Пьера в этом убеждала, —
Что им не нужно частых встреч,

Чтоб счастие любви сберечь.
Но Абеляр не отступился
И всё-таки на ней женился,
Что обернулось лишь во зло
И лишь несчастье принесло.
Все против них вооружились,
Дурные слухи закружились,
И Пьер, спасая честь жены,
Решил, что в монастырь должны
Её на время отвезти —
Наветы злые отвести.
Так, Элоизу в Аржантейле[110]
В монахиню переодели.
[Но это их спасло едва:
По свету вновь пошла молва,]
И дядюшка её решил,
Что Пьер предательство свершил.
И вот, враги их сговорились —
На месть коварную пустились,
И ночью в спальне Пьер своей
Был мужеских лишён частей.
Так новый пал на них позор,
Который потерпевший стёр:
Обеты приняли они.
Он стал монахом Сен-Дени[111],
Потом он во главе стал братства
А позже — основал аббатство,
Что Параклетом сам назвал,
О чём и в книге написал.
И Элоиза снова с ним —
Любимым спутником своим:
Приняв монахини обет,
Она попала в Параклет.
И Абеляру без стыда
Призналась вновь в любви тогда.
О том, что другу написала,

Она сама всё рассказала.
Она отцом звала его,
Сеньором сердца своего.
И в маленьком письме одном
Сказать сумела обо всём:
“Когда бы император сам
Меня избрал средь прочих дам,
Чтоб стала я его женой,
Императрицею родной, —
Да, видит Бог, что мне милей
Любовницей прослыть твоей!”
Но тщетно всё моё старанье, —
Не верю я в существованье
Подобных женщин: силой книг
Они уходят от интриг,
Как победила Элоиза
Природу женскую каприза.
Когда бы Пьер поверил ей,
То не было б женитьбы сей.
Ведь узы брака — это плен,
Поможет мне святой Жюльен! —
Приют он дал бродягам многим,
Вот как заботился о Боге.
Иль, может, Леонард святой[112]
Освободит от муки той? —
Он из цепей освобождает,
Раскаявшихся отпускает.
Как жаль, что я жену нашёл,
А не повеситься пошёл.
Я б Вашего не знал кокетства, —
К мученью служит это средство!
Зачем купил я платье Вам?
Теперь раскаиваюсь сам:
К чему Вам платье дорогое
И украшение такое?
В нём задираете Вы нос,

Мне ж — сожалеть о том пришлось.
Вас, вижу, шлейф в восторг приводит,
Меня ж он — из себя выводит:
Когда я приближаюсь к Вам,
Он мне мешает тут и там.
Когда хочу я Вас схватить, —
Он может руки мне скрутить,
А Вы так ловко ускользнёте,
Что предо мной лишь промелькнёте!
Так, с горечью увидел я,
Что не нужна любовь моя.
Не знаю, как так происходит:
Она ответа не находит.
Противны ласки Вам мои
И не нужны слова любви.
Когда же мы ложимся спать,
Приходится одежды снять.
Зачем они нам вообще? —
Тревожимся о них вотще.
Как всякий муж я поступаю,
Когда в постель Вас принимаю:
На Вас ни платья, ни колец,
Из всех одежд — один чепец.
Наряд на вешалке висит,
Его мне безразличен вид.
Что ночью мне он может дать?
Его мне разве что продать!
Без дела он всю ночь висит
И сердца мне не веселит.
Его придётся заложить,
Чтоб мне спокойней было жить:
Ведь как ночами, так и днём
Я с болью думаю о нём.
А Вам — ума он не прибавит,
Неверность Вашу не исправит,
Вам не прибавит красоты:

Ведь будут прежними черты!
Кто мне на это возразит,
Что вещь, красивая на вид,
Кого-то украшать должна, —
Отвечу я: она ценна
Своею только красотой,
Нельзя украсить вещью той.
Кто скажет: чем бельё нежнее,
Тем даму делает милее, —
Я возражу, что он не прав:
Ведь красота цветов и трав
В цветах самих и состоит,
А дамам не принадлежит.
И шёлковое покрывало[113]
Им красоты б не прибавляло:
Ведь только та в них красота,
Что с ними всюду и всегда,
И доброта лишь та у них,
Что в их сердцах живёт самих:
Им от рожденья сверх того
Уж не прибавить ничего.
Наряды ж любят надевать, —
Чтоб недостатки прикрывать.
Но, по несовершенству глаза,
Обман нам не понятен сразу,
И неразборчивый наш глаз
Иллюзию рождает в нас:
Не можем сути мы понять
И ложь от истины отнять.
[Но если грязь прикрыть цветами
Иль разноцветными шелками, —
То мы не станем говорить,
Что грязь смогли мы изменить.
Хотя теперь и не видна, —
Всё та же, что была, она!
И грязью быть не перестанет,

Хоть с виду и красивой станет].
Коль даму платием прикрыть,
То недостатки можно скрыть.
Но, пусть красиво полотно, —
Её изменит ли оно?
Как покрывало из цветов
Расцветок разных и сортов
Бессильно внешность изменять, —
Её лишь может дополнять.
Цветки фиалок, лилий, роз
Не совершат метаморфоз:
Хоть с ними женщина мила,
Она ведь та же, что была.
И будем мы считать напрасно,
Что женщина от них прекрасна.
Мешает нам субъективизм,
Не можем осознать софизм.
Когда б мужчины не робели
И женщин лучше разглядели,
Когда б такой имели глаз,
Что был бы острым, как алмаз,
Насквозь бы видеть всё могли, —
От женщин в ужас бы пришли!
Они увидели б тотчас,
Откуда красота взялась:
Что тут в одежде только дело,
И что внутри ужасно тело.
Никто б на дам смотреть не смог,
Мужчин их вид бы не привлёк,
А их изысканный наряд
Не обманул бы мужа взгляд:
Ни украшения, ни юбки,
Ни шапочки из роз, ни шубки;
И даже соболиный мех
Утратил бы былой успех!
И тело бы Алкивиада[114]

Не привлекло, конечно, взгляда ...
Боэций нам пересказал[115],
Как Аристотель написал:
Алкивиада было тело
Красиво, безупречно бело.
Но кто внутри б его видал, —
Восторга бы не испытал.
(Кто был бы зорок как Линкей[116],
Тот все б оценивал трезвей!)
А Целомудрье с Красотой
Всегда враждуют меж собой:
Их разногласья так глубоки,
А битвы так порой жестоки,
Что я ни разу не слыхал,
Чтоб между ними мир бывал.
Они не могут подружиться,
Не могут меж собой ужиться,
И песен в мире нет таких,
Что дружбу воспевали б их:
Одна другой не уступает,
Конфликт у них лишь нарастает.
Но в силах равенства их нет:
Ведь Целомудрие в ответ
На нападения робеет, —
Бороться вовсе не умеет.
Сдаёт оружие своё, —
Ведь нету силы у неё,
Чтоб Красоте отпор давать,
Её чтоб чары побеждать.
А Целомудрия служанка
Ведёт себя с ней как нахалка.
Хоть госпожу должна любить, —
Её не прекращает бить.
Хотя зовут её Уродство, —
Она не терпит превосходства
По сану госпожи своей, —

Гоняется всегда за ней:
Всегда с дубиной подбегает,
Сама на даму нападает,
Её изгнать мечтая прочь:
Терпеть ей госпожу невмочь!
Так, Целомудрие несчастна,
Она страдает ежечасно.
Её б Уродству полюбить,
К ней повнимательнее быть,
Ей подарить защиту, кров,
Приблизить, как родную кровь.
Что за негодная служанка, —
Ничуть ей госпожи не жалко!
Уродство, как и Красота,
Желают смерти ей всегда.

И ей приходится бежать:
Откуда ж ей подмоги ждать?
Хотя была б она сильней, —

Двоих не пересилить ей.
И Красота — лишь порицанья
Заслуживает: нет желанья
У ней, чтоб мир установить,
Сознанья каплю проявить.
Ведь Красота всегда спесива
И тоже к ней несправедлива.
Хоть этой даме быть она
Подругой верною должна, —
Она о чести не печётся,
Над Целомудрием смеётся...
Ну, а Вергилий[117] говорит,
Что Целомудрие таит
К спасенью ключ. Так, в книге шесть[118]
Сивиллы поученье есть
О том, что в вечность тот войдёт,
Кто целомудренно живёт.
Клянусь: когда стремится дама
Красивой выглядеть упрямо
И силы все на то отдать,
Чтоб от других не отставать.
Когда такое надевает,
Что рот прохожий разевает,
И ей не жаль полдня терять,
Чтоб украшенья подобрать, —
То это нужно ей затем,
Чтоб Целомудрие совсем
Изгнать. Итак, одни враги
Вкруг Целомудрия. Они
В монастырях вредят ей даже —
Ей и монахини не стражи!
Венере — честь все воздают,
С ней дамы в мире все живут:
Себя красиво одевают,
Разнообразно украшают,
Чтоб им на улице блистать,

Прохожих взгляды привлекать.
Кладут румяна пожирнее,
Чтоб быть и ярче и виднее.
Идут на хоровод и в храм,
Чтоб люди видели их там:
Чтоб незнакомца им привлечь
И с ним в постель, быть может, лечь...
Кто не заботится об этом,
Не ходит хорошо одетым.
Они Создателя гневят, —
Себя улучшить норовят,
Не ценят то, что им дано,
Как будто быть собой грешно!
Чтоб на других не быть похожей
И чтоб заметил их прохожий,
Они не ходят без венков
Из шёлка, золота, цветов.
Как глупо прилагать старанье,
Чтоб привлекать к себе вниманье!
Как примитивно существо,
Что украшает естество
И думает, что украшенья
Имеют силу обольщенья;
Не ценит собственных красот,
Что от рожденья Бог даёт!
Ведь украшаются при этом
Порой, уродливым предметом...
Да, и мужчины таковы —
Нарядны с ног до головы.
Украсят шляпы и плащи,
Поди пышнее поищи!
Но я на них не посмотрю
И глупость их не повторю:
Когда себя приукрашают, —
Презренье Богу выражают,
Как будто бы Господь даёт

Нам недостаточно щедрот!
А мне моей одежды хватит.
Зачем мужчина деньги тратит
На то чтоб даму нарядить
И самому нарядным быть?
Одной овчины мне довольно, —
И в дождь и в холод в ней спокойно,
И беличье мое пальто
Не променяю ни на что.
Зачем себя нам украшать? —
Должна одежда защищать:
От холодов и от ветров
Она нам создаёт покров.
Я Вас так искренне любил,
Что разных платьев накупил.
А Вы себя ведёте вздорно —
В них всюду лезете проворно.
В наряде лучшем, не стеснясь,
Идёте Вы и в дождь и в грязь.
Камлот[119] я Вам дарил и мех,
Вы ж — подняли меня на смех.
Совсем Вы Богу не послушны,
Да и ко мне Вы равнодушны.
Когда в постели Вы со мной,
Вам даже дух противен мой:
В объятья мне Вы не даётесь,
А вечно мечетесь и рвётесь.
Когда любовь во мне кипит, —
Мне кажется, в Вас чёрт сидит:
Всё отвернуться норовите,
Поцеловаться не хотите.
Скажите: может, Вы больны
Иль чем-нибудь огорчены?
Я вздохи слушаю всю ночь,
Но не могу ничем помочь.
Что заставляет Вас стонать? —

Боюсь я боль Вам причинять
И приближаться уж не смею.
Чего-то, может, не умею?
Когда же утром я встаю, —
Дивиться не перестаю,
Как удаётся этим лбам
В доверие втереться к Вам,
Как совладать им удаётся
С той, что и в руки не даётся.
Когда такая канитель
Вас даже уложить в постель!
Им вряд ли с Вами повезло —
Вы делаете всё назло.
Иль, с ними по садам гуляя,
Идёте, песни распевая?
Готовы с ними танцевать,
Вкруг шеи руки обвивать?
Ведь эти Ваши ухажёры
Смеются надо мной, как воры:
“Пусть бесится ревнивый муж,
Коль справиться с женой не дюж”.
Чтоб их собаки покусали
Иль волки в клочья разорвали!
Когда Вы предали меня
И Вами обесчещен я, —
Считаю я, что я пропал,
В Эрнула братство я попал.
Кого супруга обманула,
Подмоги просит у Эрнула:
Мужей рогатых господин —
Мне покровитель он один!
Я думаю, что муж любой
Не избежит судьбы такой:
Супруги не удержит он,
Хоть глаз имел бы миллион.
Не может верной быть жена —

Супруга подведёт она.
А если обмануть не смеет, —
Всё ж, мысли грешные имеет,
И это, раньше иль поздней,
Конечно, верх возьмёт над ней.
Но утверждает Ювенал[120],
Что он и не такое знал,
Что из грехов из женских всех
Измена — наименьший грех.
У женщины порочно сердце:
Иные яда, а не перца
Врагам способны подмешать,
Чтоб перестали им мешать!
До колдовства они доходят
И наговорами изводят.
А злые мачехи — не прочь
Со свету сжить супруга дочь.
[121]Так все вы есть и были шлюхи,
И в мыслях все вы потаскухи;
И кто не даст вам изменить,
Не сможет сердце вам сменить.
Ведь в сердце дама своевольна,
Собой распоряжаться вольна.
Её возможно лишь побить,
Но не заставишь полюбить.
Кто ж полюбить себя заставит, —
Над дамой властелином станет.
Но этого не может быть.
Скажи мне, Боже, как отмстить
Тем, кто меня так оскорбляет
И жизнь мою мне отравляет?
Ведь им угрозы не страшны:
Они все молоды, сильны.
Когда ж их за меня побьют, —
Не ровен час, — меня убьют.
Меня им незачем жалеть:

О мне ли сердцу их болеть!
Так молодая кровь кипит,
Что будет враг любой разбит,
И в глупости они тщеславной
Для драки ищут силы равной.
Себя все силачами мнят
И смельчаками, как Роланд.
В победе всякий убеждён,
Как Геркулес[122] иль как Самсон[123]!
Был Геркулес огромен ростом,
С ним было справиться не просто.
А доказательство того —
Двенадцать подвигов его.
[Солин писал ещё точней:
Что был он ростом семь ступней.[124]]
Он всех чудовищ одолел,
А Деяниру[125] — не сумел.
Был ядом плащ его отравлен,
И к мёртвым был герой отправлен:
Так, мужу не желая зла,
Супруга в ад его свела.
Но ведь хотелось Деянире
С супругом жить в любви и мире,
И ей хотелось, чтобы он
Иолой не был увлечён!
Так, от Далилы пострадал
Самсон — пострижен, пока спал.
Был тайною волос своих
Самсон сильней десятерых.
Моих Вы жалоб не поймёте,
Дружкам рассказывать пойдёте.
Они же — мне бока намнут,
Иль вовсе голову свернут.
Пока же я ещё живой, —
Я разберусь с моей женой.
Для Вас не пожалею розог,

Дойдёт лишь дело до угрозы.
Коль вдруг услышу от других
Я отголоски слов моих,
Переломаю Вам бока:
Я всё могу ещё пока!
Коль ярость на меня найдёт,
Вас вряд ли кто-нибудь спасёт:
Найду потяжелей дубину —
Нагрею ею Вашу спину.
Ни родственники, ни дружки
Своей Вам не дадут руки.
Увы! Зачем я встретил Вас?
В проклятый я родился час.
Я Вас кормлю и одеваю, —
А что в ответ я получаю?
Я Вам бы должен дорог быть,
Ведь я умею Вас любить,
А эти люди — не умеют:
Они шутить над Вами смеют.
В глаза одно Вам говорят,
А за спиной же — зло творят.
Вам про любовь они расскажут,
А меж собой — иное скажут.
Не надо им моей жены:
Им драгоценности нужны!
Хотя они Вас обнимают, —
Они Вас шлюхою считают;
Лишь перстни Ваши их манят,
Да серьги Ваши их пьянят.
Для них всё Ваше обаянье —
Одно лишь золота сверканье!
Вас обесчестили давно.
А кто и как, — Вам всё равно.
[А что прекрасно Ваше тело, —
До этого им нет и дела.]
Их привлекает Ваш наряд

И бусин драгоценных ряд,
Их шубки ловят на крючок.
Какой же был я дурачок,
Что сам на тот крючок попал
И Вам всё это покупал!
Когда идёте Вы в народ —
В собранья иль на хоровод, —
Я в доме, одинок, сижу
И места я не нахожу.
Ведь Вы не чувствуете сами,
Что всякий пользуется Вами,
А чтоб Вы сами к ним пришли, —
Они и ключик к Вам нашли.
А я, хоть Вам добра хотел, —
Как видно, тщетно лишь потел.
Ведь так роскошно Вы одеты,
Что не даёт покоя это:
На голове одной добра —
На сотню ливров серебра,
Да камелот на Вас, да белка —
Какая пышная отделка!
Ваш драгоценный ободок —
Мне вечный повод для тревог.
Так много я от Вас терпел,
Что изнемог и похудел.
Но что мне Ваши все наряды!
Надели бусы, как гирлянды!
Что мне расшитые чепцы,
Все побрякушки, бубенцы[126]!
Что роскошь платьев дорогих
И блеск отделок золотых!
Не для меня Вы их надели,
Когда красивой быть хотели.
Что мне ажурный ободок
И Ваш жемчужный поясок,
Эмалью дорогой покрытый,

Что воротник, тесьмой увитый!
В короне Вашей там и тут
Сапфир, яхонт и изумруд:
Что золотой убор мне сей
И драгоценных блеск камней!
И золотые Ваши пряжки,
Что от камней красивых тяжки,
Слоновой кости зеркала, —
Что мне вся эта мишура!!
Поможет мне Тибо святой,
Чтоб я покончил с жизнью той.
Я укажу Вам, что носить, —
Забудете былую прыть.
В три дня Ваш гардероб сменю,
Привычки Ваши изменю,
И негде будет платья брать,
Чтоб при поклонниках задрать;
И узкой обуви не будет,
Что у других желанье будит!
Венок Ваш будет из пеньки,
А на одежде — ремешки.
Не будет перстней, ни серёжек,
Ни металлических застёжек.
И чтоб не красоваться Вам,
Одежду старую я дам:
У Вас одна лишь будет котта
И от мороза сверху что-то.
А чтоб босой Вам не ходить, —
Я прикажу Вам туфли сшить
Из ношеных узо моих,
Что не тесны и для двоих!
Я умоляю Вас, скажите
И ради Бога не солгите:
Я в платье новом видел Вас, —
Откуда эта ткань взялась?
Я Вам такого не дарил, —

Но кто ж её для Вас купил?
Однажды Вы мне дали знать,
Что ткань Вам подарила мать
И из любви ко мне притом.
Вы поклялись святым Петром,
Святым клялись Вы Филибером,
Что сей поступок был примером
Того, что деньги тратит мать,
Чтоб мне их лучше сберегать.
Будь эта проклята старуха:
Колдунья, жрица, потаскуха!
И пусть сгорит она в огне,
Когда Вы вдруг солгали мне!
Конечно, я её спрошу,
Но дела этим не решу,
Ведь и она солгать не прочь:
Какая мать, — такая дочь.
У вас из дерева сердца,
Неправдам вашим нет конца,
Одна другой вы в том подобны,
И сговориться вы способны.
Ведь это всё не в первый раз, —
Она таскаться учит Вас.
Её давно увяло тело,
Так, браться учит Вас за дело!
Чтоб в скуке ей не пропадать,
Собой Вас учит торговать.
В неделю три-четыре раза
Выходит с Вами для показа
И Вас по городу ведёт:
Авось, кого для Вас найдёт,
Да и сама не без улова.
Я знаю: это ей не ново.
Её кусали кобели
И приключения вели,
Теперь же снова по старинке

Она идёт на вечеринки:
Как кобылицу, Вас ведёт,
Что на базаре продаёт!
Вы думали, что я не знаю,
От чьих проделок я страдаю? —
Так, я перстом Вас раздавлю
Иль, как цыплёнка, заколю!”
За косы он её берёт
И что есть силы их дерёт:
Не хочет слышать ничего,
Как будто бес вошел в него!
За волосы её таскает
И бранью злою покрывает,
Рычит, от ревности вскипев,

Как над медведицею лев!
Не слышит клятвы, извиненья,
Не прекращает злого мщенья:
Он ей припомнил всё, что мог,

И крик его — сплошной упрёк!
Её ногами он пинает,
Она же — только причитает
И так пронзительно визжит,
Что весь народ туда бежит.
Но он народа не стыдится:
Невмоготу остановиться.
Насилу разнимают их,
Как сумасшедших и глухих.
Но после музыки такой
Помирятся ли муж с женой?
Иль после этих резких нот
Иначе жизнь у них пойдёт? —
Лишь позабыть, скорей всего,
Жене захочется его:
В чужие страны, города.
Послать, и лучше — навсегда
Хоть притворяться ей придётся,
Едва ли к ним любовь вернётся.
Когда б на небо он взлетел
И сверху увидать сумел,
Что значат разные поступки
И как последствия их жутки, —
Он в тот же миг бы осознал,
В какую он беду попал,
И стал бы он о том тужить,
Что с ней опасно рядом жить,
Что он ещё всего не знает,
Что рок ему приготовляет,
И как жена способна мстить
И за обиды все вредить.
Конец его уж предрешён:
Бояться смерти должен он.
Жена его зарезать может
Иль в пищу яд ему положит:
Изыщет способ извести

И до могилы довести.
Иль просто от него уйдёт,
Когда ей в голову придёт:
Не важны ей ни честь, ни стыд,
Коль в сердце месть она таит.
Коль мести план уже имеет, —
Добра и зла не разумеет.
[Над ней желанье победит,
Никто тому не воспретит:
Кто любит или ненавидит,
Препятствий пред собой не видит!]
Валерий также говорит,
Что в женщине коварство спит.
Мой друг, как плох ревнивый муж,
Как с женщиной он неуклюж:
Его за это обращенье
Волкам отдать бы на съеденье!
Не хочет он жене служить,
А хочет как диктатор жить.
Кого я здесь в пример привёл, —
Себя, как собственник, повёл,
Хотя у мужа и жены
Права в семье всегда равны.
Они должны друзьями быть:
Не сможет ведь жена любить,
Коль властвует супруг над ней
Лишь потому, что он сильней.
В любви не терпят принужденья,
Как и дурного обхожденья.
Кто любит властвовать в семье,
В другом убьёт любовь к себе:
Чтоб побеждать ей вновь и вновь,
Свободной быть должна любовь!
До свадьбы хорошо живут,
Покуда чувства берегут,
Но стоит только пожениться, —

Любовь не может больше длиться.
Была любимою жена,
И вот — служанкой быть должна.
Хотя вначале человек
Мечтал служить ей целый век, —
Теперь начальником ей стал
И слушать вовсе перестал.
Считал её прекрасной дамой,
И вот командует, упрямый:
“Подай мне то! Не делай так!” —
И распадается их брак.
Он прежде всё ей подавал
И госпожою называл.
Страница лишь перевернулась, —
И жизнь иначе повернулась.
Всё счастье мужа было в том.
Чтоб ей не отказать ни в чём,
Теперь же — не даёт ей ходу:
Всю отнял у жены свободу.
Отчёта требует в делах,
Во всех малейших пустяках.
Она ему не доверяет,
Кому довериться, — не знает,
Не знает, чем она плоха:
Ведь как любила жениха!...
Считала: он такой один,
И лучше в мире нет мужчин.
Теперь одуматься пора,
Но поздно: сыграна игра.
Лишь стоило им пожениться, —
Нельзя согласьем похвалиться,
И чувств прекрасных больше нет:
Исчезло всё в один момент.
С ним рядом жить всё тяжелей.
Как прекратить несчастья ей?
Ведь стоит ей не подчиниться, —

От ссоры уж не уклониться.
Когда ему не угодит, —
Не долго ждать: готов конфликт.
Она лишь возражать взялась, —
И перебранка началась:
Кричат слова друг другу злые
И обвинения пустые.
Жена лишь разжигает спор,
Не может прекратить раздор:
Они друг друга ненавидят
И вот — врагов друг в друге видят...
Мой друг, в былые времена
Вражда была исключена,
И люди жили без цепей,
Без принужденья и скорбей.
Они б свободы не отдали,
Хотя б и золота им дали!
(Ведь если много злата брать, —
Потом нельзя его продать).
И в край чужой никто не шёл, —
Так было дома хорошо.
Ещё не ведали нашествий,
Не знали дальних путешествий.
Никто в прекрасном мире том
Не плыл за Золотым Руном;
Ясон корабль не снарядил,
Ещё за море не ходил.
Своими увидав глазами,
Как корабли несутся сами, —
Нептун был страшно удивлён,
И стал войны бояться он;
Великим был испуг Дориды[127],
Все задрожали Нереиды[128],
И все они во гнев пришли,
Лишь судна по морю пошли!
Так, люди первые Земли

В достатке жили и любви.
Ещё не знали мореходства,
Чужого над собой господства,
Ещё к ним Бедность не пришла,
И жизнь естественной была.
В своей земле все жили дружно
И находили всё, что нужно.
Друг другу были все верны,
В богатстве и правах равны.
Обман принёс на Землю хаос.
И что от прежних благ осталось?
Он выступил с копьём в руке,
Была и свита при враге.
С ним людям стало жить несладко,
И больше не было Достатка.
Теперь среди людей всегда
Грехи сплошные, да Беда.
Они народ лишили счастья, —
В том Гордость приняла участье.
И все прислужницы её
Тут дело сделали своё:
Средь прочих злое Вожделенье
В народе вызвало смятенье,
И Скупость с Завистью пришли —
Из ада Бедность извлекли.
Она явилась в первый раз, —
Да будет проклят этот час!
А Бедность — Воровство ведёт,
Кого уж виселица ждёт.
Туда и сам он поспешает:
Мать Бедность — сына провожает.
Не долог путь его порой
До той верёвки роковой:
Его там верный ждёт конец,
Помочь не может и отец! —
Ведь Малодушие — тосклив,

А также до смерти пуглив.
И даже госпожа Лаверна[129],
Что любит жуликов безмерно
И дарит им ночную тьму, —
Тут не помощница ему!
Она обманы укрывает —
Ночною тьмою покрывает,
Покуда на свету дневном
Не догадаются о том.
Но вот — не жаль ей Воровство,
И не спасёт она его,
Хоть о грехах он сожалеет,
Хоть петля у него на шее!
И так, на смерть он обречён,
Никем не может быть спасён.
(И Снисхожденье не придёт,
Его от смерти не спасёт.)
Враги завистливые эти
Вредить пустились, словно черти:
Ведь благоденствия Земли
Терпеть злодеи не могли.
Теперь, от ярости кипя
И золото одно любя,
Они лишь разногласья сеют
И ябед воспитать умеют.
Злословье, ненависть, война —
Злодеев названных вина.
Решили всех с ума свести,
Заставив золото найти:
Земное чрево люди взрыли
И драгоценности открыли;
С тех пор хотят разбогатеть —
Стремятся ими овладеть.
Ведь Вожделение и Скупость
Распространили эту глупость:
Одной — лишь денег подавай,

Другой — их лучше сберегай.
И так, несчастный человек
Их не потратит целый век —
Наследникам всё передаст,
Душеприказчикам отдаст,
Коль раньше не отнимет рок их,
И слёз по ним не будет горьких...
Род человеческий пропал,
Лишь к банде этой в плен попал.
Иначе жизнь его пошла, —
Он злые стал творить дела.
Обманщиками люди стали,
Трудиться мирно перестали.
Свои наделы завели —
И повод для вражды нашли,
Как только земли поделили,
Границы их установили.
Соседи стали враждовать,
Чтоб часть земель отвоевать;
Сильнейшие — разбогатели,
Лентяи — всё украсть хотели.
Кто за чужим добром ходил, —
Тот своего не находил.
Решили: выхода тут нет, —
Пора собрать всех на совет.
Пора начальника избрать,
Кто на себя всё будет брать:
Дома их сможет защитить
И тяжбы верно рассудить,
Кто всех преступников осудит,
А сам же — неподсуден будет.
Тогда избрали силача,
Чья кровь свежа и горяча.
Его все стали почитать
И вместе стали все питать.
Он людям господином стал

И клятвы верности им дал.
Когда ж он службу эту нёс, —
Не раз побои перенёс:
Ведь воры в шайки собирались,
Когда за дело злое брались,
И если вдруг он им мешал, —
То в переделки попадал.
Хотя тот принц был всех сильней,
Всех выше ростом и плотней, —
Не мог он справиться с ворами,
Не мог он сладить с хитрецами.
Пришлось опять народ собрать,
Чтоб средства новые набрать:
Нанять помощников сеньору,
Воров обезопасить свору.
Отныне, чтобы мирно жить,
Налоги стали все платить:
Так появились короли
И принцы первые Земли.
Об этом мы из книг узнали,
Что люди древности писали.
Мы благодарны им сейчас
За достоверный пересказ.
С тех пор богатства собирали,
Чужие земли покоряли,
Металлы начали ценить
И всё из них производить:
И копья и мечи из стали
Теперь прочнейшие ковали,
Чтоб меж собою воевать;
Кольчуги принялись ковать.
Из золота иль серебра
Теперь посуда вся была,
Все украшенья и монеты,
И всё теперь блестело это!
Амфитеатры возвели,

И в жизнь ристалища вошли.
Дворцы роскошные сложили
И замков стены укрепили.
А во дворцах пришлось дрожать:
Ведь могут воры набежать.
Опасно стало жить на свете
Тем, кто имел богатства эти,
Что не делили сотни лет,
Как воздух или солнца свет.
Но нету мне до жадных дела:
Хоть сердце их грешит, хоть тело!
За тех чудовищ, — я не лгу, —
Дать и гроша я не могу.
От алчности пускай трясутся:
Хоть меж собой перегрызутся!
Но сколь печально видеть дам,
Свою любовь дарящих нам,
За столь неблагородным делом —
Постыдною торговлей телом!
Столь обаятельных, живых,
Прекрасных, милых и шальных.
Как бы то ни было, влюблённый,
Прекрасной дамой увлечённый,
Искусства должен постигать,
Наукой не пренебрегать:
Ученье навредить не может
И шансы на ответ умножит.
Какой бы дама ни была,
Стара она иль молода
(Тут исключений вовсе нет),
Поможет вот какой совет.
Когда супруг подозревает,
Что женщина предпочитает
Его кому-нибудь ещё,
Но хочет удержать её, —
Не должен даму оскорблять

Иль ею злоупотреблять,
Но оставаться добрым к ней,
С любовью относиться всей.
Когда с другим её застиг, —
Не должен разводить интриг,
А должен сделать вид такой,
Что не заметил сцены той.
Когда жена письмо получит,
Пусть этот факт его не мучит:
Не нужно случая искать
В чужие тайны проникать,
Нельзя претить её желаньям,
Своим надоедать заданьем.
Нельзя супруге запрещать
Дома чужие посещать:
Когда ей хочется уйти, —
Нельзя оставить взаперти.
Хочу я Вам открыть секрет —
Его полезней в мире нет —
Кто хочет дамой быть любимым,
Во всём к ней должен быть терпимым..
Она не станет в рот смотреть
И, как на привязи, сидеть.
Чтоб милости её добиться, —
Не нужно спорить с ней, ни биться.
Всегда ей нужно позволять
И в одиночестве гулять.
А кто ей запретит свободу,
Поработит, себе в угоду,
В своем дому её запрет, —
Её любви лишится тот!
Не должен верить муж доносам —
Любви опаснейшим угрозам.
Не надо слушать всех подряд:
Да, мало ли что говорят!
Пусть захотят его уверить,

Что он жене не должен верить, —
Не должен муж кивать в ответ.
Пусть говорит, что в мире нет
Прекрасней дамы и честней
И что пороков нет у ней,
Что все доносы эти ложны
И эти факты невозможны:
Его любимая жена
Вне подозрений быть должна.
Нельзя супругу обвинять
Иль руку на неё поднять.
Коль муж свою супругу бьёт
И вдруг в объятия берёт, —
Он в глупости своей подобен
Тому, кто кошку бить способен,
Чтоб за проступки наказать,
И после — сразу приласкать.
Ведь кошка может и уйти,
И нелегко её найти...
Когда же терпит муж побои, —
Пусть остаётся он в покое,
Хранит достоинство своё,
Хоть ногти остры у неё.
Супруг не должен защищаться
Иль от ударов уклоняться.
Когда жена его бранит, —
Пусть он её благодарит
И говорит, что мука та —
Всей жизни — тайная мечта,
Что он не ощущает боли,
Коль ей угоден в этой роли,
И что скончается скорей,
Чем будет жить в разлуке с ней!
Но если не сдержался он,
Её словами раздражён,
И если, как бы ни храбрился,

Он не на шутку рассердился,
Жену ударил невзначай, —
Тотчас возляжет с ней пускай,
Игрой любовною займёт,
И всё само собой пройдёт.
[130]Себя богатый не неволит,
Жену побить себе позволит,
Когда упрямится она,
Коль чересчур она горда.
Ну, а мужчина небогатый, —
Пусть терпит всё, как виноватый,
И, что б ни делала жена, —
Ему лишь кротость тут нужна.
Коль хочет изменить супруг:
С другою провести досуг
Так, чтобы с носом не остаться —
С подругой первой не расстаться, —
Скажу, как поступать ему,
Чтоб не обидел он жену
И не расстроил чтоб обновой,
Что выбрал для подруги новой:
Кольцом, иль шляпкой, иль платком,
Иль пряжкою, иль пояском. —
Он должен от супруги скрыть
Всё то, что хочет подарить.
Там, где с супругой он гуляет, —
Другой пусть встреч не назначает.
Жена однажды в месте том
Увидеть может их вдвоём.
А коль измена жизнь задела, —
Её несчастью нет предела:
Ни дикий вепрь, что от собак
Не может убежать никак,
Ни потревоженная львица,
Что кормит львят, — так не взбесится,
В такую ярость не придёт,

Как та, что вместе их найдёт.
Коль не увидит их жена,
Но будет ревности полна;
Любовной сцены не застанет,
Но подозрительною станет,
Другими осведомлена,
Иль что-то чувствует сама, —
Пусть муж ей лгать не побоится,
Ни в чём пред нею не винится,
К сомненью повод не подаст
И без стесненья клятву даст,
Что люди говорят без дела:
Измена — места не имела.
Затем возляжет с нею пусть,
И вся у ней исчезнет грусть.
Коль не спешит супруга сдаться
И вынудит его признаться,
Что он проступок совершил,
Что ей однажды изменил, —
Он должен убеждать её,
Что тело защищал своё,
Той женщине не уступал,
Но вот случайно в плен попал:
Что силой та его схватила,
И так она его теснила,
Что он спастись уже не мог
И к ней попался на крючок. —
Вот так, без поиска утех,
Они и совершили грех.
Но этот грех не повторится,
И больше он не покорится.
Пусть поклянётся он жене,
Что знает он себя вполне:
Что от таких далёк проказ
И изменил ей только раз!
И если вновь к нему пристанут

И вынуждать на это станут,
[И просьбами с ума сводить,
И всячески его дразнить,]
И снова в угол загонять
И всё сначала начинать, —
Уж он на это не пойдёт
И способ увильнуть найдёт!
Пусть скажет он своей супруге,
Что больше не пойдёт к подруге,
Раз та к нему настолько зла,
Что до измены довела.
Теперь уж будет он умней, —
Свиданья не назначит ей.
Чтоб всё жена могла забыть,
Он расторопным должен быть
И тут же к делу перейти —
Её обнять, сказать “прости”,
Её ласкать и целовать,
На ложе брачное призвать.
Иные могут докатиться —
Своими связями хвалиться.
Поверьте, что ушам жены
Такие речи не нужны.
Кто похождений не таит
Иль небылицы говорит, —
Напрасно лишь себя позорит,
Да и жене своей насолит.
Такого рода хвастуны
Молчать о “подвигах” должны.
Мужчину похвальба не красит, —
Супруги чувства лишь угасит.
Ведь хвастовство — большой порок,
Любви оно совсем не впрок!
Кто тайно с женщиною связан, —
О том всегда молчать обязан:
Любви не стоит выдавать,

Её сокровищ продавать.
Друзьям лишь тайны доверяют, —
Они их в сердце сохраняют.
Коль заболеет вдруг жена, —
Забота мужа ей нужна.
Он должен быть с ней ночь и день,
В заботах позабыть про лень
И быть внимательнее к ней
В течение болезни всей.
Когда здоровье к ней придёт, —
Чем отплатить, — жена найдёт.
Когда ж недуг её силён
И отступать не хочет он, —
Супруг лишь тем её обяжет,
Что ей тревоги не покажет.
Он должен внутренне решить
Места святые посетить
И Господу о ней молиться,
Пока та немощь будет длиться.
Еду ей повкусней давать
И беспрестанно целовать.
Пусть всячески её жалеет,
Красиво рассказать сумеет
О том, что видел он во сне
Её здоровою вполне
(Хотя теперь он плохо спит,
В постели без неё грустит),
Что в месте необыкновенном
Он в состояньи был блаженном:
С супругой вместе он лежал,
Её в объятиях держал
И с нею вместе веселился.
Да, жаль, что сон не долго длился!
Итак, я изложил для Вас
О всех премудростях рассказ,
Какие нужно твёрдо знать,

Чтоб женщину уметь понять,
Её добиться снисхожденья
И чувства доброго горенья.
Но, стоит в нераденье впасть, —
Как может вся любовь пропасть
Иль неприятно измениться,
Когда супруг не будет тщиться
Во всём жене угодным быть,
Здоровой и больной любить.
Ведь в мире ни одна жена
Заране мужу не верна,
И пусть уверен он не будет,
Что верность эту он добудет.
Взгляд коль на миг он отведёт, —
Она, как угорь, ускользнёт.
Её в руках не удержать, —
Всё норовит она сбежать,
Так изворотлива, как уж:
Не должен доверять ей муж!
Не говорю о добрых я, —
Бедна такими жизнь моя.
Каких бы дам я ни встречал, —
Хороших я не замечал.
Знал женщин душу Соломон,
Но также говорит и он,
Что за богатый опыт свой
Не встретил дамы волевой.[131]
А кто на поиски пойдёт
И даму эту, всё ж, найдёт, —
Пусть не промедлит с браком он
И будет щедро награждён,
В одном лице найдя супругу
И сердца близкую подругу.
А если женщина честна,
Но друга не нашла она
Того, кто в дом её возьмёт, —

То целомудренно живёт.
Но прежде чем сюжет оставить,
Позвольте мне к нему добавить
Один полезнейший момент:
О том, как важен комплимент.
Нет девушки такой на свете,
Кто Вам любовью не ответит —
Красивая она иль нет —
Когда услышит комплимент.
Кто комплименты говорит —
Любую даму покорит.
Любая рада похвале:
Монахиня, мирская — все!
Нет в мире женщины такой,
Что б ни была горда собой,
Когда услышит, что прекрасна
И пробудить желанье властна.
Пусть вовсе нет в ней красоты, —
Не будьте прямы и просты,
Скажите Вы, что всё при ней,
И что она прекрасней фей:
Она поверит тут же Вам.
Ведь Вам не встретится средь дам
Такая, кто бы усомнилась,
Что для любви она б годилась!
Не стоит женщин поучать,
И глупо их критиковать.
Они все в том убеждены,
Что и умелы, и умны.
Коль нравиться вы им хотите, —
То ничему их не учите.
Их интуиция сильна —
Всё скажет женщинам она:
Нельзя их переубедить
В том, как им надо поступить.
Как знает кошка от рожденья,

Что мышь годится на съеденье, —
Так знает всякая жена,
Какою быть она должна.
И если женщины не правы,
И если их тяжёлы нравы, —
Не стоит вам их укорять,
Чтоб их любовь не потерять!
Так, если Розу Вы найдёте
И в дом к себе её возьмёте,
Коль будете Вы с нею жить,
В общеньи с нею радость пить,
Коль даст Вам Бог награду эту, —
Внемлите моему совету:
Должны цветок Вы свой ценить
И как сокровище хранить.
Ведь не найти Вам лучшей дамы,
Отправившись в другие страны:
Прекраснее всех дам она —
Такая в мире лишь одна!
— А ведь и правда, — я сказал.
Её беречь пообещал.
Вот так утешил Друг меня,
И я с того поверил дня:
Друг больше дамы Разум знает,
Коль так умело утешает!
Ещё и речь не кончил он,
Как был я снова вдохновлён:
Пришла ко мне моя компанья:
В ней — Нежное Воспоминанье,
А также Нежный Разговор,
Лишь не явился Нежный Взор.
Не мог он вместе с ними быть,
Но я решил их не бранить:
Ведь навсегда они пришли,
Хотя его не привели.
Так, с Другом я моим расстался

И долго вдоль реки спускался.
На травах заливных лугов
Горели огоньки цветов,
И слушал я, как птицы пели
На новый лад былые трели.
На сердце стало веселей,
Всё показалось мне милей,
И лишь одно меня смущало,
Душе покоя не давало:
Меня мой Друг предупредил,
Чтоб я вкруг замка не ходил,
Подальше от него гулял,
В его пределах не играл.
Как трудно было удержаться
И искушенью не поддаться!
Ведь там Прекрасный был Приём, —
Теперь я думал лишь о нём.
Всегда он добрым был со мной,
Любезнейший помощник мой.
Когда б я краткий путь нашёл, —
С дороги б я своей сошёл:
Не стал кругами бы ходить,
Его спеша освободить.
Сворачивая понемногу,
Я в замок вновь ищу дорогу. —
Как мимо я могу пройти,
Коль мой помощник взаперти?
Коль этот шанс я упущу,
Себя вовек я не прощу. —
Найду я место послабее,
И в крепость я войти сумею!
Искать я буду нужный путь,
Чтоб волю мне ему вернуть.
О Розе милой вспоминая,
Заметил вдруг у родника я
Под вязами людей двоих —

Наряды пышные у них!
Очаровательная дама
Высокого казалась сана.
Она красива неспроста, —
Была Богатство — дама та.
С ней кавалер был — ей подстать,
Но не пришлось его мне знать:
Не много я о нём слыхал,
Его впервые повстречал.[132]
Дорогу дама охраняла
И вход здесь многим закрывала.
Я им адресовал поклон,
И мне привет был возвращён.
Спросив у дамы направленье
Аллеи Щедрого Даренья,
Услышал от Богатства я:
“Вот тут дороженька моя!
Её сама я сторожу”.

“Тогда, Мадам, я Вас прошу
Меня скорее пропустить:

Я должен замок посетить,
Что Ревности принадлежит, —
Туда давно мой путь лежит!”
“Не торопитесь так, вассал,
Никто ведь Вас сюда не звал.
Ещё мы с Вами не знакомы,
И чужды Вам мои законы.
Быть может, через пять-шесть лет
Узнает Вас богатых свет;
Пока же Вы не так богаты,
И видеть Вас мы тут не рады.
Я знаю хорошо своих,
Сама сопровождаю их,
Им позволяю нагуляться,
Они тут вдоволь веселятся:
Танцуют, водят хоровод,
Не зная никаких забот.
Тут ждут их только развлеченья —
Концерты, игры, угощенья!
Не видел мудрых этот путь, —
Ведь не влечёт он их ничуть.
Находят старые сводницы
Богатых для любой девицы,
И всякий, кто сюда идёт,
Досуг неплохо проведёт.
Смеясь, как попугай бездумный,
Приходят к Щедрости Безумной.
Но дом её дороговат
И для гостей, кто так богат!
Они в нём комнаты снимают,
Попарно ванны принимают:
Весьма широк в том доме круг
Безумной Щедрости услуг.
Но велика за это плата,
И ждёт их горькая расплата:
Ведь чтобы деньги ей отдать,

Придётся землю им продать.
Так, развлекательный досуг
Взамен приносит им недуг.
Леченью он не поддаётся,
Ведь Нищетою он зовётся.
Сюда сама я их веду,
Но как встречаю Нищету, —
Так путников я оставляю,
И ей судьбу я их вверяю.
Пусть образованны, умны, —
Они мне больше не нужны.
А тот, кто после разоренья
Со мной искал бы примиренья,
И вновь просился бы сюда, —
Я помогла б тому всегда.
Кто поклонился мне бы снова, —
Я пропустить того готова.
Но пострадавший — стал умён:
Сюда идти не хочет он.
Ведь он о многом сожалеет,
Меня завидев, он краснеет,
В душе его обиды след,
Былых желаний больше нет.
Мой путь он навсегда оставит
И возвращаться перестанет.
Чем чаще он на нём бывал, —
Тем больше после горевал!
Коль этот путь Вам приглянётся,
Раскаиваться Вам придётся.
Когда вручу Вас Нищете,
Забыты будут игры все.
Ходить Вы будете с котомой,
Постель застелите соломой.
Забудете покой Вы с ней
И бедных станете бедней:
Она Вас голодом заморит

И Вашей смерти срок ускорит.
Девица Голод с ней живёт
И службу у неё несёт.
Служанка эта так прилежна,
Что Нищета её, конечно,
Решила в тайны посвятить —
Делам лукавым обучить,
И Голод сделала она
Кормилицею Воровства,
Чтоб та заботилась о нём,
Своим питала молоком.
Могу о них я Вам сказать
Всё, что хотите Вы узнать:
Живут они вдвоём с девицей
Вблизи Шотландии границы
На каменистом пустыре,
А он — всегда в одной поре:
Нет там ни фруктов, ни зерна,
Трава лишь дикая одна.
Плод никакой там не родится,
Поскольку губит всё девица:
Руками и зубами рвёт, —
Расти побегам не даёт!
Девица Голод так слаба,
Её ужасна худоба,
Всегда еды ей не хватает,
И оттого её качает.
Она лохмата и бледна
И, кажется, насквозь видна!
Глаза её как будто впали,
И высохшими губы стали,
И щёки впалые страшны;
Под кожей рёбра все видны,
Живот к спине прилип давно, —
Названье от него одно.
Так пальцы длинные костлявы

И остры все её суставы!
И пятки так сухи её,
Что каждая — как остриё!
Богиня всех плодов, Церера[133],
Не навестит её предела;
Да и возница Триптолем[134]
Не знает к ней пути совсем:
Оберегает их Судьба,
И не страшна им Голытьба.
Коль вместе с Нищетой пойдёте, —
В Голодный Край Вы попадёте.
Скорее оказаться там
Поможет Беззаботность Вам.
Когда ж и впрямь Вы к ним спешите,
То направленье измените:
Лениться больше Вы должны
И сразу станете бедны.
Дорога эта не моя,
И Вас предупреждаю я:
Когда Вы крепость взять хотите,
То с Нищетою не ходите.
Нельзя ей силы отдавать,
Чтоб крепость Вам атаковать.
Коль Нищета в пути Вас встретит, —
И Голод вскоре Вас приветит.
Обычай есть у них такой:
Одна не ходит без другой.
Девица даму не бросает
И ежедневно навещает.
Не любит Голод Нищету,
А всё у ней, как на посту:
Её обнимет, с ней побудет
И после — Воровство разбудит,
Чтоб думал, где еды добыть,
Чтоб им в живых ещё побыть.
И Малодушье с ним вдвоём

Всегда заботится о том.
От страха, бедный, он трясётся,
Что сын за кражу попадётся:
Тогда повесят Воровство,
И не спасти уже его!”
Затем добавила Богатство:
“Не стоит Вам тут оставаться,
Вы здесь не сможете войти,
И Вам со мной не по пути.
Коль не по-моему Вы жили, —
Любви моей не заслужили!”
Но я тотчас ей говорю:
“Я сердце Ваше покорю;
Я, дама, так стараться буду,
Что Вашу я любовь добуду.
Сидит Приём Прекрасный там, —
Его освобожу я сам.
Скорей меня к нему пустите, —
Мне милость Вашу окажите!”
“Я вижу, Вы ещё глупы,
Коль так упрямы и грубы.
Не все фигуры проиграли?
Ещё офена[135] не отдали?
Кого попутает Амур, —
Других не сбережёт фигур.
[Но из-за этой деревяшки
Влюблённый терпит муки тяжки!]
Ведь он считает, что умён,
А сам безумьем заражён.
Он жизнию любовь зовёт,
А сам того гляди умрёт:
Ведь от любви он лишь страдает,
И не живёт, а умирает!
Отвергнуть разума совет —
Страшней ошибки в жизни нет:
Вас наставляла дама Разум,

Но всё не излечила разом.
Ведь глупость всё ещё при Вас,
Как будто с Вами родилась!
С тех пор, как Вы влюблённым стали,
Меня ценить Вы перестали.
Влюблённых как ни выручай, —
Всё растранжирят, что ни дай!
Богатства благ не замечают
И всё бездумно расточают.
Подальше катятся все пусть, —
Я средств на всех не напасусь.
Оставьте ж Вы меня в покое!” —
На возмущение такое
Ничем не мог я возразить, —
Пришлось мне ноги уносить.
Красавица осталась с другом;
Я ж, подгоняемый испугом,
По саду далее побрёл,
Но счастья так и не обрёл...
Когда не столь я горевал, —
Его красоты воспевал.
Теперь мне было не до сада:
В душе моей была досада.
И непрерывно думал я,
Как сложится судьба моя.
Чтоб был с меня Амуру толк, —
Я должен был исполнить долг.
Нельзя мне было ошибиться,
На миг от цели отступиться! —
Амуру лишь бы угодить,
И в грязь лицом не угодить.
Я, Друга следуя советам,
Не забывал встречать приветом
Бандита Злого Языка:
С врагами вежлив был пока.
Как мог, во всем служил я им,

Но был ли ими я любим, —
Не знаю. Трудно было мне
Не приближаться к той стене.
Так был судьбою я наказан,
Епитимью нести обязан.
Закон общенья был таков:
Обманывать моих врагов.
Сознанье словно раздвоилось, —
В меня предательство вселилось.
Одно я думал про себя, —
Другое совершал, скорбя.
Хотя до времени того
Не предавал я никого!
Я испытание прошёл, —
Бог преданным меня нашёл.
Я пред Амуром долг исполнил,
Он обо мне, похоже, вспомнил:
С улыбкою пришёл ко мне,
Рукой провёл по голове.
(Как бог, он знает наши тайны,
Его поступки не случайны!
Он видел и мою беду
И тайную мою мечту).
Спросил он ласково меня,
Как поживаю нынче я,
Как справился с его заданьем
И с данным мною обещаньем,
Как Розу помню я мою,
По-прежнему ль её люблю:
— Все ль ты исполнил порученья?
Не позабыл ли наставленья,
Что я влюблённым всем даю? —
В ответ ему я говорю:
— Старался я не отступать,
Всегда, как надо, поступать. —
— Ты, к сожаленью, не устойчив

И недостаточно настойчив.
Сомнения тебя грызут,
Любить всем сердцем не дают.

Хотел ты даже отказаться
Моим слугою называться,
Ты слёзно жаловаться мог
О том, что я к тебе жесток!
На Беззаботность ты сердился,
В моей науке усомнился,
Надежду лживой посчитал
И даже Разум слушать стал,
Прокляв однажды выбор свой! —
Ты ль невиновен предо мной?! —
— Извольте, сир, меня простить,
Но не хочу я уходить.
Хоть дама Разум как-то раз
Ко мне пришла в недобрый час —
Нравоученья мне читала,
Разубедить меня мечтала, —
Я, как бы ни хотелось ей,
Не стал разумней и трезвей!

Она мне проповедь прочла,
Но дураком меня сочла;
И как она бы ни мудрила,
Служить Вам не отговорила.
Чтоб честным с Вами быть вполне,
Признать придётся, всё же, мне,
Что приходили и сомненья
В ответ на дамы уверенья,
Но ничего в душе моей
Не удалось исправить ей.
Я никогда другим не стану,
И Вам служить я не устану:
Вручил я сердце Вам навек,
Пока мой длиться будет век,
И даме Разум я назло
Не буду причинять Вам зло!
Мне жаль, что в Вас я усомнился,
Но я пред Вами повинился.
Прислушавшись к её словам, —
На миг лишь изменил я Вам.
Но я исправлюсь: никогда
Меня не сгубит дама та.
Вы мне закон Ваш подарили,
Им жизнь мою определили:
В нём буду жить, и в нём умру,
Его из сердца не сотру.
Его исполню я, и пусть
Атропос оборвёт мой путь
В тот миг, когда я делом занят,
Что исполнять Амур заставит!
Когда ж уйду из жизни я,
Пусть скажут, глядя на меня:
“Какому богу ты служил,
Кто так тебя преобразил?
Послал конец тебе достойный
Той жизни, что провёл покойный?”

— Теперь я рад, что наконец
Ты рассуждаешь как мудрец.
Встречались мы с тобой не зря, —
В тебя всё больше верю я!
Ничуть ты не похож на вора,
Кто отрекается, коль скоро
Получит то, что он хотел:
Ты неподкупен, честен, смел.
Не тщетно я тебя учил.
Но чтоб я, всё же, получил
Твоей науки подтвержденье, —
Не надо мне вознагражденья.
Тебя сейчас же я прощу,
Но платы златом не хочу:
Ты в качестве исповеданья
Мои все повтори заданья.
Умея свой корабль вести,
Ты в порт не можешь не придти! —
— Охотно: низости бежать,
Злословья никогда не знать;
Не медлить никогда с приветом
Или приветственным ответом.
Не должен я грубить, как хам,
И должен уважать всех дам;
Гордыню должен позабыть;
В одежде элегантным быть;
Иметь я должен нрав живой
И щедрым быть, само собой.
Не нужно сердце мне делить. —
— Могу тебя я похвалить:
Урок ты мой прекрасно знаешь
И мне доверие внушаешь.
А как идут твои дела? —
— Тоска мне сердце извела.
— Где ж Утешения твои?
— Покинули меня они:

Ушёл куда-то Нежный Взор,
Что в помощи всегда был скор,
Лишь два другие возвращались,
Но скоро вновь со мной прощались. —
— Надежды тоже больше нет? —
— Её не гаснет, к счастью, свет.
Ведь стоит раз её впустить, —
И невозможно отпустить!
— А как живёт Приём Прекрасный? —
— Он в заключении, несчастный.
Он милый, честный и простой, —
Его люблю я всей душой! —
— Не огорчайся: ведь опять
Он скоро будет помогать.
Поскольку долго у меня ты
Служил, как верные солдаты, —
Собрать войска я прикажу
И с ними крепость осажу.
Мои бароны так сильны,
Что в миг освободить должны
Юнца Прекрасного Приёма,
Пока борьбу ведём ещё мы! —
Амур баронам письма шлёт —
Всех на совет к себе зовёт.
Никто придти не отказался,
Рад, что полезным оказался.
Не по порядку в этот раз,
А в рифму вспомню их для вас.
Ключница сада Беззаботность
Большую проявила ловкость —
Быстрее всех она пришла
И флаг огромный принесла, —
Ключницы в этом превосходство.
За ней явились: Благородство,
Богатство, Искренность и Честь,
И Куртуазность тоже здесь.[136]

Явились Тайна и Терпенье,
Отвага, Щедрость и Смиренье,
Надёжность, Жалость, Простота,
А с ними — Юность, Красота,
И Радость, и Отдохновенье,
Компанья, Ласка, Наслажденье.
И Воздержание пришла,
С собой Личину привела.
[Амура армия крепка:
У всех баронов есть войска!]

Все в сборе — господа и дамы, —
Всех знаю я как добрых самых.
Лишь Воздержание одна
Вся внутренне напряжена.
Личина — друг был Воздержанья.
Нельзя их угадать заранье:
Лицо они меняют так,
Что их не опознать никак;
Но ведь Обман у них в крови,

Как ни кривлялись бы они!
Личину он и породил
И в сердце у людей взрастил.
А мать Личины — Лицемерье:
О, как опасно к ней доверье!
В монахиню облечена,
В душе мошенница она.
Амур, Личину там заметив.
Спросил: “Кто за тебя в ответе
И кем сюда ты приведён?
Иль я, быть может, вижу сон?”
Подходит Воздержанье вдруг
И говорит: “Мой это друг.
Меня, прошу Вас, не браните,
Его в компанию примите.
Мне столько сделал он добра,
Что честь воздать ему пора!
Меня всегда он утешает,
Поддерживает и питает.
Когда б не он, — я б умерла, —
Вот потому я с ним пришла.
Хотя Личина из таких,
Кто не спешит любить других, —
Мне нужно, чтоб его любили,
Предупредительны с ним были,
Считали бы его святым,
И я была бы рядом с ним!”
Амур на это согласился,

К баронам с речью обратился:
“Велел сюда я вам придти,
Чтоб злую Ревность низвести.
Она влюблённым жить мешает,
Ко мне дорогу преграждает.
Теперь и крепость есть у ней:
Вкруг башен пояс галерей[137]!
Серьёзный предстоит нам бой,
Чтоб с крепостью покончить той:
В ней арестован как заложник
Приём Прекрасный — наш помощник.
Пока он пребывает там,
Несчастье угрожает нам.
Ведь я понёс утрат немало:
Поэтов многих уж не стало.
Когда взяла Тибулла[138] смерть, —
Не мог я этого стерпеть.
Он так мне преданно служил! —
И крылья я свои сложил.
Колчан я бросил, лук сломал
И духом безнадёжно пал.

Несчастна мать моя была:
От горя чуть не умерла.
Я вместе с нею плакал сам,
И все сочувствовали нам.
Катулл[139], Овидий[140] нас спасали —
Они мою науку знали
И изложить её могли,
Но и они уже ушли.
И вот явился де Лоррис:
Из-за него мы собрались.
Меня в стихах прославит он,
Коль будет нами защищён.
Так Ревность мучает его,
Что здесь не описать того.
Когда ему мы не поможем, —
Советника лишиться можем!
Но если мы его спасём, —
Он будет предан нам во всём.
Хоть, говорят, он непослушен...
Нам лишь Приём Прекрасный нужен.
Усилья мы объединим
И все отправимся за ним.
Должны мы башню сокрушить —
Все силы наши приложить.
Коль будет вновь свободен пленник, —
Прославится наш современник.
Достоин счастья де Лоррис, —
Ведь он готовит нам сюрприз:
В угоду богу своему
Писать захочется ему,
И он роман писать начнёт,
Где мой устав преподнесёт.
Закончит он писать на том,
Что заключен в тюрьму Приём
Прекрасный. Он к нему взывает,
Ему лишь только доверяет,

Такие говоря слова:
“Надежда теплится едва,
Что мой помощник не забудет,
Как я люблю его, и будет
Со мной он дружен. Ведь ему
Я доверяю одному!”
Так он хвалу мне воспоёт,
На слове ж этом — он умрёт.
Пусть будет всё благоухать
То место, где ему лежать:
Пусть воскурится фимиам
Из мирры и алоэ там. —
О том сей скажет аромат,
Что был в моём он деле свят.
Черёд настанет Клопинеля[141]:
Весёлый сердцем, в здравом теле
Родится в городе он Мён,
Что на Луаре размещён.
Помощник будет мне исправный,
Душою искренний и правый,
Не будет Разум он внимать,
Мои забавы отвергать:
И старый, как и молодой, —
Пребудет верным мне слугой.
Когда же вдруг ему случится
В моей науке ошибиться —
Ведь в мире нет таких людей,
Кто не грешил бы в жизни сей, —
Он покаянье принесёт,
Свою оплошность сам поймёт.
Меня он больше не обманет
И спутником мне верным станет.
Захочет мне он послужить,
Роман Гийома — завершить,
Хотя пройдёт уж сорок лет,
Как первый отойдёт поэт!

И скажет он в своем несчастьи,
Боясь отчаяния власти,
Что благосклонность потерял
Того, кому так доверял, —
Приём Прекрасный это был,
Которого поэт любил:
“Когда уходит вновь Надежда,
О том печалится невежда;
А я ж веду себя мудрей, —
Отчаянье гоню скорей”.
И далее продолжит он,
Историей прежней увлечён.
Сюжет он дальше разовьёт,
Покуда Розу не сорвёт:
Цветок воистину прекрасный —
В зелёных листьях — ярко-красный!
В окне забрезжит утра свет,
От сна пробудится поэт,
Значенье растолкует сна,
Чтоб тайна всем была ясна.
Когда вдвоём бы те поэты
Свои могли мне дать советы!
Но нет их с нами в этот час:
И де Лоррис далёк от нас,
И Жан де Мён, кто не родился —
Ещё на свет не появился.
Когда ж из детства выйдет он,
То будет мною посвящен,
Чтоб роль он мог исполнить ту.
И я вердикт ему прочту,
Что мы теперь ему выносим,
Когда писать о Розе просим.
А без участья моего
Жан не напишет ничего.
Коль не дадут ему родиться,
Беда огромная случится:

О том мы будем все болеть,
Влюблённых искренне жалеть.
И обращаюсь я к Луцине —
Рождения детей богине,
Чтоб вместе с ним она была,
Его рожденью помогла:
Ведь любящим помочь он должен,
И долгий путь ему положен. —
Прошу Луцину потому,
Чтоб жить до старости ему.
Поскольку друг он мне большой,
Во всём покров получит мой.
Юпитер жизнь его поддержит
Питьём, что у себя он держит:
Две урны у него стоят, —
Две разных жидкости хранят.
Жан выпьет сладость из одной,
И муть и горечь — из другой.
Ему я песни напою,
Науку расскажу мою,
И в колыбели для покою
Я крыльями его укрою.
Когда же будет он расти, —
Сумеет всем он донести
Ученье, что ему б открыл я,
Когда б над ним простёр я крылья.
Кто песни будет знать мои, —
Учёным будет тот в любви;
И не умрёт уже, конечно,
От боли, что сладка и нежна!
Советы в книге той найдут,
Которых все в любви так ждут.
Зовётся, по причине оных,
Та книга *Зеркалом влюблённых*.
Все по-французски запоют
Его стихи и там и тут.

В них все должны поверить сами,
Не веря жалкой Разум-даме!
Я обращаюсь ныне к вам —
Советникам по всем делам —
И умоляю вас вмешаться,
Помочь поэтам продержаться:
Гийому, кем любим так я,
Дать поскорей придти в себя.
А также вас прошу за Жана
И продолжение романа.
(Я говорю вам как пророк:
Родится на Земле он в срок.)
Когда б вы с ним побыли малость, —
То легче бы ему писалось!
Прошу я вас и за других,
Кто прочитает этот стих,
Устав мой будет соблюдать,
Что дам я в книге начертать.
Совет вы дайте, как им быть
Чтоб злую Ревность победить,
Чтоб люди не были так жалки
И все её разбили замки!
Решил я вас к себе созвать,
Чтоб войско организовать.
Скажите: как с врагами биться,
Чтоб пораженья их добиться?
С какого края нам начать,
Чтоб злую Ревность развенчать?”
Бароны стали совещаться,
Друг с другом мненьями меняться;
И кто чем будет помогать,
Амуру стали излагать.
“Мы все за Вас, — они решили. —
Мы лишь Богатство исключили.
При всех Богатство поклялась,
Что Ревности не сломит власть:

Войной на крепость не пойдёт,
Оружья в руки не возьмёт;
Затею нашу осуждает
И наше войско покидает,
Поскольку подопечный сей
Ничуть не симпатичен ей:
Богатством он не дорожит
И заработать не спешит.
Пожаловалась нам Богатство,
Что он в её просился царство:
Два дня назад к ней приходил
И пропустить его молил
В Аллею Щедрого Даренья. —
Но не вняла она моленью.
Она сказала: “Вы бедны,
Сюда идти Вы не должны”.
Мы в этом деле без неё
Решенье приняли своё.
Пусть Воздержание с Личиной —
Притворно-ласковым мужчиной —
С той атакуют стороны,
Где Злого Языка сыны.
Его ворота потайные
Норманны держат часовые:
Так пусть же все они подряд
Провалятся в той битве в ад!
[142]К Старухе Куртуазность пусть
Отыщет с Щедростию путь:
К той самой, что Приёма ранит —
Охраной строгою тиранит.
А на врата девицы Стыд
Другое войско набежит:
Пусть Тайна вместе с Наслажденьем
Её займутся истребленьем.
А на девицу Страх пойдут
Те, кто от страха не бегут:

Надёжность это и Отвага —
Бойцы уверенного шага.
А Жалость с Искренностью мы
К Опасности послать должны. —
Теперь мы дело всем нашли
И все позиции учли.
Коль расторопен будет каждый,
Мы крепость победим осадой.
Но чтобы к нам пришёл успех,
Решили мы, по мненью всех,
Что возрастёт в победу вера,
Коль выступит за нас Венера:
Она нам может подсказать,
Как крепость вражескую взять.
В искусстве этом ведь она,
Как ни один из нас, сильна!”
— “Прошу учесть вас, господа,
Что мать со мною не всегда:
Не всё богиня исполняет,
Что сын Амур её желает.
Но есть обычай у неё,
Всё ж, дело довершать моё.
Я матери своей боюсь,
К ней с уваженьем отношусь,
Я не люблю ей досаждать
И просьбами надоедать.
Но если будет очень нужно, —
Мы все её попросим дружно.
И я уверен, что сейчас,
Когда б она слыхала нас, —
Пришла сюда бы и без зова,
Чтоб проявить геройство снова.
Ведь удалось недавно ей
Без помощи занять моей
Дорогостоящую крепость, —
Смекалку проявить и смелость.

Победу приписали мне,
Но не был я в той стороне.
И не сторонник я похода,
Где моего не ждут прихода. —
В победах этих есть ли толк?
Похожи все они на торг.
Но тот, кто лошадь покупает,
Торговцу деньги уступает. —
Ему не должен сверх того
После покупки ничего.
Тут речи нет о снисхожденьи
Торговца иль о достиженьи
Того, кто деньги заплатил,
В конюшню лошадь поместил.
Коль ею будет недоволен, —
Продать её он снова волен,
Взамен сто ливров[143] получить
Иль шкуру как-то применить.
А если лошадь хороша, —
Не пожалеет ни гроша:
Коль для езды она пригодна,
Поскачет он, куда угодно
И будет ею дорожить
И всячески её холить!
С Венерой это не пройдёт:
Она ведь всё приобретёт.
Кто у Венеры покупает, —
И деньги, и товар теряет.
И сколько ни заплатит он, —
Не будет щедро награждён.
Внезапно явится другой, —
Приезжий из страны чужой,
Кому товар она отдаст,
Хоть он ей ту же сумму даст:
Иль итальянцу, иль британцу, —
Любому, словом, иностранцу.

А если тот ещё схитрит —
Ей глупостей наговорит,
То завладеть товаром тем
Он сможет, не платя совсем.
Так, покупатели её
Теряют всё добро своё:
Всё, что у ней приобретут, —
Тотчас другому отдадут.
Клиент Венеры всяк несчастен —
Покупку удержать не властен.
И пусть все знают наперёд:
Товар Венера отберёт!
Когда ж товар она захватит, —
Ничьи расходы не оплатит.
Платить ведь значит для неё
Терять достоинство своё.
Тот, кто решал платить Венере, —
Раскаивался в полной мере:
Богатства был учеником,
А становился бедняком.
Хочу сказать я вам, друзья,
Порой Богатство за меня:
Когда Богатству я полезен,
То становлюсь ей интересен.
Хочу я всем поклясться вам,
Что в стороне ей быть не дам!
Венера это слышит пусть;
Сатурна именем клянусь,
Кто был отцом богини-девы,
Что из морской явилась пены;
И перед братьями скажу
(Отцов же их не привожу:
[Ведь было таковых немало,
Кого Венера привлекала]);
И Стикс[144] в свидетели беру.
И потому, коль я солгу, —

Я обещаю ни глотка
Не пить вина богов[145], пока
От дня сегодняшнего год
Со слов моих не истечёт.
Коль эту клятву я забуду, —
Последовательным не буду.
Таков обычай средь богов:
Я следовать ему готов.
Поскольку мне пришлось поклясться, —
Теперь мне глупо отступаться.
Богатство ныне занеслась,
Так, пусть мою узнает власть:
Меча коль в руки не возьмёт,
Сама потери понесёт.
Коль мне богатый попадётся, —
То нелегко ему придётся:
Его налогом обложу
И всю мошну распотрошу.
Со мною спор бывает жарок:
Ему своих не хватит марок
Чтоб откупиться от меня —
Уйти, карманами звеня.
Девицы наши так искусны,
Что все карманы будут пусты,
Не нужно будет кошелька,
И будет гол он, как рука:
Всё до последнего отдаст,
И землю всю свою продаст!
А бедных я не презираю,
Их душу добрую я знаю.
Кто презирает сей народ, —
Душой не благороден тот.
Они меня не угощают,
Но господином почитают.
Богатство ж, бедных не терпя,
Всех прочь их гонит от себя. —

Она к добыче ненасытна
И к ним относится ехидно.
Но бедняки в любви — верней,
Внимательнее богачей.
Довольно мне их доброй воли,
Мне ничего не нужно боле.
Предательства их не боюсь:
Моими предками клянусь!
Умеет бедный добрым быть,
По-настоящему любить:
Так сильно в чувство погрузиться,
Что с ним богатый не сравнится!
Когда б богатств я богом был,
Я бедняков бы не забыл:
Заботился бы непрестанно
О повышении их сана.
Поскольку мне верны они, —
Отдал все силы б им мои.
За бога кто ж меня почтёт,
Коль бедный от любви умрёт?!”
“О, сир! — услышал он от свиты —
Мы все с Богатством будем квиты!
Сказали правду Вы сейчас
И убедили тут же нас,
Что Ваша клятва правомерна,
И поступаете Вы верно,
Слов не отвергнетесь своих,
А точно выполните их,
Богов напитка не лишитесь,
От клятвы сей не отрешитесь.
Когда богатый к Вам придёт,
Лишь разорение найдёт:
Ему лукавые девицы
Подложат перца и горчицы,
Вмиг охмурят и разорят, —
За Вас Богатству отомстят.

Они уж справятся с заданьем:
Своим предательским лобзаньем
Заманят в сети богачей
И жертвой сделают своей.
А кто девиц тех будет слушать,
Тем будет не на что и кушать:
В объятьях женских пропадут, —
И дом и земли продадут!
Приказа Вашего мы ждём
И исполнять его идём.
От Вас Личина хочет скрыться:
Ведь предложить он Вам боится
Свои услуги, — он сказал,
Что бог любви его изгнал;
Боится Вашего укора
И перед свитою позора.
И мы Вас просим потому,
Чтоб разрешили Вы ему
Среди баронов послужить
И вместе с Воздержаньем быть.”
“Согласен я его принять,
Не стану больше изгонять,
Пусть явится”, — Амур сказал;
Личина тут же прибежал.

И слышит от Амура он:
— Теперь ты будешь мой барон.
Но вот тебе моё условье:
К друзьям ты относись с любовью.
Тебе мы нынче власть даём —
Будь всех бесстыжих королём.
Всем нашим людям ты содействуй,
С врагом — безжалостно ты действуй.
Хоть ты предатель и бандит, —
Амуру послужить не стыд.
Ты клятвы нарушал не раз.
Так, убеди скорее нас,
Что мы тебя всегда найдём,
Из-за тебя не пропадём.
Скажи нам, где ты обитаешь:
Ведь ты жильё своё скрываешь.
— Сир, не хочу Вам открывать,
Где мне случается бывать.
Жильё имею не одно:
Домов моих полным-полно!
Но тему эту Вы оставьте,

Меня Вы от неё избавьте.
Вслух это стыдно произнесть,
И многих пострадает честь.
Кто обо мне узнает правду,
Ответить может злом в награду:
Ведь людям правда не нужна,
Когда горька для них она.
Им правду эту говорю я,
Лишь жизнью собственной рискуя.
Коль виноватых мы виним, —
Не лестно слышать это им.
И пусть их обвиняет даже
Само Евангелие в фальши, —
Принять тех слов не захотят,
Что истину в себе таят!
Когда о них узнает свита, —
То правда может быть открыта
Тем людям раньше иль поздней, —
Ведь слухи ходят всех быстрей.
Кто мой вердикт теперь услышит, —
Не всякий на свой счёт запишет.
А тот, кто будет им задет, —
Почуять может близость бед,
Боясь в Обмане подозренья
И в Лицемерьи обвиненья.
Кто жизнь нечестную ведёт, —
Тот с ними об руку идёт.
Меня те двое и родили:
Зачали и вдвоём вскормили. —
— Я вижу, дьявола они
На белый свет произвели! —
Сказал Амур. — Но всё ж, пора
Тебе перед лицом двора
Всё выложить начистоту;
И если вдруг за правду ту
Тебе придётся пострадать, —

Не бойся: пострадавших — рать.
Ты не последний и не первый,
И должен как служитель верный
Открыть нам тайны о себе,
Своих делах, своём житье. —
— Коль Ваша воля такова,
Я воспротивлюсь ей едва.
Пусть оборвётся жизнь моя, —
Всё расскажу вам, не тая!
И вот Личина без прикрас
Повёл им о себе рассказ:
— Друзья, кто хочет знать Личину, —
По всякому пусть ищет чину.
Он любит жить в мирских домах,
Равно как и в монастырях:
Его жилище всюду есть,
Лишь меньше там, а больше здесь!
Ему везде укрыться можно,
В монастырях — вдвойне надёжно:
Там ограничена среда,
Да и одежда там проста.
В миру двуличных узнают,
А средь монахов — не найдут.
Не спорю я, что есть монахи,
Что жизнь проводят в Божьем страхе.
Но я с такими не вожусь,
И вряд ли я им пригожусь.
Одежды их надеть могу я,
Но буду в них я жить, тоскуя.
С трудом я эту роль стерплю —
Менять привычек не люблю,
Хоть мне никто не запретит
Принять какой угодно вид.
Я только с гордыми общаюсь
И, как им нужно, превращаюсь;
Охотно с хитрыми дружу,

Забаву в этом нахожу.
Иду я к тем, кто говорят,
Что величайшее творят,
Стремятся к почестям везде
И любят изыски в еде.
В доходах ищут превосходства,
Влиятельных людей знакомства;
Они под видом бедняков
Всё ищут повкусней кусков
И дорогие вина пьют —
Лишь в удовольствиях живут!
Учить вас жизни бедной будут,
А сами всё себе добудут.
Чтоб больше им разбогатеть,
Уду пускают в ход и сеть.
Чтоб помыслы дурные скрыть, —
Они всем станут говорить,
Что тот, кто в рясу облачился,
В монаха разом превратился.
Но этот ложный аргумент
Не стоит ломаных монет:
Монаха делает не платье!
Когда ж монашеская братья
Греховные дела творит,
То диалектик промолчит.
В какие б я ни шёл края, —
Одна задача у меня:
Всех ложным видом обмануть
И болтовней своей надуть.
Как кот Тибер[146] мышей всех ловит, —
Личина всем обман готовит.
В одеждах разных я хожу,
Компаньи разные вожу,
И по вещам не догадаться,
Где буду ловко я скрываться.
Но как узнать, где прячусь я,

Коль речь не выдаёт меня? —
Людей судите по делам,
Своим вы верьте лишь глазам:
Живу я с теми, кто творит
Не то, что людям говорит.
Хоть не откроет вам наряд,
Что это — лжец и супостат,
Будь то священник, мирянин,
Слуга простой иль дворянин,
Хоть женщина, а хоть мужчина, —
Живу с людьми любого чина!
Амур Личины речь прервал —
С недоумением сказал:
— Ты что, бесстыдник, говоришь?
Кого в святые ты рядишь?
Возможно ль в светский дом войти
И в нём религию найти?!
— Да, сир. И в платье мы цветном
Религию порой найдём.
За модой века кто спешит, —
Не обязательно грешит.
Нельзя сказать, что жизнь мирская
У всех такая уж плохая,
Что всем погибнуть суждено,
К спасенью шанса не дано.
Святые, что средь мира жили,
Канонизированы были:
Они такую жизнь вели,
Что Славу Божью обрели.
И средь святых немало женщин,
Чей образ славою увенчан,
Хотя их жизнь в миру прошла,
Кончина к ним в миру пришла,
Да и ни в чём одежды их
Не отличались от мирских.
У женщин тех порою в свете,

Как у других, рождались дети.
Сто десять сотен Дев Святых
Ведь были тоже из мирских:
Пред Господом чисты они,
И Церковь празднует их дни:
Как мучениц их почитают,
Молитвы ныне им читают.
Ведь мысль у тех людей чиста,
В чьём сердце только чистота.
А платие — не очищает
И никого не улучшает,
И веры истинной сыны
Лишь по поступкам нам видны.
Когда бы волка Изенгрина
Прикрыли шерстию Белина, —
Бараном вряд ли волк бы стал,
Овец бы есть не перестал.
Они б его не узнавали
И от него б не убегали. —
Так он овец бы обманул,
Когда б их шкуру натянул.
И средь апостолов мы новых
Найдём волков, ему подобных!
Ты, Церковь, ныне не прочна,
Недугом ты поражена:
Хотят тебя враги занять
И у тебя всю власть отнять,
И тем опаснее они,
Что все — причастники твои.
Захватят власть они в два счёта
Без знамени, без камнемёта.
[На низости они идут,
Игру с тобой они ведут.]
Зачем врагов ты терпишь тех? —
Их в чёрном деле ждёт успех. —
Дверь перед ними открываешь,

Им надругаться позволяешь...
Чтоб к власти их не допустить, —
Должна ты дань им заплатить
И сделать вид, что примирилась,
С их поведением смирилась.
И ночью, и средь бела дня
Они сгубить хотят тебя:
Со всех сторон уж окружили,
Взрывчаткой стены обложили.
Коль хочешь видеть урожай, —
Другие ветви прививай!
Коль в тягость я вам становлюсь,
На этом я остановлюсь.
И перейду к другим вещам,
Чтоб и о них послушать вам.
Могу ведь я вам помогать
Друзей по службе продвигать:
Я их в компанию приму,
На крыльях счастья подниму.
Когда ж они меня отвергнут, —
Кончины скорой не избегнут.
Порой ведь надо, чтоб прожить,
И Воздержанью послужить!
Не буду спорить: я — предатель.
Таким признал меня Создатель.
Но трудно людям угадать,
В чём мне угодно их предать.
Не одного я погубил,
Но никому не виден был;
И погублю не одного,
Кто не заметит ничего.
Протей,[147] умевший превращаться,
Не смог со мною бы сравняться
В тончайших хитростях моих,
Как я употребляю их!
Со мною вместе хоть бывают, —

Об этом не подозревают;
Хоть людям речь слышна моя, —
Им не узнать, что это я.
Ведь если на меня глядят, —
В упор увидеть не хотят:
Настолько ловко я меняюсь,
Так часто переодеваюсь.
Юнцом бываю, стариком;
Любым владею языком;
Могу я рыцарем предстать,
Священником могу я стать:
Каноником[148] или прелатом,[149]
Простым монахом иль аббатом.
Во всех живу монастырях,
В любых встречаюсь орденах.
Могу быть девушкой и дамой:
Совсем простой и важной самой.
Могу я аббатисой быть,
Могу в послушницах ходить.
(Ведь я подруге угождаю,
Коль дамы платье надеваю!)
Но мне религии зерно
Ничуть, поверьте, не важно.
Беру я только то, что внешне:
Наряд монашеский, конечно.
И мастер я, и ученик,
Владелец замка и лесник;
Любых профессий я знаток,
Я даже быть учёным мог!
Зовусь Робэр я иль Робэн,
И не боюсь я перемен.
В различных я брожу местах,
Во всех бываю городах.
О чём ещё мне говорить?
Могу любого обхитрить.
Одно я — вслух произношу,

Другое я произвожу[150]...
Личина, было, замолчал,
Хотя Амур и не скучал
От долгого его рассказа,
И просит он Личину сразу,
Чтоб позабавить остальных,
Сказать о подлостях своих:
— Как: ты предательством живёшь,
И нет стыда в тебе на грош,
Чтоб нам рассказывать об этом???
Мы видим здесь тебя одетым
В монаха: может, ты не лжёшь? —
Ты ж на отшельника похож!
— Ведь я умею лицемерить.
— Но ты же заставляешь верить,
Что Воздержанье нужно всем!
— Сам — не воздержан я совсем.
Всегда я вина испиваю
И брюхо плотно набиваю,
Как подобает всем попам.
— Ты ж бедность проповедал нам!
— Но только ту, что средь достатка.
Я — не из бедного десятка.
Душой я в этом не кривлю,
И мне приятней королю
Визиты было б наносить,
Чем в гости к бедным заходить,
Хоть даже к лучшим в целом свете:
Мне неприятны люди эти!
Я вижу, как они дрожат,
Голодные без сил лежат.
Мне не до них, скажу вам честно, —
Им только в богадельне место.
Я утешать не стану их:
Что мне с карманов их пустых?
На них смотреть мне даже тяжко —

У них от рыбы лишь костяшка!
Что может мне бродяга дать,
Кто ножик свой привык лизать?
А то ли дело ростовщик!
К нему я прибежал бы вмиг.
Когда б он только заболел, —
Мне денег бы не пожалел.
Я стал его бы утешать,
Его желаньям потакать:
Ему я помощь окажу
И до могилы поддержу.
Я замечанья получаю,
Что бедноты не замечаю.
В ответ же объясняю я,
В чём философия моя:
Богатому совет нужней,
Ведь нищих он куда грешней!
Однако, в нищете убогой
Душа страдает так же много:
Душа любого бедняка
Несчастна, как и толстяка.
Богатство могут с Нищетой
Расправиться с душой любой:
[Не долго думая, убьют
Иль постепенно изведут.]
Все благодетели, однако,
Лежат лишь в области достатка:
Лишь в середине золотой
Промеж Богатства с Нищетой.
А в крайностях душа слабеет,
Справляться с ними не умеет. —
Так рассуждает Соломон,
И в *Книге Притчей* пишет он:
[151]“Мой Бог, прошу меня сберечь,
На два несчастья не обречь:
На нищету и на богатство, —

Их понял Соломон коварство! —
Богач безумным может быть
И имя Божье позабыть:
Он от богатств своих хмелеет
И ничего не разумеет.
А обеднев, могу я пасть, —
Начну и предавать и красть.
А тот, кто жизнь ведёт такую,
О Боге забывает всуе”.
Иль Бог солгал. — Я ж передал,
Что Соломон нам в *Притчах* дал.
Известно мне наверняка,[152]
Что ни один рассказ пока,
Который пишет о Христе,
Кто на Земле жил в нищете,
По крайней мере, наш закон, —
Не говорит о том, что Он
На пропитание просил,
Когда среди людей ходил.
Как нас теологи учили
(О том в Париже говорили),
На хлеб просить Он не желал
И помощи ничьей не ждал,
Но хлеб всегда с учениками
Своими добывал руками.
Хотя могли они просить,
Чтоб помогли им люди жить.
Они немало ведь трудились:
Читали проповедь, молились.
Им Бог велел глагол нести,
Чтоб души грешные спасти.
Когда ж Христос с Земли ушёл, —
Никто на паперть не пошёл:
Руками стали вновь трудиться,
Работой собственной кормиться.
Дворцов не строили они,

В труде все проводили дни,
В домах убогих ночью спали,
Излишки — бедным отдавали.
Кто хочет Господу служить, —
Трудиться должен, чтобы жить.
Здоровый, чтобы заработать, —
Руками должен поработать.
Кто не имеет прочих средств, —
Тот зарабатывая ест,
Пусть он религии служитель
И Слова Божия хранитель.
Об исключеньях я скажу,
Их случаи вам покажу.
Кто ж к совершенству держит путь,
Работает руками пусть:
Святого ради устремленья,
Всё следует раздать именье.
А тот, кто любит стол чужой, —
Лентяй, скорей всего, большой,
Ведь силы он свои не тратит,
Лишь баснями за пищу платит.
Нельзя оправдываться тем,
Что лишь молиться надо всем.
Поскольку нужно есть и спать, —
Молитвы можно прекращать:
Не можем столько мы молиться,
Чтоб нам от прочих нужд забыться.
Молитвы нужно прерывать,
Чтоб хлеб насущный добывать:
Их для работы оставляют,
Как и Писанья утверждают.
Трудоспособный человек
Работать должен весь свой век.
Когда здоровье без изъяна,
То, по словам Юстиниана[153],
Хлеб нужно добывать трудом.

Нельзя его просить притом.
А праздных нужно наказать —
Нельзя их в общество принять!
Кто подаянием живёт,
Свой долг не выполняет тот.
Когда трудиться должно равно
Сословью каждому исправно, —
То прав на милостыню нет,
Чужих нельзя просить монет.
И честным образом едва
Добыть возможно те права:
Чтоб получить их как-нибудь,
Всё ж, принца надо обмануть.
Иль вовсе нету прав таких,
А просто выдумали их!
Я этим не хочу сказать,
Что принц не волен их давать.
Когда он сделать это может, —
Пожалуй, не скажу я тоже.
Но, по закону, кормят тех,
Кто в обществе беднее всех:
Кто болен, стар или несчастен
И сам добыть свой хлеб не властен.
А кто у бедных хлеб крадёт, —
Тот наказанье понесёт,
Когда нам правду говорил
Тот, Кто Адама сотворил.
Когда Господь велит продать
Иль щедро беднякам отдать
Всё то, чем люди обладают, —
То этим Он не призывает
К тому, чтоб трутнями им стать,
Работать вовсе перестать:
Он говорит, что делать им,
Чтоб следовать могли за Ним,
Желая, чтоб все щедры были

И к делу руки приложили.
И Павел запрещал святой[154]
Ходить с протянутой рукой:
Велел апостолам трудиться,
Чтоб нужным всем обзаводиться.
“Нельзя нам жить за счёт других”, —
Сказал он, наставляя их.
О хлебе честном он радел,
Просить подачки не хотел
У тех, кто проповедь их слушал.
И сам запрет свой не нарушил:
Евангелья не продавал
И денег ни с кого не брал.
Желал кормиться лишь работой,
А не других людей заботой.
Он опасался, что прося,
Возьмут они, что брать нельзя:
Ведь люди многое дадут,
Коль их мольбами допекут;
Иль стыд их на дары толкает —
Отказывать не позволяет.
А тот, кто землю в дар берёт, —
У них и титул отберёт!
— Тот кто за Господом идти
Решит по тесному пути —
Захочет только лишь молиться, —
Скажи, он сможет прокормиться?
Когда он всё добро продаст
Иль нищим Божиим отдаст, —
Возможно ль жить ему тогда
Одной молитвой, без труда? —
— Пусть он живёт по книге[155] той,
Что дал нам Августин святой[156]:
Ему в любом монастыре
Нужды не будет в серебре.
Есть у аббатств свои владенья,

Что хлеб дают им для моленья.
Чтоб, нищенствуя, не бродить, —
Среди монахов можно жить.
Средь белой или чёрной братьи
При храме иль больнице. Кстати
Живут монахи и трудом:
Работа, — и мольба потом.
Поскольку спорили немало
О том, кому просить пристало,
Что можно нищенством считать,
Кому нам милостыню дать, —
То я вам вкратце расскажу
И все примеры покажу,
Как люди хлеб свой добывают,
Когда ничем не обладают.
В моих речах тут правда вся:
Добавить слова к ней нельзя.
[Злодеи могут тут судачить,
А я бы — посчитал удачей,
Когда бы мог подслушать их
Суждения в вопросах сих.
Но вновь хочу я повторить,
Что истину во тьме не скрыть!]
В особых случая лишь можно
Просить на хлеб. Их все возможно
Здесь перечислить. Кто умом
Настолько слаб, что ремеслом
Не может овладеть совсем,
Не заработает ничем,
Без помощи не проживёт, —
За милостыней пусть идёт,
Пока не сможет делать что-то,
Чтоб обеспечила работа.
Кто стар, и кто ещё дитя,
Кому иначе жить нельзя,
Кто по здоровию худому

Не годен к делу никакому, —
Тем остаётся лишь просить,
Чтоб как-то можно было жить.
Кого в достатке воспитали,
В семье зажиточной питали, —
Тем надо помощь оказать,
Нельзя их в нищете бросать.
Должны мы облегчить их муку,
Стерпеть протянутую руку!
И кто работой мог бы жить,
Готов к ней силы приложить,
Употребить талант желает,
Но где работы взять, — не знает, —
Тот может по миру пойти,
Чтоб денег у людей найти.
И кто работать честно стал,
Но заработок слишком мал, —
Тот может к людям обратиться
И милостынею кормиться.
А также тот, кто рвётся в бой,
Считая подвиги судьбой;
Кто многое постичь желает
И грамотой овладевает,
Чтоб словом веру защитить,
Хотя пришлось и бедно жить, —
Те могут милостыню брать,
Чтоб сумму нужную собрать,
Пока не будут в состояньи
Добыть и сами пропитанье
Не умственным трудом своим,
А именно трудом ручным.
Так, в этих случаях конкретных,
Когда лишь речь идёт о бедных,
И в случаях, подобных им,
Просить мы деньги разрешим.
И если что-то мы забыли, —

Другие вспомните вы были,
Когда с той целью, чтоб прожить,
Не возбранялось бы просить.
Об этом вёл де Сент-Амор
С теологами разговор:
К таким он выводам пришёл
И одобрение нашёл
Как в стенах Университета,
Так и у всех, кто слышал это.
А тот, кто слов не примет сих,
Будь он из честных и прямых, —
Виновен перед Богом будет.
И пусть народ меня осудит,
Всю правду вам я расскажу —
Де Сент-Амора поддержу.
В темницу пусть меня закроют,
Как Павла, иль совсем прогонят
Из Франции. Де Сент-Амор
Сам испытал сей приговор:
Его изгнала Лицемерье
Из зависти и недоверья.
Возненавидев глубоко,
Послала очень далеко! —
Так мать моя Гийому мстила
За то, что правду защитил он.
Ведь много зла принёс он ей
Работой новою своей:[157]
Подробно описал он в книге
Всю жизнь её и все интриги.
Меня хотел он изменить
И побираться отучить:
Мне говорил, чтоб я трудился,
Когда в нужде я находился.
Работа ж для меня скучна
И мне для жизни не нужна.
Каким же глупым надо быть,

Чтоб труд какой-нибудь любить!
Уж лучше буду я ханжою:
Церковным платьем ложь прикрою...
— Ты что нам, дьявол, наболтал, —
Бояться Бога перестал?
В тебе предателя я вижу,
Когда твои я речи слышу.
— Зачем бояться Бога мне?
Я проживу и так вполне.
А кто бояться будет Бога,
Тот не успеет в жизни много.
Кто Богу тщится послужить
И честною работой жить, —
Тот жизни сытой не находит,
Концы с концами еле сводит.
Взгляните ж на ростовщиков:
Запас их денег не таков!
Подделыватели, бальи,
Менялы, мэры, судии
Живут на свете грабежом,
Деньгами полнится их дом.
Народ им в ноги упадает,
Они же — деньги вымогают.
У бедных всё отнять хотят
И, словно волки, их едят.
Хотят на их труде нажиться,
Чужой добычей поживиться,
Всё вытряхнуть из бедняков,
Сильнейший грабит слабаков.
Но обману ловчее я:
Ведь платье просто у меня.
Стащу у тех и у других
И проведу всех разом их.
Могу я ложью, клеветой
Запас создать себе такой,
Какой украден быть не может:

Дворцы на средства эти сложат!
Привык я блага жизни пить:
Досуг в компаньи проводить,
Вкушать постели наслажденья,
Изысканные угощенья.
Коплю я деньги в сундуках,
И не грозит мне в жизни крах;
Добычей денег озабочен,
Обогащаюсь ловко очень:
Под дудку пляшут все мою,
Я ж — удовольствие ловлю.
Я ложью деньги вымогаю —
И так все средства добываю.
И пусть грозят меня избить, —
Другим я не желаю быть.
Я буду нос совать повсюду,
На исповедях грабить буду.
Мне исповедовать милей
Баронов, принцев, королей,
Иль императора, иль дюка,
А с бедными — мне только скука!
И я на них махнул рукой:
Не нужен мне клиент такой.
Ни благородства нет у бедных,
Ни красоты в их лицах бледных.
Но всякой из придворных дам
Охотно я совет мой дам:
Императрице, герцогине,
И королеве, и графине,
Жене богатого судьи
Иль знаменитого бальи,
Послушнице иль аббатисе. —
Любой богатой даме в ризе.
Любую я из них приму
И все их тяготы пойму,
Красивых обслужу всех прежде,

Хоть без одежды, хоть в одежде.
Чтоб тайны мне несли судьбы, —
Внушаю, что кюре глупы.
Разговорить я дам пытаюсь —
Спасенья ради их стараюсь.
Затем к дружкам своим иду
И обо всех отчёт веду,
И мне они в ответ на это
Другие продают секреты. —
Ведь негодяи есть средь них,
Да и немало таковых!
Чтоб их скорей разоблачить,
Писанье можем мы открыть.
Святой Матфей-евангелист
В Завете Новом говорит:
[158]“Учеников Иисус учил
И речь к народу обратил.
“На месте бывшем Моисея
Воссели ныне фарисеи
И книжники. — Святой Завет
Их лицемерами зовет.
Вы лишь слова их соблюдайте,
Но как они — не поступайте.
Они красиво говорят,
Но поступать так не хотят.
На плечи людям груз возложат,
При этом сами руки сложат:
Не двинут даже и перстом,
Чтоб людям быть примером в том.
Себе страданий не желают,
Страдать других лишь заставляют.
Лишь на виду добро творят
И любят пышный свой наряд,
На пиршествах предвозлежанья
И в синагогах председанья;
Чтоб их приветствовал народ,

Везде оказывал почёт;
И, как предатели, стремятся
“Учителями” называться;
Но ими зваться не должны,
В неверности обличены”.
Кто всячески воюет с нами,
С тем разбираемся мы сами:
Договорившись меж собой,
Мы на него идём войной.
Кто неприятен одному, —
Все вместе навредим тому,
Его мы будем унижать,
Со всех сторон уничтожать.
Коль он обогатиться может,
Наш брат конец тому положит:
Узнаем всех, кто в деле с ним
И перед ними очерним.
Все звенья мы в цепи разрушим
И планы мы его нарушим.
Друзей не сможет он найти,
Чтоб новый дом приобрести,
Фиеф,[159] пребенду[160] иль продукт:
Всё наши люди украдут.
Он все знакомства растеряет,
А почему, — не понимает.
Коль это дать ему понять, —
То мы ведь можем пострадать,
А он уж будет осторожен
И навредить ему не сможем.
Привычки наши таковы,
Что держимся все вместе мы:
Коль кто из нас помог кому-то, —
Мы в ту же самую минуту
Припишем дружно все себе
Благую роль в чужой судьбе.
А чтобы всюду нас хвалили,

Настойчивы мы в письмах были:
Богатым слали всякий час
Благие отзывы о нас.
Так, всюду в мире нас узнали,
За благодетелей признали.
Хоть с виду мы всегда бедны, —
На деле — всё имеем мы.
Всем жалуемся, не робея,
И всё имеем, не имея!
Посредник в разных я делах:
В торговле, свадьбах и судах,
Доверенности получаю
И завещанья исполняю.
Послания я разношу,
Расследованья провожу:
Дела людей мне интересны,
И все пути мои нечестны.
Люблю заданья выполнять,
Лишь стоит вам меня нанять!
Коль уважаете меня, —
Для вас стараться буду я:
Для близких, для моих друзей
Я потружусь с душою всей.
Кто ж мною злоупотребляет, —
Моё участие теряет.
Кто вздумает меня бранить, —
Того не стану я любить:
Люблю я осуждать других,
А не упрёки слушать их.
В глуши я жить бы не пошёл,
Из леса я давно ушёл.
Пустыни тоже я оставил —
Крестителю их предоставил.
Пусть там Иоанн святой живёт,
А я всегда стремлюсь в народ.
Я больше не живу в скитах:

Дворцы я строю в городах
И в замках посещаю залы,
Что для толпы не будут малы.
Ведь жизнь я светскую веду,
Всегда везде я на виду;
Всем говорю, что не мирской я,
Но нет вне мира мне покоя.
Мне хорошо в мирской среде,
Как рыбе хорошо в воде.
[Как сладко мне в миру купаться:
Нырять, поглубже окунаться!]
Ведь я Антихриста лакей,
Его лакеи — всех хитрей.
О них в Писаньи говорится,
Что, святостью стремясь прикрыться,
В душе они все хитрецы.
Снаружи мы смирней овцы,
Внутри же мы — как волки, — воры,
И будем жить повсюду скоро.
На море мы и на земле
Людей принудим всех к войне.
Хотим закон свой насадить
И жизнь по-своему пустить.
Мы отыграемся на тех,
Кто не доставит нам утех:
Коль нас не ублажат пройдохи,
Увы, — дела их будут плохи!
Когда нам попадётся вор,
Прево, меняла, сутенёр,
Иль смелый чересчур священник —
Сожительства мирского пленник,
Официал,[161] иль спекулянт,
Преступник, из борделя франт, —
Когда они не защитятся,
А наши все не наедятся:
Коль нам лососей не дадут

И пирогов не напекут,
Когда не принесут нам вдруг
Миног, иль угрей, или щук,
Которых продают на рынке,
Иль сыра вкусного в корзинке;
Коль фруктами не угостят,
Нам птиц достать не захотят —
От каплунов мы просто млеем,
Была бы птица пожирнее, —
Когда жаркого нет у них,
Хотя бы из телес свиных;
Когда косуль нам не поставят
И нас без кроликов оставят, —
Клянусь святыми, — им висеть
Иль на костре живьём гореть!
Их крики будут слышать все
Вокруг не меньше, чем на лье[162];
Иль в башне запереть их можем:
Пусть мы поступим даже строже,
Чем с ними надо поступить!
Свои проступки искупить
Помочь им может лишь смекалка,
Коль денег им для нас не жалко.
Когда один из них поймёт,
Что волю откуп лишь даёт,
Построит гору из камней
Иль деревяшек, а на ней
Свои богатства соберёт
И в лагерь наш метать начнёт:
Зарядит камнемёт мешками,
А те мешки набьёт деньгами
Иль станет бочки нам кидать,
Вина чтоб лучшего подать, —
То вскоре мы его простим.
Но если с откупом таким
Какая-то возникнет сложность, —

Другую ищет пусть возможность
Свои дары нам принести,
Симпатьи наши обрести.
Не надо доводов нам лживых,
Ни общих фраз, ни слов красивых.
Не будем мы к тому добры,
Кто нам не принесёт дары:
Мы на огне его спалим
Иль штраф такой ему вменим,
Что выйдет это искупленье
Ему дороже подношенья!
Лжеца по платью не понять, —
Его поступки надо знать,
Чтоб от обмана уберечься,
Его словами не увлечься.
Когда б не Университет,
Что христианства дух блюдет,
То нас пятьдесят пятый год[163]
Вовлёк в дурной бы переплёт:
Евангелие[164] написали,
Что *Вечным* авторы назвали.
И подписали “Дух Святой”
На дьявольской работе той. —
Она сожженья лишь достойна.
Её копировали вольно,
У Нотр-Дам[165] все, кто хотел,
И всяк желающий смотрел.
Чудовищно сравненье в ней:
Как Солнце жарче и светлей
Луны, как скорлупа ореха
Ядра крупней — мне не до смеха —
Так книга превосходит та
Евангелие от Христа:
Все те Евангелья четыре,
Что всем известны в целом мире!
Проснулся Университет,

Что был волненьями задет
По поводу сей книги новой
И суд готовил ей суровый.
Лишь начали её читать, —
Решили судьям передать
Ужасное творенье это.
Но, не умея дать ответа
На возраженья тех людей,
Что к делу привлекли судей,
Не выдумав обоснованья
Сего лукавого писанья,
Явились авторы тотчас
Её убрать скорее с глаз.
Не знаю я, что с книгой стало,
Кому она принадлежала. —
Придётся им повременить,
Чтоб труд суметь свой защитить.
Так, мы Антихриста дождёмся,
Все, как один, к нему прибьёмся.
А те, кто с нами не пойдут,
Пусть жизнь за это отдадут:
Посредством хитростей своих
Людей настроим против них,
Смерть от меча им уготовим
Иль по-другому их угробим.
Та книга символов полна,
И вот что говорит она:
Коль Пётр сеньором будет нам,
Не явит силы Иоанн.
Герои эти символичны:
Речь не о них ведётся лично.
Означен Папа под Петром
И клирики[166] в названьи том,
Кто соблюдёт закон Христов
И защитить его готов;
Кто Слово Божье сохранит

От всех, кто зло Ему чинит.
А Иоанн здесь означает
Того, кто проповедь читает
О том, что новый есть закон:
В *Евангелии Вечном* он,
Что Дух Святой нам ниспослал
Где верный путь всем указал.
В той книге Иоанна сила —
Есть та, что к Богу б обратила
Несчастных грешников-людей
По новой проповеди сей.
Есть и другие там доктрины,
Противные Закону Рима.
В них так же чувствуется бес, —
Антихрист — автор тех словес!
Распространяют их сектанты,
Чтоб взять петровых в арестанты
И их в конце концов убить;
Но не сумеют истребить
Закон Петра сектанты эти:
Всё ж, будет он на белом свете,
Пока хоть несколько людей
На стороне пребудут сей.
Они столь будут постоянны,
Что ересь в имени Иоанна
Всю уничтожат, и народ
К Закону Римскому придёт.
Хоть тему можно развивать
И здесь рассказ не прерывать, —
Я всё-таки её оставлю
И только лишь одно добавлю.
Коль приняли бы книгу ту,
Поднялся б я на высоту:
Друзья всегда мне помогают,
Меня повыше поднимают.
Отец мой и сеньор, Обман, —

Владыка всех земель и стран,
А мать — владычица вселенной.
В любом краю всенепременно
Наш знаменитый правит род,
Ведь привлекаем мы народ.
У всех симпатьи мы находим
И потому на трон восходим.
Обманом ловким мы живём, —
Никто не ведает о том.
На тех по праву Бог гневится,
Кто не Его, а нас боится.
Как плохо Богу служит тот,
Кто нашу ложь распознаёт,
А испытанья не выносит —
На симулянтов не доносит,
От Ока Божия бежит —
Подальше спрятаться спешит.
Хоть и накажет Бог его, —
Мне дела мало до того.
Мне этот человек не нужен:
В народе мы почёт заслужим,
И слава добрая о нас
На критику нам право даст, —
Тогда мы сможем постоянно
Критиковать всех невозбранно.
Хотя мы будем всех бранить, —
Нас не посмеют осудить.
И как не кланяться пред нами,
Когда столь славны мы делами?!
Мы молимся перед толпой,
Меняясь за её спиной.
Мы рыцарей не уважаем,
Главы пред ними не склоняем,
И разодетую мы знать
Никак не можем уважать
(Тех, кто на деле таковы,

Какими видите их вы, —
Кто не пустое говорит,
А слово — в дело претворит).
Мы не окажем уваженья
Тем, кто не вводит в заблужденье;
Мы можем только тех любить,
Кто хочет лицемером быть:
Священников мы любим бледных
В одеждах серых неприметных,
Чей капюшон большой отвис,
А голенища[167] собрались.
Пусть башмаки их широки,
Как у охотников мешки,
И платье тоже неопрятно,
На нём повсюду грязи пятна, —
Таким в любые времена —
Неважно, мир или война —
Должны все принцы доверять,
Свои владения вверять.
И если важные сеньоры
На разные уловки скоры,
Себе захватывают власть,
Чтоб благами упиться всласть, —
Я в их засяду голове
И буду жульничать в игре,
Чтоб обмануть вассалов честных,
Служеньем доблестным известных!
Я этим не хочу сказать,
Что бедных буду отвергать:
Ведь по причине бедных платьев
Нельзя презреть смиренных братьев.
Но если кто монахом стал,
А мир ценить не перестал,
И если, мир покинув грешный,
Он вновь стремится к жизни прежней,
В мир погружается опять,

Чтоб славою мирской блистать, —
Ему, без всякого сомненья,
Должны все выразить презренье.
Кто постриг сам решил принять,
О мире чтоб не вспоминать,
И после — вдруг меняет лица
И к удовольствиям стремится, —
Как жадный пёс, себя ведёт,
Кто собственную рвоту жрёт.
Всю правду вам я открываю,
Солгать нисколько не дерзаю.
Я б наболтал вам чепухи —
Не счёл бы это за грехи,
Но вижу, номер не пройдёт:
Вы — проницательный народ.
Опасно в сети вас ловить —
Придётся честным с вами быть!
Амур на это улыбнулся,
Столь дерзкой речи усмехнулся,
И вслух дивиться стали все:
“Ему доверимся вполне,
Слуга он верный будет нам.”
Амур тогда взял слово сам:
— Тебя включил в мою я свиту,
Так нашу убеди элиту,
Что, став бесстыжих королём,
Ты в слове будешь твёрд своём.
— Я быть вам верным обещаю:
Вассалов лучших я не знаю;
И Ваш отец таких не знал,
И дед бы тщетно вспоминал.
— Тебе ж не свойственно быть верным!
— Довольствуйтесь слугою скверным.
Чем засвидетельствую я,
Что клятва истинна моя?
Когда б оставил я залог

Иль подписью заверить мог
Всю данной клятвы процедуру, —
Нельзя мне верить. Волчья шкура,
Пока мы волка не убьём,
Всегда останется на нём;
Пусть он потрёпан иль побит, —
Натура волчья в нём сидит!
Господь да слышит речь мою:
Натуры я не изменю.
Не потому я вам не лгу,
Что стать хорошим я могу
Иль вид порядочный имею, —
Вредить подруге я не смею!
Она без помощи моей
Всегда становится слабей.
Коль друг её не одобряет, —
То Воздержанье умирает.
Мы вместе быть всегда хотим
И верность нашу подтвердим.
— Пусть будет так, — Амур сказал,
С него свидетельства не взял.
Упал Личина на колени,
Воздал ему благодаренье.
Хоть кожа у него бела, —
Душа его черным-черна!
Теперь идти осталось к замку,
И закричал Амур: “В атаку!”
И все договорились впредь:
Иль замок взять, иль умереть.
Своё оружие схватив,
В атаку силы устремив,
На батальоны разделившись
И воевать на смерть решившись,
Войска с задором боевым
Направились к сторожевым.
И вот уж замок окружён:

В воротах с четырёх сторон
Войска с оружием стоят,
Но и привратники не спят:
Вступить уже готовы в драку
И смело отразить атаку.
Так, Воздержание с дружком
Со Злым столкнулись Языком.
Личина уж переодет,
С подругой держит он совет:
Пойдут открыто ль на врага
Иль нападут исподтишка?
Они решили измениться:
Паломниками притвориться
И набожный состроить вид,
Как цель похода их велит.
И Воздержание тотчас
Исполнить замысел взялась:
В монахиню преобразившись,
Во власяницу облачившись,
Псалтирь с собою захватив,
Большие чётки не забыв,
Что на верёвке были белой,
Убор монашеский надела
И посох старый свой взяла,
Что у Обмана забрала:
Он весь потёрся от дорог,
И шарф немало знал тревог.
Она те чётки — не купила,
А в дар когда-то получила
От друга, что «отцом» звала,
И у кого не раз была.
Он тоже у неё бывал, —
Ей проповедь свою певал.
Любил её он исповедать,
Её компанию отведать.
Две головы — один колпак, —

Вот были они дружны как!
Она была изящна телом,
Ну, а лицом бескровным, белым
Напомнила бы вам не зря
Апокалипсиса[168] коня:
Он страшной бледностью своей
Символизирует людей
Испорченных и лицемерных,
И оттого — смертельно бледных.
И Воздержание бледна, —
Всерьёз как будто бы больна!
А на лице у Воздержанья
В грехах читалось покаянье.
Теперь, надев наряд такой,
Они идти готовы в бой.
Личина тоже изменился. —
В Сигера[169], будто, превратился:
Монашеский надел наряд
И жалобный состроил взгляд.
Он гордым больше не казался,
А тихим сразу оказался.
Прихрамывая он идёт,
На шее Библию несёт:
Костыль фальшивый раздобыл, —
Как будто бы калекой был.
Но не страшна Личине битва, —
В руке его стальная бритва.
Её он спрятал в рукаве, —
Опасно это лезвие:
Ведь выковал её кузнец
В опасном месте “Горло-рез”!
Вот, к крепости они идут,
А стражи — их как будто ждут.
И у ворот уж Злой Язык
Глядит, чтоб враг к ним не проник.
Сидит и смотрит на прохожих:

Нет на врагов средь них похожих?
Тут видит пилигримов он,
Что дружно шлют ему поклон.
Так скромны с виду эти люди,
Что он бояться их не будет:
Когда и ближе подойдут, —
Они его не отпугнут.
Давно он знает лица эти,
Не ждёт подвоха в их привете.
Вот Воздержанье подошла, —
Она притворщицей была.
Её давно уже он знал,
Причём фальшивой не считал.
[А думал он, что дама та
Была естественной всегда.]
Но, всё ж, была она притворной,
Став даже дамою придворной!
Да и Личину он узнал,
Но фальши в нём — не распознал
И никогда б не догадался,
Кто в этом облике скрывался:
Свою тот суть не выдавал,
А тщательно маскировал.
Когда б его вы знали прежде,
Чем в той увидели одежде, —
Увидели бы в нём юнца
Весёлого, — не чернеца[170]!
Готовы были б клясться небом,
Что он монахом вовсе не был,
А был танцором, например,
Красивый этот кавалер.
Но чаще чернецы честны
И в помыслах своих чисты;
Когда б они плуты все были, —
Порядка б не установили:
И Кармелиты[171] не плуты,

И Францисканцы[172] все просты.
Хотя они порою тучны, —
С порядочностью неразлучны.
Но тут наивным быть нельзя,
И в этом с ними сложность вся:
По внешности нельзя судить,
В ней аргументы находить,
По выражению лица
Не обнаружить хитреца!
[Тут поджидает вас софизм,
Коль сей поймёте дуализм.]
Те двое, подойдя к нему,
На землю опустив суму,
Со стражником присели рядом,
И говорит он: “Очень рады
Мы видеть пилигримов здесь.
Какую принесли вы весть?
Как поживаете вы сами,
И отчего вы нынче с нами?”
— “Немало мы дорог прошли,
Вас исповедовать пришли, —
Сказала дама Воздержанье, —
Нам нужно Ваше покаянье.
К заблудшим людям мы идём,
Пример во всем им подаём
И проповеди им читаем —
Худую жизнь их улучшаем.
В пыли мы с ног до головы,
Пустите на ночлег нас Вы!
Не будем Вам надоедать, —
Совет же нужный можем дать.
Коль Вам угодно нас послушать, —
Мы можем Вашу жизнь улучшить.
Надолго Вас не отвлечём:
Лишь наставленье Вам прочтём!”
— “Мы не откажем вам в приюте.

Пройдите и как дома будьте,
И говорите всё, как есть, —
Уже я во вниманьи весь.”
Они его благодарят
И наставленье говорят.
Так Воздержанье начинает:
“Всем смертным людям подобает
Язык, во-первых, обуздать
И зря не дать ему болтать.
Бесспорно, эта добродетель
Важнее всех, что есть на свете:
Людей злым словом не клеймить,
Их не бранить и не чернить.
Уж лучше сохранить безмолвье,
Чем культивировать злословье!
А кто дурное говорит
Иль подтверждает, — зло творит:
И честь беречь он не умеет,
И страха Божья не имеет.
Вот в том и есть Ваш главный грех,
Что тяжелее прочих всех:
Оклеветали парня Вы,
Дав повод для дурной молвы.
Сюда он прежде приходил,
Не раз тут время проводил.
[Как Ваша велика вина! —
Причина многих бед она.]
Сказали Вы, что цель его, —
Обман Приёма самого
Прекрасного. Но Вы солгали
И парня навсегда прогнали,
Приём Прекрасный из-за Вас
Попал в неволю в тот же час,
Хотя он с Вами был всегда
И приходил играть сюда.
Играть не может больше он, —

Он Вами радости лишён.
Ведь кто с ним вместе веселился, —
По воле Вашей удалился.
От Вашей гнусной болтовни
Кругом несчастия одни:
Без повода всегда трещите —
Всех опорочить Вы хотите.
По виду судите лишь Вы,
И в том поистине грешны!
Обманчив часто внешний вид.
Кто ж за него людей бранит, —
Их заставляет по ошибке
Нести огромные убытки.
Ведь человек тот молодой
Не управляется враждой:
Когда б о зле он помышлял, —
Давно б уже Вам помешал!
Но злых он мыслей не имеет,
Мечты он чёрной не лелеет.
Вы посмотрели б на других, —
Здесь часто можно видеть их.
А он сюда совсем не ходит,
Порою мимо лишь проходит.
Вы ж всё торчите у ворот
И ждёте, что он подойдёт:
И целый день с копьём стоите,
И ночью, говорят, не спите.
Но силы тратите Вы зря,
Себя ведь мучить так нельзя!
И Ревность, что Вас наняла,
Такой упрямой не была!
Тем временем Приём Прекрасный
Стал жертвой Вашей лжи злосчастной:
Он без вины в тюрьму попал —
Заложником случайным стал.
Вас следует со стражи снять,

Коль так могли Вы оплошать,
Свободы тоже Вас лишить
И даже в цепи заключить.
Не совершите покаянья, —
В аду Вам быть за злодеянья!”
— “Как жаль, что я приветил вас!
Идите прочь Вы в сей же час! —
Кричит Язык, — Зачем пришли вы?
Все обвиненья ваши лживы.
Зачем мне слушать чепуху?
Я лично никогда не лгу.
Но вот ко мне два самозванца
Пришли без повода ругаться, —
За дурака сочли меня.
Так пусть к чертям отправлюсь я,
Коль правы будете вы в том,
Что преступленья нет на нём!
Ведь до того за десять дней,
Как замок заложили сей,
Мне кто-то про него сказал,
Что Розу он поцеловал. —
Не обманули же меня!
Ведь нету дыма без огня.
Зачем бы люди сочиняли,
Когда б наверняка не знали?!
Быть может, хуже сделал он? —
Так, я пущу об этом звон:
Скажу соседям и соседкам
Я о таком нахальстве редком.
Я правду говорить люблю
И всем об этом раструблю!..”
Ну, а Личина не сдаётся
И убеждать его берётся:
“Как часто глупость говорят! —
Нельзя же верить всем подряд.
К моим словам не будьте глухи:

Я докажу, что это слухи.
Не станете же спорить Вы,
Что все боятся злой молвы.
Но глупо спорить также с тем,
Что свойственно влюблённым всем
К своим возлюбленным ходить,
В их доме время проводить.
Как любит тот влюблённый Вас,
О ком мы речь ведём сейчас!
Он искренне Вас уважает,
При всех Вас другом называет,
Всегда улыбку Вам дарит
И комплименты говорит.
Он потому не часто здесь,
Что Вам не хочет надоесть:
Немало ведь у Вас гостей,
Кто посещает замок сей.
Когда б он в Розу был влюблён, —
К ней часто приходил бы он.
Его бы в замке Вы нашли
И не заметить не могли!
[Он к Розе бы душою рвался,
От встреч бы с ней не удержался.]
Но не влечёт его сей дом,
И ни Прекрасный в нём Приём.
Когда б нужна была им Роза, —
Не задержала б их угроза,
И вместе бы они тогда
Её сорвали без труда.
А парень Вас бы ненавидел,
Когда бы в Вас преграду видел:
Мечтал бы замок он снести
И Вас желал бы извести.
И, зная Ваш настрой враждебный,
Не стал привет бы слать хвалебный!
Ведь догадался бы и сам,

Что стал он неприятен Вам,
Коль Вы ворота сторожите,
Ему гулять здесь не велите.
Ему ж, как видно, всё равно,
Что здесь ходить запрещено.
Преследуя таких людей,
Должны Вы умереть, злодей:
Коль жизни Вы им не даёте, —
В ад непременно попадёте!”
Его Личина убедил
И окончательно смутил:
Так велико его смущенье,
Что он готов просить прощенья.
Ведь обстоятельства пока
Все против Злого Языка.
И он сказал: “О, Боже мой!
Раз вы согласны меж собой, —
А я ведь и Личину знаю,
И Воздержанье уважаю, —
Я признаю ошибку ту,
А также вашу правоту.
Но что вы мне велите делать?”
— “Покаяться имейте смелость!
Поскольку я священник сам, —
Грех отпустить могу я Вам.
Я исповедник величайший,
Да и учёный я редчайший.
Забочусь я вперёд о тех,
На чьей душе тяжёлый грех.
Я не обычный приходской
Священник, я — один такой:
Я настоятелей важней,
Их всех добрее и мудрей!
Я теологии учитель
И душ я грешных попечитель.
Меня элита всюду чтит,

Ко мне на исповедь спешит,
Ведь мне моё образованье
Принять позволит покаянье.
Коль Вы покаетесь сейчас,
Избавлю от греха и Вас!”
Тут Злой на исповедь решился
И на колени опустился.
И лишь нагнулся Злой Язык, —
Личина в следующий миг
За горло Злого ухватил,
Его руками удавил.
Язык его он отрезает
И в яму мертвеца толкает.
Никто не помешал тогда
Взломать им замка ворота.
Хоть были у ворот норманны, —
Все оказались в стельку пьяны.
Те двое, видя, что все спят,
Передушили всех солдат.
[Болтать солдаты прекратили:
За пьянство жизнью заплатили!]
[173]Тут Куртуазность подошла,
С собою Щедрость привела.
Все вчетвером они собрались, —
К Старухе-стражнице подкрались.
Был капюшон на ней надет,
Вуали ж у Старухи нет.
Она вкруг башни не спеша
Ходила, воздухом дыша.
Увидев четверых гостей,
Дурных не ждёт она вестей
И не боится нападенья, —
Нет в ней ни капли подозренья.
— Любезных вижу я людей!
Что в крепости хотите сей?
Вы с виду очень благородны, —

Скажите же: что вам угодно?
Прошу вас только не кричать.
Уж не меня ль пришли вы взять? —
— Не стоит, матушка, бояться:
Пришли мы с Вами повидаться.
Всерьёз мы можем Вам помочь,
Коль не погоните нас прочь.
Мы все Вам рады послужить, —
Услуги наши предложить.
И просьбы Ваши все уважим, —
Так, помогите людям нашим!
Приём Прекрасный выйдет пусть,
Иль Вы устройте как-нибудь,
Чтоб он имел возможность снова
Слугу увидеть молодого
Хотя б на несколько минут:
Друг друга вмиг они поймут,
Довольны встречей этой будут,
Услуги Вашей не забудут.
Ах, матушка! Могли бы Вы
Двоих избавить от беды!
Ведь не составит Вам труда
Приёма выпустить сюда,
А им от встречи будет польза.
Валет передает Вам кольца
И пряжку; в будущем он сам
Подарит ожерелье Вам.
[Он верным будет Вам слугой,
Как будто раб иль крепостной;
И с Вами он всегда пребудет.
Бранить же Вас никто не будет!]
Не будет с ним у Вас проблем:
Немногословен он совсем.
В нём сердце щедрое найдёте,
Помощника приобретёте.
[Ах, матушка, он так умён!

И Вам добра желает он.]
Так возвратите жизнь ему, —
Мы не расскажем никому.
Для Вас в том нет ни капли риска,
Никто Вам не предъявит иска.
Так сделайте же Вы добро!
Порадуйте ж Вы и того,
Кто ныне плачет под затвором,
Цветочным головным убором:
Валет его передаёт
И свой привет Приёму шлёт.
На то Старуха им сказала:
— Когда бы Ревность не узнала,
Что я вам буду помогать,
Не стала б на меня кричать, —
Исполнила б я просьбу вашу;
Но Злой Язык, поверьте, страшен!
А он дозорный у неё
И дело знает он своё:
Следит внимательно за нами,
Язык не держит за зубами.
[Что видит он, то и поёт, —
По свету всё он разнесёт!]
И если что придёт на ум, —
Своих не держит в тайне дум.
Когда для сплетен почвы нет, —
Он может выдумать сюжет.
Он Ревности меня заложит, —
Никто унять его не сможет.
А кто повесил бы его, —
Не осудила б я того!
— Об этом Вы не беспокойтесь
И Злого больше Вы не бойтесь.
Не сможет он подслушать нас,
На нас не смотрит зоркий глаз:
Злодей сегодня был убит —

В канаве, рот раскрыв, лежит!
Он больше сплетничать не будет:
Никто его уж не разбудит,
Коль сами черти не придут —
Ему лекарства не дадут!
Старуха тотчас им в ответ:
— Когда преграды больше нет, —
Я в просьбе вам не откажу,
Им повидаться разрешу.
Валету укажу дорогу:
Побудет в башне он немного,
И по сигналу тут же пусть
В обратный поспешает путь.
Пусть уговор сей не нарушит,
Ничем себя не обнаружит;
И громко пусть не говорит,
Не то беду он натворит:
Пусть долго там не остаётся
И незамеченным вернётся!
Они её благодарят;
“Всё так и будет”, — говорят.
Взялась Старуха всё устроить —
Влюблённых счастие построить.
Личина же себе о том
Под нос бормочет шепотком:
“Когда б Вы и не согласились, —
То ничего бы не добились:
Влюблённый сам бы внутрь попал
И нужный бы момент поймал,
Как пастуха на карауле
Легко бы волки обманули!
Пастух в лугах овец пасёт, —
А волк уже в хлеву их ждёт.
Ведь удалиться Вы могли:
Когда бы в монастырь пошли, —
Вчера Вы долго были там, —

Пришёл бы тот валет и сам.
Могла же ведь уйти и Ревность,
Покупки в городе чтоб делать.
Тогда придти бы он и смог,
Иль Друг ему бы в том помог.
Иль ночью б юноша тайком,
Ни факелом, ни огоньком
Свечи пути не освещая,
Дорогу садом выбирая,
Смог оказаться б в месте том,
Где б увидал его Приём.
Помочь бы Друга попросил он,
Луна бы только не светила!
Ведь если яркая луна, —
Влюблённых часто враг она.
Поскольку знает он строенье
И всё его расположенье, —
Войти бы мог он и в окно:
Туда попал бы всё равно.
Он по верёвке бы поднялся
И у Приёма б оказался.
Приём бы ночью спать не стал, —
Его бы у стены он ждал;
И не заметила б хозяйка.
Иль сам бы вышел он из замка,
Когда б валет не мог придти
Иль заключённого найти.
А если б вдруг Вы задремали,
А двое те об этом знали, —
Приём бы юношу впустил
И свой бы шанс не упустил.
Вот так влюблённый совершенный
Проник бы к Розе непременно:
Всех стражей обманул бы он,
Любимый бы сорвал бутон!”
Всё это было слышно мне,

И соглашался я вполне —
Ведь я стоял с Личиной рядом, —
Что так мне поступить и надо.
Когда Старуха скажет “да”, —
Мне не о чем грустить тогда.
А если “нет”, — тогда, рискуя,
Без помощи её войду я!
Всё, что Личина говорил, —
Тогда б я в дело претворил.
Я выбрал место бы и час,
Как и подумал он сейчас.
Старуха в башню вновь спешит,
Бегом по лестнице бежит.
От страха дрожь в ногах у ней:
Приёма бы найти скорей.
В какой он комнате томится? —
Он оказался у бойницы.
Спиной к стене прижался он,
Неволей тяжкой омрачён.
Его Старуха увидала
И утешать поспешно стала:
— О чём мечтаете, сынок?
Совет бы мой Вам не помог?
Сегодня очень грустны Вы
И чересчур задумчивы!
Не скрою: Ваше настроенье —
Причина моего волненья.

Приём Прекрасный скрытен с ней. —
Беды не скажет он своей:
Не объяснит ей, почему
Так грустно в этот час ему.
В её любви ни в коей мере
Приём не может быть уверен! —
Всегда боялся он её,
Страдание скрывал своё.
И он, приняв весёлый вид,
В ответ Старухе говорит:
— Вы зря тревожитесь, мадам,
Я лишь могу признаться Вам,
Что так тревожен я бываю
Всегда, когда по Вас скучаю.
Когда Вас нет, — что делать мне
На этой башенной стене?
Компанья Ваша мне нужна, —
Привычна для меня она.
О, где же Вы так долго были,
Что про меня совсем забыли?
— Вы скоро будете всё знать,
И рады будете опять:

Ведь самый вежливый валет,
Кого приятней в мире нет
(На улице я побывала,
Его случайно повстречала)
Вам тысячу приветов шлёт
И шапочку передаёт.
И Вам сказать меня он просит,
Что тяжело он переносит
Разлуку с Вами, и сейчас
Желанья полон видеть Вас.
А чтобы с Вами пообщаться, —
И с жизнию готов расстаться:
Здоровье всё отдать готов,
Чтоб несколько сказать Вам слов!
Так хочет Вам он быть угодным,
Что по миру пошёл бы голым;
И потому лишь хочет жить,
Что Вам мечтает послужить!
Что будет с ним, — ему не важно, —
Так к встрече он идёт отважно.
Но прежде чем сей дар принять,
Приём Прекрасный хочет знать,
Кто сей учтивый есть валет,
Кого приятней в мире нет.
Ведь полагал Приём Прекрасный,
Что взять подарок — шаг опасный:
Что доброго придти могло
Оттуда, где тюрьма его?
И чтоб отбросить все сомненья,
Он хочет слышать уточненье.
Спешить Старуха досказать
И важность встречи доказать:
— О нём немало Вы слыхали,
Из-за него Вы пострадали.
Ведь Злой Язык донёс на Вас,
И вот Вы в крепости сейчас.

Людей он честных обижал,
Надежды всякой их лишал;
Ну, а теперь убит злодей,
И будет скоро у чертей.
Чтоб с ними он в аду пропал
И в рай бы только не попал!
[Теперь он мне уже смешон, —
Ведь не опасен больше он!]
Вы в том слуге не сомневайтесь,
Его подарком развлекайтесь:
В любви он искренен своей,
Да и меня уверил в ней.
Не думаю, чтоб плох он был,
Чтоб злобу в сердце затаил.
Коль просьбы — дерзкие его, —
Отвергните слугу того.
Но разве может он вредить
Иль что-то дерзкое просить?
Он очень хорошо воспитан
И в дружбе многими испытан.
В том, что душа его честна, —
Уверена не я одна.
Преувеличивать не буду:
Никто о нём не скажет худа.
Лишь Злой Язык мог так сказать,
Но что с обманщика нам взять?
Забыть о нём давно пора:
Вся болтовня его стара.
Он выражений не искал, —
Бранил людей и вечно лгал,
И извращал любые были,
Но люди уж о том забыли. —
Не оправдались слухи те,
Что распускал злодей везде!
Я знаю, что слуга Ваш смел
И с ним покончить бы сумел,

Когда б услышал, как о нём
Тот злым болтает языком.
Из наших храбрецов такой
На всю страну — один герой.
Щедр и великодушен он,
Столь добрым сердцем наделён,
Что с Александром бы сравнялся
И даже бы над ним поднялся!
И превзошёл бы короля
Артура: Вся б его Земля
Благодарила за дары, —
Все были бы удивлены,
Когда бы он разбогател
И мог бы делать, что хотел;
Когда бы он не меньше сих
Монет имел бы золотых.
Возьмите ж Вы его подарок,
Что ароматен так и ярок:
Сильней он пахнет, чем бальзам!
— Нет, я боюсь, — признаюсь Вам, —
Приём Прекрасный говорит.
О, как его ужасен вид!
Не знает он, как поступить,
Боится взять и отпустить;
Дрожит, вздыхает и краснеет,
И холодеет и бледнеет:
Боится руку протянуть.
Чтоб скрыть волненье как-нибудь,
Он от подарка отказался,
Но всё ж подарок оказался
В его руках: Старухой он
Насильно был ему вручён.
— По нраву мне подарок сей.
Но пусть меня одежды всей
Лишат, — я не возьму его
От храброго слуги того.

Когда б подарок принял я, —
Как Ревность встретила б меня?
Она — наверно говорю —
Испортит шапочку сию:
С меня тотчас её сорвёт
И всю на клочья изорвёт,
Когда узнает, кем она
Была в подарок мне дана.
Меня ж — убить она прикажет
Иль вновь темницею накажет. —
Всю жизнь я буду там сидеть
И муки худшие терпеть!
Когда же я и убегу, —
То скрыться вряд ли где смогу.
Мне глупо даже рисковать:
Все бросятся меня искать.
Я не возьму её.
— Возьмите!
Вы порицанья избежите.
Не принесёт она вреда.
— Что ж Ревности сказать тогда?
— Ответов может быть и двадцать.
Тут главное — не растеряться!
— Не знаю я, что говорить,
Как от неё мне правду скрыть.
Она сказать меня попросит,
Кто в дар мне шапочку приносит.
Молчать придётся мне в ответ,
Ведь ложь сказать ей — смысла нет.
Она узнает обо всём,
И мне конец придёт на том.
Уж лучше умереть заранье,
Не ожидая наказанья!
— Коль затрудняет Вас ответ, —
Скажите, это — мой предмет.
Не будет Вас она ругать,

Для ссоры повода искать.
Ведь если сей подарок мой, —
Ни Вами Ревность и ни мной
Не будет недовольна: право,
Здесь у меня не дурна слава!
Приём Прекрасный осмелел
И тут же шапочку надел.
Старуха глаз с него не сводит:
“О, как же Вам она подходит! —
Клянусь и телом и душой:
Нигде не видела такой!”
Цветы блондина украшают,
Они Старуху восхищают:
“Таким прекрасным в первый раз,
О мой сынок, я вижу Вас!
О как цветы подходят Вам
И Вашим золотым власам!”
Прислушавшись к словам её,
Он смотрит в зеркало своё.
Теперь, уверившись вполне,
Что с ним она наедине,
Старуха рядом с ним садится
Чтоб в поучения пуститься.
“Я с нежностию Вас люблю
И доблесть Вашу я ценю.
Дни лучшие мои прошли,
Ну, а у Вас — всё впереди.
Я опираюсь на клюку, —
Сама ходить я не могу.
А Вы — совсем ещё юны,
И жизни не узнали Вы.
Но я-то знаю наперёд,
Как дальше Ваша жизнь пойдёт:
Вам испытанье предстоит, —
Вас огнь однажды опалит,
Что душу целиком сжигает;

И в той купальне, где купает
Венера девушек, — и Вас
Ей искупать настанет час!
Она Вас факелом коснётся, —
Игра опасная начнётся.
А я урок Вам преподам,
Чтоб подготовиться к ней Вам.
Вы к сведенью его примите, —
По жизни счастливо идите.
Ведь если человека нет,
Кто б молодому дал совет, —
Игра для игрока страшна:
Погибель принесёт она.
Прислушайтесь к моим речам, —
Всего достичь удастся Вам.
Я в Вашем возрасте хотела,
Чтоб все я знания имела,
Какие ныне у меня.
Была красавицею я;
Теперь же на себя смотрю
И слёзы горькие всё лью:
Моё лицо так изменилось!
Морщинами оно покрылось
И потеряло цвет былой, —
Была я раньше не такой!
Я всех подряд с ума сводила
И как поклонников любила!
Тогда им не было числа, —
Так миловидна я была.
И днём, и в полуночной тьме
Шли вереницею ко мне;
[Я ж обещанья нарушала,
Что им страданья причиняло.]
За то, что прочь я их гоню, —
Они ломали дверь мою
И часто дрались меж собой,

Своей рискуя головой:
Исчислить ссоры те нельзя, —
Бессильна тут наука вся.
Когда бы Альгус[174]-математик
Хотел однажды сосчитать их,
Все десять цифр взял своих
И меж собой помножил их, —
Не смог бы ссоры сосчитать,
Их правильную сумму дать!
Была здорова я тогда
И телом молодым крепка.
Когда б мне знать, что ждёт меня, —
Была б теперь богаче я:
Монет и жёлтых я, и белых
Гораздо больше бы имела!
Но слишком глупой я была,
Неправильно себя вела.
Амура школы я не знала, —
Своим умом всё постигала.
Была наивна и юна,
Лишь нынче стала я умна!
Теорий я не изучала, —
Из жизни знанья получала.
Как опытом мне пренебречь
И Вас от бед не уберечь?!
Чему Вас ныне поучаю, —
По опыту давно я знаю.
А Вы — совсем ещё юнец
И желтороты, как птенец.
Так, стариков не презирайте, —
Их слову мудрому внимайте.
Хоть кроме опыта, у них
Сокровищ больше нет иных, —
Но ведь они тот опыт свой
Купили дорогой ценой!
Когда же ум приобрела я, —

Была уже немолодая;
И я обманывала тех,
Пред кем имела я успех.
А выбирала я людей,
Кто побогаче, поважней.
Но прежде, чем их провела, —
Обмана жертвою была.
Когда ж узнала правду я, —
Жизнь прожита была моя:
Дверные створки без движенья
В одном застыли положеньи,
Хоть раньше и во тьме ночной
Им редко ведом был покой!
И от судьбы такой жестокой,
От горькой жизни одинокой
Уехать захотелось мне,
Чтоб жить в далёкой стороне.
Не знала я, куда бежать,
Чтоб мне позора избежать:
Уж не ждало меня веселье.
Да, на двери моей висели
Когда-то франты. А теперь —
Теперь моя закрыта дверь.
Теперь меня все сторонятся,
При встрече — в сторону косятся,
И кто навстречу ни идёт, —
Словцо обидное найдёт.
Кто говорил, что обожает, —
Теперь презренье выражает.
Лишь тот теперь меня поймёт,
До лет моих кто доживёт.
Страдание мне сердце гложет,
Воспоминания тревожат.
Теперь скучаю я одна, —
Ведь никому я не нужна.
О днях любви я вспоминаю,

Былое счастье воскрешаю:
Уж нет тех радостных часов —
Нет поцелуев, нежных слов...
Невыносима мне утрата:
Не будет больше им возврата,
Подарков мне уж не дадут,
Что не взяла я, — не вернут.
Осталось только плакать горько, —
В неволе жить бы, да и только!
Я рано родилась на свет,
Теперь мне утешенья нет;
Но отомстить я им смогу,
Коль Вам, сынок, я помогу.
Вас научу, как жить на свете, —
Чтоб отомстить повесам этим.
Когда ж придёт урочный час,
Всё, что скажу я Вам сейчас, —
Вы вспомните наверняка:
Ведь память в юности крепка!
Об этом говорил Платон.
Я так же думаю, как он:
“Живее люди вспоминают
То, что детьми запоминают”.
Когда б мне снова стать такой,
Как Вы, сынок мой дорогой, —
Сполна б я отомстила им,
Былым поклонникам моим.
Нашла бы я, как провести их,
Высокомерных и глумливых.
Я показала б им сама,
Как много у меня ума:
Они бы без штанов остались
И на соломе бы валялись!
Я до того б их довела,
Что все бы деньги отняла.
Кто раньше мне служить старался,

Средь всех усердьем отличался,
Кто раньше был добрей ко мне, —
Те пострадали бы вдвойне.
Их до головки чеснока
Обобрала б наверняка,
И в том бы не остановилась,
Пока сама б не убедилась,
Что все они разорены,
И оттого разъярены.
Но что изменят сожаленья? —
Ведь нет былому возвращенья.
Их обмануть я не смогу, —
Ни одного не привлеку!
Какое до угроз им дело,
Когда теперь я постарела?
Они взялись меня дразнить, —
В лицо мне это говорить.
С тех пор я слёзы лью. Признаться,
Приятно в мыслях возвращаться
Мне в те прошедшие года,
Исчезнувшие навсегда.
Когда о прошлом вспоминаю, —
То молодеть я начинаю:
И на душе моей светлей,
И тело будто бы сильней.
Хоть и обманута была я, —
Прекрасна жизнь была младая:
Коль дама весело живет,
То не напрасно жизнь идёт!
Особенно разумны те,
Что ищут выгоды везде
И что разбогатеть стремятся,
Чтоб после — тратить не бояться.
Так, в эти я края пришла,
И здесь работу я нашла:
Я Вашу даму повстречала

И ей слугой покорной стала.
Так, мне пришлось Вас сторожить,
В неволе вместе с Вами жить.
Пусть Бог поможет в этом мне!
Но я уверена вполне
Что мне по силам порученье
При Вашем смирном поведеньи.
Коль плохо б Вы себя вели, —
Меня б, конечно, подвели:
Когда Природа Вас творила, —
Такой красою одарила,
Что риска доля не мала
В работе той, что я взяла.
Когда же Вас я созерцаю,
Невольно юность вспоминаю.
Как нам сегодня повезло:
К нам время, наконец, пришло
О всём поговорить свободно,
Как будет нам двоим угодно.
Хочу я, продолжая речь,
Вас от любви предостеречь.
Но если Вас влечёт она, —
Вам дать советы я должна:
Сказать, как жить мне надлежало,
Покуда старой я не стала”.
Тут речь Старуха прервала
И на мгновенье замерла,
Чтоб собеседник мог вступить
И, если хочет, возразить.
Но молчалив Приём Прекрасный:
Ответа ждёт она напрасно.
Собрав внимание своё,
Уже он слушает её.
“Молчанье — это знак согласья, —
За дело нужное взялась я, —
Старуха думает, — и я

Могу сказать всё, не тая!”
Итак, циничная Старуха
Сказать ему решилась сухо,
Чтоб от невзгод его спасти, —
Как должен он себя вести.
И как Прекрасный мне Приём
Потом рассказывал о том, —
Старуха так его учила,
Влюблённого чтоб проучил он:
Ему дала она совет
Иметь во мне игры предмет.
Хотела, чтобы я не знал
О том, что я игрушкой стал:
Меня чтоб другом называли,
Но таковым бы не считали, —
Глупцом считали чтоб меня,
И в глупости чтоб верил я!
Притом теорией своей
Обман обосновала сей,
Мне худа всячески желая,
Искусно это прикрывая.
Когда б прислушался он к ней, —
Не принял бы любви моей:
Меня бы другом называл,
А верить мне бы — перестал!
А речь её была такой:
“Ах милый Вы сыночек мой,
Любви Вас играм научу я,
Чтоб Вы любили, не рискуя.
Хоть будет речь моя длинна, —
Пусть Вам запомнится она.
Мои советы соблюдайте,
Себя в обиду не давайте.
Кто к этим играм не готов, —
Окажется средь бедняков:
Ничто его уж не спасёт, —

Продаст и земли он, и скот.
Чтоб радости любви вкусить
И муку сладкую испить, —
Амура помните заданья.
Вам нужно самообладанье,
Чтоб не был он сильнее Вас,
Рабом не сделал бы тотчас.
Сынок, его приказы снова
Для Вас я повторить готова,
Но внутренний Ваш голос сам
Подскажет все приказы Вам.
Не нужно Вам все десять помнить:
Ведь все-то их нельзя исполнить!
Лишь восемь помнить Вы должны:
Вам два последних не нужны.
[Кто ж десять соблюдать стремится, —
Об этих двух напрасно тщится:
Исполнить невозможно их.
Не будьте ж из глупцов таких!]
Когда Амур их людям дал,
То, безусловно, он солгал,
Что нужно очень щедрым быть
И только одного любить.
Нельзя учить такому в школе, —
Урок такой не стоит боле
Денье фальшивого: никто
Всерьёз не должен верить в то!
А кто на это попадётся, —
Тому платить потом придётся
Дороговато. Речь мою
Я к этой мысли и клоню.
Сынок, быть щедрым не мечтайте
И сердце нескольким отдайте,
Но не в подарок и не в долг,
А так, чтоб был Вам в этом толк.
Его Вам надлежит продать

Тому, кто сможет больше дать.
Но в плен мужчине не сдавайтесь,
А обмануть его старайтесь,
Чтоб он товар не получил,
Хотя б и много заплатил.
Пусть не получит он ни дольки,
Хотя его страданья горьки:
Пусть он захочет утонуть
Иль вешается с горя пусть!
Есть правила для Вас одно:
Вы не давайте ничего.
Ладони стоит разжимать
Затем Вам только, чтобы брать.
Давайте людям только крошку,
Чтоб их привлечь к себе немножко:
Подарки лишь тогда дают,
Когда в ответ подарков ждут.
Пустым чтоб не было даренье, —
Ищите выгод умноженья.
Из лука мастер Вы стрелять,
Но стрелы надо направлять.
А Вы стреляли невпопад:
Какой Вы ждёте результат?
Да, Вы стреляете умело,
Как сам Амур, но в том всё дело,
Что если метить на ходу, —
То можно цель задеть не ту.
Излишне Вам напоминать,
Каких есть стрел полезных пять.
Их знаете уже давно Вы,
И качества их Вам знакомы;
Хотя порой не знали Вы,
Куда лететь они должны.
Но Вы потщательнее метьте
И с выгодой стрелять умейте.
Не стану я Вам говорить,

Какие платья Вам носить,
Как нужно в люди одеваться,
Чтоб в лучшем виде показаться.
Всему научит песня Вас,
Что Вы слыхали уж не раз,
Когда мы с Вами вместе были,
О нашей жизни говорили.
Вам напевала песню я,
Какую пела статуя
Пигмалиона. Наряжайтесь:
Красивым пред людьми являйтесь.
[И будете Вы как быки
На пашне, сильны и крепки!]
Но мне не надо Вас учить,
Как привлекательнее быть.
Коль больше Вы узнать стремитесь,
Тогда терпенья наберитесь.
Что я теперь Вам преподам, —
Однажды пригодится Вам.
Пример полезным будет тот,
И примененье он найдёт.
Когда необходим Вам друг, —
Берите лучшего из слуг,
Кто ценит Вас, Приём Прекрасный;
Но и привязанность опасна:
Не слишком, главное, любить
И расстоянье сохранить.
Друзей иметь Вам многих можно,
Но Вы дружите осторожно.
И выбирайте Вы таких,
Кто даст Вам выиграть у них,
Кто любит Вас великодушно
И будет всё давать послушно.
Чтоб никогда не проиграть, —
Вы научитесь вымогать.
Но будут Вам, Приём Прекрасный,

Богатые тогда подвластны,
Когда уверите Вы их,
Что нет у Вас друзей других.
Вы каждому из них внушите,
Что только им Вы дорожите,
Не променяете его
Вы никогда ни на кого,
Хоть даже денег Вам приложат, —
Хоть тысячу златых предложат!
Прекрасный скажет пусть Приём,
Что если б отдал Розу он, —
То дали бы ему в награду
Сокровищ гору. Но не рада
Его душа таким дарам, —
Он не отдаст её друзьям.
Пусть будет тысяча друзей, —
Дружите Вы с толпою всей.
И каждому, Приём Прекрасный,
Скажите коротко и ясно:
“Лишь Вам я Розу подарю,
А всех же прочих — отдалю”.
Клянитесь в верности Вы всем
И — изменяйте им затем:
И Бог прощает людям это.
Самим богам ведь от обета
Не раз случалось отступить, —
Других любовью полюбить!
Когда влюблённые клянутся, —
Над ними боги все смеются.
[175]Жене Юпитер клятву дал,
А сам — изменником он стал.
Он пред Юноной Стиксом клялся,
Но клятвы той не удержался.
Коль изменял Юпитер сам, —
Не стыдно изменять и Вам.
Друзьям клянитесь Вы святыми,

И после — порывайте с ними.
Не бойтесь отступаться Вы,
Поскольку боги таковы.
Непостоянны молодые,
Но есть и старики такие:
Не стоит верить слову их, —
Они не помнят слов своих.
Запомните: хозяин торга
Живёт всегда за счёт налога,
Что волен сам установить
И всех заставить заплатить.
А если сбор его не густ, —
Карман чтоб не остался пуст,
В другое место он спешит,
Где сбор успешно завершит.
(Коль мышь одну нору имеет, —
Она и вылезти не смеет.
Как страшно жить на свете ей! —
Дрожит она в норе своей.)
Вот так и с женщиной бывает:
Коль покорить её желают, —
Спешат других опередить,
Стремятся в торге победить.
Она на рынке — всех главней:
Ведь на торгах всё дело в ней.
Она налог определяет,
Его с поклонников взимает,
И все ей заплатить должны, —
А деньги ей всегда нужны!
Ей глупо одного любить,
Единственному верной быть.
Лифар де Мён считал святой,
Что счастья нет у дамы той,
Кто одного лишь только любит:
Она свою свободу губит.
Коль не утешит он её. —

Где счастье ей найти своё?
Коль одного любить решила, —
Себе лишь горе заслужила.
Вверяя сердце одному,
Дать счастия нельзя ему:
От жён мужчины устают,
Им вновь свободу отдают.
Все дамы им надоедают,
И всех мужчины оставляют!
Дидоне поклялся Эней[176]
В любви, — но не остался с ней.
Его остаться умоляла
Дидона, но не удержала.
Бежал из Трои он родной,
Где греки выиграли бой;
Заброшен бурей в Карфаген,
Он угодил в любовный плен:
В него царица влюблена,
И кров ему даёт она,
Даёт она ему дары
И приглашает на пиры.
И чтоб Энею угодить, —
Даёт приказ она чинить
Весь флот троянцев. И себя
Ему отдать спешит, любя.
Эней ей в верности клянётся
И говорит, что остаётся.
Но, долгу следуя, Эней
Не мог быть долго вместе с ней:
Не попрощавшись, он уплыл, —
Царицу бедную сгубил.
Она же — меч его схватила
И в грудь себе тотчас вонзила.
Эней тот меч ей в дар принёс, —
И вот — удар ей сам нанёс...
Тогда она на этот меч

Своей решила грудью лечь:
Так об Энее воскорбела, —
Разлуки с милым не стерпела!
Конец Филлиды[177] грустным был:
Её Демофоон забыл.
Когда уплыл супруг за море, —
Она повесилась от горя.
Срок возвращенья подошёл, —
Демофоон же не пришёл.
Последней веры лишена,
Не стала дольше ждать она!
А что Парис[178] с Эноной[179] сделал?
Она ему вверялась смело,
Её он ласки принимал
И ей любовью отвечал.
Энона и душой, и телом
Принадлежать ему хотела, —
А он Энону обманул,
Свои слова перечеркнул.
[180]Ей прежде клятву он давал —
Ножом на древе начертал,
Что Ксантус повернётся вспять,
Коль будет ей он изменять.
Так с той рекою и случилось,
Когда измена приключилась:
К истоку Ксантус вдруг пошёл,
Когда к Елене[181] он ушёл.
[182]А что Ясон с Медеей сделал? —
Её безжалостно он предал.
Нарушил слово он своё, —
Обманом бросил он её.
Его Медея выручала,
Не раз от смерти ограждала:
С быками справиться он смог —
Огонь Ясона не обжёг,

Что изрыгали бычьи пасти. —
Заговорила от напасти!
Дракон был ею усыплён, —
И так Ясон был вновь спасён.
Когда же вдруг из-под земли
Солдаты на него пошли,
Его Медея научила,
Что в камне тайная есть сила;
Что если камень в них метнуть,
То войско можно развернуть:
Они друг друга перебили,
А про Ясона позабыли.
Её уменье колдовать,
Богов на помощь призывать
Смогло помочь тому герою
Руно похитить Золотое!
Красой Ясона пленена,
Являет чудеса она:
Его отца омолодила,
Ему вновь силу возвратила,
Чтоб в восхищеньи был Ясон,
Чтоб верен был Медее он.
Но хуже нет, чем он, злодея, —
Была покинута Медея.
Ясон супругу обманул, —
На преступление толкнул:
Детей Медея задушила,
Что от Ясона породила.
Поистине безумный шаг:
Ведь мать не поступает так.
Таким примерам нет числа, —
И тысячу я б назвала!
Мужчин Вы не найдёте путных:
Найдёте только лишь распутных.
Они способны на обман, —
И обмануть их нужно Вам.

Не понимаю, почему
С одним лишь связывать судьбу!
Чтоб было даме веселей, —
Побольше надо ей друзей.
Пусть всех старается привлечь
И выгоду себе извлечь.
Коль нечем даме похвалиться, —
Пусть приобресть она стремится
Все качества, что ей нужны,
Для обольщения важны.
И пусть так скоро не сдаётся,
Но неприступной остаётся,
Когда ей будут угождать,
Своим вниманьем досаждать.
И тех, кто сердцу не милы,
Пусть привлекает до поры;
А ссор всегда пусть избегает.
Друзей игрой пусть забавляет
Иль песней.
Если же она
Красою не наделена, —
Наряд такой пусть смастерит,
Чтоб всякий был изъян сокрыт.
Когда вдруг волосы редеют,
Иль по болезни их обреют,
Иль если в драках ей каких
Повыдергают гневно их, —
То надо ей наделать кос
Хотя бы из чужих волос
Иль старую подушку взять, —
Кос из набивки навязать.
Убор наденет пусть богатый,
По моде нынешней — “рогатый”.
Пусть будет он из-за “рогов”
Предметом зависти быков!
Пусть их покрасить не забудет

И те растения добудет,
Чей корень, стебель или плод
Оттенки нужные даёт.
Когда с лица сошли все краски. —
Себя пусть красит без опаски.
Чтоб выглядеть получше ей,
Румяна ей всего нужней!
Но в доме пусть никто не знает,
Что женщина их применяет;
Подальше кремы спрячет пусть,
Чтоб не нашёл их кто-нибудь.
А если женщина пригожа,
Её бела и нежна кожа, —
Пусть скажет, чтоб её портной
Оформил вырез ей такой,
Что плечи смело открывает,
Грудь на полфута оголяет.
[Ведь если грудь обнажена,
То привлекательней она!]
Коль дама широка в плечах, —
Чтоб быть ей краше на балах,
Пусть так портной ей платье скроит,
Что недостаток этот скроет,
Чтоб не был грубым силуэт:
Тут в лёгкой ткани весь секрет.
А если руки не чисты,
То обнажать их просто стыд! —
Прыщи не стоит разводить:
Их нужно вовремя сводить.
И если руки в бородавках, —
Пусть ходит женщина в перчатках.
Когда объёмна грудь её, —
Затянет тело пусть своё
В корсет, что у швеи закажет,
Иль тканью груди перевяжет:
И пусть танцует, не боясь, —

Ведь крепко держит перевязь!
Когда воспитанна она,
То чистой быть всегда должна:
Почаще мыть Венеры дом,
Чтоб не копилось грязи в нём,
Не появлялась паутина,
Не выросли ни мох, ни тина.
Чтоб ноги страшные закрыть, —
Обутой следует ходить.
Изящны туфли быть должны,
Чтоб ног не выдать толщины.
(Ведь если женщина умна, —
Изъяны скроет все она.)
И если не свежо дыханье, —
То ни к чему переживанье!
Себя лишь надо приучать
К тому, чтоб натощак молчать,
И близко чтоб не подходить
К тем, с кем придётся говорить.
Пусть дама громко не смеётся,
А лишь приятно улыбнётся,
И будут с каждой стороны
Пусть ямки на щеках видны.
Не стоит щёки раздувать
Иль чересчур в себя вбирать;
Рот разевать не надо тоже,
А быть к себе при смехе строже.
Ведь если будет рот открыт, —
Приятный исказится вид.
Показывать не надо зубы,
Пусть улыбаются лишь губы.
Не будет в проигрыше та,
Кто не раскроет в смехе рта:
Ведь если зубы не ровны,
То скрыты быть они должны.
Но для того, чтоб слёзы лить,

Искусной тоже надо быть.
Никто сомнений не имеет,
Что дамы плакать все умеют:
Пусть даже их не огорчат, —
Расплачутся, когда хотят!
Такое есть у дам всех свойство —
Не нужен повод для расстройства.
Хочу предупредить мужчин,
Чтоб не смущался ни один:
Причины нет у дамских слёз,
Не принимайте их всерьёз.
Все дамы плачут очень ловко,
Их слёзы — для мужчин уловка.
И правильно: пусть слёзы льют,
А чувств своих не выдают.
Должно приличным, без сомненья,
И за столом быть поведенье.
Пусть ясно будет всем гостям:
Хозяйка — лучшая из дам.
Приветлива, жива, скромна, —
Пусть всем покажется она,
Всех рассадить поторопится,
За стол последняя садится.
Гостям пусть хлеб передаёт,
Их угощать не устаёт,
Соседям же своим она
Особенно служить должна.
Пусть господа сочтут за честь
С ней из одной тарелки есть,[183]
Пусть всё она пред ними ставит —
Все угощенья предоставит.
Пусть птицу даст, когда она
И аппетитна, и вкусна:
Подаст пусть крылышко иль ножку,
Покрасоваться чтоб немножко.
[И дичь зажаренную ту

У всех пусть режет на виду:]
Предложит рыбу пусть смелей,
Тому, кому она милей;
А тем, кто предпочтёт скотину,
Пусть даст говядину, свинину...
Во всём следит пусть за собой,
Не оказаться чтоб смешной:
Пусть пальцы в суп не окунает
И слишком рот не набивает.
Чтоб аккуратно есть и пить
И ничего не уронить, —
Больших кусков пусть не берёт,
Салфеткой вытирает рот.
Старается пусть лишь чуть-чуть
Свой ломтик в соус обмакнуть:
В мучной, грибной иль травяной, —
Не капнуть капли ни одной!
И пусть лишь кончиками пальцев
Берёт она и хлеб и сальце,
Не замарав притом лица,
Ни скатерти, ни платьица.
Пусть пить стремится аккуратно,
Чтоб было всем гостям понятно:
Благовоспитанна она,
Такая в доме и нужна.
Внимательной тут надо быть
И о манерах не забыть:
Коль жир не вытерт на губе,
То рано думать о вине.
Когда наполнен пищей рот,
Пусть чашу вовсе не берёт.
И пусть не пьёт вино как бочка,
Как делает крестьянки дочка:
Вино глотками лучше пить —
Всё сразу не стремиться влить.
И чашу пусть свою не гложет,

А только край к губам приложит.
Когда ж всё залпом заглотнёт, —
Обжорой тут же прослывёт.
[Пусть выпивает постепенно
Вино: со вкусом и степенно.
Ведь если меры в нём не знать, —
Рассудок можно потерять!]
Нельзя ведь следовать порой
Манерам женщины простой:
Крестьянки столько выпивают,
Что всё достоинство теряют!
Нельзя уподобляться им —
Вином увлечься лишь одним.
Ведь если женщина пьяна,
То не таит ничто она:
Секреты может разболтать,
Любовь готова всем отдать.
Смотрите ж, выпившие дамы,
Чтоб за столом сидеть вам прямо
И от вина не засыпать, —
Не то ведь можно и упасть!
Увы! Не может быть полезной
Дремать привычка за трапезой.
И если случаем заснуть,
То можно голову свернуть,
Сломать себе ребро иль руку. —
И срам потерпите, и муку.
Прошу теперь я вспомнить вас,
Что сон людей подвёл не раз.
Плыл Палинур[184] на корабле,
А оказался он на дне.
Энея судном управлял,
Уверенно держал штурвал;
Но за штурвалом он заснул,
Упал, — и в море утонул.
Друзья оплакали его, —

Но не исправить уж того!
Пусть дама знает наперёд,
Что молодость её пройдёт.
Нельзя промедлить ей с любовью, —
Иначе радость станет болью.
Не ждите завтрашнего дня:
Вы посмотрите на меня.
Кто без любви захочет жить,
Её на завтра отложить,
Дождаться старости недужной, —
Рискует стать совсем ненужной!
Любви вкушайте вы плоды,
Пока ещё вы молоды.
Всяк плод хорош лишь в свой сезон, —
А после уж не нужен он.
Ведь, без любви совсем живя,
Потратите Вы время зря!
Вот мой всем женщинам совет:
Спешить любить во цвете лет.
А если будет он отвергнут,
То вскоре радости померкнут.
Но если женщина мудра,
То ей прислушаться пора —
Любви плодами насладиться
И о Старухе помолиться.
Ведь станут это всем читать, —
Мою науку почитать!
Сынок, Вам жить лишь предстоит,
Для Вас мой всюду путь открыт.
(Я вижу, этот мой урок
Пойдёт Вам, несомненно, впрок:
Вы так внимательны ко мне
И восприимчивы вполне.
Не долго жить теперь я буду,
А Вам — нести его повсюду.)
Пойдёте по моим стопам, —

Так быть учителем и Вам:
На канцлеров[185] Вы не смотрите,
Всех юных Вы любви учите
В палатах и на чердаках,
И в помещеньях, и в лугах, —
Учите там, куда придёте.
Коль лучше места не найдёте, —
В каморках или погребах,
В уборных даже и в хлевах!
[И я уверена, что вскоре
Моя наука будет в школе.]
И домоседкой быть нельзя, —
Так прахом жизнь проходит вся.
На доме глупо замыкаться,
А лучше в свете появляться.
Почаще стоит выходить,
Чтоб на виду повсюду быть:
Почаще храмы посещать,
Друзей на праздник навещать;
Играть, ходить на хоровод,
Где собирается народ, —
Ведь о любви поёт лишь там
Амур своим ученикам.
Но перед тем, как дама выйдет,
Пусть смотрит, всё ли в лучшем виде:
Её одежда хороша ль,
В порядке ль каждая деталь.
Собой удовлетворена,
Тогда выходит пусть она.
Пусть за походкою следит:
Не семенит и не спешит,
И подымает выше ноги —
Их не волочит по дороге.
Должна изящной обувь быть
И по размеру подходить.
Движенья будут пусть ловки,

Шаги — красивы и легки.
Пусть всех прохожих восхищает —
К себе их взоры обращает.
Когда же платие длинно,
Земли касается оно,
Иль если шлейф оно имеет, —
Пусть обращаться с ним умеет.
Иль спереди, иль за бока
Подол поднимет пусть слегка,
Чтоб и нога была видна:
Красивой формы ведь она!
Пусть кажется при этом всем.
Что поднят был подол затем,
Чтоб при ходьбе он не мешал,
Иль воздух чтобы обвевал.
В прохладный день надев пальто,
Пусть беспокоится о том,
Чтоб всем на улице умело
Показывать под ним и тело.
Чтоб тела красоту явить, —
Смекалку надо проявить:
Какой бы ни была дорога, —
Пусть полы распахнёт широко,
Нарочно в руки их возьмёт, —
Навстречу публике идёт.
Тогда ей будет не обидно,
Что тела под пальто не видно.
Все, кто навстречу держат путь, —
Увидят украшенья пусть:
На платье пряжку золотую,
А также сумку дорогую.
Пусть видят с каждого конца
Мех или белки, иль песца.
Должна она гордиться им,
Как и павлин хвостом своим:
Пусть обе полы распускает

И их из рук не выпускает.
Коль не красавица она, —
Причёска быть у ней должна.
Пусть будет из волос плетенье —
Фантазии произведенье,
Чтоб удивлялись люди все
Их белизне и красоте.
И чтоб успеха ей добиться, —
Пусть поступает, как волчица:
Чтоб ей одну овцу поймать.
Должна она всё стадо гнать.
Она не знает, кто отстанет
Кто первою добычей станет.
Чтоб к женщине пришёл успех, —
Охоту пусть ведёт на всех:
Повсюду сети расставляет,
Всех без разбору уловляет.
Когда себя так поведёт, —
Хоть одного себе найдёт.
А могут несколько попасться,
Кого себе ей взять удастся.
Природа верх возьмёт во всём,
Искусство ж ей поможет в том.
Коль к даме несколько пристанут,
Ухаживать за нею станут. —
Пусть назначает встречи им,
Чтоб не придти к ней враз двоим:
Они за шутку всё сочтут
И поскорее прочь уйдут.
И будет жаль такой утраты, —
Ведь для неё идут на траты!
Нельзя поклонников терять:
Всегда их надо одобрять.
Хоть до долгов их довести —
В могилу нищими свести!
Лишь так богатой можно стать —

Чего тут голову ломать?
Не стоит бедного любить,
Хоть он Гомером может быть
Или Овидьем: толку нет
От тех, кто не собрал монет.
Пусть не забудет: стоит ей
Остерегаться и гостей.
Непостоянны постояльцы —
По свету белому скитальцы:
Вес мимолётны чувства их, —
Пусть не мечтает о таких.
Но если гость монет предложит, —
Пусть дама их в сундук положит.
Отказываться ни к чему, —
Взамен пусть отдых даст ему:
Не важно, скор ли будет тот,
Иль с ней всю ночь он проведёт.
И тех ценить ей смысла нет,
Кто слишком хорошо одет
И красотой своей хвалится, —
Ведь те безумцы, кто гордится!
Кто будет сам себя ценить, —
Тот будет Господа гневить, —
Сказал учёный Птолемей,
Известный мудростью своей.
Самодовольный человек
Не сможет полюбить вовек.
Его любовь ничто не значит:
Он обворует, одурачит.
Всё, что одной наговорит, —
Другим точь-в-точь он повторит.
Когда поклонник наперёд
Лишь обещания даёт,
К себе расположить стремится,
Ответных чувств к себе добиться, —
Пусть дама обещанье даст,

Любви ж бесплатно не отдаст,
Пока он платы не добудет,
Монет в руках держать не будет.
Коль написали ей письмо, —
Пусть смотрит, честно ли оно;
Сколь откровенное признанье
Содержит данное писанье.
С ответом пусть помедлит чуть,
Чтоб страсти этим подстегнуть;
Но если чересчур затянет, —
Любовь поклонника увянет.
Когда поклонник говорит,
Что страстью к даме он горит,
Скорей услышать хочет “да”, —
Пусть дама не спешит тогда:
Не выражает пусть отказ,
Согласья не даёт тотчас.
Вот мой совет: надежду дать
И страх заставить испытать.
Когда ж покой он позабудет
И в просьбах неотступен будет, —
Пусть будет женщина всегда
В своей позиции тверда,
Лишь понемногу уступая
Надеждой страх его сменяя.
Пусть он живёт меж двух огней, —
Приблизится не сразу к ней.
Когда ж она ему сдаётся,
То пусть святыми поклянётся,
Что он из всех, кто к ней ходил,
Один лишь в этом победил!
Пусть утверждает, что ему
Она отдастся одному
И говорит: “Вас так люблю
И Вам любовь дарю мою
Не за подарки Ваши я:

Околдовали Вы меня.
Я никому не уступала,
Хоть шансов было и немало;
Персон известных прогнала, —
Вас одного всегда ждала!”
Совет пусть мой не забывает:
Лишь о богатстве помышляет,
А не о хахале своём.
Секрет её успеха в том,
Чтоб больше спрашивать с него
И стать любимей оттого:
Кулак богатого разжать,
Чтоб стал её он обожать.
Ведь чем дороже продаются,
Тем больших чувств к себе добьются.
[Не ценит человек того,
Что было в дар ему дано;
И если этот дар теряет, —
О нём не столько вспоминает,
Как если б он его купил —
Сам за него бы заплатил!]
Любовника обворовать
Поможет пусть ей также мать;
Сестра, кормилица и слуги
Предложат пусть ему услуги,
Чтоб он их щедро наградил
И всех слегка принарядил.
Пусть всё подряд они берут, —
Капризничать не время тут.
Пусть, не отказываясь, все
Берут и вещи, и денье,
Сюрко и котты, украшенья,
Перчатки, муфты, угощенья:
Ведь с жертвой справятся скорей,
Коль все охотятся за ней.
Пусть хором говорят ему:

“Ответьте, сударь, почему
У нашей дамы платья нет
Такого, чтобы выйти в свет?
Когда была б она умна, —
Других бы слушала она;
Они её на самом деле
Как королеву бы одели;
Она бы ездила верхом
На лучшей лошади притом!”
Пусть даму спросят: “Отчего
Вам платья не спросить с него?
Как видно, скромны Вы не в меру, —
Пойдите ж с просьбой к кавалеру!”
Хоть лестно слышать это ей,
Молчать пусть скажет им скорей.
(Коль дама глупой не была,
Его уже обобрала.)
Когда поклонник замечает,
Что слишком много расточает;
Иль если даме, может быть,
Неловко большего просить, —
Пусть денег у него займёт
И поклянется, что вернёт.
Расплаты день пусть назначает,
Но ничего не возвращает.
Когда же к ней придёт другой
(Таких побольше б под рукой,
Кого друзьями называют,
Хоть чувств они не вызывают), —
Пусть поспешит ему сказать,
Что платье лучшее отдать
Пришлось недавно ей в залог,
Чтоб посочувствовать он мог.
Пусть сокрушается пред ним,
Что ей наряд необходим,
И что когда поклонник тот

Её наряд не заберёт —
В беде деньгами не поможет, —
Она любить его не сможет.
Когда и впрямь он при деньгах, —
Остаться может в дураках.
Он кошелёк опустошит —
Поступок добрый совершит.
А платье не было сдано:
В железном сундуке оно
На ключ закрыто для того,
Чтоб не нашли нигде его!
[Ни на шесте, ни на крюке,
Ни в доме, ни на чердаке.]
Когда ж и третий к ней придёт, —
Пусть так же с ним себя ведёт.
Когда не будет скромной слишком, —
Попросит пусть себе манишку,
И платье можно попросить,
Какое хочется носить.
Он даст и пояс серебром,
Да и деньжат ещё притом.
Когда с пустыми он руками
Зайдёт однажды в гости к даме
И будет баснями кормить, —
Пусть запретят ему входить.
Хоть обещанья он даёт, —
Пусть дама ухом не ведёт.
Когда денье он не имеет, —
Пусть раздобыть их в долг сумеет
Иль катится к другим вратам
И ищет развлечений там!
Не раз я на обман попалась,
В мужчинах разочаровалась:
Конечно, все они лгуны,
Им дамы верить не должны.
И столько нет в раю святых,

Сколь слов я слышала пустых!
Когда приходит к даме друг,
Ей надо разыграть испуг,
Его тем самым убеждая,
Что в том опасность есть большая:
Что если кто-то из родни
Увидит, что вдвоём они,
То им общенье запретят
И наказать их захотят.
[Когда ж известна станет тайна
Супругу иль слуге случайно,
Она умрёт от их руки:
Её супруга иль слуги.]
Пусть гостя так она пугает,
И после — с ним пусть отдыхает.
Ну, а в другой его приход
Окно пусть дама распахнёт:
Его в окно заставит лезть,
Хотя и дверь входная есть,
И гостя можно без труда
Через неё впустить всегда.
Пусть говорит, что если тут
Родители его найдут,
То до конца с ним будут биться,
Не сможет он нигде укрыться:
Ни в гардеробе[186], ни в ларе,
Ни в доме и ни во дворе;
Что их копьём не победит,
Себя щитом не защитит,
Кольчуга будет ни к чему,
И не поможет шлем ему.
Пусть напоказ она вздыхает
И в опозданьи упрекает;
Пусть говорит, что кем-то он
Был, вероятно, увлечён;
И потому так задержался,

Что дома с дамой развлекался!
И пусть кричит, что предана,
Что безответно влюблена.
Он удивится: “Вот так ревность! —
Мою она не ценит верность.
Она ревнива, как Вулкан,
Кто посадил жену в капкан!” —
[187]Венеру с Марсом он застал
И церемониться не стал,
Когда те двое улеглись,
Игрой любовной увлеклись. —
Вулкан на них накинул сети
И прекратил забавы эти!
(Их были сплетены тела.)
Венера так и обмерла:
Как только их Вулкан поймал,
Богов он всех туда созвал.
Хотя Венере было стыдно,
Вулкану — за себя обидно, —
Теперь узнали боги все
И о Венериной красе:
Все ею боги любовались,
И меж собой они смеялись,
Что так Вулкан наивен был,
Коль думал, что один ей мил.
Но, всё ж, Венеры поведенье
Не может вызвать удивленья:
Лицо Вулкана ведь черно, —
Углём испачкано оно,
И руки не чисты, и шея, —
Конечно, всех кузнец чернее!
(И будь он, как Авессалом[188], —
Она не думала б о нём;
И будь настолько он пригож,
Что и с самим Парисом схож, —
Она ему бы изменяла:

Жене всегда супруга мало!!)
В свободе люди рождены,
Но знать закон они должны:
Порядок общий соблюдать,
Свою природу укрощать.
Ведь у Природы нет закона
Производить для Робишона
Марьетту: всякая жена
Для многих сразу создана.
И Робишон не для Марьетты,
Не для Агнессы иль Перетты:
Природой создан он для всех,
А не для этих иль для тех.
Всегда мудра была Природа, —
И всем дарована свобода.
Хоть брак людьми был учреждён,
Чтоб помешал распутству он,
Порядок жизни чтоб придать,
Детей совместно воспитать, —
Сынок, все девушки и дамы
В защите прав своих упрямы:
Они порой на всё идут,
Пока свободу не найдут.
Жить по закону не умеют, —
К природной воле тяготеют.
Из-за красавиц белый свет
Узнал уже немало бед.
Примеров сотни есть тому,
Перечислять их ни к чему:
Бытует это и сейчас,
И будет бытовать средь нас.
О всём мужчины забывают,
Когда красавицу встречают:
Стремятся ею обладать,
У всех других отвоевать.
Но лишь добьются своего,

Как пыла больше нет того.
Пока в свободе люди жили
И брак ещё не учредили, —
Могли друг друга убивать,
На произвол судьбы бросать
Детей, мужчины дам бросали, —
За долю их не отвечали.
Гораций был весьма учён:
Послушайте, что пишет он.
Хоть слово грубое тут есть, —
Не стыдно это вслух прочесть:
Его велик авторитет,
В его словах неправды нет.
[189]Елена первой не была, —
Пришло от женщин много зла:
Войны причиной было место[190],
Что всем мужчинам интересно.
Остались неизвестны те,
Что погибали на войне:
Они в анналы не попали, —
О них потомки не узнали.
Покуда существует свет,
В нём мира не было и нет:
Соперники за женщин бьются,
С телами души расстаются.
Природа ведь всегда сильна, —
Над всеми верх берёт она.
О том же, что Природа может, —
Узнать Вам мой рассказ поможет.
Лишь стоит птичку нам схватить
В лесу и в клетку посадить, —
Как песни запоёт она,
В тюрьме своей заключена,
И нам покажется, что ей
В неволе стало веселей.
На самом деле дикой птице

Спокойно в клетке не сидится.
Когда же мы ей корм даём, —
Она мечтает о своём:
О том, чтоб ей летать везде
И о лесной своей еде.
Ведь ей свобода лишь нужна,
А жизнь в неволе ей скучна:
Бедняга, мечется по клетке —
О, если б ей сидеть на ветке!
Ей только щель бы где найти,
Но нет оттуда ей пути.
Из клетки выпорхнуть бы ей
И в рощу улететь скорей!
Любая дама, словно птица,
На волю из тенет стремится:
Её природное чутьё
К свободе лишь влечёт её.
Как только в “клетку” попадёт, —
Освобожденья снова ждёт;
Пока ж оттуда нет дороги, —
Живёт в печали и тревоге.
На волю рвётся и монах:
Как рыба мечется в сетях.
Сначала мир он покидает,
Потом — повеситься мечтает.
И горем так своим убит,
Что он и плачет, и кричит;
И каждый день его сознанье
Одно лишь мучает желанье:
Уйти бы из постылых стен,
Покинуть ненавистный плен!
Костюм нас не переродит,
Желаний в нас не истребит:
Монах, — как рыба в верше, бьётся
И на свободу снова рвётся.
Но если рыба только раз

Проникнет в вершу через лаз, —
Назад не выплывет она,
На гибель лишь обречена.
Другие же, увидев рыбку,
Допустят эту же ошибку.
Заметив вкусную еду,
Они проникнут в вершу ту:
За кругом проплывая круг,
Отверстие увидят вдруг...
Но вот когда они в верше,
Назад не выбраться уже!
Сачок и то не так ужасен,
Как сей снаряд для рыб опасен:
Им можно только сожалеть
О том, что недалёко смерть.
Кто путь монаха выбирает, —
Себя на это обрекает.
Природы нам не одолеть,
Какую обувь ни надеть;
Каким ни будет капюшон, —
Нас от неё не спрячет он.
Природа в сердце остаётся,
Изгнанию не поддаётся.
Страдает так монах любой,
И тем сильнее молодой.
Но должен страсти он смирять,
Их в добродетель обращать.
Природа ж — никогда не лжёт,
Свободы цену знать даёт.
[191]Ведь людям, как сказал Гораций,
С своей природой не расстаться:
Хоть прочь погоним мы её, —
Отыщет место вновь своё!
[Наряды можно нам менять,
Природу ж нам нельзя изгнать.]
С Природой спорить проку нет. —

Устроен так весь белый свет;
И всё творение стремится
К своей природе возвратиться.
Нельзя закон тут применить, —
Её насильно устранить.
Всех женщин это извиняет,
Кто изменяет и гуляет.
Венеру можно оправдать,
Всему обоснованье дать.
Природа всё за всех вершит
И всё по-своему решит:
Она законов всех главней
И воспитания сильней!
Сынок, возьмите Вы кота,
Что мышь не видел никогда
И у хозяев жил, как в сказке, —
Среди внимания и ласки:
Изысканную пищу ел,
Другой, казалось, не хотел.
Но только мышь он увидал, —
Как будто долго голодал,
За ней бежит, и вот скачок, —
Схватить её он тут же смог! —
И сразу мышь съедает ту,
Забывши про свою еду:
Нет в мире ничего вкусней
Того, что раздобыть трудней.
А как поступит жеребёнок —
Возросший лошади ребёнок?
Пусть он кобыл и не видал,
В коня покуда вырастал,
Но, взрослый, увидав кобылу, —
Почувствует природы силу:
Заржёт он весело пред ней
И прыгнет ей на круп скорей.
[Не станет масть он выбирать,

К своей по тону подбирать!]
И конь возросший вороной
Кобыле будет рад любой:
Соловой будет рад и сивой, —
Любая кажется красивой,
Любая для него годна,
Когда не спутана она!
И так же лошадь вороная
Всегда поступит молодая:
В супруги к первому пойдёт,
Кого распутанным найдёт,
Будь то каурый иль гнедой,
Саврасый, чалый иль рябой!
Но то, что верно для коней
Пород различных и мастей, —
Касается ещё быков,
Берущих в жёны всех коров.
Так и с бараном: всем подряд
Баран бывает овцам рад,
А самки рады всем самцам, —
Скажу с уверенностью Вам.
Такой природный аппетит.
Сынок, и у людей не спит.
Его закон лишь умеряет, —
Немного он людей смиряет.
Немного? — Ведь лишает их
Он на свободу прав любых:
Повелевает он одной
Мужчине тешиться женой,
А даме — только одного
Любить супруга своего.
Как только люди в брак вступают,
Друг другу верность обещают.
Но, всё ж, свобода их влечёт, —
Жить по закону не даёт.
Нельзя Природу нам убить,

Свои наклонности забыть,
С ней разве только из стыда
Поспорить можно иногда,
Иль из боязни наказанья
Хранить возможно обещанье.
И, в нас самих заключена, —
Не даст покоя нам она:
К свободе будет побуждать
И, как животных, всюду гнать.
Об этом знаю и сама я:
Когда была я молодая,
Я всем старалась милой быть
И всем мужчинам угодить.
О всех прохожих я мечтала,
Чей взгляд на улице встречала.
Любого я бы обняла,
Себе в любовники взяла
(Я чувствовала нежность к ним
Ко всем: седым и молодым...)
Когда б я не была робка,
Когда б мне знать наверняка,
Что с виду лишь они суровы,
Что все любить меня готовы, —
Я с каждым бы из них легла,
Утешить всех бы их могла:
Им всем подряд, казалось мне,
Могла я подойти вполне!
(Была, как кукла, я одета, —
Мужчинам нравится ведь это),
И если бы ни ложный страх, —
Ко мне бы шли прелат, монах,
Каноник, светский человек,
И рыцарь бы со мной возлег;
И важный человек учёный,
И опытом не умудрённый:
Пришли бы все, кто был в соку, —

Поклясться в этом я могу!
И ради прелести моей —
Ушли бы из монастырей
Иль брачные расторгли б узы,
Чтоб лишней не было обузы.
Когда бы знали мой настрой, —
Я б хахалей имела строй:
Все на коленях бы стояли,
О снисхожденьи б умоляли.
Когда бы мне им веру дать,
Что я не буду прочь их гнать,
Законов знание природных
О наших склонностях врождённых, —
Никто б меня не упрекнул
И свой обет бы не соблюл:
Никто не стал бы помнить долго
Ни обещания, ни долга!
Ведь мало тех, кто навсегда
Любимой сердце всё отдал
И отказался б от моих
Услуг заманчиво-благих:
Все на любовь мужчины скоры,
И не нужны им уговоры.
[Им надо только одного,
И не упустят своего!]
Увидев, как я к ним добра, —
Поймут, что лечь со мной пора.
И чувств не надо им моих:
Довольно им, что терпят их.
Хотя, быть может, дан обет, —
Преград как будто вовсе нет.
Природа всеми управляет, —
Всех к удовольствиям склоняет.
Не можем мы любовь судить, —
Венеру следует простить!
Венеру видя с Марсом вместе,

Хотели б на его быть месте
Все те, кого Вулкан созвал,
Когда их в сеть свою поймал.
[С ней все хотели б оказаться,
Хоть будет небо всё смеяться!]
Смеялись боги не со зла, —
То зависть тайная была.
Вулкан же — счастия не знает,
И локти он теперь кусает:
Измену должен он терпеть,
Со стороны на них смотреть.
Ведь с той поры, как дело это
Он раструбил по белу свету, —
Не страшно мненье им других,
Встречают всюду вместе их:
Когда любовь их всем известна, —
Скрывать её не интересно.
Как тот бездумно поступил,
Кто всех об этом известил! —
Себя он только опозорил,
С женою свой разрыв ускорил.
Когда бы молча он страдал, —
Жене противен бы не стал:
Когда бы лучше притворялся,
Что ни о чём не догадался.
Кто за подругою следит,
Измены ставит ей на вид, —
Её лишится уваженья,
Улыбок и расположенья.
Ведь Ревность может лишь вредить —
Любви любимых нас лишить:
Когда в душе она живёт,
То сердце всё она сожрёт!
Но не ревнует дама та,
Что для примера мной взята:
Она должна лишь притвориться —

Любви поклонника добиться.
Сил не должна она беречь,
Коль хочет в нём любовь разжечь.
[192]Когда ж поклонник тот нарочно,
Увидев, как она тревожна,
Ей скажет, что и впрямь с другой
Досуг проводит свой порой,
Коль раздразнить её стремится, —
В ответ пусть женщина не злится.
Спокойна будет пусть она
И равнодушно холодна.
Поклонник будет возмущён,
Что безразличен стал ей он:
“Махнула на меня рукой, —
Так, значит, есть у ней другой....”
Пусть дама говорит в ответ:
“Увы, мне жизни с Вами нет!
Бесстыдно о любви Вы лгали,
А сами — изменять мне стали.
Так я Вас, сударь, проучу, —
Монетой то же отплачу!”
И если любит он её, —
Не сможет горе скрыть своё
И будет глубоко задет,
Увидев, что любви в ней нет:
Влюблённые всегда боятся
Средь рогоносцев оказаться.
Тогда служанка пусть вбежит
И, будто в страхе, завизжит:
“Позор нам, барышня, позор!
Мессир уже вошёл в наш двор
Иль визитёр, — мы все пропали,
Ведь мы же никого не ждали!”
Свиданье дама пусть прервёт
И гостя в хлев пусть отведёт
Иль пусть проводит на чердак,

Чтоб он уйти не мог никак,
И чтоб не мог пошевельнуться
И ждал, пока за ним вернутся.
[Чтоб он надежды не имел
И весь от страха онемел!]
Когда в тот час придёт к ней вдруг
Ещё один нежданно друг.
Иль если дама так сглупила,
Что двух в тот час придти просила, —
То расторопней надо быть,
Из положенья выходить.
Пусть гостя в комнаты ведёт
И извиненье принесёт
За то, что ей не до приёма,
Поскольку муж и братья дома;
Пусть скажет, что её все ждут, —
Сегодня быть с ним не дадут;
Пообещает пусть свиданье
И исполнение желанья.
При этом пусть она скорей
Его проводит до дверей,
Те уверенья повторяя,
Его из дома выдворяя.
Затем пусть к первому идёт
(Не то он в скуке пропадёт),
Пусть выйти из тюрьмы велит
И тут же в спальню пригласит:
С ним пусть немедленно возляжет,
При этом недовольно скажет,
Что слишком дорого она
За встречу с ним платить должна —
Своею жизнью рисковать,
За то, чтоб с гостем лечь в кровать!
И пусть душой отца клянётся,
Что худо ей потом придётся.
Хотя ничто им не грозит,

Пока он с дамою лежит,
И никому на самом деле
Не интересно, кто в постели:
Хотя спокойней в доме том,
Чем на природе, быть вдвоём!
[Но пусть влюблённый, всё ж, не знает,
Что им беда не угрожает:
Ведь удовольствие растёт,
Когда запретный сорван плод,
А если он спокойно взят, —
То меньше ценят результат!]
Когда настанет час вставать,
И будет за окном светать, —
Прикроет дама пусть окошко,
Чтоб свет вливался лишь немножко,
И чтобы не увидел друг
На теле недостатки вдруг.
Пусть будет комната темна,
И кожа дамы не видна.
Не то пятно его смутит
Иль что другое отвратит, —
А коль увидит он порок, —
Сорвется с места наутёк:
Тогда и даме стыдно будет,
И он дорогу к ней забудет!
В постели пусть друг друга ждут,
Игру умело пусть ведут:
И ласки дружно начинают,
И вместе к порту приплывают,
И пусть никто на полпути
К нему не прекратит грести.
И пусть любви все проявленья,
Все знаки удовлетворенья
Получит от хозяйки друг,
Кто перенёс немало мук!
А если ж дама холодна,

Не наслаждается она, —
Пусть наслажденье разыграет —
Тогда она не проиграет.
Пусть верит друг, что он ей мил
И что ей радость подарил,
Хотя за “счастье”, что взяла, —
Она б каштана не дала!
Чтоб чувствовать себя надёжно,
Любовник пригласит, возможно,
Однажды женщину к себе.
Когда угодно так судьбе, —
Пусть чуть задержится она,
Не будет слишком уж точна:
Когда помедлит с появленьем, —
Он будет ждать её с волненьем!
Обнимет даму он нежней,
Коль дольше думает о ней,
Ведь тот, кто любит по часам, —
Разочарован в этом сам.
[К любви весь вкус теряет тот,
К кому она сама идёт.]
Придя к поклоннику домой,
“Секрет” пусть дама скажет свой:
Что мужа своего боится
И что как только возвратится, —
Её, конечно, муж побьёт
За то, что слишком долго ждёт.
А после жалобы своей
Пусть станет чуть она смелей:
Влюблённому спешит отдаться
И неге вместе с ним предаться.
Коль дама всё сидит в дому
В угоду мужу своему,
Не может друга навестить
Иль на беседу пригласить, —
Пусть мужу зелья подсыпает,

От коего тот засыпает.
Коль выхода другого нет,
То мой пусть слушает совет:
Пусть усыпит его вином
Иль одурманит порошком. —
Тогда хозяйка без опаски
С другим предаться сможет ласке.
Чтоб гостя в дом ей пригласить,
Придётся ей родных просить,
Чтоб в нужный час его вели,
“Достав хотя б из-под земли”.
Когда ж устроят тот визит, —
То щедро пусть их наградит.
Коль им не хочет открываться,
В тени желает оставаться, —
Пусть зельем усыпляет всех,
Вернее чтобы стал успех.
Иль пусть к ревнивому идёт
И жалобу изобретёт.
Так скажет мужу пусть она:
“Мессир, я, кажется, больна:
Мне чересчур сегодня жарко, —
Быть может, это лихорадка,
Подагра иль другой недуг, —
Мне в баню захотелось вдруг.
У нас, конечно, чаны есть,
Но париться нельзя ведь здесь.
Помочь не сможет ванна мне,
А паром — излечусь вполне!”
Быть может, после размышленья
Он даст супруге разрешенье.
С себя чтоб подозренья снять, —
Служанку даме надо взять.
Узнает добрая служанка,
Что у неё за лихорадка,
И если есть у ней дружок, —

Он тоже с ней пойти бы мог.
Пусть дама к банщику идёт,
Там с другом время проведёт,
Не станет спрашивать ушата, —
Леченья даме ведь не надо;
Иль спросит только если вдруг
Захочет с ней купаться друг:
Им может в бане показаться,
Что можно вместе искупаться.
Кто ж сможет даму защитить,
За нею всюду уследить,
Когда, лукавая, не тщится
Сама получше защититься?! —
Того б и Аргус[193] не сумел,
Когда б за нею он смотрел:
Когда бы и полстами глаз
Следил за дамою он враз!
(Глаз сотня у него была,
Но половина их спала.)
Меркурий Аргуса казнил:
Ему Юпитер поручил
Убийство это совершить,
Чтоб Ио волю возвратить. —
Скрывая от супруги Ио,
Её в корову превратил он.
Но женщин ведь не привязать,
Под стражею не удержать:
Лишь тот, кто этого не знает,
Такой товар приобретает!
Нельзя столь глупой даме быть,
Чтоб волхвованье разводить,
Поверив в то, что говорится
В народных сказках-небылицах;
Не нужно верить в волшебство,
Некромантию[194], колдовство,
И Баленусовой[195] науки

Не нужно применять от скуки!
А тем, кто женщину толкнуть
Хотят на то, — не верит пусть.
Пусть не берётся колдовать —
К себе мужчину привлекать,
И не старается впустую,
Чтоб ненавидел он другую.
Ведь женщинам наука та
Не удавалась никогда:
Ясон ушёл из рук Медеи,
Улисс[196] сбежал от чар Цирцеи.
Необходимо даме знать,
Что в дар мужчине можно дать:
Подарков ценных не должна
Любовнику дарить она.
Подарок лучший — кошелёк
Недорогой иль поясок
С застёжкою недорогой,
Убор дешёвый головной.
В подарок можно дать ему
Ещё игольницу, тесьму;
Подушку можно подарить,
Иль полотенце, или нить.
(Монахини так поступают, —
Друзьям клубок они вручают.
Но лучше к ним не заходить, —
Со светской дамою дружить:
Не будут вас судить так строго,
И будете общаться много.
Все дамы светские живей
Обманут стражей и мужей.
Хоть деньги им нужны, — дороже
В монахиню влюбиться, всё же!)
Когда мужчина будет мудр, —
Бояться будет тех натур,
Кто любит им давать дары, —

Не ради ль это всё игры?
Природу женщин надо знать:
Не свойственно им расточать.
Быть щедрыми должны мужчины,
А дамам — нет на то причины!
Когда же мы дарить спешим, —
Перед собою мы грешим.
Ведь щедрых женщин нет, поверьте:
Скупыми сделали нас черти.
Лишь сами Вы должны, сынок
Извлечь из всех подарков прок.
[И дельный я совет Вам дам,
Он для любых подходит дам:]
Подарки Вы всегда берите,
Обманщиков — Вы обманите.
Имеет молодость конец,
Ведь не навечно Вы юнец.
И если долго проживёте, —
И Вы, мой друг, стареть начнёте.
Чтоб не могли Вас осмеять, —
Должны богатство Вы собрать.
Чтоб в дураках не оказаться, —
Деньгами надо запасаться.
Вам дальновидным надо быть —
Приобретенья все хранить.
А кто добра не накопляет, —
Цены вещам совсем не знает.
Я так не делала, увы! —
И дожила, вот, до сумы.
Подарки не копила я, —
И в том трагедия моя.
Что у богатых я брала, —
Друзьям я бедным отдала.
Увы, я денег не считала,
И нищей в старости я стала...
Мне надо было б уж давно

Копить, что было мне дано;
Но не смотрела я вперёд,
Не думала, что старость ждёт!
Всё время прахом проходило,
И я все шансы упустила.
Когда бы я была умней, —
Беды не дождалась бы сей:
Жила бы я сейчас богато,
Как раньше я жила когда-то.
Вращаясь средь людей больших,
Была известна я средь них.
Но люб мне был совсем другой:
Распутный, грубый и плохой.
Меня ничуть он не ценил,
Лишь презирал, бранил и бил.
Всё для него я берегла,
Других дары ему несла.
Друзьями всех я называла,
Дары же — лишь ему давала;
Его любила одного,
Не знача много для него.
Меня ж он — потаскухой звал,
Бесчестьем всюду покрывал;
Но что от встреч мне оставалось, —
Всегда ему лишь доставалось.
Мой недалекий женский ум
Не дал собрать больших мне сумм,
И не того любила я,
Кто б оценил тогда меня.
Но если бы любимый мой
Меня оставил чуть живой:
Плечо мне в драке повредил
Иль даже голову разбил, —
То я ему бы все простила,
За муку бы благодарила.
Ведь как меня бы он ни бил, —

Путь к примиренью находил;
Со мной ни разу так не дрался,
Чтоб после драки не обнялся!
Меня пинал он и таскал
И тумаками покрывал,
Но после жар с него сходил, —
И он прощения просил.
Меня позорил, оскорблял,
И — о пощаде умолял;
Меня обидев, — извинялся,
И мир к нам снова возвращался.
Меня он грязью поливал,
Но сам её и отмывал.
Злодей, обманщик и предатель, —
Обидчик мой и оправдатель!
Жить без него я не могла, —
Его б и в Лондоне нашла,
Когда бы от меня он скрылся —
Вдруг в путешествие пустился.
Игорной жизнью развращён,
Обоих нас позорил он:
С тем, что давала я ему, —
Не обращался по уму.
Транжирил всё, играл, кутил, —
В трактиры каждый день ходил:
Ведь денег столько я давала,
Что на кутёж ему хватало.
Он ремеслом не овладел,
Работать вовсе не хотел,
Нужды большой в том не имея,
Моих финансов не жалея.
Тогда я знала, где их брать,
Чтоб от нужды его спасать:
Мне со всего в те годы света
Немалая катилась рента.
Любил он роскошь, негодяй, —

Ах, дебошир, гурман, лентяй!
В его забавах и разгуле
Все эти средства и тонули.
Но вот иссякли все дары, —
И нищим стал он с той поры.
Растратил время он в безделье, —
И кончилось его веселье.
На хлеб он денег стал просить,
С протянутой рукой ходить.
И незамужняя, босая
Тогда одна ушла в леса я.
В кармане нет и двух монет, —
Мечты о свадьбе больше нет.
Пусть Вам примером буду я,
Уроком служит жизнь моя.
Прошу, сынок, не будьте глухи
К советам опытной старухи!
Лишь Ваша молодость пройдёт, —
Подарков время с ней уйдёт;
И лишь увянет Ваша Роза, —
Придёт к ней нищеты угроза.
Когда начнёте Вы седеть, —
Даров не будете иметь.
И седина заставит Вас
Просить подачек в тот же час”.
Её Приём Прекрасный слушал, —
Ни звуком речи не нарушил.
Услышав, что у ней за тон,
Её боялся меньше он.
Теперь он начал размышлять
О том, как крепость лучше взять;
О том, что если бы не Ревность, —
Не трудно взять бы было крепость:
Ведь только трое сторожей
Осталось из команды всей!
Но не лелеял он надежды,

Что стражи эти смежат вежды,
Что нападенье проглядят
И крепости не защитят.
Они своею жизнью жили,
А Злого Языка забыли. —
Убит он. Что им до того? —
Им легче стало без него:
Ведь гадости он делал им,
И не был ими он любим.
Он их позорил, поносил,
На них хозяйке доносил:
Не дали бы за Языка
Они и дольки чеснока!
Его любила только Ревность, —
Ей слушать треск его хотелось.
[Когда б теперь она могла,
То выкуп за него б дала.
Всегда он Ревность возбуждал,
Когда о том-о сём болтал:
Любил её он навещать
И обо всём оповещать.]
Все сплетни ей он приносил
И в курс всех дел её вводил.
И каждый раз, когда хотел, —
Перевирать он всё умел:
Преувеличивал он новость
Иль большую давал ей скромность.
Итак, своею трескотнёй
Был мил он Ревности одной.
Другие все его презрели
И даже в церкви не отпели!
А тем, что он теперь затих, —
Он лишь обрадовал всех их.
Из тех, кто крепость сторожил,
Никто об этом не тужил:
Охранники не горевали,

Что без него слабее стали,
[Надеясь крепость защитить
И недруга не пропустить.]
Будь тысяч и пятьсот врагов, —
Был каждый страж на бой готов.
Они, конечно, все храбрились,
Своею силою гордились
И говорили: “Отчего
Нам будет хуже без него?
Нам приносил он лишь беду, —
Так, пусть же Злой горит в аду!”
Но, что б они ни говорили, —
Они теперь слабее были.
Старуху выслушал Приём,
Но, всё он думал о своём.
Старуху он благодарит
И вежливо ей говорит:
“Как много Вы, мадам, сказали, —
Искусство Ваше показали;
Но я признаться должен Вам:
Любви я не изведал сам.
По слухам лишь о ней я знаю,
А больше знать и не желаю.
Не буду деньги я копить, —
Я не хочу богатым быть.
Я тем доволен, что имею,
И большего желать не смею.
К манерам лучшим я стремлюсь,
Себя вести всегда учусь;
Ничуть не верю в колдовство:
Я к сказкам отношу его.
А тот, о ком Вы говорили
И многословно так хвалили, —
Не столь мне хорошо знаком,
Чтоб я переживал о нём!
Пусть всем приятен Ваш валет, —

Тут я ему не конкурент.
Не буду спорить я об этом:
Ведь не встречался я с валетом!
[За что его мне не любить?
Иль всей душой его любить?!]
И если б я при встрече вдруг
Его назвать решился “друг”, —
То это был бы лишь привет,
Каким бывает всяк согрет.
Всегда приятно всем при встрече
Приветственные слышать речи.
“Добро пожаловать, друзья!” —
Сказал бы всем гостям и я.
“И Вам, друзья, добра желаем”, —
Мы на приветы отвечаем.
Так, чествовать его я рад,
Как чествую я всех подряд.
Но мне он шапочку даёт, —
Так, значит, мой настал черёд
Ему вниманье оказать,
К себе теперь его позвать.
И раз я принял дар его, —
Его приму я самого:
Ему приём я окажу —
Добром ответить поспешу!
Пусть он сюда ко мне зайдёт,
Когда из крепости уйдёт
Хозяйка Ревность. Я боюсь,
Её ухода не дождусь.
Ведь если даже ей случится
Хотя б на время отлучиться, —
Она забудет что-нибудь,
Что может вновь её вернуть:
С собой, бывало, вещи взяв
И путешествие начав,
Она к нам тут же возвращалась

И нами снова возмущалась.
Когда бы к нам она пришла
И гостя у меня нашла, —
Она меня бы растерзала
Иль растерзать бы приказала!”
Старуха говорит в ответ:
“Причины для волненья нет,
Ведь я за это отвечаю.
Немало тайников я знаю:
Когда его я спрячу тут, —
Его уж точно не найдут.
Святым Реми я Вам клянусь, —
Вернётся Ревность в замок пусть, —
[Скорей найдут в траве иглу,
Чем гостя в потайном углу!]
По всем окрестностям пусть кружат, —
Но молодца не обнаружат”.
Приём сказал в ответ: “Тогда
Пусть не уходит никуда, —
Ко мне спешит пусть в гости он.
Я буду ждать. Вопрос решён.
Пусть он ведёт себя примерно
И будет вежлив непременно”.
— “Тот юноша как раз таков —
Не побоюсь высоких слов, —
Он храбр, и вежлив, и умён,
Достоин встречи с Вами он!”
Беседа кончена была,
Взялась Старуха за дела.
Приём Прекрасный удалился
И в комнате уединился.
Увидев, что наедине
С ним можно говорить, — ко мне
Старуха тотчас поспешила
И мне об этом доложила:
Когда пришёл удобный миг,

Она из башни напрямик
Бежит в тайник мой, в нетерпеньи
Преодолевши все ступени.
Старуха дышит тяжело
И говорит: — Вам повезло!
Но прежде всё-таки скажите:
Что мне за это Вы дадите?
А просьба коротка моя:
Хочу перчаток пару я.
Для Вас же новость я имею,
И всё устроить я сумею.
— Перчатки ведь пустяк, мадам, —
Я Вам накидку, платье дам,
И шляпу дам Вам дорогую,
И башмаки Вам презентую[197],
Коль новость добрая у Вас,
И мне всё скажете сейчас!
— Приём Прекрасный был так мил,
Что Вас к себе он пригласил, —
Старуха говорит с волненьем,
Сопровождая объясненьем:
Зайдите с задней стороны,
Чтоб не были Вы так видны.
Калитка есть там потайная, —
В неё бы Вас и провела я!
Она закрыта уж давно,
Не ходит тем путём никто:
Давно о нём не вспоминали,
Два месяца не открывали.
И говорю Старухе я:
— Когда Вы впустите меня, —
Я за ценой не постою, —
Вам ткани лучшей подарю:
Зелёной или голубой
По десять ливров, — дорогой, —
Святым Реми я Вам клянусь, —

За всё я с Вами расплачусь!
(Мне Друг сказал пообещать
И то, что не могу я дать).
Старуха вновь ушла. А я,

Помочь мне Господа моля,
Иду к калитке потайной:
Она открыта предо мной.
Так мне Старуха услужила, —
Её нарочно приоткрыла.
В калитку тихо я вошёл,
Её закрыть я нужным счёл
Для безопасности моей.
Нет больше у калитки сей
Злодея Злого Языка,
И цель моя совсем близка!
Но почему врата разбиты? —
Разбила их Амура свита.
И мне идёт навстречу он,
Отрядом целым окружён.
Пусть Бог их всех благословит

И Бенуа святой хранит!
[Амур передо мной предстал, —
Уверенности мне придал.]
Личина был с Амуром здесь, —
В отца пошёл, Обмана, весь,
И сам он сделался предатель
И лжеминистра продолжатель.
И Лицемерье здесь была —
Та, кто Личину родила.
А Воздержанье — в положеньи,
О сына думала рожденьи:
Она Антихриста зачла,
Его во чреве уж несла,
Готовилась на свет родить —
Личине сына подарить.
Мне все помочь они пришли,
Надежду снова принесли.
Как был я несказанно рад,
Амура повстречав у врат!
Они ведь Злого победили
И к бою вновь готовы были.
[И знайте, что в делах таких
Нельзя вам обойтись без сих:
Проникнуть в крепость кто желает, —
Притворный облик принимает.]
Как Нежный Взор мне увидать? —
Мне вспоминался он опять.
Амур его мне посылает,
И вмиг меня тот утешает.
От счастья чуть я не упал, —
На миг сознанье потерял.
Я так был рад, что он пришёл! —
К Приёму он меня повёл.
Приём Прекрасный тут встаёт,
Ко мне приветливо идёт:
Какое милое созданье —

В нём сразу видно воспитанье!
Я кланяюсь ему, и он
В ответ мне тоже шлёт поклон,
За шапочку благодаря.
На это отвечаю я:
— Благодарить Вы не должны, —
Примите благодарность Вы!
Тем, что подарок Вы мой взяли, —
Мне честь большую оказали.
О сир, когда угодно Вам, —
Всё, что хотите, Вам отдам!
Коль будете тому Вы рады, —
Все Ваши выполню команды:
Хочу служить я Вам во всём,
О сир Прекраснейший Приём!
Пусть нам враги готовят месть, —
Оказывать Вам буду честь!
Я ради Вас на риск пойду,
Любую слабость превзойду.
Я ничего не пожалею,
Собой пожертвовать сумею!
Чтоб Вам уверенность в том дать, —
Прошу меня Вас испытать.
Коль я Вам неугоден буду, —
Всю радость в мире позабуду!
— Благодарю. Тогда и Вы
Моё себе всё брать вольны:
Берите всё, в чём есть нужда, —
Вам рад полезным быть всегда!
— Спасибо Вам сто тысяч раз!
Лишь об одном прошу я Вас:
Когда Вы так ко мне добры
И всё отдать мне рады Вы, —
Скажу, что есть тут вещь одна,
Что сердцу моему нужна:
[Её одну иметь желаю

И в ней одной души не чаю.]
Раз Вы готовы всё мне дать, —
То больше не хочу я ждать:
Мне взять у Вас цветок лишь надо,
Дороже злата Александра!
Так, к Розе подойдя чуть-чуть,
Хотел я руку протянуть:
Я взять её уж был готов,
Услышав столько добрых слов.
(Радушною была беседа, —
Казалась близкой мне победа:
[Приём Прекрасный был так мил, —
Мне всё с улыбкой говорил!])
Но я в успех поверил зря, —
Надежда не сбылась моя.
[Не все находят исполненье
Безумные предположенья.
В своих мечтах дурак смешон, —
Таких настроит планов он!...]
Лишь только я шагнул вперёд, —
Опасность предо мной встаёт.
Чтоб в зубы он к волкам попал
Иль жертвою злодеев стал!
Сидел он тут невдалеке —
Шпионил тихо в уголке;
Беседу нашу услыхал
И слово в слово записал.
Он мне кричит: “Ступайте прочь,
Вассал! Мне Вас терпеть невмочь!
Мы только дух перевели,
Как вновь Вас черти принесли!
Пришли нам вновь надоедать
И беззаконья учинять?
[Опять в Вас дикость торжествует! —
Святых для Вас не существует!]
Так убирайтесь же! Иль Вас

Убью, не думая, сейчас!”
Услышав, что кричит виллан —
Бесцеремонный грубиян, —
Тут прибежали Страх и Стыд,
И вся компанья норовит
Меня за руки ухватить,
Чтоб к милой Розе не пустить.
Виллан же — всё кричит, взбешённый,
Меня толкает, неуёмный!
Все на меня они пошли, —
Согласье меж собой нашли.
Попал я в новую беду:
О, где я помощь обрету?
“Нет, не получите Вы Розы, —
Опасности гремят угрозы, —
Ни раньше Вам и ни поздней
Никто не даст надежды сей.
[Приём не понят вовсе Вами:
Нашли Вы за его словами
Неверный смысл, — совсем иной,
Чем содержался в речи той.]
Приём Прекрасный добр к Вам был:
Вам сердце он своё открыл.
А Вы так грубо рассудили,
Что Розу чуть не захватили!
Он согласился Вас принять,
Вы ж — не смогли его понять! —
О Розе он не заикался,
Когда в приветах рассыпался.
[Отдайте Вы себе отчёт:
Чужого честный не возьмёт!]
Прикинулись Вы дурачком,
И оскорбили нас притом.
А Розы Вам не получить,
Хоть будете о ней просить;
И если действовать без спроса, —

Не станет Вашей наша Роза!
Что Вы сказать хотели тем,
Что делитесь с Приёмом всем:
Его умаслить Вы хотели,
Чтоб обокрасть на самом деле?
Ему представились как друг,
И предали Приёма вдруг?
Вы примыкаете к врагам,
И в крепости не место Вам!
Пусть с горя Вы теперь умрёте,
Но больше к нам не попадёте.
Припомните: мы в прошлый раз
Не так давно изгнали Вас;
И вновь сюда Вас, как назло,
Нечистой силой занесло!
Старуха глупость совершила,
Когда Вас вновь сюда впустила,
Не ведая, что ротозей
Готовит для своих друзей.
Обманут Вами и Приём,
Хоть оказал он Вам приём:
Ведь худа он не замышлял,
А чуть цветок не потерял!
Так точно пострадает тот,
Кто тонущего пса спасёт,
И вдруг тот пёс начнёт кусаться
И на спасителя бросаться.
Так, уходите же скорей
От наших крепостных дверей!
Охотьтесь Вы в других местах, —
А здесь — стоим мы на постах.
Скорей спускайтесь по ступеням, —
Мы к Вам настроя не изменим.
[Зачем нам вызовы бросать, —
Своею жизнью рисковать?]
Пока мы здесь ещё втроём,

Но и других мы позовём:
Вы от погони не спасётесь
И на ступенях разобьётесь!
Признайтесь, сир, скорее в том,
Чем мог обидеть Вас Приём!
[Должно быть, Вы умалишённый
Иль вовсе совести лишённый:]
Вы в верности ему клялись,
И вдруг вредить ему взялись.
[От нас он Ваш приход скрывал,
Знать ни о чём нам не давал.]
Как глупо он себя повёл, —
В цветник он Вас к себе привёл,
Собак и птиц Вам дал: как мог,
Он гостя своего развлёк!
Так, в наказанье будет он
В той башне снова заключён!
[Пусть пострадает он за то
В тюрьме ужасной, как никто:]
Его мы в цепи закуём,
В темницу навсегда запрём,
Не будем выпускать на волю.
Пошли, Господь, Вам ту же долю!”
Приём опять у них в руках,
Его теснят и Стыд и Страх,
Во двор они его толкают
И в башне снова закрывают.
Так, перенёс он вновь побой
И вновь в тюрьме помощник мой.
[Замков три пары там закрыли,
Ключи три раза в них крутили.]
Хотя и не в цепях он был, —
Про них Опасность не забыл
И обещал, по возвращеньи
Своей угрозы исполненье.

А я, вмешаться не успев,
От ужаса похолодев,
Неподалёку там стоял
И вот теперь мишенью стал.
О, испытание какое! —
Они набросились все трое:
Меня теснят они и бьют,
Сказать мне слова не дают,
А я же — всячески креплюсь
И Господу за них молюсь:
Пусть им раскаянье пошлёт,
А наказаньем обойдёт!
Вот я слабею: в сердце боль,
Хотел бы я иную роль —
С свободою моей проститься,
В тюрьме с Приёмом очутиться.
Хочу скорее сдаться им,
Но я не нужен им живым.
А умирать я не желаю,
И я Опасность умоляю:
“Опасность, милый человек,

Тебе служить я буду век;
Ты добр и милосерд с людьми, —
Меня, преступника, пойми!
И вы, прекраснейшие девы, —
Вы так отважны, мудры, смелы.
Из рода дамы Разум вы —
И благородны, и честны;
В служители меня возьмите,
За злодеяния простите!
[198]Хочу с Приёмом вместе быть, —
На белый свет не выходить.
Когда вина за мною есть, —
В тюрьму ведь мне логичней сесть!
Коль я предатель и бандит,
Коль тяжкий грех на мне висит, —
Меня в темницу поместите,
А прочь из замка не гоните:
Ведь я вас умоляю сам
Меня закрыть скорее там!
Я цель преследую одну —
Лишь искупить мою вину;
Так, вы мне в том не откажите, —
Меня цепями обвяжите.
Коль подозренья есть у вас, —
Хочу наказан быть тотчас:
Коль службу плохо я исполнил
И слова данного не вспомнил.
Безгрешных в мире нет людей:
Пусть пострадаю как злодей.
Коль мне случилось вас разгневать,
Так что ж мне на свободе делать?!!
Нет кары большей, чем простить
И на свободу отпустить:
Без искупления греха
Не будет жизнь моя легка.
Сдаюсь я в руки правосудья, —

Ведь понимаю дела суть я!
Так, будьте судьями вы мне, —
И буду счастлив я вполне:
В делах и мелких, и важнейших
Нет, кроме вас, судей главнейших!
Приём — четвёртым будет пусть,
Чтоб примирить вас как-нибудь:
Меж вами ладу коль не будет, —
Приём Прекрасный вас рассудит.
Ведь нужен чей-нибудь совет,
Когда в суде единства нет!
Коль скажет он меня побить
Иль пожелает вдруг убить, —
Не воспротивлюсь я ему:
Суда решение приму!”
Кричит Опасность в раздраженьи:
“Нелепо Ваше предложенье!
С Приёмом Вас закрыть в тюрьме, —
Что куропатку дать лисе.
Да, будет нам свидетель Бог:
Глупее сделать я б не мог.
Меж вами возродится вновь
В тюрьме, конечно же, любовь.
Вы головы нам не морочьте
И выгоды Вы нам не прочьте:
Нет, обойдёмся мы без слуг, —
Без их сомнительных услуг!
Вы уверяете нас в том,
Что может Вас судить Приём.
Великий Боже! Ваш арбитр
За преступленье сам сидит!
Скорей потоп на Землю грянет,
Чем он свободным снова станет.
Он осуждён и заключён:
Как может стать судьёю он?!
Когда ж привратники вернутся, —

Они с ним быстро разберутся:
Он за преступный разговор
Получит смертный приговор. —
Он только это заслужил,
Коль вправду всё Вам предложил.
Приём Прекрасный всем подряд
Здесь услужить бывает рад,
[И Розу всяк сорвать мечтает,
Увидев, как он принимает!]
Но если мы его запрём,
То розы наши мы спасём.
Никто их больше не возьмёт,
Как ветер их не унесёт.
Кто ж силу станет применять, —
Тот жизнь рискует потерять:
Его повесим иль сошлём!”
“Но в чём же виноват Приём? —
Я возразил, — скорее, вы
Пред ним теперь не без вины:
Вы преступленье совершили —
Невинного в тюрьме закрыли.
Ведь заключенья в том мотив,
Что он любезен и учтив;
Что мне при встрече улыбался,
Со мною вежливо общался.
[Не заслужил тюрьмы Приём, —
Ведь преступлений нет на нём.]
Ведёт себя Приём невинно, —
Ошибка ваша очевидна.
Прошу его я отпустить,
От кары сей освободить.
О, как жестока ваша месть! —
Пора уже Вам знать и честь”.
Привратники насторожились:
“Нет-нет, мы вовсе не ошиблись, —
Красноречивый Ваш рассказ

Лишь в заблужденье вводит нас!
[Хотя безумец и стремится
За виноватого вступиться, —
Мы не пойдём на поводу
У всех, кто мелет ерунду! —]
Считаем невозможным мы,
Чтоб выходил он из тюрьмы;
Не может быть о том вопроса, —
Приём не высунет и носа!”
Вдруг на меня напали все,
И я почуял: быть беде.
Меня толкают и пинают
Так больно, будто распинают.
Я о пощаде их молю
И втайне знаки подаю
Всем тем, кто мне пришёл помочь,
Что драться мне уже невмочь.
И я кричу моим друзьям,
Что больше не справляюсь сам:
Но голос мой настолько тих,
Что еле достигает их!...
Тут увидал меня дозорный
И всех оповестил, проворный.
“Сюда скорее! — он кричит, —
Влюблённого ужасен вид!
Когда ему мы не поможем, —
То мы его лишиться можем!
Пришла пора вступить нам в бой,
Пока Влюблённый наш живой.
Его связали и бичуют, —
Враги все разом атакуют.
Не слышно голоса его, —
Уже охрип, скорей всего;
Иль принялись его душить,
Чтоб жизни, бедного, лишить!
Он с ними справиться не смог,

Конец его уж недалёк.
Страдает слишком он жестоко:
Протянет, видно, уж недолго,
Коль не поможем мы ему. —
К концу идёт всё одному.
От них сбежал Приём Прекрасный,
Его в беде утешить властный.
Никто помочь не сможет тут,
Когда бароны не придут.
Пока с Приёмом он в разлуке, —
Лишь мы его облегчим муки.
Скорей тревогу надо бить,
Чтоб дружно в битву нам вступить!”
Коль не пришли б мои друзья, —
Не смог тогда бы выжить я.
Увидев, как я одинок,
Как в этой битве изнемог,
Лишённый всяческой поддержки,
И как меня пытали зверски, —
Друзья к орудиям бегут
И в бой всю армию ведут.
А я попал в Амура сети:
Как вкопанный, стоял на месте.
Лишь армия собралась вся,
Как бой жестокий начался.
В союз объединились стражи
И поклялись друг другу даже,
Что будут до конца стоять —
Не станут с поля убегать:
В беде друг друга не покинут,
Хотя бы даже и погибнут,
Своих позиций не сдадут,
Товарищей не предадут.
Увидев страшный их союз,
Я за друзей моих боюсь.
Но и они не растерялись —

В единый фронт тотчас собрались:
Они не думают бежать,
Клянутся битву продолжать,
Пока их враг не разобьёт
Иль в плен к себе не заберёт;
На стражей свысока глядят
И гордость их сломит хотят!
Надеясь выиграть сраженье,
Все проявляют нетерпенье.

К картине битвы перейдём
И всё описывать начнём.
[Влюблённые! Позвольте вас
Отвлечь от действия сейчас:
Я только пояснить хочу,
Чему в романе я учу.
Пусть с вами сам Амур пребудет
И покровителем вам будет!
Кого хотите вы поймать, —
Хорю позвольте в сеть загнать!

Охотничьи собаки лают:
Вот-вот уж зверя настигают.
Дано любви искусство здесь,
И пояснения все есть:
Ведь тайну я могу открыть,
Как научиться вам любить.
Ещё не всё я рассказал,
Что рассказать предполагал;
Когда ж я истолкую сон, —
Для всех понятен станет он!]
Но прежде чем в рассказ пущусь. —
От злых людей я защищусь,
Не для того, чтоб забавляться,
А чтоб пред ними оправдаться.
Роман Амуру посвящён,
И чтоб он не был оскорблён, —
Прошу вас, милые сеньоры,
Когда посыплются укоры
За то, что автор был нахал
И много дерзких слов сказал;
[Коль возмутятся перед вами,
Что смел он с грубыми словами, —]
О них судачить вдруг начнут,
Идеи все перевернут, —
Прошу в ответ им не молчать,
Смелее с ними в спор вступать,
Их пересуды прекратить
И мой язык им объяснить;
Сказав, что сей язык правдив,
Пусть недостаточно красив;
Что автор знает: он в ответе
За все обозначенья эти,
По праву их употреблял,
Ничем не злоупотреблял —
Он все их слышал в речи устной.
А вот что говорит Саллюстий[199]:

[200]“Хоть не сравнима слава тех,
Кто свой завоевал успех,
И тех, кто это описал —
В произведеньи рассказал, —
Нельзя при этом не учесть,
Что заслужил и автор честь:
Немало должен он трудиться,
Чтоб точности во всем добиться,
Чтоб в букву быль перевести,
Чтоб нужные слова найти.
Коль автор хочет точным быть,
Событья верно отразить, —
Слова такие выбирает,
Что факты прямо излагает”.
Ничто и я здесь не таю:
Всю правду в книге говорю.
Прошу теперь честнейших дам:
Когда покажется вдруг вам,
Влюблённым или не влюблённым,
Замужним иль не обручённым,
Что в чём-то я циничен был
Иль вдруг перо употребил
Я где-то против нравов женских
В моих словах порою резких, —
Меня не очень-то бранить,
За эти грубости простить:
Ведь цель сего произведенья —
Лишь молодёжи просвещенье.
А против женщин я б не мог
Здесь написать и пары строк!
Я женщин оскорблять не смею,
К тому желанья не имею,
На них обид я не таю,
К ним ненавистью не горю.
[И ни одну на целом свете
Обидеть не хотел, поверьте!

На то способен лишь глупец
Иль худшее из всех сердец!
А я их не хотел обидеть —
Не создан я их ненавидеть:]
Не стоит придираться им
К стихам намеренно прямым.
Ведь мы всё это записали,
Чтоб мы и вы себя узнали.
Ведь мы должны себя познать,
Чтоб можно было всё понять!
Хочу ещё я отступить,
Почтенных дам предупредить:
Когда покажется вдруг вам,
Что я всё сочиняю сам, —
Во лжи меня не обвиняйте,
На древних авторов пеняйте.
И всё, что я ещё скажу, —
У древних я искать прошу:
Давно всё это сочинили,
Мы — лишь слова их повторили!
Коль книги древние не лгут, —
То не найдёте лжи и тут.
Прочтите в них про женский нрав,
Чтоб вам увидеть, сколь я прав:
При чтеньи древних книг нам ясно,
Что в основном со мной согласны
Те, кто о женщинах писал,
Кто их натуру изучал.
Писали авторы не шутки
И в здравом находясь рассудке,
В ответе за свои слова:
Была трезва их голова.
И то, о чём мы здесь поём, —
Они на опыте своём
Когда-то тоже испытали
И в сочиненьях передали.

(В эпохи разные они
Писали хроники свои).
Итак, я с критиками квит,
Никто меня пусть не винит:
Я мысли древних повторяю,
А если и присочиняю, —
То лишь для красоты стиха
Я провожу два-три штриха,
Как делают порой поэты, —
Так, пусть вас не смущает это!
Все любят рифмами играть, —
За это ведь нельзя ругать:
По-своему любой поэт
Трактует выбранный сюжет.
Один поэт сказал когда-то,
Что всё, чего поэтам надо, —
Чего достичь они хотят,
Когда стихи свои творят, —
Иль пользу принести, иль радость,
Иль с пользой сочетать приятность[201].
Коль мой читатель возмущён
Моею речью иль смущён,
Коль думает, что я его
Хочу ужалить самого,
И если мой герой Личина —
Неудовольствия причина, —
Позвольте громко заявить,
Что не хотел я уязвить
Того, кто Бога почитает,
С готовностью всем помогает.
Во всеуслышанье скажу,
Что ведь и я, как все, грешу,
Что натянул я тетиву
И в воздух выпустил стрелу:
Я не хотел убить из лука
Ни неприятеля, ни друга,

И не стремился вовсе я,
Чтоб ранила стрела моя!
Я, честно говоря, стремился
К тому, чтоб только враг смутился:
[Хотел его я распознать,
Чтоб сам он о себе дал знать;]
Я лишь замыслил, чтоб стрела
Врагов определить могла —
Чтоб выявила всех неверных,
Лишь внешне — правильных, примерных.
Иисус о них предупреждал,
Им имя «лицемеры» дал.
Враги повсюду есть такие:
Средь них монахи и мирские.
Иные, заслужить чтоб честь,
И мясо отказались есть.
Но нет у лицемеров веры:
Как людоеды лицемеры, —
Способны заживо съедать:
И унижать, и клеветать!
А всякий верующий прост —
Не ест он мяса только в пост:
Не станет этим красоваться,
Чтоб кающимся показаться.
Лишь лицемеров я искал,
Других задеть я не желал,
В пространство лук мой направляя
И наугад стрелу пуская.
И если кто-то сам собой
Под той окажется стрелой,
Кто обвиненья не отринет
И выстрел в грудь свою воспримет,
И будет жаловаться мне,
Что это по моей вине
Ему случилось пострадать —
Пусть будет он и умирать —

Я за него не отвечаю,
Своей вины не ощущаю:
Когда б себя он защитил, —
Его бы я не поразил.
А кто мой принял выстрел в грудь, —
Забудет лицемерье пусть:
Тогда он сможет исцелиться —
От боли сей освободиться.
На всякий случай, вновь скажу,
Что ничего я не пишу,
Что не написано давно
И жизнью не подтверждено.
Когда ж мы фактов не найдём, —
То рассужденья привлечём.
Когда примеров мало здесь, —
Ещё и логика же есть!
Когда я Церковь возмутил,
Не те слова здесь поместил, —
То ради Церкви я готов
От этих отказаться слов![202]
[Теперь вернусь к повествованью,
Душевной битвы описанью.
(К тому, что видел я во сне, —
Присочинять не нужно мне.)]
Пример всем Искренность явила,
Что в битву первая вступила:
Хоть робкою она была,
Но на Опасность в бой пошла.
Надменно он на всех взирает,
Дубиной толстой потрясает;
И кто к виллану подойдёт, —
Удар тотчас получит тот.
Он никого не пощадит,
Любой пробьёт дубиной щит;

[И кто предстать пред ним решится, —
Тот с жизнью в миг один простится.
Лишь перед тем бессилен он.
Кто в фехтовании силён.]
Дубина ведь его звалась
Суровым именем Отказ;
Из Грубости его был щит, —
Весь Оскорбленьями обит.
А взял своё вооруженье
Виллан в лесу Сопротивленья.
Но Искренность защищена
И мощно вооружена;
Ей трудно рану нанести:
Ведь трудно к ней подход найти.
С ворот желая стража снять,
Она идёт его сгонять
Не без оружья, налегке, —
С копьём увесистым в руке!
Из леса Нежности своё
Добыла Искренность копьё.
Нет копий в Фонтенбло таких, —

С Молитвой лишь находят их.
Хоть наконечник их железный, —
Он из Молитвы сделан слезной;
И из Прошенья сделан щит,
Рукопожатьями обшит.
Сей щит надёжен и упруг,
Отделан Клятвами вокруг
И Увереньями украшен, —
Поэтому весьма изящен.
Казалось, Искренности он
Был Щедростью самой вручён:
Весь по краям он был резной,
А в середине — расписной.
Вот Искренность копьё метнула, —
Но им виллана не спугнула:
Напротив, он казался смел
Как сам Ренуарт-о-Тинэл[203]!
Немного щит его помялся,
Но всё ж — о чудо! — цел остался.
За ним виллан не трепетал, —
Не страшен был ему металл.
И вот, увидев, что копьё
Теперь поломано её, —
Злорадно он его схватил,
Своей дубиной раздробил;
И, Искренность убить готовый,
Удар рассчитывает новый.
“Тебе, бесстыжей, отомщу, —
Живой теперь не отпущу, —
Виллан ужаснейший кричит, —
Мне месть никто не запретит!
[Никто меня ведь не удержит,
И сам себя виллан не сдержит!]
Ты, видно, чересчур смела,
Раз с боем на меня пошла?” —
Он Искренность дубиной бьёт

И щит её красивый мнёт;
И — отступивши на туазу —
Та на колени пала сразу.
А он кричит: “Я верил Вам,
Но должен вновь терпеть я срам.
Меня Вы провели когда-то, —
Ведь были в том Вы виноваты,
Что негодяя я впустил
И поцелуй ему простил.
Меня на это чёрт толкнул,
А он и глазом не моргнул!
Да, простоват я оказался, —
На уговоры я поддался.
Да, слышит Бог, — я проклял Вас, —
Приходит Ваш последний час”.
Он голову её схватил
И чуть её не открутил.
Она кричит ему: “Помилуй!”,
А он беднягу держит силой,
Кричит, что Искренность убьёт
И клятвы всем святым даёт.
Ей смерть и вправду угрожала,
Но тут к ней Жалость прибежала.
В руках — оружье у неё:
Ни меч тяжёлый, ни копьё.
Острейший это был клинок.
Что плакать сам собою мог.
Скажу о нём я без прикрас:
Рассечь им можно и алмаз.
Её из Облегченья щит,
И Жалобами он обвит.
А Слёзы. Вздохи Облегченья
Щиту создали украшенье.
Столь Жалость жалобной была,
Что слёзы тёплые лила;
И чтоб Опасность побороть,

Ну, принялась его колоть!
Он защищается, как лев.
Разжалобить его сумев
Слезами тёплыми своими,
Виллана орошая ими, —
Она заставила его
Тотчас заплакать самого:
Жестокость вмиг его ушла,
Душа растрогана была.
Он обессилел, зашатался
И убегать уж собирался.
Но тут идёт девица Стыд, —
Опасность всячески стыдит:
“Опасность, Вы так знамениты, —
А нынче, — Жалостью побиты!
Совсем не стойки что-то Вы.
Коль вдруг исчезнет из тюрьмы
Приём Прекрасный, — из-за Вас
Тотчас всех арестуют нас!
Ведь если Вы не устоите,
Приёму розы все сдадите, —
Одну пройдохе он отдаст:
Ни жить ей, ни цвести не даст!
Когда ж ворота отворятся,
То может ветер здесь подняться —
Он наши розы сотрясёт,
Сломает или унесёт!
Иль градина ударит Розу,
Что исказит растенья позу:
Ведь тяжестью она своей
Придётся не по силам ей!
А может — Розу уничтожить;
Иль ветер может потревожить
В её головке семена,
Чего не выдержит она.
Коль вырывать их ветер станет, —

Они ей лепестки поранят
Иль вдруг листы её порвут, —
Цветку в них скрыться не дадут.
А нам на это все укажут,
И все про нас злорадно скажут:
“Коль виден стал теперь бутон, —
Уж, не хозяйский больше он! —
[Зевакам он принадлежит, —
Какой за это стражам стыд!..]”
До Ревности сей слух дойдёт,
И нас тогда она убьёт.
Вы обезумели, виллан,
Как будто выпили дурман!” —
Вот как его позорит Стыд.
“На помощь!” — громко он кричит.
Тут Стыд на Жалость нападает
И отомстить ей угрожает:
“Живёте слишком долго вы;
Все вы — виновники войны!
Сама хочу я с вами биться, —
За всё заставить расплатиться!”
У девы Стыд огромный меч
Стремление Всех Подстеречь:
Она сама его ковала
Из специального металла.
А также у девицы Стыд
Был небольшой, но крепкий щит
Из древесины именной
Страх Репутации Дурной.
А украшение щитка
Вилось подобьем языка.
Стыд больно уколола Жалость,
Та — с ужасом к земле прижалась;
Но Наслажденье в тот же миг,
Откуда ни возьмись, возник.
Спешит помочь ей Наслажденье —

Девице он несёт отмщенье.
Ведь Наслажденье одинок —
И Жалости тотчас помог.
В нём дух элиты благородный,
Его орудья превосходны:
Из преприятнейших веществ,
Из самых лучших в мире средств!
Был меч его — из Жизни Лёгкой,
Щит — из Удобства, с окантовкой,
А окантовка — из Утех
И Радостей возможных всех.
Вот кавалер на Стыд напал,
Но и щита её не смял:
Она так ловко уклонилась...
И вдруг в атаку устремилась
На Наслажденье. Вот удар, —
И на земле он, хоть не стар!
Какая у девицы сила! —
Она ведь шлем его разбила,
И зубы выбила б ему,
Когда б не помешал тому
Сеньор, кого все Тайной звали
И как вояку почитали.
У Тайны меч был невелик,
Похож на вырванный язык.
В сраженьях он всегда молчит:
И не звенит, и не свистит.
Удар заметен только глазу, —
Не слышен даже за туазу.
Был из Укрытья щит его,
Где не бывает никого:
Оно укромнее тех мест,
Где сели б куры на насест!
По краю дальновидно он
Походом Тайным окружён,
Снабжён он также украшеньем —

Секретным Тихим Возвращеньем.
Чтоб уложить на месте Стыд,
Боец мечом её разит.
Удар настолько был силён,
Что лоб чуть не разбил ей он.
Ещё бы силы больше чуть, —
И Стыд бы к жизни не вернуть.
Девице слово он даёт,
Что Ревности не донесёт:
“Сто раз я поклянусь Вам, Стыд:
Никто о том не разгласит.
Я сам Вас в этом уверяю
И Вас арестовать желаю.
Коль обезврежен Злой Язык, —
И Стыд мы арестуем вмиг.
Ни с места! Вы теперь в плену!”
Он смог бы взять её одну,
К его ж несчастью, Страх-девица
Помочь кузине торопится,
Покуда растерялась Стыд
И, оглушённая, молчит.
Хоть дева Страх и боязлива,
Увидев, что в беде кузина, —
Тотчас оружие взяла,
На Тайну гневно в бой пошла.

Меч у неё — из Подозренья,
Что Вызовут на Откровенье:
Остёр тот меч! А матерьял
Его сверкает, как кристалл!
Девицы щит — из Опасенья
Случайностей. А обрамленье
Его зовётся Тяжкий Труд,
Да Наказанье — тоже тут.
Желая Тайну разгромить,
Чтоб за кузину отомстить, —
Девица бьёт его с размаху,
Как приведённого на плаху.
Он уклониться не успел
И от удара ошалел.
Мечом тяжёлым поражён,
Зовёт к себе Отвагу он.
Отвага скор был на подмогу:
Когда б промедлил он немного, —
От смерти Тайну бы не спас,
И тот уж точно бы угас.
Отвага доблестен в боях,

Его душе не ведом страх.
А меч его был назван Ярость,
Имел особенную яркость.
Был у Отваги также щит
Средь прочих — очень знаменит.
Презреньем к Смерти наречён, —
Отделан Безрассудством он.
На Страх Отвага наступает,
Мечом девицу поражает.
Но что за удаль, что за прыть! —
Сумела Страх себя закрыть.
Она не без образованья, —
Искусство знает фехтованья.
От ловкости её руки
На землю падают враги.
Такая у Девицы сила,
Что Страх Отвагу уложила.
Удар настолько мощный был,
Что щит его не умалил!
Как на спине он очутился, —
Тотчас о милости взмолился,
Чтоб остудить девицу Стыд,
Покуда ею не убит.
А тут Уверенность идёт, —
Ему погибнуть не даёт:
“Бедняга Страх! Вы здесь умрёте!
Зачем Вы на него идёте?
В любых боях бесстрашен он, —
Он абсолютный чемпион.
Победою не обольщайтесь,
Старательнее защищайтесь!
Ведь в бой Вы никогда не шли, —
Себя всегда Вы берегли.
[Как заяц, Вы всегда дрожали
И подвигов не совершали!]
Всегда пускались наутёк,

И Вас поймать никто не мог.
[204]И с Каком Вы бежали вместе
От Геркулеса страшной мести.
Разбойник прытким с Вами стал:
Он, как на крыльях, улетал!
[У Геркулеса впереди
Была дубина на груди.]
Хоть раньше Как и не был скор,
Но тут уж разогнался, — вор!
У Геркулеса он украл
Быков, и их к себе пригнал:
За хвост в пещеру их привёл,
Чтоб их хозяин не нашёл.
Там Вы себя и показали —
Свою Вы трусость доказали.
В делах Вы слабы боевых
И мало знаете о них.
Сдаваться надо Вам скорей, —
Тогда Вы будете целей!”
И вот Уверенность берёт
Свой меч привычный Без Хлопот,
Берёт она и Мирный щит,
Что весь Согласием блестит.
Идёт Уверенность в атаку,
Не ведая пред Страхом страху.
Но неудачен выпад был, —
Удар девицу Страх не сбил:
Меча сорвалось остриё,
Благодаря щиту её.
Ей Страх ударом отвечает, —
И щит, и меч враз выбивает
Из рук Уверенности. — Ей
Теперь борьбу вести трудней:
Нельзя девице волю дать
И надо всем пример подать!
Она пускает руки в ход

И Страх за голову берёт. —
Девица так же поступает:
Её за голову хватает.
Меж ними драка началась.
И вся толпа туда стеклась.
Всеобщий бой тут начался,
И армия включилась вся.
Все переходят в рукопашный,
И бой идёт жестокий, страшный.
Все ненависти так полны,
Что оскорбленья лишь слышны.
[Удары сыплются всё чаще,
На град похожи настоящий.
Тяжёл непримиримый бой, —
Не помнит схватки мир такой!]
Страх у Амура даже был,
Чтоб враг их всех не перебил!
Он Нежный Взор к себе позвал —
К Венере с миссией послал,
А с ним и Искренность отправил —
Его сопровождать заставил,
Чтоб рассказали ей вдвоём
Они скорей о бое том,
Её к баронам пригласили,
Их поддержать уговорили.
Не знаю точных сроков я,
Но, приближённо говоря,
Амур, чтоб положенье взвесить, —
Добился мира дней на десять.
[Нам правду незачем таить:
Сумел бы он установить
И постоянный мир с врагами:
Они его боялись сами.
А если б у врага был страх,
Что этот мир лишь на словах, —
Тогда б не удалось Амуру

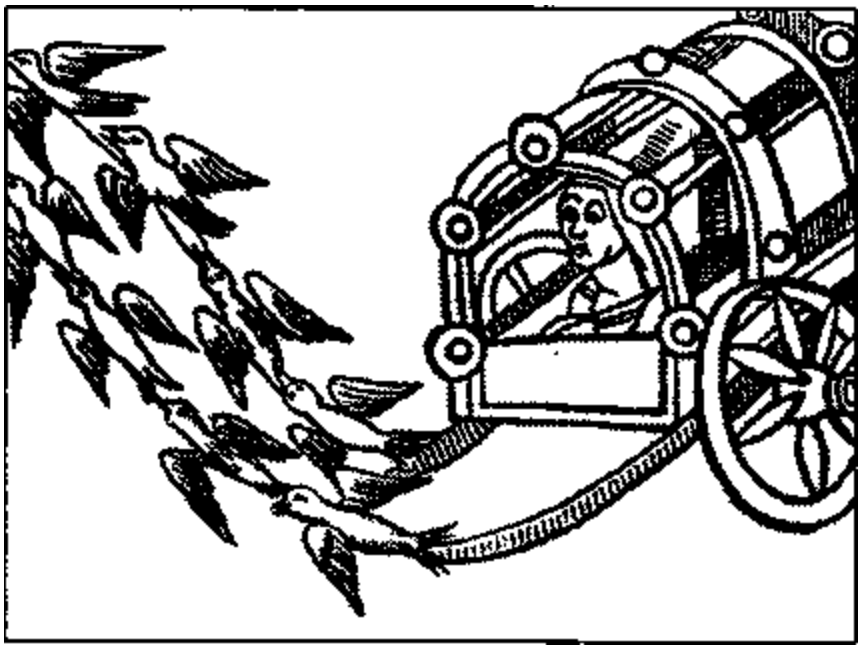
Устроить эту процедуру.
Но что могла та мера дать?
Чего Амур решился ждать?
Когда б была в победу вера, —
Была б излишней эта мера.
Но раз Амур на то пошёл, —
Он средства лучше не нашёл!]
Ведь если превосходит враг, —
Нельзя иначе с ним никак.
Чтоб не закончить рано слишком, —
Необходима передышка.
На время надо отойти —
Хотя бы дух перевести;
И перемирье заключить,
Чтоб силы новые включить.
Амур серьёзно размышлял,
Когда гонцов своих послал
На гору острова Кифера[205],
Где дом имела свой Венера.
Ту гору окружает лес,
Её вершина — до небес.
Туда снаряд не долетит, —
Венеры замок там стоит.
О нём не стану говорить,
Чтоб слишком вас не утомить:
Я к действию перехожу,
Событья изложить спешу.
[206]В тот день гулять она пошла,
С собою молодца взяла —
Адониса. Красавец он,
И был в Венеру он влюблён.
В тот день сошли они с горы
Для их излюбленной игры:
Охоты псовой. Жар полдневный
Игру их сделал слишком ленной.
С утра охотились они,

А в полдень прилегли в тени.
[Красив Адонис молодой! —
Он по характеру живой,
И потому Венере мил,
Что как дитя ещё он был!
И вот она делилась с ним
Богатым знанием своим
В охоте псовой: обучала
Премудростям и обнимала.
Итак, под тополем они
Лежали у ручья одни.]
Неподалёку псы их были, —
Ручья лесного влагу пили.
Так, слушая ручей лесной
И пенье птиц над головой,
Те двое мирно отдыхали
И ход охоты обсуждали.
Венеры был совет таков:
“Охотник должен быть готов
Трусливых лишь зверей гонять,
А от упрямых убегать.
Коль гордо смотрит зверь на Вас, —
Его оставьте Вы тотчас.
[Задиристых зверей побойтесь,
От них подальше Вы укройтесь;
При них Вы не трубите в рог, —
Не позабудьте сей урок!
И за такими не охотьтесь, —
О псах своих Вы позаботьтесь.]
Ведь сила лишь тогда сильна,
Коль против слабости она.
Когда ж сойдутся храбрых двое, —
То им не разойтись без боя.
В охоте неуместен риск;
И вся уйдёт отвага вмиг,
Коль зверь такой Вам попадётся,

Чьё сердце слишком ровно бьётся.
Итак, того лишь стоит гнать,
Кто сам намерен убегать.
Гоняйте ж по лесу без лени
Всех зайцев, лосей и оленей,
Преследуйте и ланей Вы;
Но если попадутся львы,
Медведи, кабаны иль волки, —
То знайте: все они жестоки,
В их ярости слепой страшны,
И трогать Вы их не должны.
[Они умеют защищаться,
Всегда предпочитают драться:
И свору Вашу разорвут,
И Вас, конечно, проведут.
Когда они того хотят, —
Охотников самих едят!]
Коль в лапы к ним Вы попадёте, —
Меня на горе обречёте.
Вас эти звери иль сожрут,
Иль Вам увечье нанесут.
[Коль не запомните урока, —
Придётся нам обоим плохо!]”
Так, обо всём предупредив
Адониса и попросив
Его о том не забывать,
Советом не пренебрегать, —
Закончила Венера речь.
Но не смогла его сберечь:
Хоть он не стал ей возражать,
Чтоб дружбу их не разрушать, —
Когда один он в лес уйдёт.
Она его уж не вернёт.
Ведь юноша не внял Венере
И расплатился в полной мере:
Помочь Венера не могла,

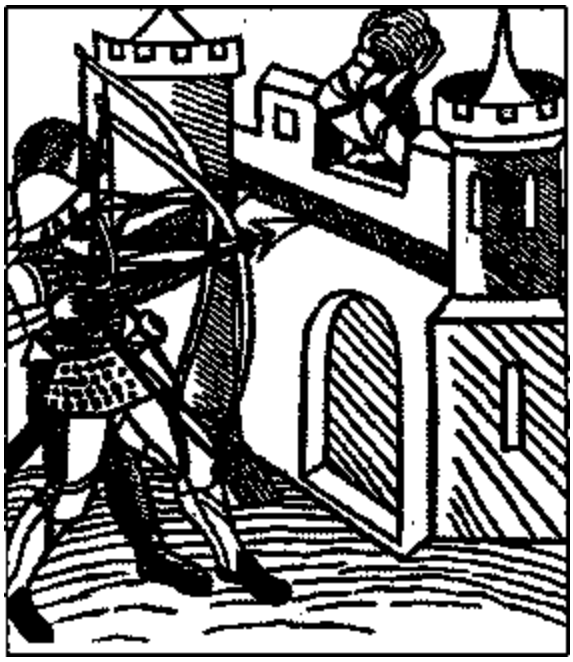
Поскольку далеко была,
И он в лесу скончался том,
Затерзан диким кабаном.
Он думал кабана догнать, —
А тот решил его задрать.
На юношу он обратился —
Зубами в пах ему вцепился:
Ему мошонку откусил
И жизни, бедного, лишил.
Об этом помните, сеньоры!
Чтоб не пришёл конец ваш скоро,
Подругам верьте вы своим. —
Ведь слишком дороги вы им!
Они ведь правду говорят
И вам добра всегда хотят.
Когда клянутся вам в любви, —
Как в «Отче наш» им верьте вы!
Одной любви вы доверяйте,
А даме Разум не внимайте:
Пусть будет на своём стоять, —
Вам лучше Разум отвергать.
Я никогда ей не внимал
Всерьёз её не принимал;
Хоть на Распятьи пусть клянётся, —
И без доверья обойдётся.
Ведь долго бы Адонис жил,
Когда б не столь упрямым был!
В тот день с Венерой вместе он
Вернётся вновь на Киферон:
Они немного отдохнули
И в путь обратный повернули.
Гонцы Амура тут как тут, —
Уже навстречу им идут
И всё Венере говорят,
Не дав сменить лесной наряд.
Богиня переодевалась

И так в ответ им возмущалась:
“Пусть Ревность замок возвела, —
А я сожгу его дотла:
Пусть полыхает замок сам
И всё, что Ревность держит там.
Иль стражи пусть его сдадут, —
Ключи от башни мне дадут.
И пусть постигнет Ревность горе,
Коль вздумала она такое:
Решила замок создавать, —
С Венеры сыном враждовать!
Иль выброшу я факел мой,
Коль этот проиграем бой!”
Тут слуг она своих зовёт,
Приказ им быстро отдаёт
Её готовить колесницу,
Чтоб в путь к Амуру ей пуститься.
Той колесницы нет быстрей —
Четыре колеса у ней,
На ней жемчужины морские
И звёзды светят золотые.
Впрягают вместо лошадей
Шесть самых лучших голубей.
Готово всё, и в колесницу
Венера, торопясь, садится.
Как по команде, птицы ввысь
Все дружно тотчас же взвились:
Крылами машут, режут воздух, —
Лишь в лагере им будет отдых.
Венера в лагерь прибыла



И с колесницы вмиг сошла.
О, как ей радо войско всё:
Тут все с надеждой ждут её!
Спешат друзья навстречу ей,
Средь них Амур — он всех быстрей.
Он перемирие прервал,
Нарушив клятву, что давал
Врагам: любой, конечно, знает,
Что клятв Амур не соблюдает,
Что обещанья зря даёт
И договор любой сорвёт.
Итак, идёт опять война,
Ожесточается борьба:
Бароны крепость осаждают,
А стражи — стойко защищают.
Со всех сторон её бомбят, —
Булыжники в неё летят.
Амур построил камнемёты,
Враги теперь не без работы:
Они на стены известь льют,
Разрушить кладку не дают.

[Как прочны эти укрепленья!
Их держат из лозы сплетенья.]
Ну, а с булыжниками в ряд
На крепость дротики летят:
Из Обещаний перья их
Подарков и Услуг Благих;
Их острия — из Уверенья,
Что рану нанесут без тренья;
А наконечники — из Клятв,
Что точно в цель всегда летят.
Но слуги Ревности сильны,
Щитами все защищены:
[Щиты у стражников крепки,
Не тяжелы и не легки, —
Из тех же прутьев сплетены.
Что и решётки для стены.
Опасность дал им лозы эти —
Крепчайшие на белом свете!
Ведь сам он их и раздобыл —
Свои ограды разорил.]
Покуда бой меж ними шёл,



Амур к Венере подошёл,
Ей всё в деталях изложил
И помощь оказать просил.
Венера говорит ему:
“Уж лучше смертью я умру,
Чем Целомудрию дам волю, —
Средь женщин обитать позволю!
Пусть Ревность будет бушевать, —
Не стану я ей потакать!
Она нам жизни не даёт,
Берёт любого в оборот!
Сынок, должны Вы быть примером,
Путь указать всем кавалерам.
Пусть все идут за нами вслед, —
Дороги лучшей в мире нет!”
Амур в ответ сказал: “Мадам,
При всех готов я клясться Вам,
Что тот, кто не пойдёт за мной
И кто устав нарушит мой,
Кто враждовать со мной решил,
Не любит кто и не любил, —

Тот званья “честный человек”
Не сможет заслужить вовек.
Но этот путь не все находят
И от любви порой уходят.
Всем тем, кто смог о ней забыть, —
В печалях остаётся жить.
Конец их грустных будет ждать, —
Других нельзя прогнозов дать.
Я буду всюду им вредить,
Чтоб их гордыню победить;
Повсюду буду я их гнать
И сдаться буду вынуждать,
Пока они не поддадутся
Иль в сей борьбе не надорвутся.
Им спесь придётся отложить, —
Не дам я без любви им жить!
Кто ж покоряться мне не будет, —
Тот только гнев во мне пробудит.
[И не убьёт меня злодей, —
Ведь не из смертных я людей!
Мою лишь ненависть усилит,
Со мной сражаясь, обессилит.]
Заставлю выбрать я его
Исход сражений самого:
Иль пусть меня он признаёт,
Иль Смерть сама за ним придёт.
Где жизни нам искать счастливой
Ещё, как не в объятьях милой?!
О, что же лучше может быть,
Чем с милою подругой жить?!”
Венера с сыном клятву дали:
Не пред мощами присягали, —
Клялись на колчанах своих,
Как на реликвиях святых,
И говоря: “Коль мы обманем,
Словами коль бросаться станем,

Коль лук и стрелы предадим,
Насмерть не будем верны им, —
Пусть проклянут нас в тот же час, —
Реликвий больших нет у нас!”
Так, на орудиях они
Клялись всех смертных звать к любви;
[Бароны ж верят клятве той,
Как клятве Троицей Святой;]
И будут верить все отныне,
Что их орудия — святыни.
Та клятва вслух была дана,
Пред войском произнесена:
Венеры с сыном выступленье
Все слышали без исключенья.
Во время церемоньи той
Была Природа в мастерской,
Где, как всегда, она ковала:
Существ всё новых создавала,
Старанье вкладывая всё
В искусство древнее своё,
В заботе, чтобы индивиды
Свои поддерживали виды.
Стремится каждый индивид
Свой на Земле продолжить вид:
Смерть всякого подстерегает,
И только вид не умирает.
Созданья гонит все она,
Дубиной вооружена;
Но, как бы всех поймать ни тщилась, —
Того у ней не получилось:
По нашим ходит Смерть пятам,
Природа ж — по её следам.
Хоть перед Смертью все равны
И все ей дань платить должны
(Есть и такие существа,
Что по причине естества

О смерти ничего не знают,
Хотя, как все другие, тают:
У всех ведь смертные тела,
Кого Природа родила;
Все старятся и умирают,
А их тела — других питают),
Хоть Смерть упряма и жадна, —
Всех сразу не убьёт она!
Догонит только одного,
Но есть другие близ него:
Отца захочет Смерть убить, —
Не сможет сына погубить;
И дочка будет жить, и мать, —
Не сможет всех она поймать.
Но и они не убегут
И тело тленью отдадут.
Придёт ко всем живым кончина, —
Бессильна здесь и медицина.
Спасения от Смерти нет,
И не поможет здесь обет.
Вступают в жизнь другие лица,
Чтоб им расти и веселиться.
Одни других на свет родят,
По жизни пробежать спешат
За поколеньем поколенье,
У всех — различные стремленья.
Полюбит кто-то хоровод,
А кто-то школу предпочтёт;
А кто-нибудь уединится
Иль в монастырь уйдёт молиться.
Один захочет торговать,
Другой — искусства познавать.
Кого-то стол влечёт и хмель,
А после — мягкая постель;
Другие — жить хотят иначе,
И на коне от Смерти скачут:

Влечёт их дальняя страна
И золотые стремена.
Уходит кто-то смело в море, —
Проводит жизнь в морском просторе:
На корабле большом плывёт
Под парусом иль сам гребёт,
Желая плавать по звездам,
И покоряяся ветрам.
Смиренно кто-то даст обет,
Хоть в Лицемерье он одет:
Одеждой мысли прикрывает, —
И мыслей тех никто не знает.
Смерть всё живое сторожит,
И всякий от неё бежит.
[И кто бежать не согласится,
Ей должен тоже покориться.]
Лицо её черным-черно,
Всё ближе с каждым днём оно!
[Поскольку всё в её руках, —
Пред нею всех объемлет страх.]
Покоя людям в мире нет,
Погоня длится много лет:
Один десяток или два,
Покуда Смерть не догнала;
А кто-то на три убежит —
И тоже Смерть его скосит;
Иль на четыре, иль на пять, —
Всем дань ей надо отдавать;
Бегут и шесть порой, и семь, —
Но умереть придётся всем;
Иль даже восемь, или девять, —
Но ничего с ней не поделать;
И тот, кто больше ста живёт, —
Однажды, как и все, умрёт.
Бежать иные дольше могут,
Но убежать им не помогут

Врачи: никто из них самих
Ведь не остался средь живых:
Гален[207], Разес[208] и Гиппократ[209]
Скончались много лет назад;
Ни Константин[210], ни Авиценна[211]
Жить, всё же, не смогли бессменно.
Смерть всех до одного найдёт
И жизнь любую оборвёт.
Смерть сытой вовсе не бывает, —
Природных всех существ глотает.
По суше гонит, по воде —
И погребает их везде;
Но всех не может враз убрать —
Жизнь вида целого прервать.
А каждый вид — неповторим:
Другой ведь не сравнится с ним!
И форму особь ту хранит,
Что вид другой не повторит.
Так, Феникс[212] виды представляет:
Двух сразу в мире не бывает
Подобных птиц, и он таков,
Что жить он может пять веков.
Когда ж конец его приходит,
То Феникс на костёр восходит:
Из пряных трав собрав его,
Себя сжигает самого.
Однако он переродится,
И форма птицы сохранится:
Восстанет из огня живой
Похожий Феникс молодой!
Пусть тысяча исчезнет птиц, —
Как вид — останется Феникс.
Природа вид сама заводит
И без конца воспроизводит
В отдельных тварях: все родят

И форму потому хранят.
В подлунном мире так живут, —
Для всех закон единый тут:
Хоть тварь живёт всего одна, —
От Смерти вид хранит она.
Так, милосердная Природа
Куёт созданья год от года,
Хоть Смерть и разрушает всё,
Всё отнимает у неё.
Во кузницу к ней Смерть приходит
И грабит всё, что там находит,
И Порча вместе с ней идёт,
Всё разлагая, в свой черёд.
Не зная лучшего пути
От Смерти виды все спасти, —
Природа образы чеканит,
Искусство ж — подражать ей станет.
Увидев образцы монет,
Захочет их узнать секрет;
И пред Природой на коленях,
Искусство день и ночь в моленьях:
Всё просит, требует у ней
Секреты приоткрыть вещей.
Не может он творить правдиво,
Настолько ж верно и красиво;
И потому пред нею он
Стоит, коленопреклонён.
[Он, как бродяга или нищий,
Кто знанья не имеет пищи,
Природу хочет умолить,
Чтоб помогла ему творить.]
Он хочет знать её рецепты,
Все тайные её концепты;
И, в созерцанье погружён, —
Её работой поглощён.
Он хочет, как она, творить

И ничего не исказить:
Как обезьяна поступает —
Её движенья повторяет.
Но не способен жизнь создать,
Что лишь Природа может дать:
Искусственны его творенья,
Мертвы его произведенья!
Искусство — мастер разных дел:
Резцом и кистью овладел;
С его учёностью большой
Шедевр он создаёт любой!
Но, как бы, бедный, ни старался, —
Всё ж, за Природой не угнался:
Искусство не имеет средств,
Чтоб оживить своих существ.
Трудиться он не устаёт:
Он пишет, лепит и куёт,
Рисует он и вырезает,
Фигуры краской покрывает.
Но ни одна не ожила,
Как хороша бы ни была!
Ни рыцари с вооруженьем,
Готовые к любым сраженьям,
В доспехах жёлтых, голубых,
На крепких конях боевых;
[Ни птицы на кустах зелёных,
Ни рыбы во глубинах тёмных,]
Ни звери дикие лесов,
Ни рощи, полные цветов;
Ни травы, ни цветы весны,
Что на полянах на лесных
Младые пары собирают,
Ни птицы, коих приручают,
Ни зверь домашний, ни портрет,
Которого прекрасней нет;
Ни статуя и ни картина,

И ни резьба и ни лепнина,
Ни дерево и ни металл
И ни другой материал,
Который дам запечатлел,
В наряды лучшие одел,
А с ними — кавалеров рядом,
Блистающих своим нарядом, —
На званых встречах, вечерах,
На праздниках иль на балах, —
Не смогут никогда ожить:
Ни двигаться, ни говорить.
Ведь как Искусство ни умел, —
Он дать им чувства не сумел.
Всю жизнь он может упражняться, —
Ему с Природой не сравняться!
Путь он Алхимию[213] постиг,
В её возможности проник;
Пускай Искусство и узнал,
Как получить любой металл, —
Едва ли сможет он узнать,
Как можно виды превращать,
И никогда б не догадался,
Как вид в Природе развивался!
[Искусство сам скорей умрёт,
Чем эти тайны он поймёт:
Ведь чтоб достигнуть превращенья, —
К основам[214] надо возвращенье.]
До гроба может он гадать,
Как виду новый вид придать,
Но тщетно всё его старанье,
С Природою соревнованье!
Когда б он колдовать решил
И виды вспять поворотил, —
Их трансформировать хотел, —
То знаний он бы не имел,
Как эликсиры разводить,

Соотношенья находить,
Что формы новые дают, —
Различья видов создают.
И, всё ж, Алхимия — искусство,
Что б нам ни говорили чувства;
Алхимии специалист —
Художник и натуралист.
Лишь тот, кто знаньем обладает, —
С телами чудо совершает:
Алхимия секрет нашла
Того, как превращать тела!
Но если брать отдельный вид, —
Не так с ним дело обстоит.
И лишь тела при обработке,
При надлежащей подготовке
Природу могут изменять,
Свой облик на другой менять;
А могут так перевернуться,
Что к первообразу вернутся.
Ведь есть на свете мастера
Стекольщики. Для них игра
Веществ — чудес не представляет,
Стекольщик их легко меняет:
Из папоротника — песок,
Затем стекло добыть он смог.
Конечное произведенье, —
Стекло, — уже ведь не растенье!
А если в небе гром гремит, —
Бывает, сверху град летит:
Имеет форму он камений,
А состоит — из испарений.
И лишь учёный может знать,
Как пар мог камня вид принять.
Здесь состояний переход,
Что к новым качествам ведёт:
В причинах этих трансформаций

Учёный может разобраться.
Стекольщик делает стекло, —
Продукт его труда оно;
А град — Природы порожденье.
В двух случаях тут превращенье.
Порой иль вид, иль индивид
Природа вдруг преобразит:
Иль форму им даёт Природа
Совсем особенного рода,
Иль телу даст другой состав, —
Немало у неё забав!
И у Искусства есть пути
Такой процесс произвести:
Субстанцию преобразить —
Её трансформу получить.
Так, превращать металлы можно,
Хоть это чрезвычайно сложно:
От примесей их очищать,
К начальной форме возвращать.
Ведь все металлы обратимы,
К начальной форме возвратимы,
У всех субстанция одна, —
Как ни построена она.
И книги[215] говорят о том,
Что все металлы мы найдём
Там, где родятся ртуть и сера,
Что создают металлов тело.
Кто мог бы духам повелеть
Металла телом овладеть:
Войти в него, и в нём пребыть —
Металл лишь чистым должен быть —
Когда при этом бы и сера
Сама собою не горела, —
Тот мог бы изменить металл,
Как сам того бы пожелал!
Алхимии есть мастера,

Что золото из серебра
Добыть смешением умеют —
Добавки нужные имеют
Иль могут сами раздобыть,
Чтоб нужный цвет им получить.
Алхимии секреты зная,
К металлам прочим добавляя
Аптекарские вещества, —
Доводят их до серебра.
Из злата — камни дорогие
Возможно получать цветные
Необычайной красоты,
Что и прозрачны и чисты.
Те ж, кто не верят в результат, —
Чудес таких не сотворят!
Природа любит все творенья
И все свои произведенья;
Но, отчего же, так грустна,
Тогда заплакала она?
Ей было больно, тяжело,
Раскаяние сердце жгло;
А кто б за нею наблюдал, —
Тот плакать вместе с ней бы стал.
Как жалобно она вздыхала
И говорила, что устала!
Что хочет бросить все дела,
Какие на себя взяла:
Не мыслить больше, не творить, —
Работу вовсе прекратить,
Когда б Сеньор ей то позволил,
Со службы по добру уволил.
[О том и шла она просить,
Не в силах горя выносить.]
Хотел я дать её портрет,
Но слов таких прекрасных нет:
Не смог её бы описать я,

Пустое бросил я занятье.
Перо бессильно здесь моё —
Не описать мне век её!
Но ведь не я один такой,
Никто б не справился другой:
Никто б её не начертал,
Словами бы не передал.
Ни даже тот, кто знаменит:
Ни Аристотель[216], ни Евклид[217];
Ни Альгус и ни Птолемей,
Известные науке всей.
Не смог бы слов найти Платон,
Не взялся бы Пигмалион[218]
Природы образ изваять,
А Апеллес[219] — живописать,
И зря Паррасий[220] бы трудился, —
Никто б успеха не добился.
Ни Мирон[221], и ни Поликлет[222]
Её не передали б черт;
Не создал бы её портрета
Зевксис[223], когда б взялся за это. —
Для храма Геры он писал
Портрет богини, и созвал
Он пять красавиц для того,
Чтоб мог скомпоновать его
Из самых лучших тел частей
Своих красивейших гостей:
Велел он девушек раздеть,
Чтоб всех получше разглядеть.
Так, перед ним они стояли —
Богини образ представляли.
Историю эту мы найдём
У Цицерона: он о том
В *Риторике* упоминает,
Что весь учёный мир читает. —

Не смог бы даже и Зевксис, —
Столь знаменитый портретист, —
Так линии соединить,
Чтоб лик Природы отразить;
Не смог бы отыскать тона, —
Так восхитительна она!
Тут не один Зевксис бессилен:
Ведь труд подобный не по силе
Ни одному из мастеров, —
Вот совершенный лик каков!
Я думаю, что только Бог
Создать её портрет бы смог.
Когда бы я её постиг, —
Тотчас нашёл бы нужный стих,
Чтоб вам обрисовать её, —
Старанье приложил бы всё!
Но пусто это предприятье:
Природы не могу понять я.
Сей образ мне не охватить,
Его в слова не уместить.
Устал слова я подбирать,
И я решил о ней молчать.
Когда Господь её творил, —
Всю красоту в неё вложил.
Красив без меры и велик, —
Её Он создал как родник,
Что бьёт от века красотой —
Неиссякающей водой.
Ни дна, ни берегов в нём нет,
И вечен он, как вечен свет;
И потому так трудно нам
Подобье дать её чертам.
А тело так её прекрасно,
Что и сравненьям не подвластно.
[Она, как лилия, нежна
И, как весна, свежа она!

Она как самый яркий цвет,
Она как самый чистый свет!]
В великой красоте своей
Непостижима для людей.
Амура клятва[224] облегченье
Дала Природе от мученья.
Она немного отвлеклась,
Но снова причитать взялась.
“Увы! Увы! — она вздыхала, —
Я никогда так не страдала!
Так не жалела ни о чём,
Как о творении одном,
Что я на свет произвела,
С тех пор, как в мире жизнь была.
О, как могла я оступиться
И столь серьёзно ошибиться?
Как совершила глупость ту?
Себе я места не найду.
[Мою ошибку не измерить, —
Теперь не будут мне уж верить.
Старанье прахом всё пошло
И обернулось лишь во зло:
Хотела я служить друзьям,
А послужила лишь врагам!]
Увы! Нелепое деянье! —
Но принесу я покаянье.
Поистине несчастна я:
Ошибка так страшна моя!”
Природе служит Гений[225] добрый
В её часовенке особой.
Бедою отягощена,
К нему спешит теперь она.
Его служенье необычно,
Хотя давно ему привычно:
С тех пор, как в сан он посвящён, —
Природе только служит он.

В часовне книгу он листает —
Богине вслух её читает
Природе: записал он в ней
Всех сущих образы вещей.
Весь мир в ней отражён живой
И вещи все, что под Луной!
Природа к Гению идёт —
Своё несчастие несёт:
— Ах Гений, милый мой святитель[226]!
Вы всех творений повелитель,
И вещи знаете Вы все,
Что существуют на Земле.
Вам хорошо предназначенье
Известно каждого творенья;
Дано Вам качества их знать
И всеми ими управлять.
Всегда Вам по плечу работа,
Что доверяет Вам Природа.
Но я признаться Вам должна:
Ошибка мной совершена.
Хочу я в собственном деяньи
Свершить пред Вами покаянье!
— Мадам, — ей Гений говорит, —
Когда душа у Вас болит, —
Вы в помощь Гения поверьте,
Несчастье Ваше мне доверьте.
О королева всех существ!
Не быть не может в мире средств,
Что от мученья Вас спасут,
Вам облегченье принесут.
Коль что-то беспокоит Вас, —
Мне расскажите сей же час:
На сердце тяжесть не держите, —
На исповедь ко мне придите.
Я слушать Вас всегда готов,
И не скажу я лишних слов,

Коль должен буду я молчать
И Ваших тайн не разглашать.
Мне всё скажите без смущенья,
Я Вам дарую отпущенье.
Так перестаньте же рыдать!
— Сир, не могу я слёз унять!
Пожалуйста, не удивляйтесь,
Мой Гений.
— Всё же постарайтесь!
Коль Вы на исповедь пришли,
Мне нужным рассказать сочли
Вы о каком-то важном деле,
Прощенье получить хотели, —
Обида Ваша велика:
Пришли не из-за пустяка!
[Природа из-за мелочей
Не испытала б муки сей:
Ведь сердце Ваше благородно,
И от обид оно свободно.]
Но я напомнить, всё же, Вам
Хочу особенности дам:
Их гнев легко воспламеняет.
Вергилий даже замечает,[227]
Что у спокойных самых дам
Нрав и капризен и упрям.
Не одинок здесь вовсе он:
Заметил то и Соломон,
Кто говорил, что нет страшней
Голов, чем головы у змей;
И нету в целом мире тварей,
Что были б женщины лукавей.[228]
Их, словом, так натура зла,
Что их порокам нет числа.
Ну, а Тит Ливий, например,
Знаток их нравов и манер,
Сказал, что глупо их просить,

Что им побольше надо льстить.
[Они наивны и слабы
И очень любят похвалы.][229]
В Писаньи также говорится,[230]
Что жадность в их душе гнездится:
Она-то тайный корень есть
Пороков женских, что не счесть.
Нельзя супруге доверять
И все секреты поверять:
Секрет жене доверив свой,
Муж власть даёт ей над собой.
[Коль человек в своём уме, —
Не скажет тайн своих жене,
Когда он не желает их
Потом услышать от других.
Ведь всяк, кто женщиной рождён
И рассужденьем одарён,
Себе отчёт обязан дать
В том, что нельзя с женой болтать:
Пусть с самой доброю и верной,
Порядочной, во всём примерной!
Пусть мужу женщина верна, —
Не сможет тайн хранить она:
Придётся поменять страну,
Чтоб не начать с женой войну.
Не стоит делать тайных дел,
Что б глаз супруги подглядел.
Ведь женщина молчать не может, —
Всем обо всём она доложит.
Молчать не в правилах у ней, —
Пусть будет ей потом страшней.
Хотя никто и не неволит, —
Секрет она сама обронит.
Хотя никто и не просил,
Не прилагал к тому и сил!
Сперва чуть помолчит об этом,
Но всё ж не сможет жить с секретом:]

Размолвка с мужем вдруг случись, —
Секреты все и прорвались.
[Когда вдруг тот, кто ей сказал
Секрет, потом врагом ей стал,
Её вдруг вздумал побивать, —
Язык уж ей не удержать:
Секрет всем вслух расскажет тот,
Чтоб знал о тайне весь народ.
Сколь он подымет руку снова, —
Столь будет всякий раз готова
Она упрёк свой повторить —
Его публично укорить!]
Кто женщине своей открылся, —
Покоя навсегда лишился.
Кто преступленье совершил
И ей сказать о том решил, —
Тот жить с петлёй на шее стал
И руки сам себе связал.
Когда достоин смерти он
За грех, что был им совершён,
И вдруг жену ругать начнёт,
Иль вскользь однажды упрекнёт, —
Она тотчас его заложит
И умереть ему поможет:
Собственноручно сдаст судьям
Или наёмным палачам.
Когда безумец впрямь виновен,
И только умереть достоин,
Когда не может глаз сомкнуть
И даже ночью отдохнуть:
[Коль преступленье спать мешает,
Иль план злодейский сна лишает,]
Убийство коль совершено
Иль что-то злое решено,
И оттого-то он боится
Хотя б одной душе открыться;

Коль по закону должен он
Своей быть головы лишён, —
Когда в постели он вздыхает,
О чём — жена его не знает, —
Его мученья увидав,
К груди своей его прижав,
Его жалеет и целует, —
Тогда её одно волнует:
— “Сир, с Вами мы наедине,
Скажите ж Ваше горе мне:
Мне больно слышать Ваши стоны,
Мы в целом мире две персоны,
Друг друга мы любить должны, —
Не бойтесь же своей жены!
Кто виноват, что Вы не спите?
И почему о том молчите?
Закрыта спальня на замки,
А стены — толсты и крепки;
Чердак довольно высоко,
И окна очень далеко. —
Никто в окно к нам не войдёт,
Когда его не разобьёт:
Его не распахнёт и ветер, —
Одни мы здесь на целом свете!
У нашей спальни нет ушей,
Лишь мне Ваш голос слышен в ней,
И потому прошу: не бойтесь,
Своей жене скорей откройтесь;
Я не устану Вас молить
Меня в секрет Ваш посвятить.
Любви Вас ради умоляю, —
Я тайны Ваши знать желаю,
И Вас открыть я их прошу, —
Я никому не расскажу!”
— “Мадам, я ни за что на свете
Вам не открою тайны эти:

Об этом вслух нельзя сказать”.
— “Да, что Вам от меня скрывать,
Мой господин и мой супруг?
Иль хуже Ваших я подруг?
Но мы же с Вами обручились,
В одну чету соединились.
Иисус Христос нас сочетал —
Единое нам тело дал.
Поскольку пред законом мы
Единство представлять должны, —
То в теле нашем быть должно
И сердце на двоих одно:
[Моё ведь сердце стало Вашим,
А Ваше стало — общим, нашим!]
Ничто Вам знать теперь нельзя,
Что не должна узнать и я;
В душе моей покоя нет,
Коль я не знаю Ваших бед.
Вы говорили, что любили,
Секрет же от меня свой скрыли!
[Я думала, что от души
Меня сестрой Вы нарекли,
Подругой милою зовёте, —
А Вы мне так искусно врёте!]
Но если что-то утаить,
Своей жене не говорить, —
Тогда подумает жена,
Что мужем предана она!
С тех пор, как Вы на мне женились,
Уже не раз Вы убедились,
Что всё Вам доверяю я.
И далеко семья моя:
Где мать, отец, племянник, дяди? —
Ушла от них я, мужа ради!
Простилась с братом и сестрой,
С друзьями всеми и роднёй.

[Но мой обмен не оправдался, —
Мне муж чужим навек остался.]
Я отношусь с любовью к Вам,
А Вы боитесь, что предам.
Кто ж сможет Вас сильней любить,
От всех опасностей хранить?!
Поверьте в верность Вы мою, —
Залог любви я Вам даю.
Когда и этого Вам мало,
И доказательств недостало, —
Так, значит, хуже я других,
И больше любите Вы их,
Коль мне так мало говорите.
Но на других-то посмотрите!
Ведь женам верят все мужья:
То от подруг слыхала я.
В своём дому жена — царица:
Муж от супруги не таится.
Во всём советуется с ней, —
С женой ведёт себя смелей,
Чем со священником! И кстати,
О многом говорят — в кровати,
И обсуждают перед сном
Всё, что происходило днём.
Я женщин слышала самих
И это знаю всё от них. —
(Ведь дамы душу облегчают,
Когда о том-о сём болтают.)
Но я совсем не такова,
Похожа я на них едва:
Я не гуляю, не болтаю
И ссор ни с кем не затеваю.
Я целомудренна, честна
И перед Господом чиста:
Всегда я почитаю Бога,
Законы выполняю строго.

Слыхали ль в жизни Вы хоть раз,
Чтоб я обманывала Вас?
Не испытали ль Вы меня?
Нашли ль, что неверна Вам я?
Теперь, сеньор, Вы посмотрите,
Как Вы мне преданность храните,
Как поступаете со мной —
Своей законною женой:
Мне подарили Вы кольцо, —
И вот, обман Ваш — налицо!
Мне в верности Вы поклялись:
От слов своих Вы отреклись?
Мне лживых клятв от Вас не нужно:
Со мной живёте Вы не дружно.
Похоже, что женились Вы
На мне совсем не по любви!
Так, докажите хоть разок, —
Свидетель пусть нам будет Бог, —
Что дружелюбны Вы ко мне,
Что доверяете жене!
А я Вам твёрдо обещаю, —
Петра святого призываю, —
Что тайну Вашу сохраню, —
В себе её похороню.
Ведь если я проговорюсь,
То уваженья всех лишусь.
Всё, что сочтёте Вы излишним, —
Не буду открывать я ближним;
И даже не шепну о том,
Что будем знать лишь мы вдвоём.
Я раз пословицу слыхала,
Что правду точно отражала:
“Тот сильно повреждён в уме,
Кто нос отрежет сам себе”.
Откройте ж мне причину мук,
Иль скоро я умру, мой друг.

Коль Вы мне смерти не хотите, —
Скажите: отчего грустите?”
Так, одеяла распахнув,
И телом всем к нему прильнув,
Она игру с ним затевает
И щедро слёзы проливает.
Тогда ей муж всё говорит —
Секрета больше не таит,
Выкладывает преступленье
На страх, на стыд, на сожаленье!
Но лишь узнает всё жена, —
Как смерть его предрешена:
Ведь стоит слово проронить, —
Назад его не воротить,
[И лишь раскаиваться можно,
Что поступил неосторожно.]
Супругу просит муж молчать,
Но слишком поздно отступать.
В себе он разочаровался,
Сильней отчаянью предался.
Да, оказался слабоват...
Что ж, сам во всём он виноват!
Коль рассказал про свой он стыд, —
Теперь покорно пусть молчит:
Жена и чувствует и знает,
Что им теперь повелевает.
Её бранить он не рискнёт,
Ни в чём уже не упрекнёт.
Когда в нём гнев она пробудит, —
Ей мстить он никогда не будет.
И если перейдёт на крик, —
Жена молчать заставит вмиг.
[Жена, пока не будет ссор, —
Их будет помнить уговор;
А может тайны не хранить,
Коль тяжело в себе носить:

Пойдёт с другими поделиться, —
От ноши сей освободиться.]
Кто хочет пользу принести
Мужчинам, их от бед спасти
И их предупредить любя,
Чтоб берегли они себя, —
Пусть эту речь произнесёт, —
Всю правду им преподнесёт.
(Хоть женщинам, — вполне понятно, —
Не будет эта речь приятна.)
Но правду незачем скрывать
И факты в землю зарывать.
Ведь правда света не боится —
Ей незачем в углу таиться!
О, дорогие господа!
Бегите женщин вы всегда;
Покой храня души и тела, —
Не посвящайте вы их в дело!
Поверьте: надобности нет
Им говорить любой секрет.[231]
[Бегите женщин вы, бегите
И мыслей с ними не делите.]
Вергилия на этот раз
Я процитирую для вас,
Чтоб вы, благодаря поэту,
В душе бы мысль хранили эту.
[232]Когда идёте в лес гулять,
Чтоб ягод иль цветов набрать,
Когда вы землянику рвёте, —
В траве под ней змею найдете.
Она свернулась, не видна,
Но может укусить она:
Любого, кто к ней подойдёт,
Укус её тотчас убьёт.
Змеи, о дети, опасайтесь, —
К ней вовсе вы не приближайтесь!

О дети, коль вы в лес пошли
И ягоды в лесу нашли, —
Вы не забудьте о змее,
Что затаилася в траве.
Она опасна, ядовита,
От ваших глаз она сокрыта;
Лежит она до той поры,
Пока не подойдёте вы.
Настолько яд её силён,
Что для людей смертелен он!
Не смогут травы, ни коренья
Дать от укуса исцеленье.
Одно лишь средство — убегать,
К себе змею не подпускать.
Не говорю я этим вам,
Что вам любить не нужно дам.
И с дамой лечь нельзя в кровать:
Нет! Женщин надо почитать!
Нет: женщин вы своих любите,
Их по достоинству цените.
Нельзя от них вам убежать, —
Ведь им же род ваш продолжать.
Их обувайте, одевайте,
Все почести им воздавайте,
Чтоб Смерть ваш не настигла род,
Пришли чтоб дети, в свой черёд.
Лишь в том должны вы стойки быть,
Чтоб всё жене не говорить!
Старайтесь, чтобы и случайно
Известна ей не стала тайна.
Должны вы жён своих терпеть,
Давать хозяйством им владеть:
Дела по дому пусть ведут
И за покупками идут:
Когда умеют — пусть торгуют
Иль ремесло пусть практикуют.

Пусть вещи знают только те,
Что можно говорить везде.
Но если власть вы им дадите, —
Себя уже вы не простите.
Лукавство женщин вас убьёт,
Раскаяние к вам придёт.
Писанье нас предупреждает,[233]
Что если властью обладает
Жена, — то мужа всем делам,
Равно как и его словам
Она препятствия чинит,
И в доме всё вверх дном летит.
Когда ещё вы не женились,
А в девушку уже влюбились. —
То будьте добрым другом ей —
Подруге избранной своей.
Ведите общие дела,
Какие жизнь вам привела;
Но если стойки вы, мудры, —
Язык удерживайте вы!
Свою подругу обнимая,
Её целуя и лаская, —
Не говорите ни о чём,
И правы будете вы в том.
Молчите: знать вам не даётся,
Чем откровенность обернётся,
А стоит лишнее сказать, —
Добра уже нельзя вам ждать.
Коль ваш секрет подруга знает, —
Тщеславье ею управляет:
Ведь злой у женщин всех язык,
И больно жалить он привык!
[Коль попадётся им глупец, —
То ждёт его один конец.
Когда он деву обнимает,
Когда любовно с ней играет

И не скрывает ничего,
Что на сердце лежит его, —
Не сможет счастья он иметь
И будет горько сожалеть.
Так много средь мужчин глупцов! —
Гораздо меньше мудрецов.
Глупец откроет пред женой
Души своей секрет любой.
Но тот, кто из мужчин мудрей, —
Не будет открываться ей!]
[234]Далила хитрою была, —
Она Самсона предала:
Его в коленях усыпила
И голову его остригла.
(Самсон из-за волос своих —
С рождения не стригли их —
Огромной силой обладал,
Одним из самых храбрых стал!)
И вот недюжинная сила
Вся от Самсона отступила.
Как опрометчив был Самсон:
Жене доверил тайну он,
Ну, а коварная Далила —
Врагам секрет его открыла.
Таких примеров много есть,
Но одного довольно здесь.
Чтоб передать вам мысль мою,
За Соломоном повторю:
“Уста не открывай при той
Красавице, что спит с тобой”[235]. —
Тебя опасность обойдёт,
Упрёк на грех не наведёт.
Мужчинам это говорите, —
Их от несчастий берегите.
Но что я говорил сейчас, —
Конечно, было не о Вас.

Ведь Вы верны и Вы тверды
И бесконечно Вы мудры!
Писанье сообщает нам,
Что Вам Господь дал мудрость Сам. —
Природу Гений утешал,
Ей благо принести желал.
Затем пошёл с ней к алтарю,
Воссел на кафедру свою;
Природа ж — на колени стала,
Но слёзы лить не перестала.
Итак, пред алтарём она,
Благоговейна и грустна,
На исповедь тотчас пустилась,
Что на уста её просилась.
Я исповедь Природы вам
Здесь слово в слово передам.
“[236]Мир Богом был сей сотворён,
Модель его — в Себе взял Он.
Ведь если бы вовне Творец
Искал для мира образец, —
То не нашёл бы Он вдали,
Ни небосвода, ни Земли:
Ничто б Ему не помогло,
Ничто подсказки б не дало.
Подспорья не было нигде —
Все образцы Он взял в Себе;
Из ничего всё сотворил,
Всего началом — Сам Он был.
От века Богом красота
Была на Землю излита:
[Всё в изобильи у Него,
Вовне же — нету ничего!]
Творил Он не из чуждых сил, —
В Себе Он замысел носил.
Столь Искренний, и столь Благой,
И Землю создал Он такой!

Он сотворил вначале массу, —
Раздельным стало всё не сразу:
Её на части Бог делил
И части эти исчислил.
И так, из суммы всех частей
Вселенной облик создан сей.
Все образы Он завершил,
Пропорции определил.
Всё, что в движеньи пребывало,
Его десница закругляла.
Что было больше и круглей, —
Вмещало множество вещей.
Одни — покровом послужили,
Другие — в тех покровах жили.
Творенье завершив, Он Сам
Места назначил всем вещам:
Что легче — в небо полетело,
Что тяжелей — на Землю село;
Что ни легко, ни тяжело, —
Посередине замерло.
Когда существ Он создавал, —
Мне под надзор их отдавал.
И так, по милости Своей,
Вручил мне жизнь Земли Он всей.
Работу мне мою означил, —
Служанкой быть Его назначил.
Я — так бедна и так мала —
В роскошный дом Его вошла.
Меня Он сделал коннетаблем[237],
Назначил быть Его викарьем[238],
Хоть не достойна я того. —
Я слушаю во всём Его.
Златая цепь мне вручена, —
Стихии[239] держит все она.
Что существуют в нашем мире:
Мои прислужницы четыре.

Все существа Господь мне дал,
Что цепью этой Он связал:
Их формы продолжать велел.
Всех научить Господь хотел
Мои законы исполнять
И никогда не забывать.
Так точно все и поступают —
Мои законы исполняют.
Одно творение всего
Не хочет слушаться Его.
Послушно небо мне всегда,
А с ним — и каждая звезда:
Шатёр небес всегда в движеньи,
И очевидно звёзд вращенье.
Они в пространство свет свой льют,
И неизменен их маршрут.
Поставил Бог на тверди их
Все на каменьях дорогих.
Всем миром небо управляет
И направленья не меняет:
С Востока к Западу идёт
И звёзды все с собой несёт
Навстречу всех планет кругам,
Что супротив идут звездам.
Планеты каждой назначенье —
Притормозить небес движенье.
Но неба равномерен ход:
Оно свершает оборот
За тридесять шесть тысяч лет,
С тех пор, как существует свет.
Когда б вокруг по Зодиаку
Мы провели от знака к знаку
Черту, — то вся её длина
Была б небес пути равна.
Когда же небо обернётся, —
К началу своему вернётся:

Так будет расположено,
Как было Богом создано.
Так, небо вкруг оси вращенья
Свершает вечное движенье.
Настолько точен ход всех звёзд,
Что небо звали “aplanos”
В учёном греческом народе,
Что означает в переводе
“Точнейшее”. Не видно нам
С Земли, что происходит там;
Но это нам представить можно
И вычислить вполне возможно.
Не обвиню я и планет,
Что отражают Солнца свет,
И потому во тьме сияют,
Нас красотою восхищают.
А что касается Луны, —
То люди думать не должны,
Что там, где глазу не видна, —
Быть может, не чиста Луна.
[240]Две половины есть у ней:
Одна светлей, одна темней.
Одна весь отражает свет,
А на другой же — света нет.
В прозрачной стороне лучи
Себе преграды не нашли,
И потому та сторона
С Земли всем кажется темна.
Другая сторона её
Нам шлёт сияние своё;
Но свет не изнутри излился,
А от неё лишь отразился;
И потому она светла,
Что Солнца свет нам отдала.
И так, со стороны “нечистой”
Луна нам кажется лучистой.

[Чтоб объясненье здесь найти,
Пример позвольте привести:
Пусть объяснения трудны. —
Примеры — более ясны.
Коль под стеклом нет ничего. —
То свет насквозь пройдёт его:
В поверхности не отразится,
И образ в глаз не возвратится.
Но если мы свинец возьмём
И под стекло его нальём,
Иль что-то плотное подложим, —
Отправить в глаз лучи мы сможем.
И глаз получит образ тот,
Который свет стеклу пошлёт.
Так и Луна: в прозрачной части
Свет отражать у ней нет власти, —
Лучам преград не создаёт,
Обратно в глаз лучи не шлёт.
А в половине, где Луна
Непроницаема, плотна, —
Лучи она не пропускает:
Весь свет поверхность отражает.
Луна двояка потому:
Являет свет она и тьму.]
[241]В той части, где Луна плотна, —
Она чудесна и странна:
Фигуры две напоминает,
Что дерево соединяет.
Она похожа на змею,
Что клонит голову свою
На Запад, а змеи хвосток —
Как будто смотрит на Восток.
Есть древо на спине змеи,
Что ветви на Восток свои
Склонило, но не по прямой;
И человек на той кривой,

Что руки в дерево упёр,
А ноги к Западу простёр.
Все семь старательны планет,
И ни одной капризной нет.
Они идут по небесам,
По всем двенадцати домам:
Там, сколько нужно, пребывают
И дальше путь свой продолжают.
Навстречу небу все идут,
У каждой — собственный маршрут.
Все семь планет своим вращеньем
И по домам перемещеньем
Должны стихиям помогать
И скорость неба умерять.
Когда б так не происходило, —
Ничто под небом бы не жило.
Ведь если волю небу дать,
То бедствий нам не миновать.
А в центре — Солнце, дня светило,
Что день от ночи отделило:
Весь свет оно произвело —
Ведь, как король, оно светло!
Творец сказал, где Солнцу быть,
Чтоб всем могло оно светить:
Не зря поставил Он его
В центр Мироздания всего.
Ведь Мудрость Бога бесконечна,
И всё Он знает безупречно.
Когда б не так Он поступил
И Солнце б ниже поместил, —
Оно б лучами всё спалило;
А если б Солнце выше было, —
То от мороза, — видит Бог, —
Под Солнцем жить никто б не смог.
Так, в центре Солнце пребывает,
Лучи повсюду посылает.

Хватает света всем вполне:
Далёким звёздам и Луне.
Они все, Солнцем зажжены,
Ночь освещать собой должны.
Когда с небес приходит вечер, —
Во тьме горят они, как свечи.
[Их Ночь на стол к себе берёт, —
К ней в гости Ахерон идёт.
Ведь страшной Ночь быть не желает,
Когда супруга приглашает.
Но он хотел бы всё равно,
Чтоб было с Ночью им темно,
Как и в былые времена,
Когда встречалась с ним она:
Когда они четою стали
И вместе Фурий трёх зачали.
(В аду те Фурии живут
И там вершат жестокий суд.)
Когда же Ночь во тьму глядит, —
Её не радует свой вид,
И ужасается она,
Что чересчур она мрачна.
В подвале или в кладовой
Противен лик ей чёрный свой
Без освещенья тел небесных,
Во тьме ночной весьма полезных.
Они всем ночью свет дарят
И радуют собою взгляд.]
Отец Небесный создал их
На сферах двигаться своих.
Гармонью сферы создают,[242]
Созвучья разные дают.
Мелодьям этим мы внимаем,
По ним мы песни исполняем.
Всё от гармоньи сфер поёт —
Всему она свой тон даёт.

Тела небесные влияют
На всех, кто в мире обитает:
Под их влияньем существа,
События и вещества;
И качества дают свои
Всем в мире веществам они.
Прозрачным — плотность могут дать,
А плотным — призрачность придать;
И вводят качества в тела,
Чтоб жизнь возможна в них была.
(Соединяют хлад с теплом,
А влагу — с сухостью во всём.)
Все элементы примиряют,
Пропорции определяют:
Из отношения сего
Родится форма для всего.
Хоть в парах качества — враги,
В телах — соседствуют они.
[Они тела все создают,
Им форму лучшую дают:
Так получает оформленье
Природы всякое творенье.
А если формы те плохи, —
Материала здесь грехи.]
Когда их и соединить, —
Нельзя надолго примирить.
Тепло — всю влагу выпивает,
День ото дня всё иссушает;
Когда же всю её допьёт, —
То тело существа умрёт. —
Я так сама установила,
Когда тела я все творила.
Но так бывает не всегда:
Ведь смерть торопят иногда.
Из-за несчастья иль порока
Конец приходит раньше срока.

Не существует в мире средств,
Что продлевали б жизнь существ,
И в мире нет лекарств таких,
Чтоб уберечь от смерти их.
Так, может каждый человек
Свой сократить под Солнцем век.
Иные б умереть хотели,
Когда ещё есть влага в теле;
И чтобы им себя убить,
Решают тело утопить
Иль вдруг повеситься решают;
Другие — дело совершают,
Что на костёр приводит их,
Иль гибнут от врагов своих,
Что меч над ними занесут
Иль яд смертельный поднесут,
Желая ближнему конца:
Людей испорчены сердца!
Иль случай вдруг убьёт несчастный:
Конец у всех бывает разный;
Иль если разобьёт недуг, —
Расстаться с жизнью можно вдруг.
И кто неправильно ведёт
Себя, — тот скоро смерть найдёт.
Ведь можно рано умереть,
Коль жизнь построить не уметь:
Иль много бдеть, иль отдыхать,
Работать много или спать,
Грех — и поститься слишком долго,
И услаждаться чем-то много:
Вот так все крайности вредны
И человеку не нужны.
А можно переохладиться,
Иль жизни от жары лишиться.
Страданье может жизнь убить,
И радость — может сократить.

И слишком резкий переход
Смерть за собой порой влечёт:
Ведь состояний измененье
Способно вызвать нарушенья.
Коль что-то резко изменить, —
Здоровью можно навредить:
Желая к лучшему свернуть,
Прервать рискуют жизни путь.
Кто ж тело рано покидает, —
Передо мною согрешает.
Кто сокращает жизнь свою, —
О тех я плачу и скорблю!
Ведь я сама не подведу,
Людей всех к старости веду.
Могли бы люди быть умней
И смертью умирать своей,
Когда б её не приближали,
Когда б к ней сами не бежали,
Когда б ценили жизнь свою
И в ней всё то, что я даю!
Вот Эмпедокл[243]: хоть был учён, —
Какую глупость сделал он!
Решил он прыгнуть в Этны жерло,
Где лава страшная кипела,
Чтоб людям слабым показать,
Как смерть им должно принимать.
Он философию любил
И книг немало изучил,
Но странной мысли он предался —
И смерти ни за что отдался.
Он людям показать хотел,
Как был он перед смертью смел,
Чтоб всех примером научить
Страх перед нею победить.
В могилу он свою шагнул —
Мои законы преминул;

Не мог иначе жизнь окончить,
Как только в лаве с ней покончить!
И Ориген[244] меня забыл, —
Мои законы не ценил:
Себе обрезал генитальи,
Чтоб люди не подозревали,
Что он с монахинями спал,
Когда священником он стал.
Иные говорят, что Парки[245]
Назначили им жребий жалкий:
С рожденья, будто, решено,
Как жизнь закончить им дано;
Созвездья это, говорят,
Им рано умереть велят;
И не дано им долго жить, —
Судьбу-злодейку победить.
Но я скажу: возможно всё, —
Вот слово твёрдое моё.
Лишь не тверды у них сердца,
Что не ведут их до конца,
Коль в них пороки восстают,
Что к преступлениям ведут.
Всё б люди изменить могли,
Коль захотели бы они;
Когда б пошли другой дорогой,
Благодаря доктрине доброй,
Коль слушали б учителей,
Что их и чище и мудрей!
Могли бы люди как-нибудь
Судьбу иначе повернуть,
Благодаря образованью
И неустанному старанью;
Могли б лекарства применить —
Свои болезни излечить.
Путём развитья, размышленья
Добились бы освобожденья

От склонностей своих дурных
И навсегда б забыли их!
Влиянье неба так сильно,
Что часто верх берёт оно.
Но, несмотря на сочетанья
Небесных тел и их влиянья, —
Им разума не победить
И зол ему не насадить:
Не небо разум породило,
И разума — мощнее сила!
Всё может разум подсказать
И лучший выход указать.
Теперь стоит передо мною
Задача трудная, не скрою, —
Вопрос мирянам объяснить,
Возможно ли объединить
Две разных вещи: Провиденье
С свободой внутренней решенья;
Возможно ль их согласовать
И как им сосуществовать.
Как трудно людям не церковным
И к богословью не готовым
Вопрос мне этот объяснять,
Чтоб все противоречья снять!
[Кто взялся б за согласованье, —
Стал это выполнять заданье, —
С трудом бы мог всё проследить,
Все аргументы примирить.]
Но это доказать, всё ж, можно,
Согласование возможно:
Есть Провидение во всём, —
Свободен человек притом.
[246]Коль всем, что на Земле бывает,
Необходимость управляет, —
Не следовало б награждать
Того, кто блага мог создать;

Того ж, чья воля всем вредила, —
Наказывать не надо б было!
Ведь кто б решил добро творить, —
Не мог иначе б поступить;
Того ж, кто б зло творить хотел, —
Никто б остановить не смел;
И спорить стоило б едва ли
С тем, что бы судьбы нам давали:
Дела б все рок определял,
Желал бы кто иль не желал.
А кто-то бы меня оспорил,
Сказав, что всё Господь устроил,
Что неожиданностей нет,
Покуда существует свет,
Что всё давно Он предузнал,
Предусмотрел, предугадал;
И всё, что предвосхищено.
Теперь исполниться должно.
Он знает, что произойдёт,
Что будущее принесёт.
Так, мог бы спорщик утверждать,
Что Бог не мог того б не знать,
Поскольку, если б Он не знал
Концов событий и начал, —
То не был бы всесильным Он,
Всезнанья был бы Он лишён.
О всём не ведая вполне, —
С людьми Он был бы наравне.
Но знанья у людей малы,
А их способности слабы;
И так о Боге говорить, —
Хулу на Бога возводить.
Такое утвержденье ложно,
И допускать его не должно:
Тогда пришлось бы утверждать,
Что невозможно помешать

Тому, что человек замыслил,
К чему свои направил мысли;
И всё б, конечно, сделал он,
К чему был волей устремлён.
[Нельзя бы было отменить
Событья, ни остановить.]
Его идеи, непременно,
Все воплощались бы мгновенно;
А значит, — воли нет такой.
Что спорить бы могла с судьбой.
Но если всё в руках судеб,
И несвободен человек, —
Его как не в чем обвинить,
Так не за что благодарить:
Когда он совершает зло
Иль если делает добро.
За что ему отплатит Бог,
Коль тот не сделать так не мог? —
Не мог бы Бог ни наказать,
Ни за добро добром воздать.
Что б делать человек ни клялся, —
Он от судьбы б не отвязался.
Тогда Господь бы не был прав,
Ему возмездие послав
За грех иль даже воздаянье
За благородное деянье.
За что бы мог Он наказать,
Коль грех не мог бы распознать? —
Тогда б ни грех, ни добродетель
Не жили бы на белом свете.
А если же их в мире нет. —
Зачем тогда давать обет?
И Бога не о чем молить,
И службу незачем служить!
Когда бы был Господь судьёй
При ситуации такой

(Коль мир добра и зла лишён), —
Судьёй бы Правым не был Он!
Тогда б Он должен был простить
Всех в мире, кто б посмел грешить:
Простил бы всех ростовщиков,
И всех убийц, и всех воров;
А тех, кто б верно поступал, —
Он с лицемерами б сравнял.
И не были б довольны те,
Кто Богу угодить хотел:
О, как обидно бы им стало, —
Работа б даром их пропала!
У Бога не было б любви,
И не стяжали бы они
Её поступками своими,
Ни помышленьями благими...
Но нет: Господь, конечно, прав,
Сияет бездна в Нём добра;
А если б не был Он благим, —
То не был бы Собой Самим!
[Он не имел бы совершенства
И бесконечности блаженства.]
[247]Бог справедливо всё даёт,
За все поступки воздаёт. —
Никто не делал дел таких,
Чтоб Бог не отплатил за них.
А значит, с Предопределеньем
Есть рядом вольное решенье;
И значит, фатализма нет
В том смысле, как толкует свет
Понятье это, заявляя,
Что “у Земли — судьба такая”,
Что есть во всём — в добре и в зле
Необходимость на Земле,
И то, что истинно иль ложно, —
Всё существует непреложно.

Кто будет, всё ж, провозглашать,
Что Судьбам всё дано решать,
И кто решит, со много в споре,
Всё ж, отрицать свободу воли, —
Тот может так мне возразить,
Чтоб неизбежность подтвердить
[О том, что люди предсказали,
А позже — в жизни увидали]:
“Когда такой-то это знал
И без ошибки предсказал,
Коль был провидец в полной мере
В своих словах тогда уверен, —
Не истину ль он говорил,
Коль верно всё предвосхитил?
[Когда теперь так и случилось, —
Не правда ль в тех словах таилась?]
И раз исполнилась она, —
То неизбежною была.
Так, значит, правда обратима
С тем, что придёт неотвратимо!”
Конечно, прав был человек,
Кто те события предрек:
Да, он сказал то, что правдиво,
Но что не есть необходимо!
Иначе всё б могло пойти,
Не по-его произойти.
Не неизбежность тут сказалась,
А вероятность оправдалась.
Когда внимательным здесь быть, —
Нельзя из виду упустить,
Что речь идёт не о простой
Необходимости, а той,
Что называется условной, —
Необходимости особой.
Хоть эта правда в жизнь пришла, —
Необходимой не была:

Лишь вероятна эта правда, —
С простой мешать её не надо,
И, от неё продляя нить, —
Необходимость выводить.
В обычную необходимость
Она бы век не обратилась,
Как правда та, что мы зовём
Простой. — Вот дела суть тут в чём.
Несостоятельно такое
Здесь рассуждение большое:
Оно не может веским быть,
Свободу воли отменить.
Коль не была б свободной воля, —
Не нужно было б думать боле
И не трудиться. — Что с того? —
Не изменить ведь ничего!
Совет с людьми держать не надо:
Не изменить Земли уклада,
Коль сила всё судьбы решит
И за людей определит.
Зачем стараться что-то делать,
Коль мир уже не переделать,
Коль ничего своим трудом
Нельзя добиться в мире сём?
Нельзя прибавить иль отнять,
А должно всё, как есть, принять?!
Коль все должны судьбу лишь слушать,
Коль ни улучшить, ни ухудшить
Ни то, что есть уже давно,
Ни что ещё не создано?!
[Ни то, что родилось на свет,
Ни то, чего ещё здесь нет,
Ни то, что нужно огласить,
Ни то, что в тайне сохранить.]
Плод многотрудной жизни сей
Заране был бы у людей;

Не нужно было бы ученья, —
Судьбой давались бы уменья!
Но этого нельзя принять,
А значит, и нельзя сказать,
Что неизбежности лишь сила
Творения людей творила.
Нет, люди сами всё творят:
Добро иль зло, — как захотят;
И воля каждому дана,
Что не предопределена.
Коль разум люди не пробудят. —
Никто за них решать не будет!
Вопрос решён ещё не весь:
Другие мненья тоже есть.
Иные люди, что учёны,
Так рассуждать порою склонны:
Хоть знает Бог дела людей, —
Творят они в свободе всей;
Хоть знает Он всё наперёд,
Что так иль сяк произойдёт, —
Но знает, что и знает, как
Лишь потому, что будет так.
Но вновь вопрос не разрешён, —
Неграмотно рассмотрен он!
Кто вникнет в вывод странный тот,
Тот вот что из него поймёт:
Всё, что приходит в исполненье, —
И есть причина Провиденья.
Грядущий факт рождает весть,
Которая у Бога есть.
Иными говоря словами:
Дела всем управляют сами,
И Провидение Его
Определённо оттого.
Но лишь безумец предположит,
Что Сам Господь зависеть может,

От тех земных ничтожных дел,
Что б делать человек хотел.
И что предвидит Он лишь то,
Что существа творят Его.
Кто говорит, что Провиденье —
Созданий Божьих порожденье, —
Унизил Бога Самого
И Промысл умалил Его.
Уважить не могу того я,
Кто утверждать посмел такое:
Не может разум допустить,
Что Бога следует учить!
Всю мудрость Он в Себя вмещает
И о твореньях Сам всё знает.
Коль стали бы Его учить, —
То следовало б заключить,
Что мудрость Божья не полна
И помощь чья-то ей нужна.
Попытка эта провалилась,
Проблема вновь не разрешилась.
Итак, ответ сей — не ответ:
В нём ценности особой нет.
[Людей так слабо разуменье,
Чтоб им осмыслить Провиденье!
Бог не от тварей узнаёт,
Что в мире есть, что в мир придёт;
Нельзя учить Его тому,
Что ведомо давно Ему.]
Ведь лишь от немощи бы мог
Учиться у созданий Бог,
Но глупо это утверждать,
Да и грешно предполагать!
Иные так согласовали
Две вещи, что мы разбирали:
И мненье есть у них своё
О том, как происходит всё.

По их особенному мненью,
Скромнее место Провиденью
Принадлежит: хоть знает Бог,
В какой событье будет срок,
Но люди, всё ж, вершат делами,
Дорогу выбирают сами.
Свобода воли движет всё,
А Бог — лишь рассчитал её.
Необходимости тут нет,
Ведь Он исходит из примет:
По вероятности одной
Он знает, где эффект какой.
Он знает, что и как случится,
И как должно бы всё развиться,
[Что к утверждению идёт,
И к худу что — наоборот.]
Но знает не наверняка:
Предположительно пока.
И все Его предположенья
Не повлияют на движенье
Событий: ведь в момент любой
Путь может выбран быть другой,
Когда учесть свободу воли
На игровом событий поле.
И как так можно говорить —
Так Провиденье умалить?
[Ученье это снова ложно,
Что доказать вполне возможно.]
Ведь Провиденье умалять —
Опять же Бога оскорблять,
Коль утверждать, что Он не знает,
Что в точности всех ожидает,
И что не ведомо Ему
Конечной правды Самому.
А коль события исход
С тем, что Он знал, — не совпадёт, —

Обманут Предопределенье
И скажут: это просто мненье!
Другой есть отрицанья путь,
Известен будет он вам пусть:
Иные к выводу приходят,
Что хоть событья происходят
И по свободной воле все, —
По крайней мере, на Земле, —
Но перед Господа Лицем
Всё неизбежно в мире сем.
Кто скажет: тут неотвратимость, —
От тех вся истина сокрылась.
Господь людей не принуждал:
Себе и всем свободу дал;
И оттого, что сведущ Он,
Никто свободы не лишён!
Событье не определяет
Тот факт, что Бог о нём всё знает.
Он — знанья бездна, — оттого
Пред оком все живут Его.
[Ему доподлинно известно
Событий время всех и место,
И до событий всех самих
Он абсолютно знает их.
Хоть существует Провиденье, —
В Нём нет ни доли принужденья.
Ведь сила Бога велика,
И мудрость Бога глубока.
Ничто, конечно, в мире этом
Не будет для Него секретом:
Все результаты знает Он
И все событья всех времён.]
Но чтобы всем мне показать,
Как это нужно понимать, —
Ведь эти вещи так сложны,
Что объяснения нужны, —

Пример из жизни мы возьмём
И всё увидим вмиг на нём.
Порою буквы не понять,
Из слова правды не узнать.
Мирянам дела нет до прений,
До наших тонких рассуждений!
Пример конкретный нужен им:
Нагляден, груб и ощутим.
Когда б однажды человек,
В своей свободный воле век,
Решил иль дело бы проделать,
Иль вовсе бы его не делать,
Поняв, что стыд бы испытал,
Когда б сей факт известным стал, —
Причём об этом бы никто
Не знал заране ничего, —
Хоть стал бы он то дело делать,
Хоть предпочёл его б избегнуть, —
То, если б после кто узнал, —
Он несвободным бы не стал —
Поступок совершённый сей —
Не стал ни лучше б, ни дурней!
И даже если бы заране
О нём имел бы кто-то знанье,
Но вслух не стал бы говорить,
Решил бы это затаить, —
Он этим бы не помешал
Тому, кто б дело делать стал,
Когда б тот действовать надумал
Иль делать дело передумал:
Свободы б тот не потерял,
Кто сам решенье принимал,
И в выборе свободном он
Не стал нисколько бы стеснён.
Вот так и Бог заране знает,
Что в мире нашем наступает;

И точно ведомо Творцу,
К какому всё идёт концу,
Как человек ни поступает.
Какой он путь ни выбирает. —
А он свободным сотворён,
Свободной волей наделён,
И может он к добру склониться,
Когда к рассудку обратится;
Иль, по наклонностям своим,
Путём последовать дурным.
О всех делах Господь всё ведал,
Когда их мир ещё не делал,
О людях тех, кто ход им дал,
И тех, кто действовать не стал. —
[Ему известны их решенья
И все мотивы поведенья;]
Он знает, почему они
Такой дорогою пошли.
Разумно ль люди поступили
Иль шаг безумный совершили;
И что могло их удержать —
Поступку злому помешать.
[Уверена я твёрдо в том,
Что все встречаются со злом
И что людей таких немало,
Кого то злое привлекало,
Но зла не сделали они:
Одни — к Творцу лишь из любви, —
Не позволяют нравы им
Дурное делать перед Ним.
Другие бы на грех пошли,
Когда б запрета не нашли, —
Но их пугает порицанье,
За злое дело наказанье.]
Так, Господу вся явь видна, —
В очах Его отражена:

Деяния и намеренья
Открыты все для Провиденья.
И то, что скоро быть должно,
И что ещё отдалено
Десятком лет, иль двадцатью
Годами, или тридцатью;
Одним ли, многими ль годами,
Десятком лет, иль пятьюстами;
И за пять долгих тысяч лет, —
Пред Ним неведомого нет!
Всегда имеет пред Собой
Он каждый уголок земной;
Он видит всё во всех местах —
И в деревнях, и в городах.
В зерцале Бога вечном том
Мы всю историю найдём:
Событья все в нём отразились,
Как будто все уже случились.
Зерцало же Его — Он Сам,
Кто дал рождение всем нам.
В том чистом зеркале прекрасном,
Все отражать событья властном,
Где все едины времена,
Где будущая жизнь видна —
А Он имеет пред Собой
Зерцало то в момент любой —
Посмертный путь Он душ всех видит,
Их жизнь загробную предвидит,
И каждому Он воздаёт
По всем делам, что сделал тот:
По смерти дарует спасенье
Иль посылает на мученья.
Известно Богу обо всём,
Он не гадает ни о чём, —
Вот что такое Провиденье,
Иль Божье Предопределенье.

Оно содействует тому,
Кто обращается к добру;
Но у служителей своих
Не отнимает волю их:
Судьбу все сами выбирают, —
Свою все ниву пожинают.
Чтоб тему завершить сию,
Я Вечность так определю:
Теченье жизни без конца,
Единое в очах Творца.
Итак, сей Богом создан мир,
И Бог в нём всё установил
Великим Промыслом Своим,
Что для людей неисследим.
Мир движущие силы — вечны
И от начала — бесконечны:
Они всё движут, как должны.
В основы мира введены.
А все небесные тела,
Что во вращении всегда, —
Подлунным миром управляют —
Свои лучи всем посылают:
В стихию каждую они
Несут влияния свои.
Есть на Земле один закон:
Он был, и вечно будет он.
Причин никак не изменить,
А следствий их не отменить,
И оттого все существа
Живут по признаку сродства,
И все родят себе подобных
Последователей природных:
Те будут рядом с ними жить,
Чтоб все дела их довершить.
Всяк, сколько сможет, проживёт
И в час назначенный умрёт.

Но по природному влеченью
Одни склонятся к развлеченью. —
В душе пороки разовьют:
Другие ж — в правде проживут.
И, тем не мене, не всегда
Земные будут существа
Во власти полной находиться
Небесных тел, коль защититься
Они сумеют. Если ж нет, —
По-прежнему жить будет свет,
И будут звёздам покоряться
Все те, кто слаб сопротивляться.
Покуда случай не придёт,
Что их к свободе повлечёт, —
Склонятся люди к тем делам,
Что так желанны их сердцам:
На сердца зов они пойдут
И в том судьбу свою найдут.
А что такое есть “судьба”? —
Ответить я хочу сама:
Предрасположенность творенья
К чему-то с самого рожденья.
Одним Фортуной суждено,
Коль от рожденья так дано,
Быть добродетельным и смелым,
А также мудрым и умелым
Во всех делах, богатым быть
И средь друзей всю жизнь прожить.
Другим же людям не везёт,
Судьба удачи им не шлёт.
Но начеку им надо быть,
Судьбу ведь можно изменить:
Иль добротой поспорить с роком,
Иль жизнь испортить всю пороком.
Кто чувствует, что жаден он, —
А счастья жадина лишён, —

Пусть нрав изменит жадный свой,
Чтоб с этой справиться бедой.
Пусть будет малому он рад,
И будет людям всем как брат:
Пусть бедным деньги раздаёт,
Свою одежду им даёт,
Со всеми делится едой
И не кичится добротой. —
Тогда он скупость победит,
Служенье деньгам прекратит;
И потеряет всю опасность
Его естественная жадность,
Что может зрения лишить,
В мученьях заставляет жить!
Иллюзию лишь создаёт,
Что средств на жизнь не достаёт;
От добрых дел лишь отвращает
И всякой радости лишает!
И от других пороков так
Огородиться может всяк.
Коль скоро будет размышлять,
О том, как можно жизнь менять:
Не будет к злым делам клониться
И доброй воле даст развиться.
Ведь в том, кто сам себя познал,
Свои пороки кто признал, —
Усилие свободной воли
Влиянья тел небесных — боле!
[Коль в сердце грех его проник, —
Сумеет справиться с ним вмиг:
Тем сердцем грех не завладеет,
Что справиться с грехом умеет.]
Умели б люди предсказать,
Когда придёт на них гроза,
Могли б погоду предвещать, —
Могли б несчастий избежать!

Когда бы засуха грозила,
Коль Солнце б воздух накалило
И так жара вдруг возросла,
Что всем погибель бы несла, —
То если люди бы заране
Об этом знали испытаньи, —
Дома построили б тогда
В местах, где близко есть вода:
В долинах рек. Иль под землёй
Они бы справились с жарой:
Себе пещеры бы прорыли
И жизнь свою бы сохранили.
Когда предвидеть бы могли
И наводнения они, —
То если б вдруг потоп случился,
Никто б в воде не очутился:
Все люди бы тогда спаслись —
С равнин бы в горы подались.
Плоты б соорудить могли,
Построили бы корабли!
Когда-то с помощью ковчега
От вод спаслись два человека, —
Род человеческий спасли,
Вновь жизнь на Землю принесли.
[248]Когда Девкалион и Пирра
Среди затопленного мира
Остались на Земле одни,
Когда причалили они, —
В долинах же вода стояла,
А жизни на Земле не стало, —
Они пошли тотчас же в храм
Фемиды. На коленях там
Они к богине обратились, —
О человечестве взмолились,
Прося им мудрый дать совет,
Как возвратить людей на свет.

Богиня судеб исполненья,
Услышав доброе прошенье,
Сказала сразу, как им быть,
Чтоб Землю снова населить:
Праматери их кости брать
И за спину свою бросать.
Но бабки умершее тело
Калечить Пирра не хотела.
Девкалион же пояснил,
Что им оракул говорил:
“В словах Фемиды смысл другой, —
В них нет жестокости такой!
Загадка мне ясна сия:
Праматерь наша есть Земля.
А в ней же — множество камней —
Её естественных костей.
Должны мы камни поднимать
И за спину свою кидать.”
Так делать начали они,
И тут у них из-за спины
Вдруг стали люди возникать —
На месте камней восставать.
Из тех, что бросил Девкальон, —
В мужчину всяк был обращён.
Из тех же, что бросала Пирра, —
Земля вновь женщин породила.
Слова Фемиды все сбылись, —
Вновь в мире люди родились:
От ими брошенных камней
Упорных род пошёл людей.
Те двое мудро поступили, —
Жизнь от потопа сохранили,
Ковчег себе соорудив,
В нём до земли сухой доплыв.
Так, если знать о наводненьи, —
Подумать можно о спасеньи.

И так спастись могли бы все,
Заране зная о беде!
Когда б могли заране люди
Предсказывать, что голод будет:
Не уродится вдруг зерно
И не накормит всех оно, —
Зерна могли бы заготовить —
Себя к несчастью подготовить.
Могли б в теченье двух-трёх лет
Поднакопить в амбарах хлеб, —
Тогда зерна бы всем хватило,
И смерть людей бы не косила.
[249]Иосиф мудр настолько был,
Что голод он предупредил:
Семь лет зерно он запасал,
А в голод — хлеб всем людям дал.
В Египте каждый сыт был рот,
И был спасён его народ!
А также если бы мороза
Была известна всем угроза;
Когда б суровая зима
Всем объявлялася сама, —
Старанье б люди приложили,
Такую зиму пережили:
Одежды б тёплые нашли
И дров побольше б привезли,
Солому в щели бы набили —
Свои дома бы утеплили,
Еды бы запасли себе
И двери бы закрыли все. —
И так бы зиму продержались, —
В живых бы все тогда остались.
И бани сделать бы могли,
И в них бы время провели
В весельи, в беззаботной пляске —
Резвились там бы без опаски.

Хоть небо было бы темно,
Метало громы бы оно,
Коль бушевали бы метели,
Иль камни бы с небес летели,
И градом этих бы камней
Побило множество зверей,
А реки бы мороз сковал, —
Людей бы холод не достал!
[Они б смеялись и шутили
И хороводы бы водили,
В домах от холода таясь,
Проклятий неба не боясь.
Но если не случиться чуду, —
Заране люди знать не будут,
Что может им судьба послать
И как себя им защищать.
Лишь астрономии знаток
Событья предсказать бы мог,
Кто б и законы неба знал,
И звёзд влиянья понимал,
И знал бы, как и на какие
Они воздействуют стихии.]
Коль чуда Бог не совершит, —
О будущем не сообщит
Через оракула уста
Иль через откровенье сна, —
Заранее не угадать,
Чего возможно ожидать.
Коль у людей так сильно тело,
Что с небом справиться б сумело —
Стихии противостоять
И планы неба разрушать, —
Поскольку, зная о событьи,
Подумать можно о защите, —
Душа у них ещё сильней:
Ведь тайна жизни тела — в ней!

Душа ведь телом управляет:
Она его передвигает,
До самой смерти в нём живёт,
И лишь уйдёт, — оно умрёт.
И воля так людей сильна,
Что вместе с разумом она
Всё, что мешает, — победит
И их от бед освободит!
Нельзя страданьям покоряться,
Им следует сопротивляться
И знать о бедах всех своих,
Что ты лишь сам — причина их,
А жизни внешней все событья —
Предлоги для самораскрытья.
[Судьбы не убоится век
Себя познавший человек!
Тот, кто свою природу знает,
Законы жизни понимает, —
Подняться может над собой
И справиться с любой бедой.]
Я многое могла б сказать,
Чтоб тему эту исчерпать;
Послушав разные сужденья,
На все ответить возраженья.
Фортуну, Случай объяснить
И все детали уточнить;
Примеры привести для вас, —
Но длинен был бы мой рассказ!
Коль больше вы узнать хотите, —
Вы клириков о том спросите.
Ведь это клириков предмет, —
Они вам и дадут ответ.
Не стала бы о Провиденьи
Здесь приводить я рассужденья,
Но враг покою мне б не дал
И утверждать тотчас бы стал,

Услышав жалобу мою,
Что я неправду говорю;
Творца бы стал он обвинять,
Чтоб беззаконья оправдать.
Ведь жаловаться он привык,
Что не свободен ни на миг,
Что Божье Предопределенье
Во всём его смиряет рвенье;
[Судьбой руководит оно
И всё решает за него;
Ему и мыслить не даёт,
И за него всё создаёт:
На добродетель вынуждает
Иль к злу настойчиво толкает;]
И потому несчастен он,
Что выбора во всём лишён. —
Безумно ли он поступает,
Рассудку ль своему внимает, —
По принужденью всё творит,
Что делает иль говорит;
Убийства ль, кражи ль совершает
Иль мир с врагами заключает
И выступает за добро, —
Всё это Богом решено.
Когда наносит оскорбленья
И совершает прегрешенья,
И даже если вступит в брак, —
То это “Богу надо так”.
Он говорит, что создана
Для каждого жена одна,
И что для дамы господин
Быть должен мужем лишь один.
Что всем Господь даёт судьбу:
И ей укажет, и ему.
Но если брак не удался,
А бед причина в муже вся, —

Иль вдруг супруга не умна,
О браке критика слышна, —
Коль проклинают тех людей,
Что так хотели свадьбы сей,
И тех людей, что согласились,
Чтоб эти двое поженились, —
Муж отвечает: “Бога вы
Во всём тут обвинять должны.
Но если так мне Бог назначил,
То быть и не могло иначе”.
В несчастьи неудачник тот
Своей вины не признаёт,
И утверждает снова он,
Что сей исход был предрешён.
Но нет, не прав сей человек:
Господь, Кто Истинен вовек,
Не принуждает никого
Творить добро иль делать зло.
Нет, — в человеке мысль живёт,
Что к глупостям его ведёт,
[Что глас рассудка заглушает
И на грехи его толкает],
От коих, если б был умён, —
Конечно, воздержался б он!
Не стал на Бога бы пенять —
Его в несчастьях обвинять.
Кто б хорошо себя познал, —
Тот и в любви мудрей бы стал!
[250]Когда бы и другие твари
Рассудком тоже обладали,
Могли б друг друга понимать,
Себя могли бы познавать, —
То людям на Земле тогда
Была бы от зверей беда.
Им лошади бы не служили
И рыцарей бы не носили,

Быки бы под ярмо не шли —
Свои бы силы берегли;
А также вьючные бы звери
Быть таковыми б не хотели:
Верблюд, ишак, послушный мул —
Всяк от работы б увильнул.
Носить людей не стал бы слон
(Чудесный нос имеет он:
Он им гуденье издаёт
И пищу им свою берёт!).
Собаки, кошки бы друзьями
Не стали людям. Если б сами
Питаться все они могли, —
То к человеку бы не шли.
Имел бы столько он врагов:
Всех леопардов, тигров, львов;
И всякий волк, кабан, медведь
Мечтал бы человека съесть!
[Ему б и крыса зла желала
И горло бы перегрызала
Младенцам, что так крепко спят,
В кроватке маленькой лежат.]
Не приманил бы он и птиц, —
Они глаза бы из глазниц
Во время сна его клевали,
Из рук бы пищу брать не стали...
Когда бы гордый человек
Зверям в ответ на это рек,
Что всех зверей сильнее он,
Поскольку он вооружён,
Взять может меч, и щит, и шлем
И навредить животным всем;
Имеет лук и арбалет,
Чего у них, конечно, нет, —
Не стали звери б отставать:
Оружье стали бы ковать.

Добились в этом бы успехов
И в бой бы шли не без доспехов.
Заставили бы обезьян
Восполнить срочно сей изъян,
И обезьяны бы руками,
Как люди, сделали всё сами.
[И платья сшили б, и штаны,
Какими быть они должны, —
Одежды были б все из кожи;
Доспехи сделали бы тоже.
Чтоб от людей не отставать, —
И книги стали бы писать!
Так звери не были б глупы,
Чтоб людям сдаться без борьбы.
Они могли бы, как и люди,
Наделать всяческих орудий:
Их сами бы изобрели
И с ними б на людей пошли.]
И насекомые тогда
Немало принесли б вреда:
Людей бы все они язвили
И, как могли бы, изводили.
Не дали б им двухвостки спать —
Всем в уши стали б залезать;
Познав возможности свои,
Вредить бы стали муравьи;
Кусали блохи б их и вши;
Впивались в кожу бы клещи...
Покоя б человек не знал, —
Себя всё время бы чесал;
Вертелся бы и наклонялся,
И всячески от них метался;
Одежду бы с себя снимал
И сам себя ногтями драл.
И мухи бы атаковали, —
Поесть спокойно б не давали, —

В лицо кусали бы людей:
И пажей всех, и королей!
Но у любой зверей породы
Незнанье их — от их природы.
А тех созданий, что умны
И что Творца хвалить должны —
И человек, и Ангел Божий
Одарены рассудком схоже —
Нельзя за их грехи простить,
За преступленья извинить:
Тех, кто себя не познаёт
И кто, как зверь, себя ведёт.
Свобода воли им дана,
Что обратить к добру должна,
И разум дан им для того,
Чтоб здраво применять его.
Кто губит те дары без проку, —
Тот предаётся лишь пороку.
Но не хочу я продолжать
И тему эту развивать:
Мне это больно говорить,
Позвольте ж речь мне прекратить.
О том скорбит душа моя,
О том теперь и плачу я!
Позвольте к небесам вернуться
И проявлений их коснуться.
Они всегда себе верны,
Всё выполняют, что должны.
Небес различные влиянья
Испытывают все созданья;
Воспринимают же все их
Зависимо от свойств своих.
Ветрами небеса играют,
На землю бури низвергают:
И воздух могут нагревать,
И испаренья вызывать.

Когда же воздух раскалится,
То гром по небу покатится:
Оно заблеет, закричит,
И зазвенит, и загудит!
И тучи чёрные порвутся,
И вихри всюду понесутся,
И небо вдруг начнёт сверкать,
Всё, что попало поджигать.
И всё завертится кругом,
И пыль подымется столбом,
И рухнут крепкие строенья;
И даже старые деревья
С корнями ветер будет рвать
И поперёк дорог швырять.
А с молодых деревьев ветки
Падут, как будто были ветхи!
Порою люди говорят,
Что это демоны творят:
И вызывают непогоду,
И возмущают всю природу;
Что есть у демонов крюки,
Шесты, дубины и сачки,
И этим всем они гремят,
Коль вызвать бурю захотят.
Но это вздор, скажу я вам, —
Редиски за него не дам!
[Поверья эти не верны,
И люди твёрдо знать должны,
Что нет причин у непогоды,
Как только те, что от природы.]
Всё те же ветер и жара
Творят подобные дела, —
Всё лишь они уничтожают,
Что люди сеют и сажают.
Всё: фрукты, виноград, зерно
Бывает бурей сметено;

А в засуху, воды лишён, —
Всяк плод бывает иссушен.
Коль небо так повелевает, —
То воздух слёзы проливает.
Тогда и тучам жаль его, —
Они все плачут оттого,
Свои плащи с себя срывая,
Их на кусочки разрывая.
Не жаль одежды им своей,
Что почернела от скорбей:
Они её на части рвут,
С ним за компанью слёзы льют.
И так сочувствие их сильно,
И плачут так они обильно,
Что даже может и река
Свои покинуть берега! —
Зерно погибнет на полях,
Настанет голод в деревнях.
[Продукты все подорожают,
И все крестьяне пострадают.
Вода весь урожай зальёт:
Весь труд их даром пропадёт!]
С потоками речной воды
В поля, луга, леса, сады
И рыбы тотчас попадут, —
Везде хозяйничать начнут.
Не спросят их: “Кто вы такие?” —
Ведь все они — в своей стихии:
По лесу будут проплывать,
Чужую пищу воровать.
Нашествие увидев их
На место жителей лесных,
Церера, Бахус[251], Пан[252], Кибела[253], —
Все будут вне себя от гнева!
Заплачут нимфы о ручьях —
Своих затопленных домах;

Сатиры и лесные феи,
Увидев под водой аллеи,
Все будут сильно горевать
И по родным местам скучать.
[Другие жители лесов,
Хозяева лесных домов,
Тотчас в отчаянье придут
И плакать жалобно начнут,
Что зла они не совершали,
А духи рек их наказали.]
Так, рыбу понесёт вода
В деревни или в города,
Что над рекой стоят, низки,
И пострадают от реки.
Плачевна будет их судьба:
Набьются рыбы в погреба,
[Во все амбары заплывут, —
В них, как домой к себе, войдут.]
Вплывут в дома и даже в храм,
И всё они разрушат там:
Божеств изгонят и святых,
И изваяния все их!
Когда ж наплачется природа, —
Придёт хорошая погода.
Когда закончится гроза,
Что удручает небеса, —
Они печаль всю разгоняют,
Смеяться воздух заставляют.
О, как тогда прозрачен он:
Очищен и развеселён!
Тогда и облака резвятся,
В цветные платия рядятся,
Чтоб все несчастья позабыть,
Пред воздухом красивей быть.
Из белой пряжи все прядут,
Пока к концу её придут;

А нить в иглу затем вдевают, —
Свои накидки зашивают.
Когда же вновь они хотят
Лететь, куда глаза глядят, —
Им бог Эол[254] даёт коней,
Каких на свете нет быстрей:
Ведь бог ветров приделал сам
Такие крылья к их ногам,
Каким завидует и птица, —
Вот как их снарядил возница!
Чрез долы и чрез цепи гор
Несут их кони на простор.
А воздух в Индию летит,
Чтоб вновь принять весёлый вид:
Там синий плащ он надевает
И в нём обратно прилетает,
Чтоб в том наряде облака
Ему встречать из далека.
А облака, чтоб мир украсить
И путешествие им скрасить, —
Уже за луками летят
И скоро мир преобразят.
Как будто для охоты, в руки
Берут они большие луки:
Один ли лук, иль два, иль три, —
Зовутся *радуги* они.
[Те луки — Солнце порождает, —
Лучами в воздухе играет;]
И только оптики знаток
Их форму объяснить бы смог,
И сколько в радуге цветов,
И их порядок в ней каков.
Чтоб знанием обогатиться, —
У Аристотеля учиться
Советую я людям тем,
Кто любит круг природных тем.

Ведь он — в познаниях природы
Времён всех превзошёл народы.
[С далёких Каина времён
О ней всех лучше пишет он!]
О радуге кто хочет знать,
Тот может книгу прочитать
О взглядах. — Автор, Альхазем[255], —
Не глуп и не лукав совсем.
Читатель должен быть учён,
Чтоб понимать, что пишет он.
Тут геометрия важна, —
Осведомлённость в ней нужна.
Так, Альхазем ибн аль Хаитхам
Был знатоком её и сам.
Кто в руки сей трактат возьмёт, —
В нём и о зеркалах прочтёт,
И о предметов измененьях
В зеркальных разных отраженьях.
Кто ж не слыхал ещё о том, —
Поверит автору с трудом!
Но чуда здесь в помине нет:
Всего лишь оптики эффект.
Порою, в зеркала стекле
Все буквы и объекты все
Гораздо большими бывают,
Чем если в жизни их встречают.
В нём можно мелкий шрифт читать,
Песчинки можно сосчитать;
И даже то, что далеко,
Мы можем видеть в нём легко!
Когда б Венера или Марс,
Что в сеть попались как-то раз,
В такое зеркало смотрели,
Когда в постель возлечь хотели,
Когда б увидели они
То ложе страшное внутри, —

[То сеть Вулкана увидали б
И прикасаться к ней не стали б.
Хоть нити были и тонки, —
Видны б все были узелки:
Нельзя бы было эту сеть
В том зеркале не разглядеть!]
Ложиться бы туда не стали
И прочь скорей бы убежали:
В места другие бы пошли,
Где ложе бы себе нашли.
Могли б и вовсе не ложиться,
Чтоб им в беде не очутиться:
Огласки чтобы избежать
И понапрасну не страдать.
Тайком Вулкан ту сеть поставил —
Венеру всех смешить заставил;
Но как бы был Вулкан взбешён,
Когда бы не поймал их он!..
Богам бы их не показал,
Измены бы не доказал!
Хоть ревность бы его сожгла, —
Им навредить бы не смогла.
Скажите, Гений, откровенно:
Моё предположенье верно?”
— “Да-да, зеркал бы сила тех
Спасла их от несчастий всех:
Они б ловушку увидали,
В постель ложиться бы не стали,
Предосторожности полны.
Иль отомстил бы бог войны
За то ревнивому Вулкану,
Мечом ударив по капкану:
Силки рассёк бы разом все,
И не случиться бы беде.
Хитросплетенье б разорвал —
Капкан бы страшный поломал!

И после лёг бы в ту постель
Промеж Вулкановых петель —
И не остался б в дураках,
Обняв Венеру в тех силках.
А если б их Вулкан застал,
Когда с Венерой Марс лежал, —
Венера выход бы нашла —
Укрыться сразу бы могла;
Придумать что-нибудь о том,
Зачем к ним Марс явился в дом.
Могла б поклясться, что она
Всегда Вулкану лишь верна;
Свою б измену отрицала, —
Поступок Марса б объясняла.
(Все женщины способны лгать, —
И ей к тому не привыкать!)
А если бы она хотела,
То доказала бы умело
Что всё, что увидал Вулкан,
Был только зрения обман.
Могла сказать бы чепуху,
Придумать, что и почему:
Умеют женщины болтать,
Фантазьи им не занимать.
А у мужчин таланта нет
Всегда на всё найти ответ;
И только женщина способна
Придумать всё, что ей удобно!
Вулкан бы был разубеждён
Во всём, что сам увидел он:
Венеру бы не обвинял
И Марсу мстить тогда б не стал”.
— “Сеньор священник, Вы мудры
И здесь, конечно же, правы!
Как хорошо Вы говорите,
Мой замечательный святитель!

Лукаво женщины нутро,
И поведение хитро:
И женщин то не извиняет,
Что нравов кто-то их не знает.
Они и глазом не моргнут:
Всегда уверенно солгут.
Когда пред мужем провинятся, —
Сумеют тут же оправдаться.
Не лезут за словом в карман:
Любой изобретут обман,
На всё придумают причину,
И обведут легко мужчину.
Могу я смело утверждать,
Что им не должно доверять:
Кто б заглянул в их душу глазом, —
Всю б черноту увидел разом!”
Природа с Гением вдвоём
Сошлись во мнении одном.
Однако Соломон сказал
(И я б его в том поддержал),
Что счастлив будет в мире тот,
Кто добрую жену найдёт.[256]
“Зеркал немало разных есть,
И свойства их не перечесть.
Одни способны приближать,
Другие ж — могут отдалять:
И высочайшая гора,
Что издалёка всем видна
Во Франции или в Сарданьи,[257] —
В них на огромном расстояньи!
Другие зеркала точны:
В них всё своей величины,
А искажений вовсе нет, —
Реальным предстаёт предмет.
Есть зеркала, что зажигают
Предметы те, что отражают:

Лучи умеют собирать,
Огонь в пространство направлять.
Есть зеркала, что удлиняют.
Предметов формы изменяют;
Порою их перевернут
Иль вдруг иллюзью создадут,
Что не один предмет, а много, —
Наивное обманут око!
И могут отразить вполне
Две пары глаз на голове:
Но ни при чём тут голова, —
Зеркал тех форма такова.
Предметов может вереница
Из одного в них получиться;
Они их могут сочетать,
Из них фигуры составлять.
А могут и фантом явить,
Его фигуру оживить:
Как будто, через толщу вод
Является в них призрак тот;
Иль в небе может он лететь
На тех, кто станет в них глядеть.
А может в зеркале таком
И не один летать фантом:
[И оку явятся они
В зерцале, словно во плоти.]
Но эти существа являет
Лишь свет, что в зеркале играет!
Об этом Аристотель знал,
Явленья эти — понимал.
Учёным Аристотель был,
Науку оптику любил.
Он случай рассказал один[258]
О том, как некий господин
Что от недуга пострадал, —
Частично зренье потерял.

И вот однажды с ним в туман
Случился зрения обман:
Увидел он изображенье —
Своё в тумане отраженье.
[Луч зренья слаб настолько был,
Что воздуха не победил,
И в каплях влаги отразилась
Картина, что ему явилась.]
Вот так и в зеркалах глаза
Порою видят чудеса.
Нам кажется порой: пространство.
Хотя имеет постоянство, —
Легко нас может обмануть,
Реальность всю перевернуть:
Нам явит дальнее — вблизи,
А вещи близкие — вдали.
Такие точно чудеса
Являют нам и зеркала:
Они меняют расстоянье
И создают очарованье.
Умеют всё преображать,
Предметы могут умножать:
Иль шесть являют вместо трёх,
Иль восемь — вместо четырёх.
Иль так лучи они сольют,
Что вдруг единство создадут:
И могут в них предмета два
Предстать как вещь всего одна.
В них карлик может стать огромен,
Гиганту страшному подобен,
Что целый лес перешагнёт —
И ветки даже не помнёт.
А великан в тех зеркалах
Внушить не сможет больше страх:
Столь крохотным он в них предстанет,
Что гномиком всего лишь станет...

Тот, кто подобное видал, —
Позднее с жаром утверждал,
Что дьяволы ему являлись, —
Но нет: они ж ему казались!
Быть может, в зеркалах кривых
Он видел призраков таких
Иль от особого эффекта
Пред ним играющего света.
Порой мираж обманет нас,
Иль зеркало обманет глаз,
Иль просто недостаток зренья
Рождает странные виденья.
Порою зрения дефект
Раздваивает всяк предмет,
И люди твёрдо заявляют,
Что в небе две Луны сияют;
Иль пара явится свечей
Там, где одна, — для тех очей.
Тем людям правды не узнать,
Как им глаза ни напрягать:
Как им судить о тех вещах,
Что изменились в их очах?
Так может, несомненно, каждый
Иллюзий жертвой стать однажды.
Но мне резона вовсе нет
Здесь каждый объяснять эффект:
Ни ложные изображенья,
Ни механизмы отраженья.
Я говорить не буду здесь
О том, что в книгах уже есть:
О том, как зеркало создать
И как углы все рассчитать;
Не стану я распространяться
О том, где призраки родятся:
В пространстве, или в зеркалах,
Иль в человеческих глазах. —

Всего я здесь не расскажу,
Деталей всех не отражу;
Иначе, ведь, о Гений мой,
Устанет слушатель любой!
Ни о видениях чудесных,
Лишь людям избранным известных,
Ни о видениях дурных
Я мнений не скажу своих.
Вовне ль случаются виденья
Иль у людей в воображеньи, —
Об этом тоже умолчу, —
Всё объяснять я не хочу.
Пришлось бы много говорить,
Чтоб тему эту охватить:
Всё это сложные сюжеты,
Туманные весьма предметы!
[А чересчур мудрёный стих
Неясен для людей простых.]
И не хочу я заставлять
Мирских людей во всё вникать:
Ведь трудно будет им поверить
В то, что нельзя самим проверить,
И в то, что я не солгала
Ничуть про чудо-зеркала.
К учёным надо им идти,
Что могут опыт провести:
К тем людям, что имеют сами
Дела с такими зеркалами
И предоставят инструмент,
Что требует эксперимент.
Когда взялась бы я виденья
Здесь объяснять происхожденье, —
Не поняли б меня опять, —
Ведь это нелегко понять!
Миряне мне б не доверяли,
Видений бы не признавали:

Настолько тонок сей предмет,
Что аналогий часто нет.
Не стану я касаться снов:
Их мир загадочный таков,
Что разрешить порой не просто
Возникшего о сне вопроса.
[Коль много буду говорить,
То вас могу и утомить;
Да скоро и сама устану,
Коль излагать всё это стану.
Ведь многословие вредно,
И надо избегать его;
Но женщины же все болтливы —
Все на слова нетерпеливы!]
И я прошу меня простить,
Что не могу я опустить
Совсем в своих речах виденья —
Иллюзии и откровенья.
Но я нисколько вам не лгу
И пользу принести могу.
Когда я что-то и скажу, —
То вам лишь правду покажу.
Бывает так обман силён,
Так в плен захватывает сон,
Что люди ночью вдруг встают
И в руки что-нибудь берут:
Иль кол тяжёлый, или посох;
Котомку, или серп, иль косу.
Но разум их не пробуждён, —
Не управляет ими он,
И только чувства их не снят —
Из дома им уйти велят.
И далеко они уходят,
Пешком по всем дорогам бродят,
И могут даже на коне
Они верхом скакать вполне!

И так они порой ночной
Куда-то едут в край чужой
Через вершины и долины,
Через опасные трясины.
Когда же вновь они в уме
И возвращаются к себе, —
То говорят, что их прогнали,
Что черти их с собою брали,
Тогда как, кроме них самих
Никто не гнал той ночью их!
Способны также и больные
На сумасшествия такие
И, несмотря на свой недуг,
С постели вскакивают вдруг,
Как только без присмотра будут —
Коль няньки вдруг о них забудут.
[Опасно тяжелобольных
В домах бросать совсем одних.]
Вот исступленье, например,
Что требует особых мер
[(Страданья так сильны бывают,
Что люди разум свой теряют).]
Больной с постели вдруг встаёт,
Идёт, пока не устаёт
По диким рощам и лугам
И падает на землю там.
Когда же там его находят, —
В сознанье он уж не приходит:
Иль холод там его убил,
Иль голод долгий заморил.
А виноваты няньки в том,
Раз не заботились о нём!
Ну, а здоровому тогда
Такая мнится ерунда,
Когда от перенапряженья
Расстроено воображенье.

Кто замыкается в себе,
В своей навязчивой мечте,
Кто в мир свой собственный уходит, —
К тому иллюзия приходит.
И кто в молитвы погружён,
Совсем от мира отрешён, —
Порою, чувствует вовне
Всё то, что вызвано в душе.
Но то — иллюзии одни:
Родятся не вовне они.
Виденья те со сном сравнимы,
Где все предметы ощутимы.
[Ведь то, что видится во сне, —
Не существует, всё ж, вовне:
Хоть чувствуют во сне предмет, —
Его в реальности-то нет!]
Таким бесплотным был и сон,
Который видел Сципион.
Приснится может ад и рай, —
Небесный край и дольний край;
Во сне возможно подыматься
И на глубины опускаться.
И звёзд присниться может свет,
И весь под ними белый свет:
И птицы в синей вышине,
И стаи рыб в морской волне;
Во сне увидишь и зверей
Лесных, и множество людей:
И тех, кто почивает в спальне,
И тех, кто в путь пустился дальний
Иль на охоту, иль затем,
Чтоб миром любоваться всем —
Полями, реками, лугами,
Великолепными холмами.
Сраженья снятся на войне
И заседания в суде;

А также танцы, состязанья,
И даже музыки звучанье;
И — ароматы иногда,
И очень вкусная еда.
Порой любимая приснится,
И тут же Ревность появится:
Ведь на подъём она легка
По зову Злого Языка!
[Всегда он что-нибудь наврёт —
Её некстати позовёт.]
И Ревность, жаждущая мести,
Двух застаёт влюблённых вместе
И угрожает им вдвоём
Своим оружием — пестом.
Ведь каждому такой сюжет
Знаком: тут исключений нет.
Тот, кто воистину влюблён, —
На эти муки обречён:
Все в одиночестве тоскуют
И все в любви всегда ревнуют.
Во сне ж ко всем приходит вновь
Им столь желанная любовь;
А вместе с нею — также страх,
При мысли о её врагах.
А также кто во гнев пришёл
И на врагов ужасно зол, —
Себе во сне воображает,
Как войны с ними затевает:
К ним ненавистью он кипит
И в сновидениях им мстит.
Виденья и у тех бывают,
Кого в неволе запирают.
Ведь их отчаянье порой
Надежде объявляет бой:
Тогда преступник петлю видит,
Что днём и ночью ненавидит,

И представляется ему
Повешение наяву.
Но это ведь не откровенье,
А человека впечатленье
От мрачных и холодных стен
И от увиденных им сцен.
Его с ума идеи сводят,
Из равновесия выводят;
В воображении больном
Тогда рождается фантом,
Что всё сознанье поражает,
Все чувства разом затмевает...
Иль о свободе грезит он,
Коль в избавленье веры полн!
Иные люди говорят,
Что ночью души их не спят,
И что три раза на неделе
Душа их не бывает в теле,
А с Пресыщеньем[259] по домам
В числе придворных скачет дам.
[Но что не все способны дети
В семье на это, — только третьи;]
Что по ночам они верхом
Идут ко всем — из дома в дом:
Что перед ними нет замков,
Не остановит их засов,
Что их душа везде пройдёт —
В любую щель и дымоход;
Бывает в разных городах
На улицах и площадях. —
И так, в компаньи Пресыщенья
Везде находит приключенья.
Безумцы утверждают те,
Что путешествуют везде
Их души по миру без тел;
И если б кто-то захотел,

Чтоб в тело вновь они вошли, —
Они б так сделать не смогли.
Но глупо верить людям этим:
Где ж без души мы тело встретим?
Ведь тело без души мертво,
Не сможет двигаться оно!
Коль тело часто покидать, —
Придётся часто воскресать.
Но это вовсе невозможно:
Лишь раз покинуть тело можно.
Хотела б я уверить вас,
Что смерть приходит только раз,
И что умерший никогда
Восстать не сможет до Суда,
Коль чуда Бог не сотворит
И Сам его не воскресит.
Но только раз так сделал Он:
Святой им Лазарь воскрешён.
Как не могу я согласиться
И с тем, что если разлучится
Душа с тем телом, где жила, —
Она обратно б не вошла.
Хоть эти люди утверждают,
Что, как войти, — они не знают,
Коль тело их чуть повернуть
Иль как-нибудь его согнуть, —
Всё это глупость, я скажу
И правду всю вам доложу:
Душа становится мудрей,
Коль тело не мешает ей.
Она отыщет быстро вход
И в тело вновь сама войдёт.
[Душа, свободная от тела,
Всегда всё делает умело.]
Когда и впрямь предположить,
Что можно с ведьмами дружить,

Что треть земного населенья
Гуляет с дамой Пресыщенье, —
Как говорят старухи нам,
Что видели “полночных дам”[260], —
То почему не взять им всех
Участвовать в гуляньях тех?
Ведь люди все без исключенья
Ночами видят сновиденья,
И в том могу уверить вас,
Что больше трёх в неделю раз!
Приходят сны, как повезёт,
Иль как фантазья приведёт;
Иные правду видят в них,
И ложь — в виденьях у других.
Но я могу сказать вам точно:
Иные грезят еженощно.
Не стану здесь я рассуждать,
Возможно ли по снам гадать;
Ни почему одни — ужасны,
Другие — мирны и прекрасны.
На это много есть причин:
Настрой, привычки, возраст, чин.
И не скажу я, кто их шлёт:
Бог иль лукавый их даёт.
На этом я остановлюсь, —
К сюжету главному вернусь.
Из радуг облака стреляют —
Дождём природу забавляют,
[Но стрелы мокры их не все:
Часть высыхает на жаре.]
Когда стрелять устанут, — лук
Они развязывают вдруг;
И прежде чем в чехол убрать, —
Все краски будут растворять.
Такой уж нрав у облаков —
Прелестных белых лучников.

Когда опять стрелять пойдут.
То луки новые возьмут.
[Не станут те же доставать,
Чтоб им природу украшать:
Летят по небу в мастерские,
Чтоб смастерить себе другие],
И Солнце вновь расцветит их
В лучах пылающих своих!
Так, небеса на всё влияют,
Землёй и морем управляют:
Послушны небу в мире все
На суше, в воздухе, в воде;
И все дивятся небесам —
Явленьям их и чудесам.
И ничего чудесней нету,
Чем в небе наблюдать комету:
Она на месте не стоит —
Летит в пространстве и горит!
Когда кометы пролетают,
Земляне многие считают,
Что быстрой вестницы полёт
Земному принцу смерть несёт. —
Так утверждают вещуны,
Но вы им верить не должны:
Не больше шлют они лучей
На бедных, чем на королей,
И не охотятся притом
За принцем иль за бедняком.
Распространяют же влиянья
Кометы лишь на те созданья,
Что им готовы отвечать —
В себя лучи их принимать.
Они влияют на людей,
Равно как и на всех зверей,
И знаменуют неба власть,
Всех заставляя трепетать.

Нельзя считать нам королей
Богаче всех других людей,
Что в городе живут любом
И ходят по нему пешком.
Ведь вожделенье разных благ
К богатству не ведёт никак:
Богатство мера лишь даёт,
А жадность — к нищете ведёт;
И кто стремится к накопленью —
Идёт в итоге к разоренью.
Тот из двоих всегда бедней —
Король иль нищий, — кто жадней!
Для тех, кто букву уважает,
Авторитеты почитает,
Я приведу одно из мест
Известной книги *Альмагест*[261].
В ней любопытное сравненье
Правителя с изображеньем
Картинным повстречаем мы:
Нам лишь издалека видны
Все их достоинства и шарм,
Но если приведётся нам
Приблизиться к большой картине, —
Той красоты нет и в помине!
Так и богатые друзья
Друзьями кажутся нам зря:
Издалека они приятны,
Ну, а поближе — неприглядны.
Кто состоятельных людей
Сперва считает за друзей,
Тот отвращенье испытает,
Когда поближе их узнает.
И отдалится вмиг от них —
Лишь с виду мирных и благих;
Богатых будет опасаться,
О чём нам говорит Гораций.[262] —

Когда их лучше узнают,
То дружбу прежнюю клянут!
Так, чем же принцы отличались,
Чтоб знаки ради них являлись?!
Чтоб неба огненный гонец
Их жизни предвещал конец?!
У них такие же тела,
Что я и всем другим дала:
У всех такие человеков —
У пахарей, писцов и клерков.
У всех возможности равны:
Тела нагие всем даны,
Будь разное у них сложенье, —
Иль рост, иль веса накопленье.
Фортуна ж — прочее даёт:
Она и дарит и крадёт;
Как ей угодно, поступает:
Возносит или низвергает.
Ей безразлично, кто взлетел,
Чей невысок пока удел. —
Непредсказуема и странна,
Она всегда непостоянна.
Иные могут возразить,
Что лучше дворянином быть;
Что тот, кто во дворянах ходит, —
Почёт с рождения находит;
Что благородна кровь дворян,
В отличье от крови крестьян,
Кто лишь своим трудом живёт:
Копает, сеет, полет, жнёт ...
На это мой таков ответ:
С рожденья — благородства нет
Ни у кого, кто не стремится
Его поступками добиться!
Ведь благороден только тот,
Кто в добродетели живёт;

И тот ничтожен и презрен,
Кого пороков держит плен.
Любить не стоит титул сам,
Что от отцов достался вам:
Пороков титул не исправит
И благородства не прибавит.
В названьи — благородства нет:
Даёт его лишь сердца свет.
Наследник должен честно жить
И качества в себе развить,
Какими люди обладали,
Что титул сей завоевали.
Когда ж родители ушли, —
С собой заслуги унесли,
Оставив только дом в наследство,
Да и финансовые средства.
Нельзя потомкам мудрость дать,
Нельзя им доблесть передать,
Коль дети в том не возрастут, —
Их сами не приобретут.
Кто человеком стал учёным, —
Скорее будет благородным,
Чем принц, и будет он мудрей
Всех неучёных королей. —
Ведь в книгах мудрость он читает,
Что всяк философ оставляет;
Показано конкретно там
Всё то, к чему стремиться нам,
И зол каких нам избегать,
Чтоб совершенства достигать.
Когда читает древних он, —
Их жизни узнаёт закон,
Оценивает их решенья,
Их подвиги и преступленья.
Он видит всех, кто был высок
В своих поступках, кто — жесток.

А потому любой учёный
Иль мало-мальски просвещённый
И должен лучше быть того,
Кто не читает ничего.
Поскольку книги наставляют,
Постигнуть мудрость помогают, —
То сердцем должен быть велик
Учёный, да и ученик!
[Ведь больше им дано узнать,
Чем тем, кто дичь привык гонять.]
А те, кто не чисты душой
При их учёности большой, —
Гораздо хуже остальных:
Людей неграмотных, простых.
Что есть добро, — известно им,
Они ж идут путём дурным:
Хотя и знают, что творят, —
Но исправляться не спешат.
Кто следствия поступков знает, —
Гораздо больше прегрешает,
И больше тех он виноват,
Что бессознательно грешат.
[И большая вина на нём
Пред Господом — Небес Царём,
Чем всех трудящихся мирян
И всех неграмотных крестьян,
Что книг учёных не читали
Из них примеров не черпали!]
Не могут принцы позволять
Себе так много книг читать:
Ведь у начальников земных
Забот достаточно иных.
Учёный более свободен,
И быть он должен благороден!
Кто благородным быть решит,
Пусть главных зол двух избежит:

Путь горд не будет никогда,
От лени пусть спешит всегда —
Займётся службой иль ученьем
И от пороков очищеньем.
Пусть будет сердцем он смирен
И добрым будет пусть ко всем,
Со всеми в мире жить готов,
За исключением врагов.
Что мира с ним не захотят
И в сердце злобу затаят.
Пусть с дамами любезен будет;
Об их коварстве ж — не забудет.
[Пусть он им почести воздаст,
Но обмануть себя не даст:
Ведь часто женщины подводят
Тех, кто с доверьем к ним приходят.]
Лишь рыцарь, что в боях умел,
Что куртуазен, добр и смел,
Что, так же, как мессир Гавейн[263],
Отзывчив, честен и смирен,
И доблестен, как д’Артуа
Робэр[264] — столь знаменитый граф,
Что в добродетелях блистал
И с юности героем стал, —
Всему народу будет милым:
Ведь он достоин быть любимым!
[Такого станут все ценить
И будут искренне хвалить.]
А также переписчик книг,
Кто вчитываться в них привык,
Кто ум и сердце развивает
И наставленья выполняет,
Что в книгах почерпнул благих, —
Достоин почестей больших.
Учёных раньше уважали
И философью почитали:

Могу я больше десяти
Тому примеров привести!
Все, во дворянах кто ходили,
Философов когда-то чтили;
Ценили их и короли,
И императоры Земли;
Их графы, герцоги любили, —
Свои дары им подносили.
Имения давали им
Иль даже города — иным;
Дома давали и сады
Необычайной красоты.
Вергилью был Неаполь дан:
Ведь краше он, чем Орлеан!
И с Лаварденом не сравнится.
И Энний[265] мог бы похвалиться:
Сады[266] имел в Калабрьи он,
Друзьями щедро одарён.
Могу рассказ я продолжать:
Другие имена назвать
Тех, кто средь бедных родились
И к благородству поднялись,
И стали все их уважать
И за больших людей считать.
Пришли иные времена,
И жизнь теперь уже не та:
Теперь философов не знают
И о поэтах забывают,
Кто жизнь в учении провёл
И земли странником прошёл.
Кто философьей увлечён,
Начитан, опытен, учён,
Чужие земли посещал,
Народов мудрость обобщал, —
Теперь и беден и раздет,
Теперь ему почёта нет:

В долгах он часто жизнь проводит,
Порой и крыши не находит.
[Куда правители глядят! —
Помочь скитальцу не хотят.
Он окружён непониманьем
И не согрет ничьим вниманьем.]
Хоть благородства больше в нём,
Чем в дворянине родовом,
Кто зайцев по полям гоняет
Иль на подушках восседает.
Того ль мне благородным звать,
Кто по отцову чину — знать? —
Кто благородный титул носит,
У предков славы доброй просит,
Но качеств не имеет тех,
Что принесли отцам успех?
Будь он хоть Александра сын, —
Кто преклонится перед ним?
[Пусть Александр-завоеватель
Всемирной славы был искатель;
Пусть земли все он покорил,
Над всеми господином был, —
Успехам всё он был не рад
И утверждал, что тесноват
Был мир для всех его побед,
И места в мире больше нет,
Чтоб земли мог он умножать;
Что мир другой пора искать,
Чтоб расширять свои владенья,
Всех привести в повиновенье!
Хотел он даже в ад вступить, —
Врата его мечтал разбить,
Чтоб получить и там признанье
За славные свои деянья.
Когда ж сказала я богам,
Что может приключиться там, —
Затрепетали боги ада,

Подумав, что идёт расплата:
Что Крест с Собою принесёт
Тот Человек, Кто к ним придёт;
Что ада царство Он разрушит,
Пленённые искупит души!]
Что ж, предположим мы тогда,
Что не случится никогда:
Что благородство я дарю
В тот час, когда и жизнь даю.
Но обделяю им иных,
И нету дела мне до них —
До тех, кого мои дворяне
Назвали б «низкие вилланы»:
Какое благо было б в том,
Что благородством мы зовём?
Кто хочет суть его понять,
Тот должен всё-таки признать,
Что благо лишь одно в нём есть:
Не уронить отцову честь!
Нельзя без ноши этой жить,
Чтоб дармоедом не прослыть,
Кто славу взял себе чужую,
Забыв ответственность большую.
Никто не заслужил похвал
За то, чего не совершал,
И за чужие достиженья
Не выражают поощренья!
[И так же обстоит с виной:
За грех не наказать чужой,
Ведь за чужие злодеянья
Несправедливо наказанье.]
Так, пусть же людям лишь за труд
Награды и дары дают,
И пусть заслуженных людей
В теченье жизни хвалят всей!
Кто ж о заслугах не печётся, —

Тот без похвал пусть обойдётся.
Коль не имеет человек
Стремления к добру вовек;
Коль он жесток, высокомерен
И слову своему не верен;
Когда лукавство в нём живёт
И лень гнездо себе совьёт;
Коль нет в нём сердца широты,
Ни щедрости, ни доброты,
(Таких немало средь дворян,
Носящих благородный сан),
Хотя его родной отец
Был благороднейший храбрец, —
Он будет всё-таки не прав,
Себе отцову славу взяв.
[Его лишь должно презирать
И ниже бедняков считать,
Что вышли из среды крестьянской,
Не благородной, не дворянской.]
Я также вас прошу учесть,
Что разница большая есть
Меж благ земных завоеваньем
И в добродетелях стараньем.
Здесь должен человек любой
Свободно сделать выбор свой —
Дела высокие ль вершить
И благородным в сердце быть
Иль деньги только накоплять,
Свои владенья расширять:
Иметь сокровища земные —
Со златом сундуки большие.
Ведь если человек богат, —
Он может одарить стократ:
И земли детям передать,
И деньги все друзьям отдать —
Сто тысяч марок золотых

Оставить может он для них!
Тогда как честь и благородство
Передавать не так-то просто.
Кто приобресть старался их, —
Не одарит друзей своих.
Наследства детям он не даст, —
Всего лишь им пример подаст,
[Укажет только, как идти
По избранному им пути].
Ведь, кроме чести, у него
И нету больше ничего!
[И, как детей тут ни любить, —
Нельзя ничем их одарить.]
Но многие моральных целей
Не знают и ничуть не ценят;
И кроме золотых монет,
Для них сокровищ в мире нет.
Но говорят они при этом,
Что род их связан с высшим светом,
И так порой горды собой,
Коль чин имеют родовой,
Коль их придворные родили
Иль те, кто чин сей заслужили!
То — недостойные сыны, —
Их славить люди не должны:
Они свой род не прославляют,
Чужою славою блистают.
Напрасно недостойный сын
Имеет званье “дворянин”:
Своими псами он гордится,
Рад птицами обзаводиться,
Но жизнью праздною живёт —
С утра охотиться идёт.
[Весь день он ходит по лесам,
По берегам и по лугам.]
Он с предками ничем не схож,

Дворянский сан носить не гож:
Ведь не добавит благородства
С дворянскою фамильи сходство!
Всем благородство я дарю,
Кому рождение даю:
Свободою мой дар зовётся,
Он в паре с разумом даётся.
Бог разум человеку дал, —
Своё подобье в нём создал.
С Творцом и Ангелами сходство
Людей не есть ли благородство?
Пусть вечно Ангелы живут,
А люди, жизнь прожив, умрут?
За счёт же предков человек
Не завоюет чести век:
Не будет благородным зваться
И от вилланов отличаться.
Не исключенье — короли,
Все люди сильные Земли:
Чтоб благородными им стать,
Свой титул надо оправдать.
И я считаю, больший стыд
Тому, кто злое говорит
И кто не борется с пороком,
Укоренившимся глубоко, —
Коль королевских он кровей,
Чем если был бы он бедней:
Иль сыном пастуха простого,
Иль бедного мастерового.
Гавейн храбрейший был боец;
Когда бы был его отец
Ужасный трус, что лишь сидит, —
Ногою пепел шевелит, —
Гавейну б больший был почёт,
Чем если б сам он трус был тот,
Его ж родитель был бы смел,

Как сам Ренуарт-о-Тинэл!
Но, как нам тут ни рассуждать, —
Всё ж, неразумно отрицать,
Что принца смерть всегда приметна,
Простолюдина ж — незаметна.
О принцах ведь идёт молва,
И верит потому толпа,
Что и небесные явленья
Их предвещают преставленье.
Но если б не было на всей
Земле князей и королей
И в чине были б все равны, —
Признать мы были бы должны,
Что звёзды так же бы вращались,
Из них кометы бы рождались,
(Когда условья таковы,
Что возникать они должны).
Когда же наблюдал народ
Комет красивейший полёт,
Дракона хвост напоминавших,
Средь звёзд особенно сиявших, —
То люди думали всегда,
Что с неба падала звезда.
Причина ж этого — незнанье:
Неколебимо мирозданье.
С небес ничто не упадёт
И гибели не подпадёт:
Они надёжно сложены,
Тела небесные — прочны.
[Нельзя извне их сотрясти
Иль на куски их размести:
Нельзя их расколоть, разбить,
Сквозь них субстанцью пропустить.
Лишь то они воспринимают,
Что тонким образом влияет:
В них могут лишь лучи войти,

Свои влиянья привнести.]
Итак, небесных тел движенье —
Причина всякого явленья.
И лето нам они несут,
И холод зимний создают,
И атмосферные явленья
От их приходят обращенья:
От них приходят снег и дождь,
И день один с другим не схож.
От их взаимо-отдаленья,
Сближенья или совмещенья
Зависит и игра теней,
Что на Земле бывает сей.
[Когда случаются затменья, —
Иные полны опасенья:
Исчезновение планет
Для них опять же знаки бед!
Но если б людям знать причины
Их ужасающей картины, —
Они б не стали горевать
И ей значенья придавать.]
А силою ветров большой
Планеты правят и водой:
Поверхность моря возмущают,
До облак волны подымают.
Как наиграются волной, —
Низводят на море покой.
Но люди также знать должны
И о влияниях Луны:
Луны ведь может притяженье
На море вызвать возмущенье;
И под влиянием Луны
Прилив случается воды.
Нельзя всё знать о чудесах,
Что происходят в небесах,
А кто б побольше захотел

О действиях небесных тел
Узнать, — всего б узнать не смог:
Ведь ограничен жизни срок.
Так, небо долг свой выполняет, —
Мои законы исполняет.
И так же мне в любой момент
Послушен каждый элемент:
Они друг в друга проникают,
Себя друг в друге растворяют.
Ничто не вечно под Луной,
И всё конец находит свой:
Всё подпадает разрушенью —
Гниению и разложенью.
Все существа конечны здесь,
Для всех закон единый есть:
Всё тем, чем было, обернётся, —
К началу своему вернётся.
Закон сей непоколебим,
Ничто не может спорить с ним!
Не жалуюсь я на растенья.
Их безупречно поведенье:
Они все знают мой закон,
Всегда он ими соблюдён.
Пока они живут и дышат, —
Всегда они мой голос слышат.
И сами тело создают,
В котором на Земле живут
(У них есть корни и стволы,
Есть ветви, листья и цветы),
И возникает каждый год
Из каждого цветочка плод.
На птиц не жалуюсь ничуть:
Приятно мне на них взглянуть!
И с рыбами я бед не знаю
И с радостью их созерцаю:
По правилам они живут,

Свой род под Солнцем берегут.
И звери мне послушны все,
Что смотрят под ноги себе,
Чья голова к земле клонится, —
Мне не за что на них сердиться!
Они не ссорятся со мной,
Закон все исполняют мой
И за родителями вслед
Любовью радуют весь свет. —
Они попарно все живут,
Любовь друг другу отдают.
Гулять они не любят розно:
Все в парах ходят грациозно.
С самцами самки все дружны:
Любезны с ними и нежны;
Они не станут торговаться —
Привыкли даром отдаваться!
Не нужно платы им иной,
Чем жизни дар, вручённый мной. —
Так все живые поступают,
Что ползают и что летают:
Все бабочки и муравьи,
И гусенички все мои!
И мушки знают мой закон,
И червячкам известен он.
И змеи знают, и ужи:
Мои законы хороши!
Из всех творений лишь одно
На горе мною рождено,
И хуже всех ко мне вовек
Относится лишь человек.
Хотя я лишь ему дала
Всё лучшее, что создала:
Дала высокое чело[267],
Глаза, смотрящие светло,
Чтоб небо созерцать он мог;

И образ Свой ему дал Бог.
Для человека я тружусь,
Всё для него я делать тщусь:
Венец моих усилий он,
И всем он мною наделён.
Три силы у меня он взял —
От госпожи своей принял:
Они духовны и тверды,
Они бесплотны и плотны.
Так, может он существовать,
Способен жить и ощущать. —
Он только должен быть готов
Не растерять своих даров,
Что Сам Господь ему вручил,
Когда Вселенную творил.
Ведь он владыка всех веществ,
Всех выше он других существ.
Имеет он в Твореньи часть,
Над всеми существами власть.
Как камни, — существует он;
Как травы — жизнью наделён;
И органами чувств владеет:
Как звери, — чувствовать умеет.
Но человек сильней стократ:
Ведь разуменьем он богат,
Как Ангелы, и потому
Открыт к познанью путь ему!
Пусть он, как целый мир, глубок, —
Он хуже для меня, чем волк...
Но ум не я ему дала, —
Я этого бы не смогла.
Тут мудрость высшая нужна,
Но недоступна мне она.
В том, что рождаю я на свет,
Бессмертья не было и нет;
И все мои произведенья —

Всего лишь смертные творенья.
Об этом говорил Платон:
В своих речах касался он
Моих произведений смертных,
Равно как и богов бессмертных.
[Дела мои он описал,
Им верное сужденье дал:]
Создатель так назначил Сам,
Что смерть неведома богам:
По воле собственной Творца
Их жизнь продлится без конца.
Когда б того Он не хотел, —
Их жизнь имела бы предел.
Моя ж — не безгранична власть,
Я не могу бессмертья дать;
И рядом с властию Творца —
Царя богов и их Отца,
Кому видны все времена, —
Она, конечно же, скромна.
Платон нам также передал.
Что всем богам Господь сказал:
“О боги, ваш Я зачинатель —
Отец Я ваш и ваш Создатель.
Вы все — создания Мои,
И потому бессмертны вы.
В природе всё недолговечно,
А ваша жизнь — продлится вечно:
По воле Собственной Моей
Вы поднимаетесь над ней.
Как ни старалась бы Природа, —
Преходит вся её работа:
Она не в силах то создать,
Что можно в жизни удержать.
Но что Господь соединил,
Во что Он Разум Свой вложил, —
То живо Волею Его,

И — нерушимо оттого.
[Что мудрость Божья создавала, —
То порче ввек не подпадало!]
Здесь вывод должен быть таким:
Вы Богом созданы благим,
Но по своей природе вы
Не только Мне подчинены, —
Поскольку боги все отчасти
Находятся в Природы власти.
Хоть по природе смертны вы, —
Всё ж, умереть вы не должны:
Вы б от природы умирали,
А Мной — бессмертными вы стали.
Ведь властен над природой Я,
И воля так сильна Моя,
Что жизнь удерживает в вас.
И смертный не придёт к вам час”.
О Боге так писал Платон, —
Сказал о Нём всех лучше он.
Но, пусть он Господа воспел,
Постичь всего он не сумел:
Ведь Та, что Господа зачла,
О Нём, всё ж, больше поняла!
Зачатье было непорочно,
И Дева сразу знала точно,
Что Божий Сын явился к Ней,
И — радовалась вести сей.
Была Ей Истина ясна,
И говорила так Она:
“Тот, Кто теперь в моей утробе, —
Чудесным образом подобен
И кругу — центр его везде.
Конца ж и края нет нигде, —
И треугольнику — углы
Его все, как один, равны,
И все сливаются в один,

Как будто угол тот един!
Итак, сей треугольник — кругл,
А круг — тройной имеет угол”.
Платон же этого не знал.
Ведь в Боге он не увидал
Ни триединства, ни того,
Что должен Сын придти Его:
Что в Человеке Он придёт —
На Землю во плоти грядёт.
Итак, Господь, Творец от века,
И создал разум человека.
Неблагодарный человек —
Лишь предал Господа в ответ.
Так, тварей хуже всех на свете
Лишь человек Отцу ответил!
Хотел он Богу сделать зло,
А зло назад к нему пришло.
Но без меня тогда Господь
В земную облачился плоть.
Я не участвовала в том,
И мало знаю я о Нём:
Не знаю, как Он мог явиться
И в теле смертном воплотиться.
И я была потрясена —
Делам Его удивлена:
Во чрево Девы Он вошёл
И в твёрдом теле в мир пришёл
За человека пострадать,
Ему к спасенью шансы дать;
В живом Он теле распят был, —
Грех человека искупил.
Но как мне в мыслях допустить,
Что в тело мог Господь вступить?
И непорочного зачатья
Никак не в силах представлять я!
Не раз предсказано людьми,

Что должен был Господь придти:
Пророчествовали евреи,
Язычники и иудеи.
Когда пришли событья те, —
Сбылись пророчества их все.
А приходили все пророки
Заране людям дать уроки:
Открыли будущность затем,
Чтоб верить в Сына Божья всем.
Так, и в *Буколиках* о Нём
Мы у Вергилия найдём
Слова Сивиллы, что тогда
О Нём предсказывать могла.
[Святой сошёл к Севилле Дух
И так пророчествовал вслух:]
“[268]Вы ожидайте появленья
Людей другого поколенья,
Что посылаю с неба вам:
Чрез них — спасение Я дам.
Железный Век тогда пройдёт,
Век Золотой — опять придёт”.
Альбумазар[269] об этом знал
И так событье предсказал:
“Под Девою Зодиакальной
Случится случай уникальный:
Родится Дева на Земле,
Что Бога понесёт в Себе.
И будет Девственница-Мать
Отца млеком Своим питать.
И муж у Девы будет Сей,
Но не притронется он к Ней”.
Прочесть о том кто хочет сам, —
Тому совет простой я дам:
Альбумазара книгу взять,
В ней место это отыскать.
Марии Девы Рождество —

Для христиан всех торжество.
Его христьяне на Земле
Все отмечают в сентябре.
Всё, что сейчас я изложила, —
Для человека это было.
Вершина он трудов моих, —
Иисус Христос все видит их.
Но малодушный человек
Со мной враждует весь свой век!
Всегда он оскорблял меня, —
Могу ль молчать об этом я?
Как ренегат он поступает:
Законов, будто бы, не знает!
Ему почёт я воздала
И многие дары дала;
А он дарам Природы счёт,
Похоже, вовсе не ведёт ...
О, мой священник дорогой!
Любим он может ли быть мной?
И пользоваться уваженьем
Моим — с его пренебреженьем?
[Я перед Богом говорю:
Ошибку признаю мою,
Раскаиваюсь нынче в том,
Что так заботилась о нём.
Тем, что его я сотворила, —
Я преступленье совершила!]
Но ради имени Того,
Кто в ад спустился для него,
Кого ко древу пригвоздили
И Чьё ребро копьём пронзили, —
Хочу я Богу всё сказать,
Ему всю правду рассказать
О человека нераденьи,
Его пороках и паденьи;
И буду ныне как никто

Его стыдить за всё за то!
Предатель он, гордец, завистник;
Фальсификатор, ненавистник;
В нём веры нет, и он уныл,
Всегда обманщиком он был;
Он жадина, хвастун, разбойник,
Убийца, идолопоклонник;
Живут и лень и подлость в нём,
И сластолюбец он притом.
Обжора, лжец и содомит:
Развратничает и хамит;
Он лицемерит, презирает,
Свои он клятвы нарушает;
И сердцем он своим жесток:
Непостоянства в нём порок.
Настолько он душою груб,
Настолько жалок он и глуп,
Что раб пороков он своих:
В себе он поселил все их!
Стремится к смерти ли своей
Он жизнию преступной сей,
Пороков путь себе избрав,
Себя цепями оковав?
Но так как в мире все пути
Должны к Истоку привести,
Поскольку возвратятся все
К Тому, Кто дал им бытие, —
То как же человек придёт
К Тому, Кто всё ему даёт?
Как на Того взглянуть посмеет,
Кто власть над миром всем имеет,
Кому он должен был служить,
Все жизни дни послушным быть,
Свои поступки посвящать,
Почёт и славу воздавать?
И как посмотрит на него

Создатель и Судья его,
Когда презренный человек
От службы уклонялся век,
Коль не спешил он никогда
Благие совершать дела?
Ведь грешник — не один на свете,
Но все: и взрослые, и дети
Привыкли скверно поступать —
Благого Бога оскорблять!
[Забыли собственную честь
И злых их дел не перечесть ...]
Как редко в монастырь идут,
Где чистоту свою блюдут!
Все люди будто сговорились
И с Богом враждовать решились;
Но всем придётся им страдать —
Свои проступки искупать.
[Иных, кто на грехи идёт, —
Уже при жизни кара ждёт.
Преступников за злодеянья
Ждут по закону наказанья:
Обречены на смерть иль стыд
Все те, кто низости творит.]
И что несчастный делать станет,
Когда он во грехах предстанет
Перед Верховным Судиёй,
Над тварью властен Кто любой,
Распоряжается всем Сам,
В суде Своём и прав и прям,
Всем по заслугам воздаёт? —
Что в День Суда беднягу ждёт?
На что надеяться ему —
На ада ль страшную тюрьму?
Какой награды он желает,
Когда так низко поступает?
[Повешения ль хочет он,

В тюрьму ль быть хочет заточён?
Иметь ли хочет кандалы
И жить в цепях у Князя Тьмы?
Иль хочет он кипеть в котле,
Иль вечно мучиться в костре:
На рашпере иль на углях?
[270]Иль прикреплённым на гвоздях
Он хочет в колесе вращаться, —
Как Иксион, в огне кататься?
От жажды ль хочет умирать,
От голода ль всегда страдать,
Как за убийство пострадал
В аду царь Лидии Тантал? —
Страдать от жажды обречён, —
Стоит в воде по горло он;
Когда ж напиться он желает
И голову к воде склоняет, —
Спадает тотчас же вода
И не даётся никогда!
И видит яблоки Тантал,
Но ни одно он не достал,
Хоть перед ним они висят,
Как будто в рот попасть хотят!
Как только рот он открывает, —
Так древо ветви поднимает,
И плод вкусить не может он,
На голод вечный обречён.
Иль малодушный человек
Идти на гору хочет век
И камень пред собой катить, —
С ним на вершину восходить?
А камень будет тот срываться,
К подножью снова возвращаться!
Как обречён на то Сизиф,
Кто, камень на гору вкатив,
За ним спускается опять,
Чтоб вновь туда его толкать?

Иль хочет бочку наполнять
Без дна — Белидам подражать,
Как искупают грех они,
Что в давние свершили дни? —
Ведь не заполнит бочки ввек
Бездонной бедный человек!
Известно, Гений, также Вам,
Как Титий мучается там:
Два коршуна его клюют, —
Из тела печень вечно рвут.
Не может Титий их прогнать,
И вечно будет он страдать.
В аду другие пытки есть,
За грех передо мною месть:
Однажды люди их узнают,
Коль исправляться не желают!]
Но что касается злых дел,
Что сделать человек успел, —
Я оставляю Богу их,
Чтоб Он судил людей Своих.
Но обижали и меня:
Не всё оставлю Богу я,
И за обиды и утраты
Сама потребую расплаты!
Сама за всё я отомщу,
С людей Амуру дань взыщу:
Я жалобу его слыхала,
И в том его я поддержала.
Всех я заставлю отвечать,
Природе должное отдать.
Ах, Гений, в лагерь поспешайте,
Привет Амуру передайте:
Он искренний служитель мой,
И верен мне он в миг любой.
Меня всегда он уважал,
Всегда во всём мне угождал,

Со мной чистосердечен был
И больше всех меня любил!
А также и Амура свите
Мои приветы Вы несите,
И передать прошу Вас я
Поклон Венере от меня.
Личине ж кланяться не нужно, —
Живёт он с гордецами дружно;
Так часто вместе с теми он,
Кто Господом разоблачён
Как лжепророк! — И потому
Привет не шлите Вы ему.
Он с лицемерами в компаньи,
И вместе с ними Воздержанье.
Боюсь, что и она горда,
Поскольку рядом с ним всегда:
Так притворяется усердно,
Что с виду даже милосердна,
Ну, а в душе всегда она
Бывает к людям холодна.
Коль с лицемерами Личина
Опять, — то есть у нас причина,
Не поприветствовать его
С подругой хитрою его.
Таких всем стоит опасаться:
Опасно с ними всем общаться.
Да и Амур бы их прогнал —
Средь войска бы держать не стал,
Когда бы не был в полной мере
В их пользе делу он уверен.
А если ж нынче двое те
Не будут в столь дурной среде,
Коль за влюблённых выступают
И их страданья облегчают, —
То не враги они и нам, —

Я им прощаю их обман!

К Амуру, Гений мой, летите, —
Мой плач ему Вы донесите,
Но не затем, чтоб он страдал:
Чтоб весть он добрую узнал!
И жалобы мои скорей
Вы передайте свите всей:
Скажите, Вас я посылаю
Затем, что отлучить желаю
Всех, кто теперь противник нам;
А также поручаю Вам
Людей всех доблестных простить,
Грехи им ныне отпустить.
Скажите: всех прощаю я,
Кто будет уважать меня
И будет соблюдать закон,
Что мною в книгу занесён.
Их я друзьями назову,
Но я к тому их призову,

Чтоб впредь они умнее были —
Передо мною не грешили:
Хочу я радость подарить
Всем тем, кто учится любить!
Ошибок пусть не повторяют
И всех пороков избегают,
Что Вам сейчас я назвала,
О коих речь сейчас вела.
Вы им прощенье подарите,
Их от вины освободите.
Но не на время, — навсегда
Простите злые им дела!
Когда на время их простить, —
Не будут этого ценить.
И впредь так, Гений, поступайте:
Всем тем грехи Вы отпускайте,
Кто грешником себя сочтёт
И к Вам на исповедь придёт.
Когда ж бароны Вас приветят,
С сердечной теплотою встретят,
Приняв приветы от меня,
Что через Вас послала я, —
Вы приговор им вслух прочтите,
Моё прощенье огласите.
Чтоб не забыть Вам ничего, —
Я продиктую Вам его”.
И Гений записал всё точно.
Его Природа просит срочно
К баронам с грамотой идти, —
Её решение нести.
Но прежде хочет быть она
От тяготы разрешена
И просит отпустить ей всё,
Что было на сердце её.
Так исповедалась богиня
Природа, ну а Гений принял

Ту исповедь: как духовник
В её дела подробно вник,
В каких, как думала Природа,
Она виновна. И по роду
Грехов, по исповеди сей —
Назначил епитимью ей
Священник, что была добра,
И благородна, и мудра:
[271]Сказал он плач ей прекратить
Чтоб не мешал он ей творить,
Вернуться в кузницу опять,
Как прежде образцы ковать.
Трудиться в мастерской, как встарь,
Пока её Господь и Царь
Её работы не прервёт
Иль ей других не даст работ, —
Тот, Кто Единственный решает,
Кто строит всё и разрушает,
Кто силен всё перевернуть:
Создать иль прахом обернуть.
“Я повинуюсь Вам охотно”, —
Она сказала благородно.
“А я же свой наряд сменю
И в лагерь сразу полечу
Всем помощь оказать влюблённым,
Высокой верой окрылённым”, —
В ответ ей Гений говорит —
В дорогу он уже спешит.
И плащ, и ризу он снимает
И на крюке их оставляет;
В наряде светском предстаёт,
Как если б шёл на хоровод.
(Подвижнее в нём Гений был, —
К нему и крылья прикрепил).
Природа снова в мастерской,
За труд она берётся свой:

Вновь молоты она берёт,
Как прежде, образы куёт.
А Гений — с помощию крыл
Уж скоро у Амура был.
Хотя и быстро он летел, —
Застать Личину не успел.
Как только схвачена была
Старуха, что мне помогла —
Калитку тайную открыла,
Меня к Приёму проводила, —
Личина ждать уже не стал:
Не попрощавшись, он удрал.
А Воздержанье — воздержалась, —
Немного в замке задержалась,
Но, видя Гения, тотчас
Вслед за Личиной понеслась.
Кто б удержать её хотел, —
С ней справиться бы не сумел!
И если только бы Личина
С ней рядом был, — была б причина
И ей священника встречать,
Его притворно лобызать.
Приветствует баронов Гений,
И без малейших промедлений
Он к сути дела перешёл —
Всем объяснил, зачем пришёл.
Ничто сказать он не забыл,
И, как всегда, он точен был.
И вряд ли я вам передам,
Как все возрадовались там,
Его услышав выступленье —
Природы мудрое решенье.
Я ваши уши пощажу —
Всё вкратце вам перескажу.
Когда рассказчик многословен, —
То слушатель к дремоте склонен,

Иль вовсе может он сбежать,
Коль многословья не сдержать!
[272]На Генья ризу надевают
И знаки все ему вручают
Епископа[273]. Он принял всё —
И жезл, и митру[274], и кольцо.
Всем слышать Генья не терпелось —
Узнать все новости хотелось.
Без атрибутов прочих он
Готов провозгласить закон.
Венера не могла сдержаться —
Счастливым смехом не смеяться.
Чтоб приговор звучал сильней, —
Вручить вдруг захотелось ей
Природы Гению свечу
Горящую. (Сказать хочу,
Её недевственным был воск.)
Поднялся Гений на помост,
Чтоб громче голос раздавался
И сердца каждого касался.
Бароны ж — сели перед ним —
Пред проповедником святым:
И без скамеек разместились —
На землю прямо опустились.
Священник грамоту берёт
И знак баронам подаёт:
Природы развернув посланье,
Всех просит соблюдать молчанье.
Все приготовились внимать —
Послушно будут все молчать.
Бароны Гению кивают,
Друг друга весело толкают;
Переглянулись меж собой, —
И тут же наступил покой.
Так, слушать Генья стали все
Бароны в полной тишине.

И вот вердикт читает он,
Вниманьем общим вдохновлён.

“Природы волею священной,
Кто управляет всей Вселенной,
От вечности служа Тому,
Кто миру дал толчок сему,
[Чей так высок небесный трон,
В блаженном граде помещён,]
Кто Император Суверенный,
Правитель Преблагословенный,
И Кем в викария она
И коннетабля призвана;
Кому Природа служит вечно,
Жизнь продолжая бесконечно:
Рождает всё сама, растит, —
Ничто без смысла не творит,
Что существует во Вселенной:
Ведь нет ни твари бесполезной
Под небесами, что в обход

Земли свой совершают ход,
И чья в движении всегда
И глубина, и высота, —
Все, кто Природе неверны, —
Да, будут пусть отлучены! —
Все те, кто, хоть велик, хоть мал,
Служеньем ей пренебрегал.
А кто всецело предан ей —
Великой госпоже своей —
И кто всегда любить стремится,
От мыслей злых освободиться,
Кто хочет чище стать душой, —
Достоин участи иной:
Пусть коронован будет тот,
В венке цветочном в рай войдёт!
Лишь исповедуется пусть,
Чтоб перед ним открылся путь.
Я исповедь его приму,
Прощенье дарую ему,
Поскольку исповеди смог
Доверить таинство мне Бог.
Изменникам же в час недобрый
Богатства все даны Природой:
Они Природу подвели —
Им примененья не нашли.
Она дала им инструменты:
Свои дощечки и стилеты[275];
И молоты она дала,
И наковальни раздала;
Дала она им сошники,
Что так остры и так крепки,
Дала и добрые поля,
Где плодородна так земля,
Ведь почва их не камениста:
Она мягка и травяниста. —
Но не желают ей служить —

Орудья эти применить,
Чтоб почести воздать Природе:
Её заброшены угодья!
И не хотят писать, пахать
Иль в кузне молотом стучать.
Дары Природы отвергают.
Что жизнь под Солнцем продолжают,
Что всё живое берегут,
В обиду Смерти не дают.
Когда ж не пишут письмена, —
Дощечка станет вся пыльна;
И если мастер не куёт, —
То наковальня пропадёт.
Поля заброшенными будут,
Коль пахари про них забудут:
Без плуга будет целина
Всегда тверда и холодна.
Так, пусть живьём их закопают:
Лентяев, что не применяют
Тех замечательнейших средств,
Что есть у всех живых существ,
Что Сам Господь изготовлял
И госпоже моей отдал,
Чтоб ей такие ж вырезать
И жизнь под Солнцем продолжать!
Когда все подражать им станут —
Рожать потомство перестанут, —
То, не пройдёт и сотни лет, —
Весь опустеет белый свет.
Так люди предадут Природу.
И человеческому роду
Настанет вскорости конец,
Когда откажется Творец
Людей умерших воскрешать
Иль из земли воссоздавать.
Когда ж и те ленивы будут,

Закон Природы позабудут, —
Век человеческий спустя
Земля вновь опустеет вся,
И будет населять её
Одно лишь дикое зверьё!
И если б кто-то утверждал,
Что только избранным Бог дал
Быть целомудренными милость,
Что не на всех распространилась, —
Я отвечал бы, что Он благ,
И что не может быть никак,
Чтоб был Он милостив к одним
И невнимателен к другим.
И я спросил бы: почему
Не дать ту милость всем Ему?
Но нам заранее понятно,
Что мир погиб бы, вероятно!
Иначе полагаю я,
И вера в то крепка моя,
Что всех людей Он возлюбил,
Душой разумной наделил,
Всем в равной мере милость дал
И путь к Себе всем указал.
И выделять тут нет причин
Иль только женщин, иль мужчин.
Когда б Господь вдруг захотел
Кому-то лучший дать удел,
То почему б тогда не мог
Всем лучший путь назначить Бог?
Не знаю больше, что сказать,
И не намерен я гадать:
Другие пусть о том гадают
И спорят, если пожелают.
Тот, кто стилет забросил свой,
Что продолжает род людской,
И не желает им писать,

Чтоб жизнь своим потомкам дать,
На тех дощечках драгоценных,
Всем для письма определенных,
Что им Природой вручены
И быть должны применены,
Чтоб люди, как все твари, жили —
Чтоб скрипторами они были;
Два молота кто получил,
Но в жизни их не применил:
Не стал исправным кузнецом,
А стал ужасным гордецом;
Кто презирает рисованье —
Бразды красивой начертанье —
И не идёт пахать поля,
Где так податлива земля,
Но в ослеплении идёт
Туда, где камни лишь найдёт,
В пустыню плуг свой направляет,
Свою природу извращает;
[276]И тот, кто, за Орфеем вслед
Природы позабыл совет,
Кто стал Орфею подражать
И прочь от естества бежать,
(Писать Орфей ведь не умел;
Ковать, пахать он не хотел.
Он грех ужасный изобрёл,
Себя так дурно он повёл!
Природе только навредил,
Лишь виселицу заслужил!);
Кто, госпоже наперекор
Стал продолжать его позор —
Её законы переврал,
Наоборот читать их стал,
По-своему преподносить,
Чтоб грех нелепый свой творить, —
Пусть извращенцы злые эти,

Пока они на белом свете, —
Природою отлучены, —
Даров тех будут лишены!
Лишатся пусть мошны своей
И всех сокровищ, что есть в ней.
Коль сохранить хотят невинность, —
То пусть утратят маскулинность!
Пусть молотки их оторвут,
А их стилеты украдут,
Раз на дощечках не писали,
Что их прикосновенья ждали.
Сломать бы сошники все их,
Когда не применяли сих,
И плуги бы их разломать,
Так чтоб уж больше не собрать!..
Пусть ждёт везде их лишь укор,
Всегда преследует позор!
Не отступайте, господа,
Вы от Природы никогда:
Служите госпоже своей
Быстрее белок, птиц быстрей,
И будьте легче ветра вы
В делах природы и любви!
Кто будет хорошо трудиться, —
Тому всё прочее простится:
Нельзя на месте замирать
И о работе забывать.
И чтобы было вам теплей,
Старайтесь от души вы всей:
Кто те орудья применяет, —
Тот никогда не замерзает!
Кто ж вяло к делу подойдёт, —
Тех не продлится долго род.
Свои одежды распахните —
Но тела лишь не простудите, —
Иль вам их лучше даже снять,

Чтоб легче было вам пахать.
Вы только не перегревайтесь
И чересчур не охлаждайтесь!
(Удобней, всё же, быть нагим,
Чтоб плугом управлять таким.)
Теперь же, — я вам подскажу, —
Сошник всадите вы в межу
И поднимите рукояти:
Покрепче их держите, кстати, —
И постарайтесь, чтоб сошник
Поглубже в борозду проник.

На плуг сильнее налегайте,
Сошник всё глубже погружайте,
Подбадривая лошадей,
Чтоб шли вперёд они скорей:
Чтоб не плелись они несмело,
Иначе всё застрянет дело!
Впрягите вы волов в хомут,
Что сами плуг поволокут:
Их острой палкою колите, —

Орьбу[277] тем самым торопите.
Чем чаще колете вы скот, —
Тем лучше пахота идёт.
Когда ж устанете пахать, —
Настанет время отдыхать.
Вы отдохнуть не премините,
Затем орьбу возобновите:
Орьба без отдыха трудна —
Не будет долгою она,
Но после отдыха опять
Приятно будет вам пахать.
(Вы лишь желать не уставайте
И к делу снова приступайте!)
[278]Так, Кадму[279] был Палладой дан
Совет — земли вспахать арпан[280].
И он последовал совету —
Всю выполнил работу эту.
Им страшный змей был побеждён,
Его посеял зубы он:
Из них тотчас же люди встали
И воевать друг с другом стали —
Друг друга стали убивать,
Пока их не осталось пять,
Что Кадму помощь предложили,
С ним вместе Фивы заложили.
Они и стены возвели,
И весь народ произвели, —
Так, древний город вырос там,
Где распахал всю землю Кадм.
Он добрым сеятелем был:
Народ он целый породил.
Коль будете и вы стараться,
То род ваш будет умножаться.
Вам двое могут помогать
От вырожденья род спасать.

Коль смерть вы обмануть хотите, —
У них вы помощи просите.
Ведь если к ним примкнёте вы, —
То будете вы спасены.
Не обращаться глупо к ним:
Ведь вам не справиться самим!
У вас противница одна,
Вас атакует лишь она.
Так, энергичней защищайтесь —
Злодейке той не поддавайтесь.
Когда ж вы и втроём слабы
Так, что не выдержать борьбы
С одним единственным врагом, —
То вам погибель поделом!
Судьбами три вершат сестры:
Три Парки, знали ль это вы?
Из трёх вредит всего одна,
Что жизни обрывать вольна.
У Клото есть веретено,
Что в помощь людям ей дано:
Так, жизни нить она прядёт —
Сестре Лахесис подаёт.
В руках её Лахесис держит;
Сестра ж Атропос — нити режет.
Не забывайте всякий час:
Врага нет большего у вас.
Коль вы не бороздите поля, —
Исполнится Атропос воля:
Не будет ваш продолжен род, —
Она все нити оборвёт!
Потомство ваше уничтожит,
Да и до вас добраться может.
Поберегитесь, господа:
Атропос хочет вам вреда
Вы помните о праотцах,
О древних ваших матерях, —

На прародителей равняйтесь
И быть не хуже их старайтесь.
В чём подвиг этих был людей? —
Они произвели детей:
От злой Атропос защитились, —
Вы потому-то и родились!
Когда бы не отцов труды,
Не появились вовсе б вы:
Когда бы вас не пожалели,
О ваших днях не порадели.
Теперь же ваш настал черёд
О тех радеть, кто вслед придёт. —
Так, проявите к ним любовь —
К тем, кто продолжит вашу кровь!
Атропос вы не поддавайтесь —
Орудья применять старайтесь:
Стилеты — чтобы вам писать,
И молоты — чтоб вам ковать.
Так, засучите рукава,
Чтоб веселей работа шла.
Двух добрых поддержите прях —
Побеспокойтесь о судьбах
Потомства. Семя умножайте,
Атропос вызовы бросайте:
Шесть нитей коль она порвёт, —
Пусть Клото — дюжину совьёт!
Обрезать нить Атропос рада:
Ведь смерть людей — её отрада.
Ужасный Цербер — адский пёс —
На молоке её возрос.
Он страшно голоден всегда,
А мертвецы — его еда.
Сидит у ней он на руках,
О трёх ужасных головах,
И пьёт их трёх её сосцов,
Их оторвать у ней готов!

Всегда он так на ней сидел
И пищи он другой не ел:
Лишь души, да тела людей
Глотает он с охотой всей.
Атропос же не засыпает —
В три пасти мертвецов кидает:
И женщин и мужчин даёт, —
И он их жрать не устаёт;
И снова пасть его пуста,
И Цербер голоден всегда!
Три Фурии на них глядят
И тоже пищи той хотят:
Три страшных мстительницы адских —
Жестоких и ужасно гадких.
И всех сожрали бы живьём
Они, наверное, втроём!
А вот и Фурий имена:
Одна Алекто названа
И Тисифоною вторая,
Мегера — их сестра родная.
В аду они виновных ждут —
Там связывают их и бьют.
Их розгами они стегают,
Ногами топчут и пинают,
И вешают, и кипятят,
И топят, и в огне палят!
И кожу с грешников сдирают —
Им о грехах напоминают
Пред судьями, что там сидят.
Как консисторья[281], судит ад.
То — Радамант, Минос, Эак —
Кто знает их, — боится всяк.
Юпитера все сыновья —
Все меж собой они родня.
И на Земле они судили,
Когда ещё живыми были.

Их честностию восхищён,
Забрал их в ад к себе Плутон.
Не дай вам Бог попасть туда,
О дорогие господа!
Чтоб этой доли избежать,
Нельзя грехов тех совершать,
Что перечислила Природа,
О судьбах грустных плача рода
Людского: в сумме двадцать шесть
Она смогла грехов учесть.
Пусть Бог от них вас упасёт,
На верный путь вас наведёт!
Когда ж вы будете чисты,
То в ад не попадёте вы
Ни к страшным и жестоким Фурьям,
Ни к строгим неподкупным судьям.
Не стану все грехи сейчас
Я называть в который раз:
В *Роман о Розе* загляните
И сами список их прочтите,
Чтоб уберечься вам от них
И дел не совершать таких.
Вы жизнь разумную ведите:
Почаще время находите
Своих любимых утешать,
Их обнимать и целовать.
И не стесняйтесь вновь и вновь
К ним проявлять свою любовь:
Вам будет вместе хорошо,
Не будет вас бранить никто.
А вместе вдоволь нагулявшись,
В любовных ласках наигравшись, —
Вы исповедуйтесь всегда,
Чтоб чистою душа была;
Чтоб вам участвовать в добре
И не участвовать во зле.

И будет с вами пусть Господь:
Природы Господин и Вождь!
Вы имя Божье призовите, —
Его помочь вам попросите.
Когда Атропос нить порвёт, —
Он вам спасенье принесёт:
Спаситель Он души и тела.
В Него Природа и глядела,
Как в Зеркало, а без Него
Она б не знала ничего!
Природой Он повелевает:
Других господ она не знает.
Диктует Он ей Свой Закон,
И ей Учитель — только Он.
Хотел бы я, чтоб вы, сеньоры,
Природы слыша приговоры,
Так вникли в проповедь мою,
Которую я говорю, —
Что всем на жизненном пути
Её могли бы донести.
Чтоб вы и летом и зимой
Могли всё это в миг любой
И в деревнях, и в городах,
И даже путникам в лесах,
Как услыхали, — повторить —
По памяти восстановить.
Писать же проповедь не нужно:
Ведь и запомнить всё не трудно.
Речь постарайтесь заучить
И в сердце бережно сложить.
Коль обойдётесь вы без чтенья, —
То будет ярче выступленье.
Наука добрая — легка:
Запоминается сама!
А речь моя стократ ценней
И самых дорогих камней:

Её не стоит ни один
Алмаз чистейший иль рубин.
Вы ж помогать мне все должны:
Ведь госпоже моей нужны
Те люди, кто за мной пойдёт,
Нотацьи грешникам прочтёт.
Кто ж будет проповедью сей
Всех встречных наставлять людей,
И сам кто строго соблюдёт
Всё то, к чему их призовёт, —
Вас уверяю я, друзья, —
Войдёт в Прекрасные Поля:
В небесный сможет Сад[282] войти,
Где будет Девы Сын пасти
Овец. Одет же Он в руно,
Что — как у них — белым-бело!
Компанья их невелика,
Но как задорна и легка!
Ведёт овец Он за собой
Цветущей мягкою тропой.
Почти нехожена она:
На ней прекрасная трава.
Овечки весело бегут,
Находят пищу там и тут.
Овечек этих нет добрей, —
Довольны все судьбой своей.
А как вкусна у них еда! —
И там растёт она всегда.
Всегда цветы родятся там
По всем полям, по всем лугам:
Они всегда новы, свежи
И, как весною, хороши!
И все красивы ввечеру
Не менее, чем поутру.
Всегда их можно там сорвать —
Букет красивейший собрать.

Ведь Солнце в этой стороне
Нисколько не вредит траве:
Цветы покрыты все росой
И не иссушены жарой,
Поэтому их красота
И не тускнеет никогда.
И сколько овцы ни съедят —
А есть они всегда хотят, —
Все травы и цветочки все
Родятся вновь во всей красе.
Всегда для них тут пища есть,
Платить не нужно им, чтоб есть:
Ведь шкуры их не продадут,
И шерсть у них не состригут,
Чтоб из неё одежды ткать,
Перины ею набивать.
Овечек этих не съедят,
Их жизни люди не лишат,
Средь них не будет и больных:
Тела неуязвимы их.
Известно мне наверняка,
Что и у Пастыря бела
Одежда: только потому.
Что захотелось так Ему.
Не щиплет Он овец своих,
Одет же Он — в одежды их:
Он так умеет их любить,
Что как они умеет быть!
Уведомлю я также вас —
Не будет долгим мой рассказ, —
Что не бывает там ночей,
Не происходит смена дней.
Там непрерывный длится день,
Который не сменяет тень:
На утро этот день похож,
И каждый час с другим в нём схож.

Измерить этот день нельзя,
И, кажется, в нём вечность вся:
И прошлое там не прошло,
И будущее там пришло.
[Всё в настоящем там слилось:
Времён не существует врозь.]
А небо там всегда светло:
Смеётся, будто бы, оно,
Поскольку солнце там сияет,
И день всегда оно рождает.
Недвижно в небесах стоит
И свет свой чистый всем дарит.
Никто не видел солнц таких
С далёких самых дней былых:
Ни краше солнца нет того,
Ни чище и светлей его!
Оно светлее в месте том,
Чем было в Веке Золотом,
Когда ещё Сатурн царил, —
Юпитера отцом он был.
Жестокость проявил Юпитер,
Какой никто ещё не видел, —
Родного превратив отца
Рукою собственной в скопца.
Юпитера так страшен грех,
Что, я б сказал, — страшнее всех
Грехов! Ведь тот, кто оскопляет, —
Ущерб огромный причиняет.
Скопец в мучениях живёт,
Позор его немалый ждёт.[283]
[Свидетель мне святой Ивурт —
Скопителей страданья ждут.
Убийства хуже холощенье —
Достоинства и сил лишенье!
Ведь кто убийство совершит, —
Тот жизни одного лишит.

Кто ж человека искажает, —
Тот жизнь у многих отнимает.
Скопец свой не продолжит род —
Детей он не произведёт:
Как велики скопца утраты!
Но те, кто в этом виноваты
И во грехах своих умрут, —
На муку вечную пойдут.
Пока ж они среди живых, —
Век будут ненавидеть их:
Скопцы убить их захотят
И никогда уж не простят.]
Кто грех сей тяжкий совершает, —
Тот силы всей мужчин лишает,
А вместе с ней — и качеств тех,
Что у мужчин бывают всех:
Скопцы теряют доброту,
Души теряют широту;
Теряют мужество они, —
Не только органы любви.
Теряют смелость, доблесть, честь, —
Всё благородство, что в них есть!
Ведь не секрет, что все скопцы —
Злодеи, трусы, подлецы:
Телесное в них искаженье
Влечёт и нрава извращенье.
Я думаю, что буду прав,
Их называя женским нрав.
[Итак, мы видим, что кастрат
На низкие дела горазд;
Что смел он лишь тогда бывает,
Когда дурное совершает,
Как женщины отважны в том,
Что чертовщиной мы зовём!]
Кто человека оскопил, —
Перед Природой согрешил.

Пусть не убил он, не украл
И зол других не совершал, —
Но, замахнувшись на Природу, —
Нанёс ущерб всему он роду:
Способность он зачать отнял,
Преемственности нить прервал.
И евнух не простит того,
Кто изуродовал его:
Я лично точно бы не смог
Простить за это, — видит Бог. —
Когда простил бы на словах, —
Не смог простить бы на делах!
О том, каков скопцов удел, —
Юпитер думать не хотел,
[Последствия своих грехов
Он осознать был не готов:]
Отца хотел он низложить, —
Сатурна царство захватить.
Когда ж правителем он стал, —
Весь мир царём его признал.
Свои он дал распоряженья,
Законы и постановленья.
Чтоб научить людей, как жить, —
Он приказал провозгласить:
“Повелевает вам Юпитер —
Ваш царь и мира управитель,
Чтоб с удовольствием всяк жил,
От жизни радость получил;
Чтоб делал каждый, что желает —
К чему душа его взывает”.
Он не учил другим вещам,
Желая, чтобы всякий сам
Себе занятья выбирал —
Желанья удовлетворял.
Он говорил, нет высшей цели
Для всех живых: её б хотели

Достичь живые твари все,
Что существуют на Земле.
И чтобы всем пример явить,
Как с наслажденьем надо жить, —
Юпитер делал всё, чего
Желала делать плоть его!
[Он вольно с телом обращался —
Различным играм предавался,
Чтоб каждый поступал, как он,
Его примером поощрён.]
Когда на Землю он пришёл,
То век иной уже пошёл.
Георгик автор и *Буколик* —
Исследователь древних хроник —
Подробно в книге изложил,
Как на Земле Юпитер жил.[284]
Покуда не пришёл Юпитер —
Законов новых учредитель, —
Никто лопатой не копал
И плуга вовсе не видал.
Друг с другом мирно жили все,
Соседи на одной земле;
Всё, что в природе находили,
Без споров меж собой делили.
Когда Юпитер править стал, —
Разбить он землю приказал
На части: каждому — своё,
Чтоб обрабатывать её.
Всю на арпаны поделил,
Хозяев ей определил.
В змей языки вложил он яд, —
Лукавство сотворить был рад!
Ручьи вина он иссушил,
Дубы медовые срубил.
Волков он научил хищенью,
К других созданий огорченью.

Так, создал трудности он всем:
Он истребил огонь совсем,
Чтоб люди вновь его искали —
Из камня искры высекали.
Изобретателен он был:
Искусства новые открыл.
Все звёзды он пересчитал
И каждой сам названье дал.
Ловить он диких стал зверей
Посредством петель и сетей,
И шли они в капкан к нему
Иль попадались на смолу.
На них он натравил собак, —
Никто ещё не делал так!
И птиц он хищных приручил —
Ему служить их приучил.
Ни перепел, ни куропатка
Теперь уже не жили сладко:
Заставил хищных ястребов
Преследовать перепелов.
А соколам и журавлям
Давал с ладони пищу сам:
Два раза в день их подзывал
И их любовь завоевал.
Так поступил и человек.
Хоть птиц рабом он не был век, —
Заставил хищных птиц-воров
Чужих нести ему птенцов:
Питаться ими пожелал,
Гурманом-мясоедом стал.
Юпитер норных стал пугать
Зверей — хорьков к ним запускать,
Чтоб от испуга звери эти
Тотчас в его бросались сети.
И рыбу добывать он стал —
В еду её употреблял.

Существ речных ловил, морских:
Ошпаривал и жарил их;
К ним соусы изобретал —
Из разных трав изготовлял.
Вот как искусства появились,
Что из различных нужд родились.
(К изобретениям всегда
Толкает острая нужда:
Людей фантазью пробуждает,
Идеи новые рождает.)
Рассказывает также нам
О веке том Овидий сам,
Кто пережил и честь и стыд,
Как он об этом говорит. —
[285]Когда Юпитер стал царить,
Сумел империю захватить
Земли, — то стал он всё менять:
Не улучшать, а ухудшать!
Весну он сократил, к несчастью:
Она лишь года стала частью.
Четыре времени в году
Сменили вечную весну.
(Их неизменна череда:
За осенью идёт зима,
За ней — весна, а после — лето, —
Всегда так происходит это.
Мы до сих пор их так зовём,
Как он назвал их в веке том.)
Когда Юпитер воцарился, —
Порядок старый изменился.
Закончился Век Золотой,
И Век пришёл за ним иной —
Серебряный. А он повлек
Вслед за собой и Медный Век.
Железный Век пришёл затем, —
Принёс он много горя всем:

Всё хуже люди становились,
С невинностью былой простились.
Обрадовались боги тьмы,
Что захватить они вольны
Тех, что на свете плохо жили —
Себя лукавству посвятили, —
И чёрных заперли овец
В подземный сумрачный дворец:
Больны, и тощи, и паршивы, —
Навек они теперь унылы!
Они ведь к Агнцу не пришли,
Его тропою не пошли,
И белыми они не стали,
Как те, что Пастыря признали.
Пошли ж — дорогою большой
И оказались под землёй:
Так много их в подземных залах,
Что места там уже не стало!
Средь тех овец, что под землёй,
Овцы нет белой ни одной.
А шерсть у них паршива вся:
Её ни прясть, ни ткать нельзя.
Она и груба, и жестка,
Как шуба у ежей, колка.
Но кто б у белых шерсти взял, —
Сукно бы дивное соткал!
Она красива и нежна,
И для одежд она годна.
В неё король бы нарядился
И император облачился б,
Чтоб краше всех на праздник быть —
Одежды белые носить.
Тем боле ими б дорожили,
Что редки б эти платья были.
Та шерсть и ангелам подстать,
Коль платия для них соткать!

[Ведь кто б одежды те носил, —
Одет бы благородно был.
Быть может, в целом мире нет
Великолепнее одежд!]
Благоразумный Пастырь Тот,
Что белых лишь овец пасёт, —
Всегда их зорко охраняет
И в Сад Свой — чёрных не пускает.
Он белых любит избирать —
Не станет чёрных приглашать:
Ведь белые Его все знают,
Всегда приветливо встречают;
И Пастырь тоже знает их —
Овечек избранных Своих.
Но самый, всё ж, из них красивый —
Благоговейный Агнец дивный,
Тот Агнец кроткий и благой,
Кто их Своей ведёт тропой:
Их Сам в небесный Сад приводит,
И всюду Сам за ними ходит,
Чтоб волк овец не присмотрел
И зазевавшихся не съел.
[Ведь если хоть одна уйдёт,
С тропы нечаянно сойдёт,
Проводника вдруг потеряет, —
Её погибель ожидает!]
Сеньоры, Агнец ждёт и вас,
Но я прерву о Нём рассказ.
Лишь попрошу Его Отца —
Всемилостивого Творца, —
Чтоб помощь Он Ему послал,
Мольбам Марии Девы внял:
Овец бы дал Ему спасти —
От волка злого увести;
И чтобы также вам всем Бог
В небесный Сад войти помог.

Чтоб вы в том стаде тоже были,
Грехи б вам путь не преградили!
Узнали много б вы забав
Среди его душистых трав:
Фиалки б, розы созерцали —
В блаженном месте том играли!
А кто бы этот Сад сравнил
С тем садом, где Влюблённый был,
Что глухо был со всех сторон
Стеной квадратной окружён;
Где дверца так была мала
И заперта тогда была;
Где услыхал Влюблённый пенье
И повстречал Отдохновенье,
[Весёлый видел хоровод,
Где так приветлив был народ, —]
Тот несомненно бы признал,
Когда б в местах тех побывал,
Что невозможно их сравнить, —
Об их сравненьи говорить,
Когда не взять контрастной краски,
Как для реальности и сказки.
Кто в Сад небесный бы вошёл, —
Тотчас бы к выводу пришёл,
Что, дивен и роскошен, — он
С земным не может быть сравнён.
Что он и формы совершенной,
И красоты он несравненной,
Ведь Сад великолепный сей
Любой окружности круглей:
[Круглей колёс, круглей шаров —
Вот Сад небесный сей каков!]
И восторгался б человек,
Подобья не встречав вовек.
[Так, что о Саде, в самом деле
Небесном вы б узнать хотели?]

Я описанье приведу
Всего, что встретилось в саду
Земном, чтоб всё предстало вам
Так, как Влюблённого глазам.
Портретов видел он с десяток:
На каждом грех иль недостаток.
Кто в Сад небесный бы пришёл, —
Тот на стене б его нашёл
Весь ад во всей его “красе”:
Изъяны и пороки все;
Увидел разом бы на ней
Всех отвратительных чертей;
Фигуры всех, кто там живёт,
И пса, что вход там стережёт.
Кто стену обходить бы стал, —
На ней всю б Землю увидал:
Все разом увидал бы царства,
Все древние Земли богатства;
Все воды всех морей и рек
Тот увидал бы человек!
Он увидал бы рыб морских
И обитателей речных;
Стихию воздуха и в ней
Различных птиц природы всей,
А также бабочек, жуков,
Различных мух и мотыльков, —
[Всех, словом, сразу насекомых —
Знакомых как и незнакомых!]
Увидел бы, что в мире сём
Всё опоясано огнём:
Всё, что в покое и в движеньи,
Предметы все и все творенья.
Увидел бы он неба свод
И тел небесных хоровод:
И на орбитах закреплённых,
И странствующих — мимолётных.

Кто б стену эту созерцал, —
Тот всё б, как в жизни, увидал,
И мог бы только удивиться,
Как всё могло там уместиться!
Теперь мы первый вспомним сад, —
Заглянем внутрь его оград.
Что увидал Влюблённый в нём? —
В саду он праздник видел том.
Он за стеной увидеть мог
Природы дивный уголок,
Где господин Отдохновенье
Для всех устроил развлеченье.
Благоухали травы там,
И на большой поляне сам
Отдохновенье танцевал —
Пример гостям всем подавал.
Влюблённый видел птиц, зверей,
Ручьи, по руслу из камней
Бегущие задорно, быстро,
В каких вода была так чиста.
А также видел он поток,
Что под сосной высокой тёк,
И восхищён был красотой
Источника и той сосной. —
И утверждает тот поэт,
Что им подобных в мире нет.
Так, берегитесь, Бога ради, —
Его словам не доверяйте:
Возможно ль восхищаться тем,
Что может кончиться совсем?
Вы с истиною тут не спорьте:
Всё в том саду подвластно порче.
[Признать придется, всё же, вам:
Всё времени подвластно там.
Там зыбко всё, непостоянно, —
Уйдёт иль поздно, или рано.]

Влюблённый видит хоровод, —
Но хоровод прервётся тот.
Да, и танцоры те умрут —
Конец однажды свой найдут.
Исчезнет всё, что в том саду
Имело блеск и красоту.
Ведь пса кормилица не спит —
Во все глаза она глядит,
Любой довольствуется жертвой:
Кто днесь живой, — тот завтра мертвый!
[Бессильны люди перед ней,
И каждый смерти ждёт своей,
И ни один спастись не властен
Из Цербера ужасной пасти!
Атропос ведь не устаёт, —
Всех в пищу для него берёт:
В труде усердствует своём
Она при случае любом.]
Богов лишь только не убьёт,
Коль средь людей их вдруг найдёт:
Божественное — вечно всё
И не зависит от неё.
Позвольте ж мне предмет сменить,
Земной с небесным сад сравнить.
Что о небесном я скажу? —
Слова с трудом я нахожу,
Чтоб дать его здесь описанье, —
Красноречивее молчанье!
[Не передать его вещей
В их ценности безмерной всей.]
О, как мне игры описать,
В какие можно там играть?
И радость, что они рождают,
Что люди в них переживают?
Там в счастьи истинном живут,
И блага эти — не прейдут.

Кто в Сад небесный попадает, —
Жизнь из Источника черпает,
Что орошает весь массив,
Цветы и травы напоив:
Из одного ключа все пьют,
Когда в тот дивный Сад войдут.
Ту влагу рады овцы пить,
Навек чтоб жажду утолить:
Они всегда здоровы будут
И в вечной радости пребудут.
Туда явились в добрый час
Овечки все, что там сейчас,
Решив по узкому пути
За Агнцем белым вслед пойти;
И в добрый час их Пастырь встретил —
В блаженном месте том приветил!
Родник в краю небесном — свят:
Бессмертие он людям даст.
Совсем он не похож на тот,
Что под сосной в саду течёт,
О коем рассказал Влюблённый,
Находкой этой удивлённый.
Похоже, был он не в себе,
Коль благодарен был судьбе,
Что привела его туда,
Где так губительна вода!
Ведь тот источник — ядовит:
Он ум мешает и пьянит
Того, кто видит отраженье —
Своё в воде изображенье.
И сам Влюблённый признаёт,
Что губит всех источник тот;
И он о том нам рассказал,
Как там Нарцисс в беду попал. —
Влюблённый это не скрывает
И тот ручей он называет

Зерцалом гибельным: Нарцисс
С тех пор, как посмотрел он вниз,
Лишь только тягостно вздыхал
И безутешно лишь страдал.
Судите ж сами о ручье,
Что в мраморном течёт русле:
Сколь там приятно находиться —
В его потоках отразиться...
Сказал Влюблённый также нам,
Что два потока видел там:
Две мощных там текут струи,
Что из пологой бьют земли.
Но воды те — земля родит,
Ручью же не принадлежит
Ни собственный его исток,
Откуда он, двойной, истёк,
И ни вода, что в нём струится,
Колышется и серебрится.
Сказал юнец, что в чаше сей
Вода и чище и светлей,
Чем серебро. Но это вздор:
У всякого мутился взор,
Кто в гибельный ручей смотрел,
Себя увидеть в нём хотел.
Кто отраженье в нём искал, —
Себя в ручье не узнавал!
Влюблённый также говорит,
Что там кристалл на дне лежит
Двойной, что красками играет —
На ласки Солнца отвечает.
Он говорит, что чист кристалл,
Тогда как сам в нём увидал
Влюблённый странную картину:
Предметов только половину!
Нельзя увидеть целиком
Квадратный сад в кристалле том:

Чтоб видеть часть вторую сада, —
Иначе повернуться надо.
Конечно ж, тот кристалл не чист,
Не совершенен, не лучист.
Скорей, туманен, мутен он:
Ведь, даже Солнцем освещён,
Не может он всего явить,
Весь сад в единстве отразить.
Внутри кристалла света нет,
Извне к нему приходит свет;
И если б Солнце вовсе скрылось, —
В нём отраженье б не явилось!
В Саду святом — ручей иной:
Послушайте рассказ вы мой.
Вода ручья того вкусна:
Целебна и сладка она;
И тот, кто будет пить её, —
Здоровье обновит своё.
Все овцы, что в пути устали,
Вновь силу в ней приобретали.
Сей чудодейственный ручей
Из трёх подземных бьёт ключей,
Ключи все меж собой близки —
В один сливаются они.
И кто родник сей наблюдает, —
Все три ключа в нём различает.
Не сможет больше насчитать:
Их не четыре и не пять.
И результат всегда один:
Поток троичен, и — един.
Ручьёв подобных нет нигде:
Они в земле родятся все.
Но сей исток воды живой
Там бьёт от века сам собой:
Имеет он в себе начало,
Что эти три теченья дало.

Не может пересохнуть он,
Хоть и листвой не защищён
Дерев. И мраморное ложе
Источнику не нужно тоже!
Как чуден сей живой исток:
О, сколь он мощен и высок!
Деревья все он превзошёл
И в высь небесную ушёл.
А у источника олива
Растёт: мала, но сколь красива!
Касаяся её корней,
Даёт источник силу ей.
Её он корни омывает,
И та олива вырастает:
Растут и ветви, и листы,
И появляются плоды. —
Так разрастается она,
Прекраснейших плодов полна,
Превосходя сосну в саду
И в ширину и в высоту!
На берег тень она бросает
И насекомых привлекает:
Они нектар и росы пьют,
С цветов, что у ручья растут.
А на оливе дивной той
Подвешен свиток небольшой.
Тот свиток кратко сообщает:
“Источник Жизни протекает
Здесь, под оливой, что несёт
Спасения чудесный плод”.
[На свитке надпись так мелка,
Что не прочесть издалека,
И потому её читает
Лишь тот, кто рядом отдыхает.]
Сосне ведь не сравниться с ней —
Чудесною оливой сей.

И нет в сосне подобной силы,
Что у прекрасной есть оливы!
Хотелось бы добавить мне
(Пусть и не верят мне вполне —
Пусть это сказкою считают,
За истину не принимают), —
Что в этом чудо-роднике
Карбункул есть на самом дне:
Он круглый, у него три грани.
А кто рассматривать их станет, —
Их слитыми в одну найдёт,
Какая где — не разберёт.
А свойства камня таковы,
Что восхититесь ими вы!
Весь Сад он светом заливает,
И видно всем, как он сверкает.
Настолько ярок свет его,
Что света не затмить того
Туманам или облакам,
Не замутить его дождям.
Его ничто не освещает, —
Весь свет — карбункул излучает.
Он силен тем, что скрыто в нём:
Он светит внутренним огнём!
Он ярче и того светила,
Что два кристалла осветило
В саду: ведь рядом с ним оно
И тускло было б, и темно.
Как описать мне камня свет? —
Другого солнца там и нет,
Как только камень красный сей,
Какого в мире нет светлей.
Он всех чудеснее светил, —
Он вечный день установил;
На месте солнце то всегда
И не уходит никуда:

По Зодиаку не идёт
И счёт минутам не ведёт.
Всех, кто в источник взгляд бросает, —
Карбункул знаньем одаряет:
Все отраженья в нём видны,
С какой ни смотришь стороны.
Предметы можно в нём узнать
И самого себя познать.
И кто хоть раз в нём отразится, —
К незнанию не возвратится,
Иллюзьям не поддастся он,
Но будет зорок и умён.
Чудесен камня свет и тем,
Что не вредит глазам совсем:
Светила этого лучи
Недуги могут излечить.
Ничуть не портит людям зренья
Его чудесное свеченье, —
Оно лишь радует людей
Приятной теплотой своей.
А вместе с дивной красотой
И столь приятной теплотой,
Он ароматом обладает,
Что Сад небесный наполняет.
Чтоб всё сказать о месте том
Мне в предложении одном, —
Скажу, что кто б там побывал,
Предметов формы увидал, —
Наверняка бы понял сам,
Что там был сотворён Адам.
О всём вы сами посудите:
Земной с небесным сад сравните.
[И что вы скажете тогда
На всё на это, господа? —
Хотел бы знать я ваше мненье
Об этих двух местах в сравненьи.]

Как вы определить могли б
Два сада те со слов моих?
Вы рядом их теперь представьте
И все предметы сопоставьте
По форме и матерьи их.
По совершенству свойств благих.
Скажите, чем они похожи,
И что из них красивей, всё же?
Из двух ручьёв какой ручей
И чище, всё ж, и здоровей?
Вы оцените их природу,
Сравните ту и эту воду.
И камни надо вам сравнить,
Чтоб их по свойствам оценить.
Затем сравните вы деревья,
Что отмечают их теченья:
Оливу сопоставьте вы
С сосной, растущей у воды.
Но только будьте справедливы
В сосны оценке и оливы!
Надеюсь я на вашу честь:
У вас все сведения есть,
Что я поведал нынче вам
В подробной проповеди сам.
Когда ж вы правду умолчите
Иль переврать всё захотите, —
То с вами я не соглашусь,
К другим, пожалуй, обращусь.
Не стану с вами даже спорить.
И, чтобы вывод ваш ускорить,
Позвольте мне вы самому
Определенья дать всему,
Итог рассказам подвести,
Всё в формулу одну свести.
Проста сентенция моя.
Так о ручьях сказал бы я:

Один — здоровых умерщвляет,
Другой — умерших воскрешает.
Коль станете вы мудро жить, —
Вам из ручья живого пить.
Коль будете разумны вы, —
То ко второму вы должны
Придти источнику. Спешите:
Лишь добрые дела вершите, —
И вкусите воды живой
Под вечною оливой той.
Урок я вкратце повторю:
Ещё разок проговорю,
Чтоб Вам запомнилась верней
Мораль моей науки всей.
Всегда Природу почитайте,
Труды свои ей посвящайте;
Долги все возвращайте в срок, —
Немаловажен сей урок.
Когда ж вы средства проиграли,
Растратили иль растеряли,
Не можете их в срок вернуть, —
То, всё же, не должны тянуть!
[Как только сможете опять,
Вы займы все свои отдать,
То людям средства их верните,
За помощь поблагодарите.]
Пусть будут чистыми уста
И руки ваши, господа.
Вы будьте преданны друзьям
И снисходительны к врагам.
Любимым верность сохраняйте,
Нуждающимся помогайте. —
Тогда окажетесь вы там,
Где всех встречает Агнец Сам:
Войдёте в дивные поля,
Где так приветлива земля,

И воду будете вы пить,
Что вам позволить вечно жить.
Вы в вечность с радостью войдёте
И песни счастья воспоёте.
В Саду вы будете играть,
И петь, и весело плясать;
По вечной зелени ходить, —
Все вместе хоровод водить
С мотетом или шансонетом —
Оливе ласковым приветом.
Что я ещё вам расскажу?
Мой флажолет[286] я положу
В чехол. — Ведь многие слова
Вам пользу принесут едва.
От них обычно все скучают,
Порою даже засыпают!
Пора мне инструмент сложить —
Конец сей речи положить.
Посмотрим, сможете ли вы
Быть слову этому верны,
Когда на проповедь пойдёте —
Людей увещевать начнёте.”
Речь до конца договорив,
Всем утешенье подарив,
Свечу на землю бросил он;
А дым, что ею был рождён,
При этом в воздухе разлился,
И далеко распространился
Её крепчайший аромат:
Проникновенен, сладок, свят.
И так свечи Венеры сила
Всех женщин разом охватила:
Проникла в мысли их, сердца
И освятила их тела.
Тут все бароны оживились, —
С словами Генья согласились.

Был каждый утверждать готов,
Что он таких не слышал слов
С тех пор, как только зачат был,
Пока на белом свете жил;
Что было добрым слово то,
И что прощенье велико;
И что законно отлученье
За злое неповиновенье!
Спасительную Генья речь
Решили в сердце все сберечь.
Её все хором одобряют, —
“Да будет так!” — все повторяют.
И Гений, услыхав едва
Сии ответные слова, —
Исчез куда-то. А куда, —
Мы не узнаем никогда.
Баронов вместе собирают
И к штурму замка призывают:
“В атаку! Разгромим врагов!”
И каждый, выполнить готов
Приказ Природы, к бою встал,
Своё оружье в руки взял,
Чтоб крепость силой захватить,
А не удастся, — разгромить.
Венера — в бой идти готова
И говорит врагам сурово,
Чтоб сдались сразу же они.
Ей отвечают лишь одни
Девицы Стыд и Страх: “Увольте:
Прогнать отсюда вас позвольте!”
“Когда б я и одна была, —
Стыд говорит, — я б не сдала
Вам крепости!” На что богиня
Им отвечает: “Дорогие,
Коль не хотите крепость сдать, —
Придётся нам её сломать.

Я перед Господом не лгу —
Тогда сама вас подожгу.
Души не будет здесь живой:
Спалю все башни до одной
И вам нагрею ягодицы,
О, две поганые девицы!
Сожгу все стойки я дотла,
И будет здесь одна зола:
Засыплю рвы сама я ваши
И стены уничтожу даже!
Приём Прекрасный впустит нас
В цветник чудесный в тот же час.
Он розы людям все раздаст:
Часть даром даст, и часть продаст.
[Сколь гордыми вас ни найдут, —
В цветник тотчас же все войдут,
Когда засыплю я карьеры,
Все ваши разорю барьеры,
Когда открою все ходы,
Что вами были заперты.]
А чтобы Ревность нам схватить, —
Мы всюду будем тут ходить:
Свои проделаем проходы, —
Зелёные затопчем всходы.
Все станут розы собирать,
Прекрасные бутоны рвать. —
[Не будет ни стыда, ни страхов
Ни у мирских, ни у монахов!]
Все покаянье принесут
И розы здесь свои найдут.
Хоть в этом будут все похожи, —
Людей две группы будет, всё же:
Одни придут сюда тайком,
Другие же — открыто, днём.
Но честными лишь тех сочтут,
Что розы втайне рвать придут.

И опозорят всех других,
Прозвав развратниками их,
Хотя они ведь меньше всех
Достойны будут прозвищ тех!
Но, средь людей есть и такие,
Что предпочтут дела дурные.
Пусть Пётр Святой их проклянёт,
Господь пусть их накажет род
За то, что розы оставляют,
Дела дурные совершают.
Коль добрый оставляют путь, —
Венок крапивный носят пусть!
Ведь Гений их приговорил —
Природе службу сослужил,
И по Природы приказанью
Их ожидает наказанье.
Когда я Вас не укрощу,
О, Стыд, — себя я не прощу:
Не буду факел мой ценить
И лук не буду мой любить.
Даю я клятвы лишь на них, —
Не нужно мне святынь других.
А Вам я ввек не покорюсь
И перед дамой не смирюсь,
Которая зовётся Разум,
Мешает всем влюблённым разом!”
Венера так раздражена,
Что в руки лук берёт она,
При этом факел зажигает
И в лук тотчас его вставляет.
[Не хочет больше возражать —
Решила меры принимать.]
Умело целится она:
Издалека ей цель видна!
И тетиву, длиной с туазу,
Натягивает до отказу.

Увидев прямо пред собой
На круглой башне крепостной
Серебряную статуэтку, —
Взяла она её на метку.
Фигуру держат два столба
Красивейших из серебра,
Меж них — отверстье небольшое
С фасада было потайное.
Не высока и не низка,
Не широка и не узка,
Вся идеально соразмерна, —
Фигура эта совершенна.
[В ней всё способно восхищать:
Ничто не дать и не отнять.
Пропорции ни рук, ни ног
Никто улучшить бы не мог;
Все линии прекрасны в ней —
Серебряной фигуре сей.]
Алтарь внутри фигуры свят
И амбры чудный аромат.
Покрыт он саваном огромным —
И дорогим, и благородным,
Какой один — на белый свет,
Каких в Константинопле нет!
Когда б взялись искать сравненья
Для этого произведенья, —
Сказали б, что такого ввек
Не мог бы сделать человек.
И взяли бы для образца —
Пигмалионова резца
Фигуру. — Меньше лишь она:
До сей — как мыши ей до льва.
[287]Однажды скульптор вдохновенный,
По кости резчик несравненный,
Кто знаменит повсюду был,
Великим мастером прослыл

И изваял скульптур немало
Из воска, дерева, металла —
Вы догадаетесь, что он
Конечно же, Пигмалион, —
Решил свой гений испытать:
Из кости статую ваять.
Высот искусства добиваясь
И к поощреньям устремляясь,
Старанья столько он вложил,
Когда красавицу творил, —
Что вышел образ как живой,
Красивей девушки любой.

Она была, как королева,
И ни Лавинья[288], ни Елена
Сравниться не могли бы с ней
По гармоничности своей.
О, сколь талантливо она
Была резцом изваяна!
Фигуры столь удачен цвет,

Что ей подобных в мире нет,
[Ведь цвет её телесным был —
На настоящий походил.]
Твореньем сим Пигмалион
Был сам настолько восхищён,
Что он в экстаз любовный впал —
К Амуру в западню попал.
[Не зная, что с ним происходит,
Он от фигуры не отходит:]
Лишь только на неё взглянул,
Как в страсти нежной потонул.
И так пустился причитать,
Не в силах жалобу сдержать:
“Не знаю: что со мной? Я сплю? —
Весь я любовию горю.
Немало статуй я ваял,
Но от любви к ним не сгорал.
[Их высоко весьма ценили,
Прекраснейшими находили.]
Ковал я, резал и лепил, —
Но равнодушен к ним я был.
Откуда мне любовь сия?
Иль потерял рассудок я?
Иль неба это наказанье? —
Люблю своё я изваянье...
Она не сможет говорить,
Свою любовь мне подарить;
Смеяться будут надо мной.
И правда: самый я смешной
В сем веке. Что же делать мне?
Что мне сказать на то судьбе?
[Коль я б царицу полюбил, —
Не столь бы я несчастен был.
В том безысходности, всё ж, нет:
Надеялся бы на ответ.]
О, как любовь моя страшна! —

Не от Природы ведь она.
[Наследник я её плохой, —
Я грешною пошёл тропой
И ей принёс с недавних пор
Моей любовию позор.
Она ошибку совершила,
Когда создать меня решила...]
Но грех Природу мне бранить,
Коль мне случилось полюбить
Безумно. — В статую вовек
Ведь не влюблялся человек:
С тех пор, как я Пигмалионом
Зовусь, — не знал я о подобном!
Но если книгам верить нам, —
Похуже есть примеры там:
Нарцисс ли не безумен был,
Кто облик собственный любил?
[Нарцисс в своё лицо влюбился,
Лишь над источником склонился,
Что бил в лесу. Такая страсть
В душе Нарцисса родилась,
Что он обнять того мечтал,
Кого в ручье том увидал.
Так велико страданье было,
Что смерть несчастного сгубила:
Он от любви с ума сошёл
И вскоре свой конец нашёл.
История о нём жива
И позабудется едва.]
Не столь несчастен я, как он,
Кто был в лицо своё влюблён:
Могу я статую обнять,
Могу её поцеловать.
[А он не мог так поступить, —
Намного легче мне любить!]
Случалось ведь порой и так,
Что находил ответ не всяк,

Кто даме преданно служил
И всей душой её любил.
Иных в ответ не целовали,
Ничем, увы, не утешали.
Со мною ли Амур добрей
В любви несчастнейшей моей? —
Нет! — Средь ужаснейших страданий,
Любви жестоких испытаний
Надежда, всё ж, у них была,
Ответа их любовь ждала.
А я — надежды сей лишён,
Хотя так пламенно влюблён...
Ведь холодна моя подруга:
Она обнять не хочет друга,
Всегда, как кол, она тверда
И губы холодит всегда!
Ах, нет! — несправедлив я к ней —
Подруге дорогой моей.
Прекрасная, меня простите,
За недовольство мне не мстите:
И взгляда Вашего вполне
Должно хватать в награду мне![289]
[Ведь так глаза прекрасны Ваши;

Улыбки Вашей нету краше.]
Я всей душою Вас люблю
И безответность я стерплю!”
Упал несчастный на колени
И просит у неё прощенья.
Свои слова назад берёт,
Ей обещания даёт.
Она ж — не движется, не дышит,
Не чувствует его, не слышит.
В отчаяньи Пигмалион,
В растерянности полной он:
Так неприступно холодна,
Жива или мертва она?
Хоть все слова его напрасны, —
Всё ж, сердце разлюбить не властно.
Перечат чувства все уму,
И неподвластен ум ему.
Он трогает её слегка,
И кажется ему: мягка
Её и тепловата кожа,
Но этого ведь быть не может...

Покоя в сердце больше нет, —
Он мечется среди тенет:
То он смеётся, то рыдает;
То радуется, то страдает.
Красавицею восхищён —
И... бесконечно огорчён.
И так её он обожает,
Что, как живую наряжает!
Все сразу платья всех цветов
Надеть он на неё готов:
То в белый им костюм она
С любовию облачена,
То в красный, то потом — в зелёный,
То в голубой, то в буро-чёрный...
Расшиты часто дорогой
Они отделкой меховой:
[Иль белка, или горностай
Тех платьев украшают край.]
Затем другие надевает
И неустанно их меняет.
Всех видов ткани ей несёт:
Парчу ей дарит и камлот,
Шелка индийские на ней —
Один другого веселей.
Но и в роскошных самых платьях
Она скромна, как ангел, кстати!
Однажды так он поступил:
Её в жилетку нарядил
И тонким лёгким полотном
Власы накрыл ей надо лбом.[290]
[Совсем не так, как сарацины:
У них ревнивые мужчины,
Коль покрывают с головой
Лицо у женщин кисеёй,
Чтоб их прохожий не видал —
Глаз на чужую не вздымал!]

Он ей лишь голову покрыл,
А взор её под ним не скрыл,
Но с головы той покрывало
На грудь и плечи ниспадало.
[Так, обликом своим она,
И куртуазна, и скромна,
Была похожа на дворянку,
Весьма высокую по рангу.]
А после он её раздел
И по-другому захотел
Украсить: новые одежды
Надел ей с новою надеждой.
Чепцы он стал ей примерять
И украшенья надевать:
Уборы были головные
Все шёлковые и цветные,
С плетёной шёлковой тесьмой
С жемчужинами — дорогой.
А к одному её чепцу
Он брошью прикрепил фату
И увенчал главу короной
С драгих камней чудесной кроной.
В двойных оправах камни те
Златых квадратных были все,
О четырёх полукругах
На всех квадратов сторонах.
А вкруг больших драгих камней —
Из малых — несколько цепей.
В её изящной формы уши
Серёг он пару вставил лучших:
Две тонких нити золотых.
И пару брошей дорогих
На ворот платья прикрепил,
На грудь же — третью закрепил.
И лучший пояс ей надел,
Какой лишь раздобыть сумел:

Такие вещи дорогие
Не носят девушки младые.
Кошель на пояс поместил
И пять камней туда вложил
Морских. — Кошель тот не простой:
Из ткани очень дорогой.
И камни гладкие он выбрал —
Какими любят играть в игры.
Надел ей на ноги чулки
И туфли с вырезом, легки,
Что под одежду подходили.
Узо[291] в Париже модны были.
Но ей узо ведь не подстать, —
Не стал он ей их надевать.
[Она ведь, всё ж, не парижанка,
Во-первых; во-вторых — в них жарко.]
Затем ей рукава подшил
Златою нитью. Он решил:
Чтоб выглядеть красиво даме, —
Наряд пусть будет с рукавами
Зауженными: был он рад
Искусно сделать весь наряд.
И много ей принёс вещей —
Приятных девам мелочей:
Красивых ниток[292] накупил
И птичек малых подарил,
Что любят девушки. Нарвал
Цветов и чётки ей связал:
Таких ведь в мире нет ещё
Ни у кого, как у неё!
Затем букет он ей вручил,
Что из цветов весны сложил.
Кольцо на палец надевает
Златое ей и объявляет:
“Хочу я Вашим ныне стать,
Женою Вас моей назвать.

Пусть брак свидетельствуют сей
Юнона лишь да Гименей.
Священника не станет звать,
Писца не станем приглашать:
Я лишь богов хочу просить
Наш ныне брак благословить!”
Пигмалион развеселился,
Весёлым пением залился:
Стал шансонеты исполнять —
Их вместо мессы напевать.
Затем он инструменты брал,
На все лады на них играл.
Не слышен был бы даже гром, —
Вот как усердствовал он в том!
Ведь он не только петь умел,
А инструментами владел;
И, как Фиванский Амфион[293],
Умел играть на многих он.
Из арф он звуки извлекал,
На жигах[294], лирах он играл,
Да и гитерны[295] брал он в руки,
Чтоб даме было не до скуки.
Затем по комнатам ходил
И все часы в них заводил,
Чтоб вместе все они звонили
И музыку производили.
Имел он также небольшой
В дому орган переносной[296]:
И стал он громко петь мотет
Под свой же аккомпанемент.
Потом триплеты голосил,
В тарелки весело звонил,
Потом играл он на шеврете[297]
И музицировал на флейте[298],
Затем он в руки брал фретель[299]. —

На ней наигрывал он трель,
И в барабаны громко бил,
И в колокольчики звонил.
И в трубы дул, и струн касался, —
Веселью всей душой предался!
Псалтерион[300] его звучал,
И на виоле[301] он играл;
С рюбером[302] по дому ходил
И корнуолку[303] не забыл...
Потом скакал он, танцевал, —
Как будто деву развлекал!
И бил он по полу ногой,
И руку брал её рукой,
И танцевал он вместе с нею,
При этом горько сожалея,
Что не желает петь она,
В безмолвие погружена,
И что ему не отвечает,
Когда её он приглашает.
Потом он статую обнял
И вместе с нею возлежал.
Но смысла мало — целоваться
И горьким мыслям предаваться:
Постель и даме не сладка,
Да и ему любовь горька.
Он ей старается служить,
В наряд роскошный нарядить,
Её, как может, украшает,
А сам при этом замечает,
Что и без платьев тем сильней
Красой пленит она своей!
В местечке том, где мастер жил,
Однажды праздник проходил:
Венере был он посвящён.
И вот пошёл Пигмалион

Ещё в канун на праздник тот
Туда, куда и весь народ —
В Венеры храм. Там в торжества
Порой случались чудеса,
И потому к богам с мольбою
Туда народ весь шёл толпою.
Пришёл туда Пигмалион
И умолять богов стал он
Помочь ему в любви несчастной:
Столь страстной, но — увы! — напрасной.[304]
[Имел обычай он такой:
Идти к ним с просьбою любой.
У них просил он вдохновенья,
Им посвящал произведенья.
Всегда он одиноко жил
И с Целомудрием дружил.]
“Ах, боги, можете всё вы, —
Так помогите мне в любви!
Ты мне, Венера, помоги —
Святую милость ниспошли!
Ты с Целомудрием в войне, —
Так позаботься обо мне!
[Тебя триумф её гневит,
Жизнь целомудренная злит.]
Я Целомудрию служил, —
Твоей я кары заслужил.
Но в том раскаиваюсь я:
Прости же ныне ты меня,
Венера, о святая дама
Сего прекраснейшего храма!
Не погуби меня в любви —
Моё творенье оживи!
Пусть будет статуя дышать,
Пусть будет у неё душа.
Хочу тебе я обещать:
Когда ты сможешь жизнь ей дать,

А я же с прошлым не расстанусь
И целомудренным останусь, —
Пусть голову мне отсекут,
Повесят пусть иль пусть убьют,
Пусть Цербер сам меня сожрёт, —
В трёх пастях пусть пережуёт!”
Венера слышит просьбу эту,
Спешит помочь она валету.
Богиня рада, что юнец
Служить ей хочет, наконец,
А Целомудрие — оставить, —
Жизнь грешную свою исправить.
[305]Итак, Венера, всё ж, не прочь
В несчастьи юноше помочь:
Согласна чудо сотворить —
Его подругу оживить.
И тотчас в девушку она
Богинею превращена,
И нет подобных ей красавиц, —
Попробуйте себе представить!
Не долго в храме он пробыл,
Домой обратно поспешил.
О чуде он ещё не знал
И к статуе своей бежал,
Чтоб поскорей её обнять
И вновь в руках своих держать.
Богам судьбу свою доверив,
Своё несчастье им поверив,
Вернулся в дом Пигмалион. —
И что же там увидел он?
Не верит он глазам своим...
Предстала девушка пред ним.
Он молча на неё глядит,
А сердце всё сильней горит.
О, чудеса! — Она живая —
Его подруга дорогая.

Как жив и чуток нежный взгляд,
Как волосы её блестят!..
Не веря в счастие своё,
Коснулся он рукой её
И чувствует: в прекрасном теле
Трепещет пульс на самом деле.
Он отступил назад на шаг:
В себя он не придёт никак.
Не знает, правду или сон
Перед собою видит он.
И говорит он: “Без сомненья,
Мне посылают искушенье.
Откуда чудо мне сие?
Фантом предстал ли ныне мне?
Иль демон в статую вселился
И во плоти ко мне явился?
Иль это сон? — Но я не сплю:
Я ощущаю, я люблю!”
На это отвечает дева:
“Нет, не фантом я и не демон:
Подруга Ваша и жена,
Что к Вам любовию полна.
Прихода Вашего я жду
И в сердце я таю мечту:
Признаться Вам в любви моей,
Коль рады будете Вы ей.”
Он видит: чудо совершилось,
Её молчанье разрешилось!
И вновь её коснулся он,
Сей истиной заворожён.
Тепло рукою ощутив,
В объятья деву захватив,
Её уж он не отпускает:
Целует только и ласкает!
Любовью страстною горя,
Слова любви лишь говоря, —

Они уста соединяют,
Друг друга нежно обнимают
И всё обилье чувств своих
Счастливо делят на двоих.
И, точно голуби, они
Купаются в своей любви!
Затем за дар любви прекрасный
Благодарят богов всевластных.
За то, что счастье вместе пьют,
Хвалу Венере воздают.
Блаженствует Пигмалион,
Границ не знает счастья он:
Согласна милая на всё,
Что только радует его.
И он ни в чём ей не откажет,
Когда она ему прикажет:
Так, счастлив он в любви своей
Угодным быть во всём и ей.
Блаженно жизнь их потекла,
[306]Им сына Пафа принесла.
О нём исторья говорит,
Что был он очень знаменит;
И остров Пафос оттого
Назвали именем его.
А Паф зачал потом Кинира —
Царя, чья дочь родная Мирра
С ним ночью тайно возлегла
И после — сына родила.
Жил счастливо б Кинир на свете,
Когда б ни злые козни эти.
Устроила ж старуха всё,
Что привела в постель её.
Когда пришла к нему девица, —
Была на празднике царица;
Кинир же ничего не знал
О том, что с дочерью он спал.

Лишь он узнал о преступленьи —
Чудовищном кровосмешеньи, —
Хотел убить свою он дочь;
Она же — убежала прочь,
Чтоб от царя укрыться гнева.
Желала превратиться в древо, —
Так мучилась потом она!
И вот, была превращена
Богами в древо. Расщепился
Раз ствол его, и появился
Адонис маленький на свет.
А продолжения здесь нет. —
Пора теперь мне возвратиться
К тому, что в лагере творится.
Кто сравнивать бы захотел
Иль ценность, иль размеры тел
Тех статуй двух, что я назвал, —
Тому я прямо бы сказал:
Вы мышь и льва себе представьте,
Величину их сопоставьте.
Мышь рядом с ним едва видна, —
Столь меньше и слабей она.
В ту статую Пигмалион
Был всей душой своей влюблён,
Которая подобна мыши, —
Вот сколь была вторая выше!
Киприда[307] на прицел взяла
Бойницу, что на ней была:
Природой сделана самой
С фасада башни крепостной
Промеж серебряных столбов.
Я поклоняться им готов:
Бойнице той, и раке[308] той —
Прекраснейшей и дорогой.
Реликвии священны эти, —
Нет места лучшего на свете!

Я ни за что б их не отдал
И ни на что б не променял.
Я даже лучницу саму
В обмен — Венеру — не возьму.
Не нужен факел мне, ни лук:
Когда б мне разрешили вдруг
Войти в прекрасную бойницу,
Святую обожать девицу, —
Не устыдился б я тогда,
Вошёл бы смело я туда!
[Когда меня бы там терпели,
Хотя б и видеть не хотели!]
И вот иду я к тем местам
Теперь в паломничество сам.
Я их ещё не посещал, —
Я лишь найти их обещал.
Пастуший посох и суму
Я в путешествие возьму
И Бога умоляю ныне
Явить мне дивные святыни.
Пусть только смилуется Бог,
Чтоб раздобыть я Розу смог,
Пусть только буду там я принят,
Меня пусть Роза не отринет!
И сохранит пусть Бог меня,
Чтоб там осмеян не был я.
Вот лук Венера заряжает
И факел в крепость запускает.
Он ярким пламенем горит;
Снабженный перьями, летит.
[Венера так его пустила,
Чтоб никому не видно было,
Что факел тот летит к врагам,
Чтоб учинить смятенье там.]
Как только факел там упал, —
Занятья всяк свои прервал.

Теперь ни до чего им было:
Всю крепость пламя охватило.[309]
[Все поняли, что Смерть идёт, —
Всех разом в крепости найдёт.]
Кричат они: “Пропали мы!
Нас окружили духи тьмы!”
И все оттуда убегают,
А в спешке — и ключи бросают.
Опасность первым побежал —
Быстрей оленя поскакал,
Когда почуял пламя он
И был слегка им опалён.
Пустились все за ним бежать —
[310]Не стали и друг друга ждать
Ни за компанью, ни из дружбы,
Ни ради жалости иль службы.
Сбежала Страх, за нею Стыд
Скорее от огня бежит.
[311]Вступила Куртуазность в замок,
Что был и пуст уже и жалок:
Спешит Приёма увести —
Скорей из пламени спасти.
Благообразна и спокойна,
Любых похвал она достойна:
Себя бесстрашно так вела —
Отважно средь пожара шла.
А с нею Искренность и Жалость,
Пожара не боясь ни малость,
К Прекрасному Приёму шли
И в крепости его нашли.
[312]Куртуазия всем готова
Сказать своё в поддержку слово,
И обратилась потому
Она вперёд других к нему:
“Сынок! О, как же больно мне
В тюрьме Вас видеть и в огне.

Пусть в ад злодеи б те попали,
Что под замком Вас тут держали!
На воле, слава Богу, Вы —
Из плена освобождены.
Поскольку Злой Язык убит,
В канаве у ворот лежит, —
Он слышать нас уже не может
И Ревности уж не поможет!
Норманны вкруг него лежат:
Они пьяны и крепко спят.
А все другие разбежались, —
Ведь все пожара испугались!
Предательски спаслись они,
Теперь мы здесь совсем одни.
Теперь Вам Ревность не страшна, —
Вас не отыщет здесь она;
И некому ей подсказать,
Как Вас заставить ей страдать!
И Вы не думайте о ней,
Чтоб было жить Вам веселей.[313]
[Негоже друга Вам забыть,
С которым хочется Вам быть.]
[Душа моя о Вас болела,
И я час от часу бледнела.
О, помогите мне, сын мой,
Чтоб в сердце вновь пришёл покой!]
Мы Богом Вышним просим Вас
Помочь нам в этот трудный час:
Вас просит Искренность, и Жалость
Придти к Вам тоже постаралась.
Вас дружно просим мы втроём
Побеспокоиться о том,
Кто стоек так в своей любви:
Его примите нынче Вы!
Он с Вами встретиться мечтал
И столько из-за Вас страдал!

Так преданно он Вас любил
И искренен так с Вами был!
[Так, ныне Вы его примите —
Радушье Ваше проявите!
Он в дар приносит душу Вам
И всё, чем обладает сам.
Примите Вы его дары,
Вас ныне умоляем мы.]
Амуру служит честно он,
Своей любовью вдохновлён.
Ко мне имейте Вы почтенье, —
Его уважьте вдохновенье!
Сынок, любви покорно всё,
И все ключи в руках её.
И говорит Вергилий сам
В *Буколиках* об этом нам:
“Любовь должны мы принимать, —
Ей всё дано завоевать”.
Хотя и кратко он сказал, —
Всю точно мудрость передал.
Влюблённому Вы помогите —
Ему Вы Розу подарите.
Помочь Вам Бога я прошу!” —
— “Мадам, я Вам не откажу:
Охотно просьбу выполняю,
Ему я Розу уступаю.
Когда не помешают нам, —
Сорвать её он может сам.
Я должен был уже давно
Принять в розарии его:
Он в чувствах искренен вполне
И симпатичен очень мне.”
Хвалу Приёму я пою, —
Поверил он в любовь мою!
Я благодарность в тот же час
Ему послал сто тысяч раз.

В далёкий путь я снарядился
И в путешествие пустился:
К бойнице путь я мой держал,
Как обещание давал.
Любви возвышенной поклонник, —
Усерднейший я был паломник
И в этот путь пошёл с сумой,
И посох крепкий был со мной.
[А ценность больше сих предметов,
Чем музыкальных инструментов!
Мой посох крепок без подков —
Он долгий путь пройти готов.
Да, и сума моя крепка,
Хотя не очень-то легка:
Она пошита из отличной
Природной кожи эластичной!]
И не пуста моя сума:
Природа ведь в неё сама
Два молоточка положила,
Когда её мне подарила.
Быть может, для того, чтоб мне,
Когда скачу я на коне,
Подковы для него ковать? —
Так я и буду поступать.
Природа же сама ковала
Предметы все ловчей Дедала.
Как молотки изящны те!
И пригодятся мне везде.
Господь ко мне столь добрым был,
Что кузнецом быть научил.
Все у меня снаряды есть:
Природа оказала честь
Мне, страннику, суму давая
И добрый посох тот вручая.
С тех пор, как дан мне посох мой, —
Всегда он и везде со мной.

О, как мне дорог посох сей! —
Он денег для меня ценней:
Не нужен мне и миллион, —
Со мною был бы только он!
[Когда его я получил, —
Ещё и в школу не ходил.]
И никогда и ни за что
Орудье не отдам я то.
Признателен Природе я
За то, что есть он у меня:
Трудилась ведь она немало —
Своей рукой его строгала.
И он не раз меня спасал,
Не раз мне помощь оказал.
Везде мне нужен сей снаряд,
Его иметь всегда я рад.
Когда хожу я по лесам
И по болотистым местам, —
Дорогу пробую я им —
Упругим посохом моим:
Его я в ямы опускаю —
Их глубину определяю.
И — вам нисколько я не лгу —
[314]С ним всюду выбраться могу!
Ведь мне такие попадались
Овраги, что без дна казались!
Когда же к ним я подходил
И дна у них не находил,
В них посох крепкий опуская,
Упора в них не ощущая, —
Вдоль берега я путь держал,
Спускаться вниз не рисковал.
И я скрывать от вас не буду:
Не выбрался бы я оттуда,
Когда б ни снаряженье то,
Что мне Природою дано.

Кто хочет веселее жить, —
Не должен в тех местах бродить.
Мы в тех местах ходить не станем, —
Охотникам их предоставим.
Мы по дороге не пойдём,
Тропинку лучше мы найдём.
Вы на дороги не ходите,
Тропинку узкую ищите:
Ведь на тропинке веселей, —
Телег гремучих нет на ней!
Порою старая дорога
Приносит выгод очень много;
Хотя она невесела,
К богатству многих привела.
Кто хочет в обществе подняться
И средь богатых оказаться, —
Короче не найдёт пути,
Чем к старой женщине пойти.
[Коль он по вкусу ей придётся,
То в жизни многого добьётся.] —
Писал об этом Ювенал,[315]
И так Овидий утверждал.[316]
[Кто будет со старухой жить, —
Богатым скоро может быть.
Кто с дамой свяжется такой, —
Ждать может прибыли большой!]
Кто ж у старух начнёт вертеться,
Чтоб к ним в доверие втереться, —
В виду имеют только пусть,
Что нелегко их обмануть.
Кто ж искренне любить их будет, —
И тот пусть тоже не забудет,
Что осторожным нужно быть:
Старухам то не говорить,
Что может странным показаться.
Они ведь станут опасаться

Ловушек, козней и засад,
Пусть хахаль в них не виноват!
Ведь все бывалые старухи
К признаньям очень часто глухи:
Их убелила седина,
Им мудрость принесла она.
[Когда-то им мужчины льстили,
Их в заблуждения вводили, —
Теперь они уже не те
И видят сразу козни все!
Они уже не те девицы,
Которых так легко добиться:
Не станут слушать лести слов
Любого, кто им льстить готов.
Уже не верят, как в Писанья
Они в любовные признанья;
Наивности в них прежней нет,
Простыл доверия и след.
Не так они просты, нежны,
Когда не раз обожжены!]
Бывалые старухи эти
Теперь умнее всех на свете:
Лжецов умеют различить,
Обман от правды отличить.
Признанья их не подкупают,
Когда лжецы их заклинают,
Когда им басни говорят
И горы золота сулят,
Когда пред ними слёзы льют
Когда челом о землю бьют,
Клянутся телом и душой
В любви и страстной и большой,
[Святых при этом вспоминая,
По именам их называя...] —
Так поступает птицелов,
Кто птицу изловить готов:

Кто и щебечет, и свистит,
И лакомством её манит.
А сам — поставил ей силок
И схоронился за кусток!
Но лишь неопытная птица
Его коварства не боится,
Софизм не может разгадать,
Что птицелов решил задать:
К нему приблизится она,
Доверья тёплого полна,
И — тут же в сети попадёт,
Что встретить вовсе там не ждёт.
[Так, птицелов, что в свистах ловок,
Обманывает перепёлок.
Коль перепелка молода, —
Она доверчива всегда.]
Не так бывает с птицей старой,
От козней и сетей усталой:
Сумеет всё она понять,
Такую птицу не поймать!
Итак, те самые старухи,
На коих нет теперь прорухи,
Столь подозрительны ко всем,
Что их не обмануть совсем.
[Обманщиков они уж знают —
Издалека определяют,
Не подпускают близко их —
Завоевателей таких.
Предвидят всё их поведенье,
Предчувствуют все изреченья!]
И тот, чья неподдельна страсть,
Кто чувствует Амура власть,
К завоеванию стремится
Той радости, что ночью снится;
Тот, кто душою всей любя
Надеждой тешит всё себя,

По-настоящему страдает, —
Ответных чувств — увы! — не знает.
Боятся всех старухи те,
Им видится обман везде:
Везде им видится крючок,
Везде мерещится силок.
Словам они не доверяют
И всё, что можно, — проверяют,
Ведь болью их душа полна:
Обиды помнит все она!
Когда пойдёте той дорогой
Вы — иль наживы ради многой,
Иль к удовольствиям стремясь
И всех препятствий не боясь, —
Я вам не стану запрещать,
Чего хотите — получать:
И радуйтесь, и веселитесь, —
Как вам угодно, развлекитесь!
И не могу вам запретить
Я с юной девою дружить,
Когда б Амур вам так сказал,
Коль путь такой бы указал.
А что ни говорите вы,
Его команды все мудры!
Но и моё скажу я мненье:
Всё надо знать вам, без сомненья.
Чтоб сделать вывод, вы пути
Должны различные пройти,
Как вина все должны испить,
Чтоб лучшее определить.
[Так, самый тонкий блюд знаток
Любой распробует кусок:
Все соусы он станет есть
И мясо — всё, какое есть!
Он будет мясо есть в жарком,
В горшке попробует печном,

А также в галантире, в тесте,
И во фритюре, и в котлете.
Чтоб вкус и качество понять, —
Все блюда станет обонять, —
Чтоб правильно их оценить:
Иль похвалить, иль побранить.
Когда ж отведает он их —
Как вкусных блюд, так и дурных, —
То будет знать наверняка,
Где пища сладка, где — горька.]
Без опыта нельзя понять,
Что лучшим следует считать,
И лишь по опыту возможно
Нам о вещах судить неложно.
Как не понять, где — честь, где — стыд
Тому, кто их не ощутит, —
Эффект не оценить приятный,
Пока не ощутишь обратный.
[Кто неудобств не хочет знать, —
Не сможет благ завоевать.
Мучений коль не пережить, —
К блаженству путь не проложить.]
О двух предметах только так
Судить способен будет всяк:
Лишь рядом их расположив
И основательно сравнив.
Они друг друга объясняют,
Взаимно свойства проясняют.
Кто ж не увидит двух вещей, —
Тот не решит задачи сей.
Когда одно определяют, —
Другое рядом вспоминают;
Коль сразу двух не увидать, —
Определений им не дать!
Немало я дорог прошёл,
Покуда в крепость не пришёл

К чудеснейшей святой гробнице,
К сокровищу, что в ней хранится.
И вот я мог её почтить,
Главу мою пред ней склонить.
Я на колени опустился
И горячо пред ней молился:
Давно я духом голодал
И с давних пор уже мечтал
Склониться перед ней смиренно,
Воздать ей честь благоговейно,
Алтарь чудесный обонять, —
Святых Святую обожать![317]
[А что вокруг увидел я? —
Всё пострадало от огня.]
Не устояло там ничто,
Как только здание одно:
Святилище само нимало
В пожаре том не пострадало!
Слегка я полог приподнял
И статую поцеловал.
Всем телом к статуе прильнув,
Хотел я посох вставить внутрь,
Ну, а на нём сума была,
Что путь со мною весь прошла.
Я думал, сразу он войдёт
И до отказу внутрь пройдёт;
Но как бы я ни нажимал, —
Вперёд его не продвигал.
Никак он мне не поддаётся —
Вложить его не удаётся.
Я с новой силой приналёг,
Но протолкнуть его не смог:
Ограда мне внутри мешала,
Что путь в гробницу преграждала.
Её не мог я увидать,
Но хорошо мог ощущать.

Внутри загадочной гробницы
Ограда некая таится:
У входа этот палисад,
Он дивный защищает сад.
Когда алтарь сей возводили, —
Оградой сад огородили.
Пришлось её атаковать,
Неоднократно отступать.
Когда б за мной вы наблюдали, —
[318]О Геркулесе б вспоминали.
Так точно к Каку он стучал:
То приступал, то отступал.
Он трижды к двери подходил, —
Её таранил, что есть сил;
И трижды он с горы спускался, —
Сил для атаки набирался.
В теченье первых трёх атак
Не поддавалась дверь никак,
И отдыхал в долине он,
Тяжёлой битвой утомлён. —
Как Геркулес, я утомился,
Когда с тем огражденьем бился!
Уж семь потов сошло с меня,
Когда тропу увидел я,
Что внутрь ковчега уводила:
Сломать ограду надо было.
Итак, тропинку я нашёл,
Но внутрь по ней — едва вошёл!
Проник я лишь наполовину
В святой гробницы середину.
А дальше я не проходил,
Хотя и палисад разбил.
Застрял мой посох вновь пока:
Была тропинка так узка,
Что посох долгий не пускала,
И снова мне обидно стало.

Но путь я, всё же, продолжал:
На посох с силой налегал,
Пока он не был целиком
В святилище чудесном том.
Тропинка же — была всё уже, —
Осталась лишь сума снаружи.
Она довольно широка:
Ведь в ней лежат два молотка.
Столь узкою была тропа,
Что я с трудом туда попал!
И понял я: никто на свете
Места ещё не видел эти.
Не знаю, шёл ли кто другой
С тех пор той самою тропой,
И видели ль потом другие
Святыни, мне столь дорогие.
Так велика любовь моя,
Что в это не поверю я!
[Когда мне это и докажут, —
Поверить в это не обяжут!]
Не сомневался я ничуть,
Что первым шёл я в этот путь
Столь узкой девственной тропой,
Где не ходил никто другой.
И потому я был упрям,
Что рос бутон мой милый там:
Ведь я сорвать его хотел,
Путей других же — не имел.
Хочу я путь мой описать,
Вам о бутоне рассказать:
Как я себя в дороге вёл,
Пока в розарий не пришёл,
И как я дальше поступал,
Пока цветок мой не сорвал.
Хочу я поделиться с вами
Сим опытом: коль за цветами

И вы пойдёте в свой сезон, —
Вам может пригодиться он!
[Всё сделайте, как я скажу:
Я опыт мой здесь опишу.
Вперёд вы двигайтесь смелей!
Когда сумеете быстрей
К бутону вашему пробраться,
Ловчей, чем я, за дело взяться, —
Что я скажу вам? — В добрый путь!
Не буду против я ничуть.
Но прежде выслушайте, всё ж,
Рассказ: вдруг будет он хорош?
Ведь денег с вас я не беру
И вам ни словом не совру!]
Мне так хотелось поскорей
Придти к красавице моей!
И вот я в цветнике стою,
И Розу вижу я мою.
Приём Прекрасный попросил,
Чтоб осторожнее я был:
Чтоб не нарушил ничего
В чудесном я цветке его.
Но я в себе не сомневался,
И я в ответ ему поклялся,
Что не могу не сделать я
Того, что просит он меня:
Что буду осторожен очень, —
Чего и сам хотел я, впрочем.
Я куст за талию[319] схватил, —
Как ивы ветвь, он гибок был!
С бутоном стебель — в руку взял
И потрясать тихонько стал.
Хотел я стебель раскачать,
Чтоб мне бутон затем сорвать.
Другие ж стебли я развёл —
Их отодвинуть нужным счёл:

Их повредить я опасался,
Случайно поломать боялся.
Один — пришлось мне надломить
И стебля кожу повредить:
Иначе я б и не сумел
Достичь того, чего хотел.
Я всё сильней его качал,
И потому не замечал,
Что несколько семян упало —
Под розовым кустом лежало.
Он обронил случайно их,
Когда я в лепестки проник:
Хотел исследовать и дно я —
Бутона место потайное!
Когда же я достал до дна, —
Перемешались семена.
Бутон по форме изменился:
Расширился и удлинился.
Признаюсь: в том вина моя,
Ошибку допустил тут я.
Но не печалюсь я напрасно:
Я знаю, что Приём Прекрасный
Проступок этот мне простил —
В вину его мне не вменил.
Ведь он мне сам согласье дал
На всё, что нужным я считал.
Приём напомнил, всё же, мне,
Что был я честен не вполне,
Что дерзко с ним я поступил;
Но всё-таки не запретил
Сорвать цветок мне милый он:
Его листок и сам бутон!
Лишь перестал я сомневаться,
Что цели мне достичь удастся
И что теперь моим стать мог
Давно любимый мной цветок, —

Признательность я ощущал
И благодарность воссылал
Всем тем, кому обязан был,
Что я цветок мой раздобыл:
Всем, кто мне дал совет полезный. —
Пред Богом я ответчик честный.
Ведь я таким богатым стал,
Что и Богатство обогнал!
Так, в поцелуях и объятьях
Не уставал благословлять я
Венеру и Амура с ней,
Что помогли любви моей:
Я десять или двадцать раз
Послал им мой привет в тот час.
Я им спасибо говорил,
Баронов всех благодарил:
Они всегда мне помогали —
Из всех несчастий выручали.
Пусть Бог поможет им во всём!
О даме Разум я притом
Уже совсем не вспоминал,
Ей добрых чувств не посылал.
Ведь толку никакого нет
Мне от её пустых бесед:
Она лишь силы тратит зря,
Зря время тратит на меня!
Богатство ж — проклял я в тот час:
Она ведь не отозвалась
На просьбу — разрешить пройти
Мне по кратчайшему пути.
[Но не продумала она,
Что и другая есть тропа,
Что я и без неё нашёл
И по какой тайком прошёл!]
И всех врагов я проклинал,
Кто путь мне к Розе преграждал.

Особенно мешала Ревность, —
Меня пускать ей не хотелось!
(Она и ныне, как всегда,
Всем преграждает путь туда:
Влюблённых с толку всех сбивает —
Дорогу шляпой закрывает.)

Подольше я бы там побыл:
Так в тех местах я счастлив был!
И прежде чем в обратный путь
Из тех краёв мне повернуть,
Сорвал цветок я Розы Красной
Сияющий в листве прекрасной.
День за окошком наступил,
Меня от сна он пробудил.
Закончен здесь *Роман о Розе*.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЧАСТЬ I Сновидение 16
Стена с портретами 19
Вход в сад 31
В саду 35
Бог любви 41
Красота и Богатство 45
Куртуазное общество 48
Растения и животные 54
Источник 57
Розарий 62
Стрелы Амура 64
Преклонение перед Амуром 70
Приказы Амура 74
Испытания Влюблённого 80
Надежда Влюблённого 90
Прекрасный Приём 94
Появление дамы Разум 99
Встреча с Другом 103
Переговоры с Опасностью 107
Приближение к Розе 110
Несчастья Влюблённого 115
Замок Ревности 123
ЧАСТЬ II Жалобы Влюблённого 132
Обращение дамы Разум к Влюблённому 136
О дружбе 149
О пользе несчастий 154
О скупости и щедрости 162
О подлинных сокровищах 167
О мудрецах 182
Миф о Фортуне 184
Пример Нерона 191
Пример Крёза 199
Другие примеры 204

О названиях 212
Советы Друга 221
Стратегия любви 232
Путь Дарения 238
Школа мужей 248
Золотой Век 251
Ревнивый муж 253
О знаменитых женщинах 258
Женское кокетство и интриги 264
Происхождение общества 283
О семейной жизни 288
Встреча с Богатством 298
Наказание Влюблённого 304
Экзамен Амура 306
Армия Амура 310
Авторы книги 312
Совет баронов 317
Личина 323
Бедность и милостыня 332
Антихрист 345
Расширение союза баронов 353
Псевдопаломники 354
Разговор со Старухой 363
Размышления Личины и Влюблённого 366
Подарок Влюблённого 369
Речь Старухи 374
Поучения Старухи 380
Туалет и поведение 389
Женские хитрости 397
О правах и обязанностях 405
Средства к достижению цели 418
История жизни Старухи 421
Неудачная попытка Влюблённого 429
Отступление автора 442
Осада замка 448
Венера и Адонис 459
Помощь Венеры 463

Природа за работой 467
Искусство 471
Портрет Природы 476
Жалоба Природы 479
Речь Гения Природы 481
Исповедь Природы 493
Небо и планеты 494
Провидение и свободная воля 503
Судьбы 517
Сознание 525
Явления природы 528
Зеркала 532
Сны и иллюзии 540
Кометы и принцы 547
Подлинное благородство 549
Порядок Природы 559
Разум человека 562
Непослушание человека 568
Осуждение человека 573
Проповедь Гения Природы 576
Небесный Сад 590
Век Юпитера 594
Добрый пастырь 599
Сравнение двух садов 600
Завершение проповеди 610
Вмешательство Венеры 613
История Пигмалиона 616
Факел Венеры 631
Паломничество к святилищу 634
У цели. Пробуждение 645

СПИСОК СООТВЕТСТВИЙ АЛЛЕГОРИЙ

в старофранцузском тексте, современном французском языке и данном переводе на русский язык

Oiseuse — Oiseuse — Беззаботность
Deduit — Déduit — Отдохновенье
Leesce — Liesse — Радость
Cortoisie — Courtoisie — Куртуазность, Любезность
Bel Acuel — Bel Accueil — Прекрасный Приём
Haïne — Haine — Злоба
Felonnie — Félonie — Вероломство, Предательство
Vilonnie — Vilenie — Низость
Convoitise — Convoitise — Стяжательство, Вожделение
Avarice — Avarice — Скупость
Envie — Envie — Зависть
Tristece — Tristesse — Печаль
Viellece — Vieillesse — Старость
Papelardie — Papelardise — Ханжество
Povreté — Pauvreté — Нищета, Бедность
Dous Regars — Doux Regard — Нежный Взор
Dous Pensers — Doux Penser — Нежное Воспоминанье
Dous Parlers — Doux Parler — Нежный Разговор
Biaulez — Beauté — Краса, Красота
Simplece — Simplesse — Простота
Franchise — Franchise — Откровенность, Искренность
Compaignie — Compagnie — Компания
Biau Semblant — Beau Semblant — Милый Вид
Orguiaus — Orgueil — Гордыня
Honte — Honte — Стыд
Desesperance — Désespérance — Отчаянье
Nouviaus Pensers — Nouveau Penser — Измена
Richece — Richesse — Богатство

Largece — Largesse — Щедрость
Fol Largesse — Folle Largesse — Безумная Щедрость
Valour — Valeur — Доблесть
Jonece — Jeunesse — Юность
Estranee — Epérance — Надежда
Amis — Ami — Друг
Dangiera — Danger — Опасность
Malebouche — Malebouche — Злой Язык
Poor — Peur — Страх
Raison — Raison — Разум
Maltet — Méfait — Злодеянье
Chastaés — Chasteté — Целомудрие
Jalousie — Jalousie — Ревность
Pitié — Pitié — Жалость
Fortune — Fortune — Фортуна, Судьба
Nature — Nature — Природа
Genius — Génius — Гений Природы
Art — Art — Искусство
Delit — Délice — Наслаждение
Barat — Barat — Обман
Fois Bonne — Foi — Вера
Drois — Droit — Правота
Justice — Justice — Справедливость
Forfais — Forfait — Зло, Вред
Malice — Malice — Лукавство
Gentillece — Gentillesse — Приятность
Cheance — Chûte — Падение
la Vieille — La Vieille — Старуха
le chemin de Trop Donner — le chemin de Trop Donner — Аллея Щедрого Даренья
Mort — Mort — Смерть
Laidor — Laideur — Уродство
Soffisance — Suffisance — Достаток
Male Aventure — Malheur — Беда
Cuer Failli — Cœur Failli — Малодушье
Fain — Faim — Голод
Larrecin — Larcin — Воровство

Misericorde — Miséricorde — Снисхождение
Honor — Honneur — Честь
Noblece de cuer — Noblesse de Cœur — Благородство
Bien Geler — Bien-Celer — Тайна
Pacience — Patience — Терпенье
Hardement — Hardement — Отвага
Humilité — Humilité — Смиренье
Seürté — Seûrté — Надёжность, Уверенность
Joliveté — Joliveté — Ласка
Contraint Abstinence — Abstinence Contrainte — Притворное Воздержание
Fausemblant — Faux-Semblant — Личина
Ypocrisie — Hypocrisie — Лицемерие

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ,

на которые делаются ссылки в “Романе о Розе” [320]

Библия: *Ветхий Завет. Новый Завет.*

П. Абеляр “*История моих бедствий”* М. 1992.

Аристотель “*Метеорологика”* Л., 1983.

Боэций “Утешение *философией”:* в кн. “Утешение философией” и другие трактаты” М, 1990.

Гомер “Илиада” Л, 1990 (перевод Н.И.Гнеднча).

Гораций “*Наука поэзии”:* в Собр.соч. С.-П.. 1993 (перевод М.Дмитриева).

Гораций “*Сатиры”:* там же (перевод М. Дмитриева).

Гораций “*Послания”:* там же (перевод Н.С.Гинцбурга).

“Дионисия Катона Краткие правила и двустишия” М, 1792; СПб, 1773: СПб 1787.

Гай Саллюстий Крисп *“О затворе Катилины”* в кн: “Сочинения” М. 1981.

Ливий. Тит *“История Рима от основания города* в 3-х т.”, Т.1 М. 1989.

Лукан. Марк Анней *“Фарсалия, или Поэма о гражданской войне”* М. 1951, 1993.

Овидий “*Метаморфозы”* (перевод С.Шервинского) М, 1977.

Овидий *“Наука любви”* (перевод М.Гаспарова), “Героиды” (перевод С.Ошерова): Собр.соч.. т.1 С.-П.. 1994.

Публий Вергилий Марон *“Буколпки”*, *“Георгики”* (перевод С.Шервинского); *“Энеида”* (перевод С.Ошерова) М. 1971.

Пифагор *“Дух Пифагоров или Нравоучения, состоящие в золотых стихах”* СПб, 1766. Платон *“Тимей”* в кн. “Собр.соч. в 4-х т.”, т.111 М. 1994 (перевод С.С.Аверинцева).

Птолемей. Клавдин *“Великое математическое построение астрономии в 13-ти книгах”*. или *“Альмагест”:* в кн. Аль-Фараби. Абу Наср Мухаммед “Комментарии к Альмагесту Птолемея” Алма-Ата. 1975.

“*Роман о Лисе”* М. 1987 (перевод со старофранцузского Анатолия Наймана).

Гай Светоний Транквилл “*Нерон”* в кн. “Жизнь двенадцати цезарей” М. 1990.

Цицерон “*Сновидение Сципиона”:* в кн. “Эстетика. Трактаты. Речи. Письма” М. 1994.

Ювенал “*Сатиры”:* в кн. “Римская сатира” переводы с латинского М. 1957 (перевод Д. Недовича и Ф. Петровского).

Августин. Аврелий *“О деяниях монахов”*.

Аристотель “*De Sophisticis elenchis”*.

Винсент Бовесский *“Speculum Naturale”*.

Жерар де Борго *“Evangelium Elemum”*.

Андрей Капеллан “*О любви”*.

Атал Лилльский *“Антиклавдиан”*. *“Жалоба Природы”*.

Готье Мап *“Dissuasio Valerii”*.

Гийом де Сен-Амур *“De Periculis”*.

Жан Солсберийский “*Policratique”*.

Теофраст “*Ореол”* или *“Золотая книга”* (не сохр.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,

использованной при переводе и в комментариях

Советский *энциклопедический словарь* М, 1987.

В. И. Даль *Толковый словарь живого великорусского языка* М, 1956.

Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон *Энциклопедический Словарь* Спб, 1890.

Dictionnaire alphabétique de la langue française par Paul Robert Paris, 1998.

Dictionnaire encyclonédique *Petit Larousse* Paris, 2003.

Д.Холл *Словарь сюжетов и символов в искусстве* М. 1997.

В.Д. Гладкий *"Древний мир"* Энциклопедический словарь в 2-х томах Донецк, 1997.

Фридрих Любкер *"Реальный словарь классических древностей"* в 3-х т. Leipzig. 1914, М.2001.

Иллюстрированная энциклопедия *"История Средних Веков"* М. 2004.

Иллюстрированная энциклопедия моды Прага, 1989.

А.И.Голубев *"Роман о Розе" и особенности средневековой культуры"* М, Калуга 1995.

М. В.Троечников *"Из всех цветов прекраснейшая — роза"* М, 1995.

А. И. Немировский *"Мифы Древней Эллады"* М. 1992.

А. А. Нейхардт *"Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима "* М, 1987.

Жорж Дюби *"История Франции. Средние Века"* М, 2000.

Мишель Пастуро *"Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого Стола"* М. 2001.

Виолло-ле-Дюк *"Жизнь и развлечения в Средние Века"* С.-П.. 1997.

К.А.Иванов *"Многоликое Средневековье"* М, 1996.

Андре Боннар *"Греческая цивилизация"* Ростов-на-Дону. 1994.

“*Древние цивилизации*”, под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина М. 1989.

А. Р.Андреев “*Монашеские ордена*” М, 2002.

В. С. Нерсесянц “*Сократ*” М, 1984.

А.Аврелий “*Исповедь*”. П.Абеляр “*История моих бедствий*” М. 1992.

A.Mary “Le *Roman de la Rose*” Traduction en français moderne Paris, 1928. 1949.

A.Lanly. “*Le Roman de la Rose*”, 2 vol. parus Paris. Champion. 1972—1973.

F.Lecoy. Guillaume de Lorris et Jean de Meun, “*Le Roman de la Rose*” Paris, H. Champion, 3 vol., 1965—1970.

Гильом де Лоррис. Жан де Мён “*Романо Розе*” (перевод Н.В. Забабуровой, подстрочник Д.Н. Вальяно) Р-н-Д, 2001.

---

notes

Примечания

1

Макробий, Амвросий Феодосий (род. ок. 400 г. в Африке) — латинский писатель и чиновник. Сохранился неполный текст его сочинения в 7 книгах “Сатурналии”. Другое его произведение — комментарий к сочинению Цицерона “Сон Сципиона”, представляющему заключительную часть его трактата “О государстве” в 6 кн., написанного в 54 г.

2

Сципион Африканский Младший (185 — 129 гг. до н.э.) — полководец и дважды консул. Гийом де Лоррис по ошибке называет его “*roi*”. Это слово может означать как *"царь"*, так и *"король"*.

3

Перекладины, на которые вешали бельё или одежду, часто встречаются в текстах средневековых романов и хроник.

4

Туаз(а) — старинная французская мера длины, равная двум метрам.

5

В начале XIII века при Филиппе II (1180 — 1223) королевский домен уже охватил значительную часть страны. В него входили: Нормандия, луарские графства, Мэн, Анжу, Турень, Овернь, Артуа, Пуату, Шампань, графство Тулузское, некоторые графства аквитании, а также Лангедок. Т.е. основные северные области, часть центральных и южных областей оказались плотно сплочёнными вокруг Парижа.

6

В эпоху создания “Романа о Розе” дамы любили плести венки из цветов и дарили такие венки своим друзьям. Подобный сюжет очень часто украшает изделия из слоновой кости, шкатулки, мелкие предметы туалета XIII и XIV веков.

7

Котта — длинное платье, расширяющееся книзу, рукава сужаются к запястью, вырез горловины неглубокий и лишь слегка открывает основание шеи. Обычно котта кроилась с двумя боковыми швами, без дополнительных разрезов.

8

Лэ — небольшое стихотворное произведение лирического или повествовательного содержания.

9

Жонглёр — в Средние Века в романских странах — странствующий музыкант, певец и (реже) поэт.

10

Менестрель — в Средние Века поэт и музыкант, исполняющий свои стихи в замках.

11

Лотарингия — провинция на северо-востоке Франции.

12

Здесь и далее приводим *Вариант II* перевода, касательно данного персонажа:

О милости её моля,
С Любезностью. Сказать могу, —
Всегда Любезность начеку.
Внимательна, ко всем добра,

13

Куртуазность, или Куртуазия — средневековая концепция любви, согласно которой отношения между влюблённым и его Дамой уподоблялись отношениям между вассалом и его господином. Впервые понятие “куртуазная любовь” встречается в конце XI века в поэзии трубадуров. В XII — XIII веках концепция куртуазной любви и куртуазная культура широко распространились в Европе.

14

Вариант II: Любезность позвала меня,

15

Вилланы (лат. *“villani”*, от *“villa”* — усадьба, поместье) — в средневековой Европе категории крестьян с различным статусом, в XIV — XV вв. — крестьяне вообще.

16

Александр Македонский (356 — 323 гг. до н.э.) — царь Македонии с 336 г., сын царя Филиппа II, воспитывался Аристотелем. Создал крупнейшую мировую монархию древности.

17

Артур (вероятно, происходит от кельтского “artos”, “медведь”) — герой кельтской мифоэпической традиции, впоследствии персонаж европейских средневековых повествований о рыцарях Круглого стола, Граале и других. Согласно легенде, во дворце Артура в Камелоте был установлен знаменитый Круглый стол, вокруг которого восседали лучшие рыцари короля. Эти мотивы впервые появляются в литературе на рубеже XII и XIII вв.

18

Вариант II: Любезность тоже танцевала

19

Вариант II: Любезность шествовала с ним,

20

Пипин Короткий (714 или 715 — 768) — франкский король [751 — 768], первый из династии Каролингов. Сверг последнего короля из династии Меровингов и добился избрания на королевский престол, получив санкцию римского папы. Подчинил отпадавшую от королевства Аквитанию, окончательно присоединённую Карлом Великим.

21

Рассказ ведётся по книге Овидия “*Метаморфозы*” (111, 356 — 510).

22

Ореада — в античной мифологии нимфа гор.

23

Из текста романа не понятно, принадлежит ли следующая фраза к надписи или к словам автора.

24

Вариант II:

Ещё одну стрелу извлёк —
Любезность зарядил стрелок.
И вновь стрела его взвилась,
Мне в сердце самое впилась.

25

Вассал (лат. “vassalus”, от кельт. “слуга”) — в Средние Века человек, исполнявший в обмен на предоставление земли определённую службу в пользу вышестоящего феодала, с которым он был связан клятвой верности. Позднее в Западной Европе вассалом стал называться человек, поступивший на военную службу к другому — сеньору. Вассал обязывался предоставлять сеньору помощь (40 дней военной службы в году), а также различные выплаты и участие в совете. Сеньор должен был поддерживать и защищать своего вассала.

26

Сенешаль — см. 8235.

27

Кей — сенешаль легендарного короля Артура.

28

Вариант II:

Он был приветливый и стройный,
То сын Любезности достойной.

29

Вариант II:

Любезности таков закон,
Что снисхожденья просит он

30

Вариант II: Своё дитя Любезность-мать

31

Павия — город в Италии.

32

Норманны (в Западной Европе), даны (в Англии), варанги (в Византии), варяги (на Руси) — скандинавские воины-мореплаватели, на протяжении трёх веков (IX — XI вв.) опустошавшие берега Европы. Они нападали на попадавшиеся им на пути корабли, на прибрежные селения, грабили монастыри, деревни и даже целые города; иногда им удавалось возложить на население регулярную дань. Они захватывали земли для поселения, как это происходило на Британских островах и на севере Франции, или занимали пустующие земли — Оркнейские, Шетландские, Фарерские острова, Исландию, Гренландию. Были попытки колонизации земель в Северной Америке.

33

Корнуол — полуостров на юго-западе Великобритании.

34

Головня — болезнь злаков.

35

Эти строки, соответствующие строкам 4070 — 4095 оригинала, переводчик, исходя из того, что слово *“любовь”* в старофранцузском языке часто было женского рода, относит к Амуру (Amors), тогда как в оригинале употреблено несколько раз местоимение *“elle”*. Возможно также предположить, что они относятся к Надежде (Esperance), упомянутой выше. Поэтому возможен *Вариант II*:

Но иногда Надежда меркнет
И удаляется от нас. —
Что в этот злой нам делать час?
Она нам на ухо нашепчет
Такие ласковые речи,
Что мы служить готовы ей.
Богиней звать её своей!
Она так много обещает,
Что рот влюблённый раскрывает,
Но в широко раскрытый рот
Так редко лакомство кладёт...
Хотя она и обижает,
Влюблённый ей всегда внимает,
Всегда к себе её зовёт
И от неё подарков ждёт.
Когда она бывает рядом, —
Влюблённого ласкает взглядом.
Когда ж он душу ей отдаст, —
То холодом его обдаст.
Я тоже с ней не расставался —
Её речами обольщался.
Но вот — обманут я опять. —
Нельзя никак ей доверять!
Зачем она ко мне явилась.
Покорности моей добилась? —

Я снова в битве побеждён,
Во тьму сомнений погружён...

36

Харибда — в греческой мифологии чудовище в виде страшного водоворота, трижды в день поглощающего и извергающего чёрные воды узкого пролива, на другом берегу которого в пещере обитает другое чудовище — шестиглавая Скилла.

37

Определение взято из книги “О *любви”* (автор: Андрей Капеллан).

38

Цицерон, трактат *“О старости”*. Цицерон, Марк Туллий (3.01.106 — 7.12.43 до н.э.) — древнеримский политический деятель, оратор, писатель. Из сочинений Цицерона сохранилось 58 речей, 19 трактатов и более 800 писем.

39

Денье (лат denarius) — старинная французская монета из золота, серебра или биллона (низкопробного серебра).

40

Цицерон, трактат *“О дружбе”*.

41

Мюид — мера сыпучих тел. Мюид составлял в Париже примерно 268 литров.

42

Пифагор (ок. 580 — 500 гг. до н.э.) — древнегреческий математик и философ. Основал так называемый пифагорейский союз, который был одновременно философской школой, политической партией и религиозным братством. Достоверных сведений о жизни и деятельности Пифагора не сохранилось.

43

Боэций, Аниций Манлий Северин (480 — 525 гг.) — выдающийся философ Средневековья. Боэций занимал высшие государственные должности и прославился не только как философ, но и как выдающийся дипломат. Он был консулом, исполнял обязанности начальника канцелярии при дворе Теодориха, короля остготов. В 524 г. он был осуждён и вскоре казнён по обвинению в действиях “в ущерб императорской власти”. Самой знаменитой работой Боэция является трактат “Утешение Философией”, написанный им во время его включения перед казнью.

44

Грев — площадь в Париже, расположенная на берегу Сены. (Вероятно, происх. от фр. *“grève”* — песчаный пляж на берегу моря, реки).

45

Ланглуа считает Сен-Марсель названием квартала мясников.

46

Дедал (буквально — *“искусный”)* — в греческой мифологии внук афинского царя Эрехфея и сын Метиона, по другой версии, сын Эвпалма и внук Метиона. Изобретатель столярных инструментов и мастерства, искуснейший архитектор и скульптор. На Крите Дедал построил по поручению Миноса лабиринт для чудовищного Минотавра, рождённого женой Миноса Пасифаей от быка. Ариадне он устроил площадку для плясок. Дедал помог Ариадне освободить из лабиринта Тесея: найти выход с помощью клубка ниток. Узнав о его пособничестве бегству Тесея и его спутников, Минос заключил Дедала вместе с сыном Икаром в лабиринт, откуда их освободила Пасифая. Сделав крылья (склеив перья воском), Дедал вместе с сыном улетели с острова. Икар, поднявшись слишком высоко, упал в море, т.к. солнечный жар растопил воск.

47

Сократ (470/469 — 399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. Родился и жил в Афинах, своё учение проповедовал на улицах и площадях, сам ничего не писал. Его учениками были Платон, Ксенофонт, Алквиад, Критий. Был обвинён в “безбожии” и “совращении молодёжи”. По приговору суда выпил яд и умер.

До нас дошла история о том, что накануне знакомства с Платоном, которое произошло примерно в 407 г. до н.э. Сократу приснился лебедь, который, посидев у него на груди, взлетел с пением ввысь. И когда на следующий день состоялась встреча с юным Платоном, Сократ, вспомнив про сон, восторженно заметил: “Вот мой лебедь!” Лебедь считался священной птицей Аполлона, и Сократ рассматривавший своё философствование как служение этому богу, истолковал происшедшее Как божественное знамение и вещее указание на появление среди его слушателей нового служителя Аполлона и достойного преемника.

48

В оригинале употреблено старофранцузское слово *“les coilles”* — просторечное название мужских половых органов.

49

Тит Ливий, “*История Рима от основании города*” (III, 44 — 58). Ливий, Тит (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.) — древнеримский историк. В начале 30-х годов 1 в до н.э. приступил к работе над “Римской историей от основания города”, которую писал около 45 лет и в которой погодно изложил всю историю Рима от легендарного основания города. Из 142 книг “Римской истории” сохранилось 35.

50

В истории, рассказанной Титом Ливием, дочь римского гражданина, центуриона Луция Виргиния звали Виргинией.

51

Лукан, Марк Анней (39 — 65 гг.) — римский поэт. Историко-эпическая поэма Лукана “Фарсалия”, оставшаяся неоконченной, посвящена гражданской войне в Риме в середине 1 в. до н.э.

52

Лукан, *“Фарсалия, или Поэма о гражданской войне”* (VIII, 494).

53

Гораций Флакк, Квинт (65 — 8 г.г. до н. э.) — римский поэт. Творчество Горация разнообразно по жанрам и темам.

54

Гораций, “*Сатиры*” 1, II, 23 — 25.

55

Солин, Юлиус — вероятно, нач. 4 в. до н.э. Автор сочинения, озаглавленного *“Polyhistor”*, представляющего собой извлечение из географии, составленной по естественной истории Плиния.

56

Гераклит Эфесский (ок. 530 — 470 гг. до н.э.) — древнегреческий философ. В огне видел единую и всеобщую основу всех явлений природы. Удалился от государственных дел, посвятил себя вполне науке и жил в уединении, занимаясь только философией.

57

Диоген Синопский (404 — 323 гг. до н.э.) — древнегреческий философ-киник.

58

Пересказывается отрывок из сочинения “*Антиклавдиан*”, автор Алан Лилльский (1114 — 1203 г.г.), епископ Осерский (Бургундия).

59

Речь идет о трактате Боэция “*Утешение Философией*”.

60

Клавдиан, Клавдий (ум. 404) — древнеримский поэт, один из последних представителей античной культуры. Родом грек из Александрии. С 395 г. жил в Риме, блестяще овладел латинским языком.

61

Светоний. *“Нерон”* (книга VI из сочинения *“Жизнь цезарей”).* Светоний Транквилл, Гай (ок. 70 — после 122 гг.) — римский историк и писатель. Из многочисленных сочинений Светония целиком дошли до нас только “Жизнь цезарей” (в 8 кн.) и часть из большого труда “О грамматиках и риторах”.

62

В действительности Нерон правил 14 лет (54 — 68 гг. н.э.).

63

Крёз — царь лидийский из династии Мермиадов, наследовал своему отцу в 560 г. до н.э. (по др. источникам — в 571 или 557 г. до н.э.).

64

После смерти Конрада IV в 1254 г. Сицилийское королевство перешло в руки старшего из незаконнорожденных сыновей Фридриха II, Манфреда, наместника Сицилии во время правления Конрада IV. Манфред нал в битве с вторгшимся в Сицилию в 1266 г. Карлом Анжуйским, захватившим после гибели Манфреда сицилийский престол.

65

В 1226 г. Людовик VIII, по завещанию, оставил Анжу и Мэн самому младшему из своих сыновей, Карлу, который в 1246 году и стал главой дома Анжуйской династии. К её владениям в 1246 г. также присоединился Прованс. В 1266 г. Карл Анжуйский стал королём Сицилии.

66

В 1268 г. по приказу Карла Анжуйского был казнён последний законный отпрыск рода Штауфенов — швабский герцог Конрадин, едва вышедший из отроческого возраста. После неудачной попытки отвоевать Сицилийское королевство он был захвачен в плен и обезглавлен. За смерть Манфреда и Конрадина отомстил Педро III Арагонский, завоевавший Сицилию в 1282 г.

67

Имеется в виду двоюродный брат Карла Анжуйского Генрих Кастильский, который не был казнён с Конрадином только потому, что спрятался в монастыре Монте Кассино: аббат согласился его выдать только при условии, если ему будет сохранена жизнь. Он был брошен в тюрьму, где находился 25 лет, пока в 1293 году ему не удалось совершить побег. Иначе бы ему пришлось там быть пожизненно, или он был бы казнён сразу после смерти аббата.

68

Речь идёт о книге “*Поликратика”*, написанной в конце XII века Жаном Солсберийским (1110 — 1180 г.г.), учеником Абеляра, епископом Шартра.

69

Сарацины — название, данное в начале христианской эры арабам.

70

Сисигамбида — мать Дария III Кодомана, царя в Древней Персии в 336-330 гг. до н.э.

71

Гекуба — в греческой мифологии жена Троянского царя Приама.

72

Гомер — легендарный древнегреческий поэт, которому приписывают создание величайших произведений античной и мировой литературы “Илиады” и “Одиссеи”. Уже в древности время жизни Гомера датировали по-разному: от Троянской войны (нач. 12 в. до н.э.) вплоть до 7 в. до н.э.

73

Гомер. “*Илиада*”. (XXIV. 527 — 528).

74

Сетье — старинная мера жидкостей и сыпучих тел. В разных областях эта мера была разной. Например, в Париже сетье для жидкостей составлял 0,54 литра.

75

См. 5540.

76

Птолемей, Клавдий (ум. ок. 168 н.э.) — знаменитый древнегреческий учёный. Провёл большую часть жизни в Александрии, где в 127 — 151 гг. проводил астрономические наблюдения. Основное сочинение Птолемея по астрономии — “*Великое математическое построение астрономии в 13 книгах*”. Ещё в древности этот трактат стали называть “*Мэгистэ*”. откуда произошло арабизированное название “*Альмагест*”.

77

Автор ссылается на знаменитый сборник *“Дионисия Катона Краткие правила и двустишия”*, составленный неизвестным автором, как полагают, в III или IV вв., который дополнялся и позднее. Вот строка Катона: *Virtutem primam esse puta compescere linguam* (лат.).

78

Платон (прозвище от греч. “*широкий*”, настоящее имя — Аристокл) (427 — 347 гг. до н.э.) — древнегреческий философ. Основал в Афинах шкалу, получившую название “Академии”. От Платона дошли до нас многочисленные философские произведения, написанные в форме диалогов, и собрание писем.

79

"Тимей" — одно из сочинений Платона.

80

Строки, по мнению некоторых исследователей, в частности, Э.Ланглуа, являются интерполяцией, то есть позднейшим включением в *“Роман о Розе”*.

81

См. 5540.

82

В оригинале употреблены слова “*coillon*” и “*vit*”. означающие мужские половые органы.

83

Начиная с этих строк, Жан де Мён пишет по мотивам книги Овидия *“Наука любви”* (кн. I).

84

Приводим *Вариант II* этого неоднозначного отрывка:

Порою можно и иначе
Добиться в крепости удачи:
[Коль строгий неподкупен страж
И дар отвергнут щедрый Ваш, —
Есть тактика ещё другая
(Она такая же простая)]:
На время вовсе прекратить
В обитель Розы приходить
[И этим самым показать,
Что стражам Вас придётся звать].
Коль бесполезны все попытки,
Коль обрекают Вас на пытки, —
Поступок нужен волевой:
К охранникам стоять спиной.
[Вы равнодушье разыграйте,
Служить охране перестаньте:]
Когда-нибудь они поймут,
Что розы все без Вас умрут.
Так стражи Вам узнают цену,
Преодолеете Вы стену.
И вскоре, чтоб Вас пригласить,
Готовы будут заплатить!

85

Триктрак, или игра в “таблички” — игра с набором костей и табличек из дерева и слоновой кости. Изображение мужчин и дам, играющих в таблички, встречается на виньетках рукописей XII — XV веков.

86

Роланд — главный герой французской поэмы XII века *“Песнь о Роланде”*, величайшего памятника французского героического эпоса.

87

Карл Великий (ок. 742 — 814 гг.) — король франков с 768 г., император с 800 г., крупнейший представитель династии Каролингов. В пределах империи Карла Великого оказался объединённым почти весь западный христианский мир. От латинской формы его имени Carolus впоследствии возникло слово “*король*”. Столицей империи Карла Великого был город Аахен.

88

Германия в VIII веке вошла в состав империи Карла Великого: в 773 — 774 годах он завоевал государство Лангобардов, в 775 году покорил Саксонию, а в 788 — присоединил к своему королевству также Баварию.

89

Тесей — в древнегреческой мифологии сын бога Посейдона и дочери царя Арголиды Питфея Эфры, герой. Согласно легенде, Тесей помогал своему ближайшему другу Пирифою добыть себе в жёны богиню царства мёртвых Персефону. Этим поступком Тесей переступил меру возможного, установленную богами для героев, и тем самым стал ослушником. Он так бы и остался в аиде, где навеки был прикован к скале Пирифой, если бы не Геракл, который спас Тесея и направил его в Афины.

90

Ветхий Завет. “Книга *Притчей Соломоновых*” (VI. 9 — 11; XIX. 7). Соломон — третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 — 928 гг. до н.э.). изображается в ветхозаветных книгах величайшим мудрецом всех времён, герой многих легенд. Его отец — царь Давид, мать — Вирсавия. В средневековой литературе Соломон — премудрый, справедливый царь, повелитель духов. Соломону приписывают ряд произведений, вошедших в Библию (“Книга притчей”, “Песнь песней”). Основной источник сведений о Соломоне “Третья книга царств” и “Паралипоменон”.

91

По мнению Э. Ланглуа, интерполяция.

92

Бальи — должностное лицо в средневековой Франции, которое по поручению короля или сеньора ведало управлением какой-либо области (бальяжа). На юге Франции бальи и бальяжу соответствовали сенешаль и сенешальство.

93

Ювенал, Децим Юний (ок. 60 — ок. 140 гг.) — римский поэт-сатирик.

94

Ювенал. “*Сатира VI*”, (53 — 54).

95

Валет (фр. *"valet")* — здесь и далее употребляется в значении *"слуга"* или *"кавалер"*.

96

Мотет с XII века стал распространённым музыкальным жанром на протяжении нескольких столетий. В основе мотетов лежали известные напевы (церковные или светские). к которым композитор присочинял ещё один, два или три голоса.

97

Фаблио — небольшие, чаще юмористические рассказы, один из основных жанров литературы в Средние Века.

98

Имеется в виду книга “*Метаморфозы*” Овидия или “*Утешение Философией”* Боэция.

99

Фризы (фр. *Frise)* — Фрисландия: провинция на севере Голландии.

100

Сюрко — женский жилет, заменяющий плащ.

101

Теофраст (подлинное имя Тиртам) (372 — 287 гг.до н.э.) — древнегреческий философ и естествоиспытатель, один из первых ботаников древности. Вместе с Аристотелем учился у Платона, стал ближайшим учеником и последователем Аристотеля. «За выдающееся красноречие был назван им Теофрастом “божественным оратором”. После смерти Аристотеля руководил Ликеем.

102

Сочинение Теофраста *“Ореол”*. или *“Золотая Книга”* до нас не дошло.

103

Пенелопа — в греческой мифологии супруга Одиссея. Явившись в Спарту в числе претендентов на руку царицы Елены, Одиссей предпочёл взять в жёны её двоюродную сестру Пенелопу (По одной версии, получил Пенелопу в жёны в качестве награды за победу в беге, по другой — отец Елены Тиндарей убедил Икария выдать Пенелопу за Одиссея). Имя Пенелопы стало символом верной жены, преданно ожидающей возвращения мужа.

104

Лукреция — по римской исторической традиции знатная римлянка, жившая в 6 в. до н.э. Согласно рассказу, переданному историком Титом Ливием, Лукреция была обесчещена родственником её мужа Секстом, сыном римского царя Тарквиния Гордого, и лишила себя жизни, призвав перед смертью к отмщению. Это послужило поводом к восстанию, завершившемуся изгнанием последнего царя — Тарквиния — и установлением республики в Риме.

105

Валерий — псевдоним, которым подписал книгу *“Dissuasio Valerii ad Rufinum philosophum ne uxorem ducat”* Готье Мап (род. в 1137 г.).

106

Ювенал, *“Сатира VI”* (47 — 51).

107

Фороней — в греческой мифологии сын бога Инаха и нимфы Мелии. Первый человек, живший в Пелопонесе, его царь, научивший людей жить сообществами и пользоваться ремёслами.

108

Об этом пишет Пьер Абеляр в своей автобиографической книге “Жизнь”, или “*История моих бедствий”*. *Абеляр*, Пьер (1079 — 1142 гг.) — французский средневековый философ, богослов и поэт. Автор множества теологических сочинений. Католическая церковь не раз осуждала его учение, проникнутое сопротивлением её авторитету, запрещала ему читать лекции и иметь учеников.

109

Параклет (греч. *“paraklêtos”)* — Святой Дух.

110

Аржантейль — небольшой город на Сене. Здесь имеется в виду женский монастырь в Аржантейле.

111

Сен-Дени — бенедиктинское аббатство близ Парижа, с XIII в. усыпальница французских королей. Названо по имени св. Дионисия Ареопагита (ученика св. апостола Павла), мощи которого перенесли туда в 626 г.

112

Святой Леонард Лимузинский.

113

Покрывало — в Средние Века деталь женского костюма (XII — XIV вв.) Покрывало надевали на голову, оно накрывало волосы, иногда лоб, ниспадало на плечи, а поверх него часто накидывался верхний плащ. Покрывала изготовляли из тонких материй. Замужние женщины покрывали голову дорогими покрывалами.

114

Алк(и)виад (ок. 450 — 403 гг. до н.э.) — афинский политический деятель и полководец, воспитанник Перикла, ученик Сократа. Славился своей красотой.

115

Боэций, *“Утешение Философией”* (кн. III, проза 8, 10).

116

Линкей — в древнегреческой мифологии один из аргонавтов, плававших под предводительством Ясона за Золотым Руном. Обладал зрением сверхчеловеческой остроты: видел под землёй и водой.

117

Вергилий, Публий Марон (70 — 19 гг. до н.э.) — римский поэт. Наибольшую славу ему принесла эпическая поэма *“Энеида”*, повествующая о бегстве из Трои, странствиях, прибытии в Италию и победе над латинами Энея — легендарного родоначальника римского рода Юлиев, сына Венеры и Анхиза.

118

Вергилий, *“Энеида”* (VI. 563).

119

Кам(е)лот — плотная шерстяная или полушерстяная ткань.

120

Ювенал, *“Сатира VI”* (133 — 5).

121

По мнению Ланглуа, интерполяция.

122

Геркулес — герой в римской мифологии. Соответствует греческому Гераклу — герою, принятому за подвиги в число богов.

123

Самсон — один из ветхозаветных судей, прославившийся огромной физической силой.

124

“*set piés de lone”:* имеется в виду единица измерения длины, равная ступне, как например, английский “*фут”*, равный 0.3048 м.

125

Деянира — в греческой мифологии супруга Геракла, родившая от него четырёх сыновей и дочь. При переправе Геракла и Деяниры через реку Эвен кентавр Несс посягнул на ехавшую на нём верхом Деяниру. Геракл поразил Несса стрелой из лука, и тот, умирая, посоветовал Деянире собрать его кровь, т.к. она якобы поможет сохранить ей любовь Геракла. Когда Геракл собрался жениться на захваченной им другой женщине — Иоле, Деянира пропитала кровью Несса хитон и послала его мужу. Однако кровь Несса, погибшего от смазанной желчью лернейской гидры стрелы, превратилась в яд, от которого погиб Геракл. Узнав о случившемся, Деянира закололась мечом.

126

В XII — XIII веках большое распространение получила мода на колокольчики и бубенчики, пришитые к одежде. Пользовались ими как дамы, так и мужчины, причём последние долго не расставались с этой модой вплоть до XIV века.

127

Дорида — супруга Нерея, морского божества.

128

Нереиды — дочери Нерея и Дориды, прекрасные нимфы моря. Гесиод их насчитывает 50, а Гомер — 34. Они живут в глубине моря в замке старика отца и заняты работой на золотых прялках. Нереиды помогают морякам при плавании по опасным местам.

129

Лаверна — у римлян богиня-покровительница воров. (В некоторых копиях: *Таверна).*

130

Автор пишет по мотивам книги Овидия *“Наука любви”* (кн. II).

131

Ветхий Завет, “Книга Екклезиаста, или Проповедника” (VII. 28 — 29).

132

Далее в оригинале следуют 16 строк, которые сам издатель, Д. Пуарьон, считает интерполяцией, чуждой по идейной направленности авторскому замыслу:

(Знаком мне больше Накопитель —
Богатство любящий родитель.
Живёт она за счёт отца,
А не за счёт того юнца.
Отец Богатство обожает,
Своей заботой окружает;
И всё, чем тешится она,
Даёт отцовская казна.
О, сколь отцом любима дочка! —
Купил он даже ей сыночка:
Его Сокровищем назвал,
А друг ее — не ревновал.
Его и слухи не волнуют,
Ни капли не интересуют.
Не знаю, как его зовут, —
Его впервые вижу тут.)

133

Церера — древнейшая италийская и римская богиня, производительница сил земли, произрастания и созревания злаков.

134

Триптолем — в греческой мифологии сын элевсинского царя Келея, герой, которому Деметра подарила золотую колесницу с крылатыми драконами. Разъезжая по всему свету. Триптолем засеял землю и обучил этому людей.

135

В оригинале игра слов: *“fou” — “сумасшедший”* и *“un fou” — 1. “бук”: 2.“слон”* (название одной из шахматных фигур). В данном переводе выбран образ шахматной игры, хотя в Средние Века фигура “слон” называлась “aufin”. т.е. “офен”. Шахматы изготовляли из ценных материалов, таких как эбеновое дерево, слоновая кость, мрамор, серебро, золото.

136

Вариант II: Любезность оказалась здесь.

137

Галерея — узкое крытое помещение, соединяющее части здания, а также длинный балкон вдоль здания. В XIII веке уже появились деревянные или каменные навесные галереи для лучников вокруг башен. Они могли располагаться как на вершине стен, так и непосредственно над входом.

138

Тибулл, Альбий (ок. 50 — 19 гг. до н.э.) — римский поэт.

139

Катулл, Гай Валерий (ок.84-54 гг. до н.э.) — древнеримский поэт.

140

Публий Овидий Назон (43 г. до н.э. — ок. 18 г. н.э.) — римский поэт, написавший любовные элегии, послания, дидактические поэмы *“Наука любви”*, *“Средства от любви”*, мифологический эпос *“Метаморфозы”* и *“Фасты”*.

141

Клопинель — прозвище Жана де Мёна. *Клопинель,* или *Шопинель* — букв, *"хромой"* (от фр. *"clopiner" — "ковылять", "прихрамывать"* или *"chopper" — "спотыкаться").* прозвище Жана де Мёна, второго автора "Романа о Розе".

142

Вариант II:

Любезность с Щедростью пойдут
Старуху в крепости найдут,
Что доброго юнца тиранит —
Прекрасного Приёма ранит.

143

Ливр — старинная французская монета.

144

Стикс — в греческой мифологии божество одноимённой реки в царстве мёртвых. Во время раздора богов по приказу Зевса произносятся клятвы над водой Стикс. Бог, нарушивший клятву, год лежит бездыханным, девять лет живёт вдали от Олимпа и только на десятый год возвращается в сонм олимпийцев. Клятва водой Стикс — самая страшная.

145

В оригинале употреблено слово *"piment"*, означающее напиток, который состоял из вина, мёда и специй.

146

Тибер, Белин, Изенгрин — персонажи *“Романа о Лисе”*, который составлялся рядом авторов на протяжении почти полутора веков (XII — XIII вв).

147

Протей — в древнегреческой мифологии морской старец, обладающий способностью превращаться.

148

Каноник — священник католической церкви, живший при больших соборах и подчинённый определённому уставу, но не давший монашеского обета.

149

Прелат — титул, дававшийся в раннем Средневековье лицам из высшей магистратуры, а в более позднем времени — членам высшей иерархии Римской Церкви, обладавшим юрисдикцией, т.е. епископам, архиепископам, кардиналам, легатам, настоятелям крупнейших монастырей и старшим чинам папского двора.

150

Далее в издании Д.Пуарьона следуют 134 строки, которые Э. Ланглуа считает интерполяцией, хотя они фигурируют во многих манускриптах. В этом отрывке содержится едкая сатира на нищенствующие монашеские ордена. Здесь этот отрывок не приводится.

151

Ветхий Завет, *“Книга Притчей Соломоновых”* (XXX, 7-9).

152

Жан де Мён использует сочинение *“Tractatus de Periculis”* Гийома де Сент-Амура (1256), (гл. XII).

153

Юстиниан Великий (482/ 483 — 565) — император с 527 г. в Византии. Получил блестящее образование благодаря своему дяде Юстину I. был приближен к императорскому двору. Вступив на престол, стремился к восстановлению былого могущества и прежней территории Римской Империи. Его законодательные и административные реформы вели к упрочению византийского государства.

154

Павел — в христианской традиции “апостол язычников”, не знавший Иисуса Христа во время Его земной жизни и не входивший в число 12-ти апостолов, но в силу особого призвания и чрезвычайных миссионерско-богословских заслуг почитаемый как “первопрестольный апостол” и “учитель вселенной” сразу после Петра и вместе с ним. Павел происходил из рода Вениамина, он наследственный римский гражданин, с чем связано его римское имя. Павлу приписывается авторство 14-ти посланий, входящих в *Новый Завет*.

155

Речь идёт о трактате Августина “*О деяниях монахов”*.

156

Августин, Аврелий (354 — 430 гг.) — теолог и философ, представитель латинской патристики. Из его многочисленных произведений, затрагивающих все сферы богословия, наиболее известны “Исповедь” в 13 кн. и “О Граде Божьем” в 22 кн.

157

Речь идёт о книге “*Tractatus de Periculis*” (автор Гийом де Сент-Амур), появившейся в 1256 году.

158

Новый Завет, Евангелие от Матфея, XXIII, 2 — 8.

159

Фиеф (Фьеф) — то же, что *“феод”* или “лен”, в Западной Европе в эпоху феодализма земельное владение (реже какой-либо другой источник дохода), которое вассал получал от сеньора на условии несения службы; с XII века наследственное.

160

Пребенда — земельные владения и дома церквей и монастырей.

161

Официал — должностное лицо католической церкви.

162

Лье — старая французская мера длины, равная 4,5 км.

163

Имеется в виду 1255-й год.

164

Имеется в виду книга “*Evangelium Eternum*” Жерара де Борго.

165

Нотр-Дам — готический собор, построенный в Париже на месте пятинефной церкви IV в. Строительство собора длилось с 1163 по 1320 г. собор стал не только шедевром готического искусства, но и душой города, местом многих исторических событий.

166

Клирики — духовные лица, члены церковной иерархии.

167

Голенища — имеются в виду кожаные наголенники, которые скрывали ногу от лодыжки до колена, шнуровались или застёгивались на пуговицы с внешней или задней стороны ноги.

168

Апокалипсис — одна из книг *Нового Завета*, содержащая мистические пророчества о конце мира.

169

(Брат) Сигер, или Сэйер — в манускрипте “*frere Saier*”. Непонятно, о ком идёт речь.

170

В тексте романа здесь употреблено слово "*Jacobin"*, т.е. "*иаковинец"*. Оно происходит от латин. *“Jacobus”* и является синонимом слова *“доминиканец”*, т.е. член доминиканского ордена (у церкви святого Иакова в Париже доминиканцы построили свой первый монастырь). Одежда католических монахов не была целиком чёрной, чёрной могла быть какая-то её часть. Например, одежда доминиканцев состояла из белой рясы с белым капюшоном. Выходя на улицу, они надевали сверху чёрную мантию с чёрным капюшоном. Одежда августинцев состояла из белого шерстяного подрясника с наплечником, чёрной рясы с длинными широкими рукавами, капюшона и кожаного пояса. А кармелиты первое время одевались в плащи с белыми и чёрными или бурыми полосами, в честь плаща пророка Илии, по преданию имевшего следы ожогов от падения с огненной колесницы. Позже кармелиты стали одеваться так же, как и доминиканцы, только рясы их были чёрного цвета, а плащ — белого.

171

Кармелиты — орден кармелитов ведёт своё начало от Бертольда Колабрийского, основавшего общину отшельников у источника святого Илии на горе Кармель около 1156 года. В 1209 году патриарх Альбрехт Иерусалимский написал очень строгий устав ордена, через 15 лет утверждённый римским папой Гонорием III. Кармелиты должны были жить в отдельных кельях, вообще не есть мяса, постоянно молиться или заниматься рукоделием, некоторое время проводить в совершенном молчании.

172

Францисканцы — нищенствующий монашеский орден, основанный Франциском Ассизским, итальянским религиозным деятелем. Его настоящее имя — Джованни Бернардоне (1181 — 1226 гг.). Происходил из купеческой семьи. Отказался от богатства и посвятил себя проповеди евангельской бедности. В 1221 г. папа Гонорий III утвердил правило ордена францисканцев, в 1223 г. оно было заменено другим.

173

Вариант II:

Любезность с Щедростью пришли
И к “пилигримам” подошли,

174

Альгус — Хорезми, Мухаммед бен Муса, узбекский математик и астроном IX в. Его алгебраический труд “Книга о восстановлении и противопоставлении” в латинском переводе в XII веке долгое время служила основным руководством по алгебре в странах Европы. Имя аль-Хорезми (латинизированное Algorithmi) вошло в математику как “алгоритм”.

175

Автор следует книге Овидия “*Наука любви*” (кн. I).

176

Эней — в греко-римской мифологии сын троянца Анхиса и Афродиты, муж Креусы. После захвата греками Трои Эней с сыном и родственниками покинул по совету матери город и вынес парализованного отца, но при этом он потерял Креусу. В Делосе он, повинуясь предсказанию оракула, принял решение отправиться в страну своих предков Италию. Посланная Эолом буря прибила его корабли к берегам Карфагена. Царица Карфагена Дидона влюбилась в него. Но тщетно она пыталась задержать Энея у себя. Верный своему решению, Эней покинул Карфаген. Дидона не вынесла разлуки, велела приготовить костёр, взошла на него и убила себя мечом, подаренным ей Энеем.

177

Демофоон, или Демофонт — афинский царь, сын Тесея и Федры. Возвращаясь из-под Трои, Демофонт пристал к Фракии, где женился на царской дочери Филлиде. Она подарила ему ларец со святынями Матери Реи, который ему разрешалось открыть, когда он потеряет надежду вернуться к жене. Демофонт поселился на Кипре и не вернулся к Филлиде. Она прокляла его и покончила с собой. Когда Демофонт открыл ларец, то в ужасе вскочил на коня, во время бешеной скачки упал, наткнулся на свой меч и погиб.

178

Парис — в древнегреческой мифологии один из многих детей троянского царя Приама (по словам Гомера, у Приама было пятьдесят сыновей и столько же дочерей), сын Гекубы.

179

Энона — нимфа. Восхищённая красотой Париса, согласилась стать его женой. Обладая даром прорицания, она предсказала Парису гибель всей его семьи и страшное бедствие для его отечества, если он не откажется от своего намерения похитить Елену.

180

Овидий, “*Героиды*” (V, 21 — 32).

181

Елена — в греческой мифологии спартанская царица, прекраснейшая из женщин. Отцом Елены античная традиция называет Зевса, матерью — Леду или Немесиду. Похищение Елены Парисом, сыном троянского царя Приама, привело к развязыванию знаменитой троянской войны.

182

Овидий, “*Метаморфозы*” (VII).

183

В Средние Века ели руками, по несколько человек из одной чашки.

184

Вергилий, *“Энеида”* (V, 833 — 71). Палинур — в римской мифологии спутник и кормчий Энея.

185

Канцлер — в Средние Века сановник, редактировавший государственные акты, прикладывавший к ним печать и хранивший государственный архив.

186

Имеется в виду шкаф, устроенный в стене.

187

Изложено по книге Овидия “*Наука любви*” (II,561—600).

188

Авессалом — в Ветхом Завете сын Давида и Маахи. Был красивейшим из сынов Иуды, отличался своими длинными волосами, о которых тщательно заботился.

189

Гораций. “*Сатиры*” (I, III, 107 — 110).

190

У Горация употреблено латинское слово “cunnus”, обозначающее женский половой орган.

191

Гораций, “*Послания*”, (12, 10).

192

Возвращение к теме строк 13817 — 13828.

193

Аргос, или Аргус — в греческой мифологии великан, сын Геи — Земли. На теле Аргуса было сто глаз, причём согласно легенде, спали одновременно только два. Гера приставила неусыпного Аргуса стражем и пастухом к Ио, возлюбленной Зевса, превращённой в корову. По приказу Зевса Аргус был убит Гермесом, предварительно усыпившим его игрою на свирели и рассказом о любви Пана к наяде Сиринге.

194

Некромантия — вызывание духов умерших, предсказывающих будущее.

195

Баленус, или Баленас — имя некоего арабского мага.

196

Улисс — латинская форма греческого имени Одиссей. Герой древнегреческого эпоса, царь острова Итака. После разрушения Трои долгое время странствовал, возвращаясь в отечество. На острове Ээе волшебница Цирцея, дочь Гелиоса и Персеи, обращает его спутников в свиней. Но против Одиссея её чары оказались бессильны, поскольку Гермес дал ему растения, предохраняющие от волшебных чар. Одиссей приказывает Цирцее вернуть его спутникам человеческий облик. Они прожили на этом острове целый год в довольствии и веселье, пока наконец спутники Одиссея не напомнили ему об отъезде. Но Цирцея прежде даёт герою наставление отправиться через океан на далёкий Запад, чтобы там в рощах Персефоны, в преддверии ада, спросить душу Тиресия о том, как ему достигнуть отечества. Одиссей исполняет это и возвращается на остров Цирцеи, которая указывает ему дальнейший путь, сообщает средства избавления от опасности и посылает попутный ветер.

197

Презентовать — (от фр. “un *présent*” “*подарок*”)*:* глагол ранее употреблялся в буквальном значении “*дарить*”.

198

В этот отрывок можно вложить разный смысл. Приводим *Вариант II* перевода:

Уверить вас хочу я в том,
Что надлежит мне стать рабом.
[У вас на службе буду я,
Коль не прогоните меня.
Так, арестуйте же меня вы,
И будете вы в этом правы:
Ведь если бы я вором был
Иль если бы кого убил
И сам просил о заключеньи, —
Попал бы тут же в заточенье.
Меня бы ведь не стали гнать,
Иль просто так освобождать.
Когда б я сам и не признался
И если б судьям я попался, —
Меня закрыли бы в тюрьму,
Навеки обрекли б на тьму!]
Меня с Приёмом вы закройте —
От света белого сокройте.
Исполнить буду счастлив тут
Я службу всю, что мне дадут.
А коль не буду я справляться,
Иль сам начну вдруг уклоняться
От слова, что даю я вам, —
То из тюрьмы уйду и сам.
И коль меня в непослушаньи
Вдруг упрекнут без основанья, —
Тогда согласен я уйти
И наказанье понести.
И был бы даже я доволен
Однажды снова быть на воле,

Когда б вам неугоден был,
Когда б вас чем-то оскорбил.
Тогда меня вы прочь гоните
И на скитанья обреките!
Хоть ошибиться может всяк,
Иль примут за вину пустяк, —
Пусть кару я тогда узнаю
И вам в угоду пострадаю.
И буду я готов тогда
Приёма бросить навсегда;
Хоть со стены меня кидайте,
Хоть с лестницы крутой толкайте!..

199

Саллюстий, Гай Крисп (86 — ок.35 гг. до н.э.) — римский историк. Из его сочинений до нас дошли письма к Цезарю, монографии “О заговоре Катилины” и “Югуртинская война”, во фрагментах “История” в 5 кн., охватывающая события 78 — 66 гг. до н.э. в Риме.

200

Саллюстий. “О *заговоре Катилины”* (3).

201

Гораций. *“Наука поэзии”* (333 — 334).

202

Последующие 4 строки, заключённые в квадратные скобки. Э. Ланглуа считает интерполяцией.

203

Ренуар(т) — герой эпического цикла о Гийоме Оранжском.

204

История, рассказанная Вергилием: *“Энеида”* (VIII, 193 — 267).

205

Автор, быть может, путает остров Киферу с горой Киферон.

206

Изложено по книге Овидия “*Метаморфозы” (*X).

207

Гален, Клавдий (129 — 201 гг) — римский врач и естествоиспытатель, классик античной медицины.

208

Ар-Рази (латинизированное Разес) (865 — 925 или 934) — иранский учёный-энциклопедист, врач и философ Абу Бакр Мухаммед бен Закария. Оставил труды по философии, этике, теологии, логике, медицине, астрономии, физике и алхимии. Его труды были переведены на латинский язык в Европе в X — XIII вв.

209

Гиппократ (ок. 460 — 377 гг до н. э.) — выдающийся врач Древней Греции, один из основателей античной медицины.

210

Константин — здесь, возможно, имеется в виду Константин I Великий (ок. 285 — 337 гг), римский император с 306 г., основавший в 324 — 330 гг новую столицу Константинополь на месте г. Византий.

211

Авиценна — Ибн Сина (ок. 980 — 1037 гг) учёный, философ, врач, музыкант. Жил в Средней Азии и Иране, был врачом и визиром при разных правителях. Трактаты Ибн Сины были необычайно популярны на Востоке и Западе. Его энциклопедия теоретической и клинической медицины выдержала множество латинских изданий.

212

Феникс — волшебная птица. Место её происхождения связывают с Эфиопией: считалось, что название ей дали ассирийцы. Феникс живёт 500 лет (варианты: 1460 лет или 12954 года), имеет вид орла и окраску красно-золотых и огненных тонов. Предвидя свой конец. Феникс сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новый феникс. Легенда о Фениксе встречается в бестиариях Средневековья (сборниках описаний и аллегорических толкований реальных и фантастических животных, растений и камней). Многочисленные рукописи средневековых бестиариев восходят к греческому “Физиологу”, составленному неизвестным греческим автором до сер. II в., вероятно, в Александрии.

213

Алхимия — в Средние Века наряду с астрологией и каббалой одно из магических искусств, основная цель которого — превращение неблагородных, “несовершенных” металлов в благородные — золото и серебро. Осуществление этого считалось возможным при помощи особого вещества — “философского камня”.

214

Ф. Лекуа считает, что здесь имеется в виду первичная материя алхимиков.

215

Имеется в виду книга Винсента Бовесского *“Speculum Naturale”*.

216

Аристотель (384 — 322 гг. до н.э.) — древнегреческий философ и учёный. В 17 лет приехал в Афины и вступил в “Академию” Платона, в которой оставался 20 лет (сначала ученик, затем преподаватель). После смерти Платона открыл в Афинах свою школу, где сложилась его философская система. В 343 г. стал воспитателем Александра Македонского. В 330 г. вернулся в Афины, основал Ликей, где учил 12 лет. Литературное наследство Аристотеля огромно.

217

Евклид (ок. 365 — 300 гг. до н.э.) — выдающийся греческий математик, работавший в Александрии.

218

Пигмалион — в греческой мифологии скульптор, живший на Кипре. Возмущённый развращённостью кипрских женщин, решил остаться одиноким на всю жизнь. Сделал из слоновой кости статую, в которой воплотил образ идеальной женщины. Он влюбился в неё и умолил Афродиту оживить эту статую, которая стала его женой.

219

Апеллес — выдающийся мастер греческой монументальной живописи 2-й половины IV века до н.э. Стал придворным художником Александра Македонского. Произведения Апеллеса не сохранились.

220

Паррасий из Эфеса — древнегреческий живописец 2-й половины 5 в. до н. э. Мастерски передавал объём, стремился выразить физическое страдание и душевные эмоции.

221

Мирон — великий древнегреческий скульптор аттической школы периода ранней классики (II-я четверть и середина V в. до н.э.). Прославился статуями атлетов. Его статуя метателя диска “Дискобол” дошла до нас в римских мраморных копиях.

222

Поликлет — великий древнегреческий скульптор и теоретик искусства. Деятельность Поликлета приходится на 60 — 10 гг. V в. до н.э.

223

Зевксис (Зевксид) — древнегреческий художник V — IV столетий до н. э. Работы Зевксиса не сохранились. О Зевксисе и Паррасии, в частности, существовали анекдоты о том, как Зевксис изобразил виноград до такой степени правдоподобно, что птицы прилетали клевать его, а Паррасий так верно написал в своей картине занавеску, что сам Зевксис просил художника отдёрнуть её.

224

Имеется в виду клятва, о которой идёт речь в строках 15834, 15845, 15877, 15887, 15891-15894.

225

Этот персонаж, вероятно, взят из книги средневекового автора Алана Лилльского “Жалоба Природы”.

226

Святитель — священноначальник, архиерей, епископ.

227

Вергилий. *“Энеида”* (IV, 569-570).

228

Ветхий Завет, *“Книга Притчей Соломоновых”* (XXV. 23 — 24).

229

Тит Ливий, *“История Рима от основания города”* (1,9).

230

Св. апостол Павел. *“Послание к Тимофею”* (I. VI, 10).

231

Строки, приведённые далее в квадратных скобках, Э. Ланглуа считает интерполяцией.

232

Вергилий. “*Буколики*” (III, 92-93).

233

Ветхий Завет, *“Книга Притчей Соломоновых”* (XXVII. 15: XXXI, 3).

234

Ветхий Завет. “Книга Судей Израилевых” (X VI).

235

Ветхий Завет, “*Книга Пророка Михея*” (VII, 5).

236

Отрывок навеян мотивами сочинений *“Жалоба Природы”* Алана Лилльского и *“Утешение Философией”* Боэция.

237

Коннетабль — в средневековой Франции — глава военного управления, главнокомандующий армией.

238

Викарий — (лат. “*vicarius*” — “заместитель”).

239

Стихия — в античной философии один из четырёх основных элементов природы (огонь, вода, воздух, земля).

240

Здесь Жан де Мён излагает средневековые представления о Луне.

241

Жан де Мён истолковывает изображение, видимое на Луне, близко к описанию Альберта Великого в книге “De celo et mundo” (II. 3,8). Существовали и другие представления: сравните, например. Данте Алигьери “Божественная Комедия” в переводе М. Лозинского (М.. 1992) “Ад” (XX. 126) и “Рай” (II. 49-51).

242

В основе музыки, согласно Пифагору лежит гармония сфер.

243

Эмпедокл из Акраганта, Сицилия (490/482 — 430/423 до н.э.) — древнегреческий философ, врач, жрец, оратор и государственный деятель, почитался учениками как божество. Отказался от царской власти в пользу занятий философией. В конце жизни уехал в Пелопоннес, где кончил свои дни (бросился в кратер Этны).

244

Ориген (ок. 185 — 253/4 гг.) — христианский теолог, учёный, философ, знаменитый отец церкви. Руководил христианской школой в Александрии (до 231 г.), а затем в Кесарии (Палестина). Автор многочисленных богословских и философских работ (сохранилось около 100).

245

Парки — в римской мифологии богини судьбы, соответствующие Мойрам в греческой мифологии. (“Мойра” — буквально *“часть”*, *“доля”*, отсюда *“участь”*, который получает каждый при рождении). Их имена: Лахесис *“дающая жребий”*, Клото *“прядущая”*. Атропос *“неотвратимая”*.

246

Боэций, “*Утешение Философией*” (V. 111).

247

Боэций, *“Утешение Философией”* (V, VI).

248

Овидий. “*Метаморфозы*” (I, 318 — 415).

249

Ветхий Завет, *“Бытие”* (Гл. XLI).

250

Боэций. *“Утешение Философией”* (V. V).

251

Бахус — под именем Вакха, или Бахуса, в Древнем Риме почитался Дионис — греческий бог плодородия и виноделия.

252

Пан — “понравившийся всем”, в греческой мифологии божество лесов, полей и стад, сын Гермеса и нимфы Дрионы. В римской мифологии Пану соответствует Фавн (покровитель стад) и Сильван (демон лесов).

253

Кибела — в греческой мифологии богиня фригийского происхождения, близкая по своим функциям богине Рее и иногда отождествляемая с ней. Владычица гор, лесов и зверей.

254

Эол — в греческой мифологии бог ветров, обитающий на острове Эолия.

255

Альхазем бен Альхазем ибн Аль Хаитхам — египетский физик, автор трактата по оптике.

256

Ветхий Завет, *“Книга Притчей Соломоновых”* (XXXI, 10 — 12).

257

Сардания (фр. *Sardaigne,* или *Cerdagne)* — остров Сардиния в Средиземном море.

258

Аристотель, “*Метеорологика*”(III,4.3).

259

Пресыщение, или дама Габонда: — по средневековым верованиям, фея, которая руководит ночным шабашем ведьм.

260

“Полночные дамы” (в оригинале *“bonnes dames”)* — колдуньи, ведьмы.

261

“Альмагест”, работа Птолемея (см. 7044).

262

Гораций, “*Послания*” (1. 18. 86).

263

Гавейн — рыцарь, один из основных героев т.н. “Артуровского цикла”, т.е. средневековых повествований о рыцарях Круглого стола.

264

Робер II, граф Артуа (1250 — 1302 гг.).

265

Энний Квинт (239 — 169 до н.э.) — римский поэт. Родился в Южной Италии, с 204 г. жил в Риме. С детства знал греческий язык. Из многочисленных сочинений Энния сохранились фрагменты — свыше 1100 стихов. Крупнейшее произведение Энния — эпическая поэма “Анналы” (18 книг). Энний написал также две трагедии на римские темы, комедии, дидактическую философскую поэму “Эпихарм”. т.н. сатуры — морально-назидательные произведения на различные темы.

266

По версии Э. Ланглуа, слово “*сады”* здесь появилось от невнимательного прочтения Овидия “*ortus”*, а не “*hortos”*: “*Наука любви” (*III. 409).

267

Чело — лоб, часть головы от темени до бровей.

268

Положено по книге Вергилия “*Буколики*” (IV. 7 — 10).

269

Альбумазар — арабский астроном IX-го века.

270

Овидий. “*Метаморфозы*” (IV. 455 — 462).

271

По мнению Э. Ланглуа, интерполяция.

272

Этот отрывок написан по мотивам сочинения Алана Лилльского “Жалоба Природы”.

273

Епископ — (греч. “*episcopos*” — надзиратель, блюститель) — священнослужитель высшей степени в церковной иерархии христианской церкви. Только епископ может совершать все семь таинств — крещение, причащение, священство, покаяние, миропомазание, брак, елеосвящение.

274

Митра — позолоченный головной убор епископа в католической и православной церквах, который надевают главным образом на время богослужения.

275

Стилет — небольшой кинжал с тонким трёхгранным клинком.

276

Овидий, “*Метаморфозы” (*X, 79-85).

277

Орьба, Оранье — действие по глаголу *“орать, орывать”* землю (пахать или взрывать, для посева, плугом, сохою, оралом).

278

Овидий, “*Метаморфозы*” (III. 102-130).

279

Кадм — в греческой мифологии сын финикийского царя Агенора, основатель Фив (в Беотии).

280

Арпан — старинная французская земельная мера. Арпан был не везде одинаков. Обычный арпан заключал в себе примерно 42 ара (1 ар = 100 кв. м.). Парижский арпан составлял примерно 34 ара.

281

Консистория — присутственное место, где сосредоточено управление епархий.

282

В оригинале употреблено слово “*Parc*”, которое в “Романе о Розе” иносказательно передаёт представление о христианском Рае.

283

Следующие 18 строк, заключённые в квадратные скобки, Э. Ланглуа считает интерполяцией.

284

Вергилий, “*Георгики*” (1. 125 — 140).

285

Овидий. “*Метаморфозы*” (1.125 — 175).

286

Флажолет (от старофр. *“flageol”* — флейта) — название старинных продольных флейт высокою регистра или свирелей.

287

История о Пигмалионе рассказана по книге Овидия “*Метаморфозы”* (X. 243-295).

288

Лавиния — в римской мифологии дочь царя Латина, царствовавшего на берегах Тибра, где высадился Эней в конце своего странствия. Латин предложил Энею в супруги свою дочь. Но царица Амата восстановила против Энея царя рутулов Турна, которому была раньше обещана Лавиния. Турн с союзниками нападает на Латина и Энея. Вызванный Энеем на поединок, Турн гибнет. Эней женится на Лавинии и основывает город, называя его в честь жены Лавиниум.

289

Две строки, заключённые в квадратные скобки, Э. Ланглуа считает интерполяцией.

290

Последующие 4 строки Э.Ланглуа считает интерполяцией.

291

Узо (фр. *houseaux”)* — см. 11928.

292

В оригинале употреблено в форме множественного числа старофранцузское слово “*pelote*”, т.е. фр. “*pelotte*”, которое может означать: 1. клубок, моток (ниток); 2. подушечка (для булавок): 3. мяч.

293

Амфион и Зет — в греческой миологии близнецы, сыновья Зевса и Антиопы. Обладавший большой физической силой Зет занимался охотой, а Амфион отдавал предпочтение музыке. Под звуки волшебной кифары, подаренной Амфиону Гермесом, камни сами укладываюсь в возводимые братьями стены Фив.

294

Жиг — смычковый струнный инструмент, напоминающий по форме виолу. Судя по изображениям, музыканты играли на жиге как на скрипке: приставив его к плечу. Это любимый инструмент менестрелей.

295

Гитерн — струнный щипковый инструмент, напоминающий по форме мандолину или гитару. Упоминания о подобных инструментах начинают встречаться с XIII века, причём играют на них как женщины, так и мужчины. Гитерн мог сопровождать пение или танец.

296

Переносной орган — Жан де Мён описывает т.н. “ручной орган”, получивший большое распространение в Средние Века. Правой рукой музыкант перебирает клавиши, а левой нажимает на мехи, подкачивающие воздух. Сам инструмент обычно находится на груди или на животе у музыканта. В ручных органах обычно восемь труб и, соответственно, восемь клавиш.

297

Шеврет, или “маленькая волынка” — духовой инструмент, состоящий из мешка из козьей кожи, трубки для подачи воздуха и дуды. В рукописи “Романа о Розе” XIV века, хранящейся в Национальной библиотеке Парижа, изображён музыкант, играющий на этом инструменте.

298

Флейта — духовой инструмент, обычно из кости. До XIII века включительно флейта обычно двойная, причём трубки могли быть и одинаковой и разной длины. Количество отверстий на стволе флейты варьировалось от четырёх до семи. На флейтах обычно играли менестрели и жонглёры.

299

Фретель — духовой инструмент, состоящий из набора тростниковых или деревянных трубок разной длины, с одним закрытым и другим открытым концом. Часто упоминается в романах XI — XIII веков.

300

Античный псалтерион — струнный инструмент треугольной формы, отдалённо напоминающий наши гусли. Играющий держал его у себя на коленях и перебирал пальцами или плектром двадцать одну струну (диапазон инструмента — три октавы).

301

Виола — средневековый смычковый струнный инструмент. По дошедшим до нас описаниям, в XIII веке на виоле было пять струн, однако на более ранних миниатюрах представлены и трёх-, и четырёхструнные инструменты.

302

Рюбер — струнный смычковый инструмент, по форме похожий на лютню. Он имел одну или две струны, в ансамбле обычно вёл басовую партию, тогда как жиг — “верхнюю”.

303

Вероятно, разновидность волынки.

304

Следующие 6 строк, заключённые в квадратные скобки, считаются интерполяцией.

305

Эти строки Э. Ланглуа считает интерполяцией.

306

Овидий. “*Метаморфозы*” (X. 296 —524).

307

Киприда — Венера.

308

Рака — гробница, ковчег.

309

Следующие 2 строки, заключённые в квадратные скобки, Э. Ланглуа считает интерполяцией.

310

Эти строки Э. Ланглуа считает интерполяцией.

311

Вариант II: Тогда вошла Любезность в замок.

312

Вариант II:

Любезность всем всегда готова
Сказать своё в поддержку слово.

313

Вторая вставка в квадратных скобках считается интерполяцией.

314

21430 Здесь в текст перевода включён отрывок (21421 — 21430) из манускрипта, изданного Ф.Лёкуа, который представляется более органичным, по сравнению со строками из манускрипта, с которым работал Д.Пуарьон:

[Порой овраги глубоки,
И берега их широки:
Мне легче море переплыть,
Чем через них пешком ходить.
И я в теченье двух часов
В воде барахтаться готов,
Затем идти два долгих лье
Вдоль берега в морской воде,
Чтоб только не попасть в овраг,
Что так глубок и тёмен так!..]

315

Ювенал, “*Сатира I*” (37 — 41).

316

Овидий, “*Наука любви*” (II, 663 — 9, 675).

317

Последующие 2 строки в квадратных скобках Э. Ланглуа считает интерполяцией.

318

Вергилий, “Энеида” (VIII, 230 — 232).

319

Слово “*rains*” означает “*ветви*” и “*талия*”.

Если имелись переводы на русский язык, то в комментариях соответствующие места указывались по ним.